

№ 16 (71) 2009
Выпуск 10

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Давыденко Т.М.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, доктор педагогических
наук, профессор

Ответственный секретарь

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Оппозиция рационалистских и эмпирических лингвофилософских
проектов Нового времени. **А.В. Нехаев 5**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Значение теории фреймов в современной науке. **С.И. Некрасов,
Н.С. Молчанова 13**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Репрезентация идеологии потребления в культурных проектах
современности. **Е.А. Кожемякин, М.А. Новак 18**

Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт?
Ю.М. Мельник, В.П. Римский 24

Эволюция представления о любви в истории философии. **Н.А. Не-
красова, К.Ю. Тарновский 37**

Город как виртуальный феномен. **В.Г. Туркина 52**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Концепция регионального социетального сообщества: содержание и
технология разработки. **В.П. Бабинцев, Г.Ф. Ушамирская 61**

Этноконфессиональные особенности современного рефлексивного
управления. **И.Ю. Климов 67**

Анализ эффективности функционирования системы местного само-
управления. **Е.А. Козай, Е.А. Власова 74**

Трансформация легитимационных практик региональной власти в
условиях экономического кризиса. **Е.В. Реутов 81**

Интеллигенция в функциональной структуре общественной дея-
тельности: социально-технологический подход. **Н.Н. Сапа 91**

Технологии управления социально-экономическими процессами в
современных городах России. **С.М. Ягуткин 98**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Десакрализация и мифологизация философского дискурса в социо-
культурном расколе Реформации. **Л.А. Будянская 104**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Взыскание причитающихся процентов в договорах займа, заклю-
чаемых кредитными потребительскими кооперативами, и проблема
определения его правовой природы. **А.В. Степанюк 116**

Особенности правового положения грузополучателя в договоре пе-
ревозки груза. **С.В. Тычинин, А.В. Пересыткин 133**

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный
университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожмякин Е.А., кандидат философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Маркгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В авторской редакции

Оригинал-макет *С.Н. Борисов,*
А.А. Махова

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 9.12.2009.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 31,50.
Тираж 1000 экз.
Заказ 252.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Проблемы реализации антикоррупционного законодательства в сфере государственной власти. **Н.В. Бородаенко 137**

Проблемы совершенствования контрольной функции государства в период экономического кризиса. **Е.Е. Тонков, С.В. Масалытина 141**

Региональная составляющая правового регулирования экологической безопасности и защиты лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях экологического характера (на примере законодательства Белгородской области). **В.И. Евтушенко 151**

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Взаимодействие судебного следователя и прокурора в России по реформе 1864 года. **Ю.С. Гусакова 162**

Некоторые вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации. **О.С. Степанюк 166**

Проблемы реализации полномочий следователя на производство иных процессуальных действий как способов получения доказательственной информации. **С.Ф. Шумилин 178**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Отношения к ценностям спорта в российском социуме. **В.А. Кадущина 187**

Диалог человека и мира в менталитетах техногенной культуры как исторический «вызов времени». **Г.Н. Калинина 194**

Демократия как государственно-правовое явление: проблемы становления в переходном обществе. **В.П. Касаткин, С. Ханнаши 201**

Лев Шестов и Николай Гоголь. **В.В. Лашов 211**

Методологические исследования древних религий в «Семирамиде» А.С. Хомякова (на примере древнекитайских религий). **Н.Н. Михайлюкова 217**

Идеал воспитания человека в философско-педагогической мысли русского зарубежья. **С. А. Муравьев 224**

Онто-гносеологические основания феномена науки. **И.О. Надточий 231**

Экология человека в свете религиозного сознания. **В.П. Полуянов 239**

Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления. **А.В. Римский, А.В. Артюх 244**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Оценка долей прав на результаты интеллектуальной деятельности при нескольких источниках финансирования разработки. **Е.Л. Мошин 250**

Правовой режим ноу-хау в США. **О.В. Сушкова 254**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проблемы самоорганизации российской молодежи: социологический анализ. **Ю.Н. Флигинских 260**

Сведения об авторах **263**

Информация для авторов **266**

№ 16 (71) 2009
Issue 10
Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor.

Co-editor

T.M. Davydenko

Vice-rector on science of Belgorod State University, doctor of pedagogy, professor.

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Assistant vice-rector on innovations of Belgorod State University, doctor of geography

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod state university)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod state university)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod state university)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod state university)

Belgorod State University
Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета
Философия Социология Право

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Opposition of rationalistic and empiristic linguistic-philosophical projects of new time. **A.V. Nekhaev 5**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Role of the frame theory in contemporary science. **S.I. Nekrasov, N.S. Molchanova 13**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Representation of the consumerism ideology in contemporary cultural projects. **E.A. Kozhemyakin, M.A. Novak 18**

Existential time: category and concept. **Y.M. Melnik, V.P. Rimskiy 24**

Evolution of representation of love in the history of philosophy. **N.A. Nekrasova, K.Y. Tarnovskiy 37**

City as a virtual phenomenon. **V.G. Turkina 52**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

The concept of regional societal communities: the maintenance and development technology in the Belgorod region. **V.P. Babintsev, G.F. Ushamirskaya 61**

Ethnoconfessional specifics of the modern reflexive management. **I.Y. Klimov 67**

Analysis of efficiency of the modern system of local self-governing bodies. **Y.A. Kogay, Y.A. Vlasova 74**

Transformation of legitimation practices of the regional power in the conditions of the economic crisis. **E.V. Reutov 81**

Intelligentsia in functional structure of public activity: social-technological approach. **N.N. Sappa 91**

Technologies of social and economic processes management in modern Russian cities. **S.M. Yagutkin 98**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Desacralisation and mythologisation of philosophical discourse in sociocultural schism of the Reformation. **L.A. Budyanskaya 104**

ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL LAW REGULATION

Collecting of due percent in the contracts of the loan concluded by credit consumer cooperative societies, and a problem of definition of his legal nature. **A.V. Stepanyuk 116**

Features of legal state cargo receiver in load transportation contract. **S.V. Tychinin, A.V. Peresyarkin 133**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor
(Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Candidate
of philosophy, associate Professor
(Belgorod State University)

M.V. Marhgeim, Doctor of Law,
Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology,
associate professor (Belgorod State
University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, Youth Federal
University)

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov,
A.A. Mahova

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 9 December, 2009.
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 31,50.
Circulation: 1000
Order 252.

Subscription index in Rospechat'
catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod
State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015,
Russian Federation

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE GOVERNMENT

Some problems of the anticorruption legislation realization in the gov-
ernment sphere. **N.V. Borodaenko 137**

Improvement of state control function in the period of economic crisis.
E.E. Tonkov, S.V. Masalytina 141

Regional legislation to regulation of ecological safety and protection of the
persons injured in extreme situations of ecological character (by the ex-
ample of the Belgorod area). **V.I. Evtushenko 151**

PROBLEM ASPECTS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL TRIAL

Interaction between investigator and public prosecutor in Russia accord-
ing to the reform of 1864. **U.S. Gusakova 162**

Some questions of the criminal liability for the organization activity of the
extremist organization. **O.S. Stepanyuk 166**

Problems of realization of powers of the inspector on manufacture of
other remedial actions as ways of reception of the evidentiary informa-
tion. **S.F. Shumilin 178**

THESIS

Relations to values of sports in the Russian society. **V.A. Kadushina 187**

Dialogue of human being and world in mentalities of the technogenic
culture as a historical «challenge of the epoch». **G.N. Kalinina 194**

Democracy as a state legal phenomenon: issues of establishing in transi-
tion society. **V.P. Kasatkin, S.Khannashi 201**

Lev Shestov and Nikolai Gogol'. **V.V. Lashov 211**

The methodological research of the ancient religion in «Semiramida»
by A.S. Khomyakov (on the basis of ancient chinese religion). **N.N. Mi-
khaylyukova 217**

Education ideal in philosophical pedagogic thoughts of Russian emigra-
tion. **S.A. Muravyev 224**

Ontological and gnoseological bases of the phenomenon of science.
I.O. Nadtochy 231

The ecology of human being in the context of religious consciousness.
V.P. Poluyanov 239

Extremism and terrorism: notion and essential forms. **A.V. Rimskiy,
A.V. Artukh 244**

SCIENCE LIFE AND COMMUNICATION

Estimation of the right shares to the results of an intellectual activity be-
tween participants of joint financing of working out. **E.L. Mosin 250**

Legal status of know-how in the USA. **O.V. Sushkova 254**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Issues of self-organization of Russian youth: sociological analysis.
Y.N. Fliginskikh 260

About authors **263**

Information for authors **266**

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 165.6/8

ОППОЗИЦИЯ РАЦИОНАЛИСТСКИХ И ЭМПИРИСТСКИХ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ ПРОЕКТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. В. Нехаев

*Омский танковый
инженерный институт
им. П.К. Кошерева*

*e-mail:
A_V_Nehaev@rambler.ru*

В статье предпринимается детальный анализ оснований оппозиции рационалистских и эмпиристских лингвофилософских проектов, а также исследуется влияние содержащихся в них идей на проблемное поле современной философии языка.

Ключевые слова: рационализм, эмпиризм, язык, мышление, лингвофилософия.

Целями данного исследования являются, прежде всего, установление оснований и характера оппозиции двух наиболее ярких лингвофилософских проектов Нового времени: рационалистского и эмпиристского, – а также выявление в них тех идей, которые, получив систематическую разработку, позднее, пусть и в существенно модернизированной форме, вошли в состав проблемного поля современной философии языка.

Многочисленные варианты лингвофилософских учений Нового времени характеризуются выработкой совершенно особого понимания природы отношений мышления и языка. Вслед за тончайшими и технически изощренными исследованиями схоластов акцент философского интереса постепенно смещается в сторону поиска необходимых и всеобщих оснований всякой познавательной деятельности, в этих условиях возникают и получают систематическое оформление рационалистские и эмпиристские доктрины, в которых последовательно оформляется основная проблема всех теоретико-познавательных и логико-семиотических исследований Нового времени, заключающаяся в попытке установить и определить характер отношений, существующих между идеями разума, в контексте той опосредующей роли, которая исполняется языком и означающими практиками. Тем самым предпринимается как рационалистами, так и эмпиристами детальный анализ, а также критика механизмов познания требовали, помимо прочего, признания того, что любого рода мыслительные процессы протекают в языке.

Рационалистический лингвофилософский проект, отстаиваемый Декартом, аргументируя в пользу идеала единого знания – *sapientia humana*, остающегося самоотждественным вне зависимости от того, на какие многочисленные и многообразные предметности оно бы ни простиралось, в контексте предпринимаемого анализа природы языка, имеет намерение найти также и доводы в пользу *lingua universalis*, поскольку подобно тому, как все случаи познавательной деятельности, действительно заслуживающие этого статуса, оказываются проявлением одной и той же основной формы познания – *ratio*, так

и в основе всякой знаковой деятельности должна лежать одна универсальная и обусловленная разумом форма языка, безусловно, скрываемаемая множеством и разнообразием знаков, используемых мышлением, но, тем не менее вполне интеллигибельная, так как человеческое сознание как целое, вместе со всеми возможными элементами его содержания, является строго упорядоченной структурой, – которая по сути есть то, что принято называть *картезианским субъектом*, рассматриваемого как носитель «когитального», долингвистического, сознания, то есть как *Ego*, или центр эпистемической рефлексии и источник трансцендирующей познавательной активности, воплощенный для классического рационализма в рассудочном мышлении, – именно поэтому из относительно ограниченного числа языковых знаков, если только сочетать их по определенным универсальным правилам – *grammatica universalis*, – содержащей принципы организации языка, которые в рационалистической концепции считаются обусловленными универсальными свойствами разума, – можно построить всю систему языка, позволяющую дать исчерпывающее обозначение всей совокупности содержательных элементов мышления и их структуры¹.

В этой связи, отнюдь не случайным оказывается то, что одна за другой появляются системы разнообразных искусственных универсальных языков, – в частности, проекты *lingua universalis* Дальгарно, Уилкинса, Траси, Жерандо, Ланслена и Кондорсе, – чрезвычайно различных по форме, но совпадающих по основной идее и принципу их построения, поскольку любая из них исходит из того, что, во-первых, число понятий ограничено, и, во-вторых, каждое из этих понятий находится с другими в определенном предметном отношении, то есть или включается в них, или связано с ними иерархическими отношениями, а, следовательно, цель языка, трактуемого как подлинный *lingua universalis*, заключается в том, чтобы адекватно выразить в некоторой системе знаков предполагаемую естественную иерархию понятий². При этом необходимо отметить, что все эти системы сознательно игнорировали трудности, связанные с нахождением такого рода «естественного» порядка основных понятий, а также исчерпывающим и однозначным определением их взаимоотношений, поскольку чисто методологическая проблема обозначения понятий для них подменялась чисто технической. Иными словами, для них оказывается вполне достаточным принять за основу какую-либо чисто условную схему понятий и приспособить ее путем прогрессирующей дифференциации для выражения конкретных содержательных элементов мышления и чувственного представления, избегая тем самым того, что намного позднее, в своем проекте генеративной грамматики, попытается разрешить Хомский³, создав систему универсального языка, в соответствии с которой при помощи ограниченного набора грамматических по своей сути правил может быть образовано, употреблено и понято бесконечное число предложений, хотя, безусловно, подобного рода идеи высказывались еще Блумфилдом, указывавшим, что в нормальном, или естественном, языке «...возможности сочетания практически бесконечны...», поскольку говорящий производит новые формы «...по аналогии со сходными формами, которые уже встречал...»⁴.

В свою очередь, лейбницевский проект рационалистской лингвофилософии помещает проблему языка в логицистский контекст создания универсальной логики, что непосредственно было связано с поиском аналитического инструментария, позволяющего исследовать различие между *истинами разума*, выражающими необходимые суждения, доказуемые либо с помощью одного только закона противоречия⁵, либо одного только закона тождества, и *истинами факта*⁶. Соответственно, язык должен быть не просто произвольной системой знаков, но призван отображать истинные сущностные параметры вещей, а это требует логического анализа содержательных элементов мышле-

¹ Декарт Р. Рассуждение о методе // Сочинения. – СПб., 2006.

² Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. – М., 2006.

³ Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка/Ред.-сост. Дж. Сёрль. – М., 2004.

⁴ Блумфилд Л. Язык. – М., 2002.

⁵ Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. – М., 2002.

⁶ Лейбниц Г.В. Новый опыт о человеческом разумении // Сочинения в 4 т. – М., 1982. – Т. 2.

ния. Разделяя картезианское требование создания *lingua universalis*, которое оказалось особенно подкреплено возможностями, предоставляемыми математическим анализом и комбинаторикой, Лейбниц предлагает, вместо того, чтобы исходить из более или менее случайного членения всей массы понятий, рассмотреть содержание познавательного процесса как комплекс, выстроенный из определенных элементарных составляющих – первичных идей. При этом оба процесса разложение на первичные идеи и их обозначение могут и должны осуществляться по одному принципу, заключающему в себе единую универсальную методику, возникающий, казалось бы, вследствие этого порочный круг, когда форма действительно универсального языка предполагает, с одной стороны, в качестве предпосылки наличие знания с определенными содержательными и структурными параметрами и, с другой стороны, именно этот универсальный язык должен быть инструментом, с чьей помощью эта структура постигается, который размыкается для Лейбница постольку, поскольку в данном случае речь идет не о двух отдельных задачах, решаемых в определенной последовательности, но скорее о том, что обе эти задачи мыслятся как объективно взаимозависимые, поскольку всякое выделение логической единицы и всякая логическая дифференциация, продельваемая мышлением, существует с действительной ясностью и четкостью лишь тогда, когда они закреплены в особом знаке, тем самым утверждается *принцип корреляции между структурами языка и структурами мысли*, согласно которому прогресс в обеих областях – анализа идей и создания знаков – движется их взаимодействием и осуществляется совместно.

Необходимо отметить, что в дальнейшем рационалистская картезианско-лейбницевская линия лингвофилософского анализа была поддержана логико-грамматическими исследованиями Пор-Рояля. Так, в частности, ключевое положение рационализма, согласно которому *язык есть определенная система выражения мыслей посредством употребления знаков*, специально изобретенных для этой цели, в полной мере разделялось грамматиками Пор-Рояля⁷. Как следствие, основной задачей логико-грамматических исследований для школы Пор-Рояля объявляется изучение способов точного выражения мыслей согласно универсальным законам логики. При этом понимание того, что структура высказывания не является простым отражением структуры мысли, в качестве которой рассматривается прежде всего суждение, повлекло за собой неизбежное расслоение семиотического процесса, наложение на него определенных ограничений, проявившееся в постулировании для знакового мышления поверхностных и глубинных структур, из которых последняя, – обозначаемая в логике Пор-Рояля как «приходящее» предложение, – приравниваясь к структуре мысли, выступает в форме некоторой пропозиции или логического суждения, не прошедшего еще стадию «полагания», то есть трактуется как своего рода скрытая компетенция говорящего не находящая манифестации в речи⁸.

Таким образом, вклад рационализма в разработку проблематики, связанной с изучением функций мышления, взятого в контексте опосредующей роли языка, весьма существенен и разнообразен, хотя вместе с тем нет сомнений, что основным его лингвофилософским принципом, нашедшем свою дальнейшую разработку в рамках современных доктрин, исследующих знаковое мышление и дискурсивную деятельность⁹, оказалась идея о том, что *первейшая функция языка заключается в выражении мысли, в то время как коммуникативная функция, предполагающая донесение мысли до Другого, отнюдь не отрицаясь, рассматривается как нечто второстепенное, как один из внеструктурных эффектов употребления языка*.

Иной путь рассмотрения языка избрали лингвофилософские проекты эмпиризма Локка, Гоббса и Беркли, в соответствии со своей основной тенденцией, стремящиеся понять данность языка в его простой фактологии, или данности, ориентируясь лишь на его эмпирически определяемые истоки и цели, вместо того, чтобы, подобно рационализму,

⁷ Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. – М., 1991.

⁸ Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. – М., 2006.

⁹ Делёз Ж. Логика смысла. – М., 1995., Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998., Деррида Ж. Письмо и различие. – М., 2007., Кристева Ю. Σημειωτική. Исследования по семанализу // Избранные труды. – М., 2004.

соотносить знаковую природу языка с каким-либо логическим или метафизическим идеалом. Однако вместе в тем, стараясь не растворять язык в тех или иных, будь то логических или метафизических, структурах, а пытаясь анализировать знак лишь в контексте его собственных психологических составляющих, эмпиризм тем не менее вслед за рационализмом в своих исследованиях языка разделяет одну существенную предпосылку, а именно он изначально *рассматривает язык исключительно как средство познания*.

Основная исследовательская интенция эмпиризма, – заключающаяся в утверждении, согласно которому *в разуме нет и не может быть ничего, что не было бы первоначально дано в ощущениях*, – взятая в отношении когнитивной деятельности, предполагает, что весь материал своего познания, который складывается из так называемых *простых идей*, то есть наиболее ясных элементарных структур, человек черпает либо из чувственного восприятия, либо из рефлексии, но вместе с тем данная интенция также подчеркивает, что вопрос о значении и происхождении понятий не отделим от вопроса о происхождении их обозначений, поскольку именно понимание того, насколько велика зависимость наших имен от обыкновенных чувственных идей позволяет приблизиться к источнику всех наших понятий и всего нашего познания. Тем самым оказывается сформулирован основной систематический принцип, с которым непосредственно или опосредованно соотносится любое обсуждение проблемы языка в рамках эмпиризма и который устанавливает, что анализ языка не является самоцелью, – так как любые языковые обозначения никогда не служат непосредственно для выражения самих вещей, а соотносятся исключительно с идеями, то есть с собственными представлениями, познающего субъекта, – но должен послужить лишь пропедевтическим средством для решения основной проблемы – анализа идей.

Опираясь на это утверждение, эмпиризм подчеркивает по сути то, что в единстве имен, обозначающих некоторую совокупность предметов, никогда не выражается природа самих предметов, но находит отражение лишь субъективная привычка, помогающая сознанию осуществлять обобщение своих простых чувственных идей, более того, такого рода обобщение никак не связано с каким-либо субстанциональным прообразом или какой либо «реальной сущностью» вещей, поскольку в нем вполне возможен акцент на том или ином содержании сознания, объединяющий в общие комплексы те или иные группы простых элементов, и, в зависимости от того, как расположились при этом линии соприкосновения и дифференциации, могут быть выделены различные классы языковых понятий и значений, тем не менее, всегда являющихся лишь отражением самой этой субъективной процедуры соединения и расчленения, но не объективных характеристик мира и его строения в соответствии с вполне определенным реальным положением дел. Как следствие, эмпиризм явно или неявно элиминирует противопоставление номинальной и реальной дефиниции, то есть объяснения слова и объяснения вещи, так как любое определение может претендовать лишь на то, чтобы быть описанием имени вещи, но не описанием ее онтологического статуса и онтологического состояния. Таким образом, оказывается не известна не только природа каждой сущности в отдельности, но, в свою очередь, невозможным становится связать какое-либо определенное представление о ней с общим понятием того, чем должна быть некая вещь сама по себе. Соответственно, единственное понятие «природы» вещи, с которым можно связать ясный смысл, обладает не абсолютным, а лишь относительным значением, так как оно включает в себя соотносительность с самим познающим субъектом, а точнее его психической организацией и познавательными возможностями, и именно поэтому определить «природу» той или иной вещи, согласно эмпиристской доктрине, предполагает не что иное, как выделение содержащихся в ней и входящих в ее общее представление в качестве составляющих простых идей. Тем самым актуализованная, казалось бы, эмпиризм античная проблема – *ορθότης των ονομάτων*, то есть проблема «правильности имен», решается строго негативно, поскольку сам вопрос о соответствии вещи своему имени оказывается лишен всякого смысла, ведь если имена – это знаки понятий, а не знаки самих предметов, то всякий спор о том, обозначают ли они материю или форму вещей, или же нечто составленное из того и другого, теряет какую-либо значимость.

Однако вместе с этим, чем более последовательно эмпиризм интерпретирует язык не как выражение вещей, а как выражение понятий, тем с большей определенностью и необходимостью перед ним возникает дилемма, заключающаяся в том, что не искажает ли такая знаковая система, как язык, «действительные» элементы мира, вместо того чтобы их просто обозначать.

Отсюда становится вполне объяснимым и сам характер той эволюции, которую претерпел эмпиристский лингвофилософский проект, если для эмпиризма в трактовке Локка познание, как бы он не подчеркивал, что в его основании лежат частные данные внешнего и внутреннего восприятия, надделено все же тенденцией к «общности», и эта тенденция познания к общему встречается с общим характером языкового знака, то есть «абстрактное имя» используется для выражения «абстрактной общей идеи», которая, кроме того, еще и признается в качестве психической реальности особого рода, обладающей самостоятельным значением¹⁰, то для версии эмпиризма, принадлежащей Гоббсу, «общее» как в области идей, так и в области реальных вещей не надделено сколько-нибудь обоснованным присутствием. По сути, Гоббс, полностью разделяя основные положения эмпиризма в том, что нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения, сознательно помещает их в последовательный номиналистический контекст, – тем самым фактически отождествляя мышление с языком, – и именно в нем он и развивает собственную знаковую концепцию языка, стремясь истолковать «общее» лишь как языковой знак, и коль скоро все существующие вещи единичны, то в мире нет ничего общего, кроме имен, которые суть знаки не вещей самих по себе, а только наших мыслей о них. Иными словами, «...между именами и вещами нет никакого сходства и недопустимо никакое сравнение»¹¹. Более того, усиливая это номиналистское положение, Гоббс склонен не только оторвать имя-знак от понятия, но и их противопоставить, поскольку наиболее «общие» понятия оказываются лишь абстрактными именами – *именами-имен*. Одновременно с этим отрицание онтологического статуса «общего» приводило Гоббса и к отрицанию достоверности находящегося вне сознания объективного содержания когнитивной деятельности, ведь «...истина – свойство не вещей, а суждений о них...»¹², а именно *verum et falsum attributa sunt non rerum, sed orationis; ubi autem oratio non est, ibi neque verum et neque falsum*, то есть истина и ложь суть атрибуты речи, а не вещей, а там, где нет речи, нет ни истины, ни лжи. Отсюда отнюдь не случайным является то, что для Гоббса в целом очень сильной оказывается именно логико-семиотическая составляющая учения о первых принципах всякого познания, поскольку создание системы имен есть не только предварительное условие всякой системы знания, но и всякое истинное знание восходит в таком сотворении имен и их соединении к положениям и суждениям. При этом если обратиться к рассмотрению процесса постепенного оформления всего корпуса исследований природы означающей деятельности в область самостоятельного изучения – семиотику, то следует особо подчеркнуть роль и значение, которые приобретает номиналистическая интенция, содержащаяся в лингвофилософском проекте эмпиризма. Так, именно эмпиристы создают все необходимые предпосылки для утверждения, согласно которому номиналистский язык в принципе достаточен для выражения всего комплекса истинных знаний, хотя, в явном виде они этого, – пожалуй, кроме Гоббса, наиболее последовательно отстаивавшего номиналистические интуиции, – не делают, избегая тем самым целого ряда трудностей, связанных с использованием номиналистического языка, и, в частности, проблем, возникающих при номиналистском переводе интенциональных высказываний, поскольку номиналистский язык есть прежде всего такой язык, который не содержит никаких имен, кроме имен конкретных предметов или индивидуальных переменных, то есть, иными словами, структура языков данного типа в целом соответствует структуре функционального исчисления первого порядка, обогатленного именами конкретных предметов и приложимых к ним предикатов, в то время как интенциональные высказывания, включают в себя имена, или переменные с соответствующей областью изменения, обозначающие абстрактные сущности – универсалии или же суждения¹³. Продолжая, явно или неявно, еще схоластическую традицию номинализма, Гоббс утверждает, что используемый мышлением знак является по сути именем – *nomina*, которое всегда условно по отношению к вещи, поскольку взятая сама по себе условность имени выражается прежде всего в его способности играть роль произвольной, а стало быть индивидуальной и субъективной, метки – *nota* –

¹⁰ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. – М., 1985. – Т. 1.

¹¹ Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

¹² Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

¹³ Гудмен Н. На пути к конструктивному номинализму // Факт, фантазия и предсказание. – М., 2001.

по отношению к любого рода предметности, которая в конвенционально определяемой системе языка становится именем-знаком – *signa*¹⁴. Тем самым эмпиризму удастся утвердить знак и означающую деятельность в виде особой реальности, принципиально подлежащей специальному анализу. Ведь признавая, что любого рода предметности существуют как единичные реалии, о которых нам свидетельствуют конкретные единичные чувственные ощущения, Гоббс тем не менее заостряет внимание на том, что сами по себе ни единичная вещь, ни единичное ощущение не могут составить истинный предмет когнитивной деятельности, поскольку любое знание, имеющее право так именоваться, стремится вместо эмпирического знакомства с «частным» достичь необходимого познания «общего». Именно поэтому, – если всякая чувственность исчерпывается фактическим, а, в свою очередь, любая когнитивная деятельность имеет дело с общими связями и дедуктивными отношениями, прилагаемыми познавательной способностью рассудка только к тем содержательным единицам, которые не даны ему извне, подобно вещам или чувственным ощущениям, но которые он сам *создает*, свободно порождая из себя, и самым подходящим для целей познания инструментом может быть исключительно *знак*, представляющий собой – в соответствии с гоббсовским номиналистским подходом к языку – *необходимое условие понятийной деятельности рассудка в целом*.

Вместе с тем, попытки согласовать исследования природы означающей деятельности с признанием недостовренности находящегося вне сознания объективного содержания познания привели к тому, что языковой знак, взятый вне зависимости от степени его абстрактности, как впрочем и весь язык в целом оказались лишены оснований, поскольку для того что они высказывают, ни в физическом, ни в психическом бытии, ни в мире вещей, ни в мире идей, нет и не может быть адекватно указано никакого однозначного элемента.

По сути, одним из первых, и более того возможно единственным, среди сторонников эмпиризма, кто обратил на это внимание был Беркли, когда анализируя отношение языка и познавательной деятельности, он сделал утверждение о том, что положение, согласно которому «...каждое имя имеет или должно иметь только одно точное и установленное значение, что склоняет людей думать, будто существуют известные абстрактные *определенные идеи*, которые составляют истинное и единственно непосредственное значение каждого общего имени, и будто через посредство этих абстрактных идей общее имя становится способным обозначать частную вещь»¹⁵, является некорректным, поскольку «...в действительности вовсе нет точного, определенного значения, связанного с каким-либо общим именем, но последнее всегда безразлично обозначает большое число частных идей...»¹⁶. В некотором смысле берклианский анализ был также немного позднее поддержан и Юмом, полагавшим, что общая, или абстрактная, идея и природа идеи несовместимы, поскольку здесь явно усматривается *contradiction in adjective*, то есть противоречие в терминах, а именно, допущение возможности того, чтобы одна и та же вещь и существовала, и не существовала. Иными словами, *если бы впечатления были восприняты без определенной степени их качества и количества, то они одновременно и были бы, – поскольку это есть исходная посылка, – и не были бы, – так как, согласно Юму, без определенной количественной и качественной характеристики впечатления существовать не могут, – восприняты*¹⁷.

Опираясь на все эти положения, Беркли утверждает, что всякая действительность – как психическая, так и физическая, – есть по своей сути конкретная и индивидуально определенная действительность, а, следовательно, для ее корректного созерцания, необходимо прежде всего избавиться от ложного и обманчивого, а точнее, «абстрактного» характера языкового знака, поскольку «...общность состоит... не в безусловной положительной природе или понятии чего-нибудь, а в отношении, которое она вносит в обозначаемые или представляемые ею частности, вследствие чего вещи, названия или понятия, будучи частными по своей собственной природе, становятся общими...»¹⁸. Таким об-

¹⁴ Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

¹⁵ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

¹⁶ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

¹⁷ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х т. – М., 1995. – Т. 1.

¹⁸ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

разом, освобождаясь от иллюзии «...будто язык не имеет иной цели, кроме сообщения наших идей, и будто каждое имя, что-либо обозначающее, обозначает идею...»¹⁹, поскольку «...одно дело, связывать ли имя постоянно с одним и тем же определением, и другое дело, обозначать ли им постоянно одну и ту же идею; первое необходимо, второе бесполезно и невыполнимо...»²⁰, Беркли призывает *очистить по возможности мышление от языка*, освобождая тем самым первые принципы знания от затруднения и обмана используемых для его выражения знаков²¹, отсюда, как следствие, любое исследование оснований знакового мышления должно опираться в первую очередь на критику языка.

Интересным и отчасти неожиданным в этой связи оказывается то, что эта радикальная критика языка, если подвергнуть ее более тщательной реконструкции, опосредованно содержит и критику самого сенсуалистического идеала познания, на который она собственно и опирается. Следует отметить, что эволюция от Локка к Беркли позиций эмпиризма в отношении проблемы языка дает возможность выявить и проследить столь необычную метаморфозу. Так, в частности, если Локк полагал, что язык подтверждает его основные представления о познании, и в этой связи рассматривал язык в качестве аргумента, подкрепляющего его тезис, согласно которому в рассудке нет ничего, что бы прежде того не прошло через чувства, то в отношении Беркли правомерным оказывается утверждение о том, что для основной и существенной функции знака – обеспечения когнитивной деятельности субъекта – в сенсуалистической системе вообще нет места, поскольку в целях сохранения самой сути этой системы нет другого средства, кроме отрицания и исключения данной функции. Иными словами, структура такой знаковой системы, как язык, перестает использоваться в качестве средства, сопровождающего и проясняющего структуру познания, так как трактуется исходя из противоположных принципов и в соответствии с другими целями, а именно язык понимается теперь как нечто весьма далекое от того, чтобы содержать в себе даже относительную истину, поскольку в самой его структуре усматривается то, что позволяет демонстрировать истинные формы любого рода предметностей лишь в своеобразном, а иногда и весьма серьезном, искажении. Таким образом, именно в рамках берклианского проекта эмпиризма оказывается отрефлексировано положение, согласно которому все то, что имеется в качестве наличного содержания сознания, неважно психологического или чисто логического, дано в некотором вполне определенном описании, которое имплицитно содержит ссылку на перспективу, выступающую своего рода призмой, посредством которой рассматривается мир, тем самым постепенно начинает осознаваться необходимость исследования языка как первичной системы дескрипции и референции, что, в свою очередь, найдет интересное продолжение уже в логическом эмпиризме, а, если быть более точным, в его наиболее поздних аналитических версиях²².

Итак, общая тенденция эмпиризма, заключающаяся в стремлении к тому, чтобы заменить логическую и метафизическую точку зрения, с которой до этого преимущественно рассматривалось отношение языка и мышления, чисто психологическим подходом, принципиально не устраивала рационализм, истолковывающий мышление как систему познавательных способностей, преломляющихся через призму тех форм и методов, в которых они себя проявляют. При этом термином «идея» в эмпиризме принято обозначать «...все, что является объектом мышления...»²³, что существенно меняет его классическую трактовку, которая в большей степени заостряет внимание именно на онтологической составляющей данного термина в ущерб собственно гносеологической, то есть исходит из понимания идеи как некой самосущей реальности. Отсюда, безусловно, позиции рационализма и эмпиризма предполагают систематическое противоречие, поскольку если, с одной стороны, идея понимается в ее объективно-логическом, а с другой – в ее субъективно-психологическом смысле, то это значит, что в рационалистской трактовке разложение всего содержания сознания на его простые, а точнее далее неделимые, идеи и их последующее обозначение подразумевает восхождение к последним и общезначимым

¹⁹ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

²⁰ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

²¹ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

²² Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002.

²³ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. – М., 1985. – Т. 1.

принципам познавательной деятельности, в то время как эта же самая процедура, истолкованная в соответствии с ключевыми эмпиристскими постулатами, оказывается эквивалентна выведению всех сложных ментальных структур из непосредственной данности внутренних и внешних чувств, то есть непосредственно из элементов ощущения и рефлексии²⁴, хотя появившиеся позднее весьма нетривиальные контраргументы и среди них, в частности, отстаиваемый Бергсоном, заключающийся в том, что «...влияние языка на ощущения глубже, нежели обыкновенно думают...»²⁵, в какой-то мере ослабил убедительность некоторых излишне догматично выстроенных постулатов эмпиризма.

Список литературы

1. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. – М., 1991.
2. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Творческая эволюция. Материя и память. – Минск, 1999.
3. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.
4. Блумфилд Л. Язык. – М., 2002.
5. Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. – М., 2006.
6. Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т.1.
7. Гоббс Т. О человеке // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т.1.
8. Гудмен Н. На пути к конструктивному номинализму // Факт, фантазия и предсказание. – М., 2001.
9. Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002.
10. Декарт Р. Рассуждение о методе // Сочинения. – СПб., 2006.
11. Делёз Ж. Логика смысла. – М., 1995.
12. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998.
13. Деррида Ж. Письмо и различие. – М., 2007.
14. Кристева Ю. Σημειωτική. Исследования по семанализу // Избранные труды. – М., 2004.
15. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. – М., 1985. – Т.1.
16. Лейбниц Г.В. Новый опыт о человеческом разумении // Сочинения в 4 т. – М., 1982. – Т. 2.
17. Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. – М., 2002.
18. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Сёрль. – М., 2004.
19. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. – М., 2005.
20. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х т. – М., 1995. – Т.1.

OPPOSITION OF RATIONALISTIC AND EMPIRISTIC LINGUISTIC-PHILOSOPHICAL PROJECTS OF NEW TIME

A. V. Nekhaev

*Omsk tank engineering
institute after P.K. Koshevogo*

*e-mail:
A_V_Nekhaev@rambler.ru*

The article presents the detailed analysis of the bases of opposition of rationalistic and empiristic linguistic-philosophical projects, and discusses the influence of their ideas on a problem field of the modern philosophy of language.

Key words: rationalism, empiricism, language, thinking, linguistic philosophy.

²⁴ Гоббс Т. О человеке // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

²⁵ Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Творческая эволюция. Материя и память. – Минск, 1999.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

С. И. Некрасов
Н. С. Молчанова

*Московский
государственный
технический
университет
гражданской авиации*

e-mail:
sinekrasov@mail.ru

Современная теория фреймов применяется для структурирования и понимания системы знаний в разных областях науки. Формулирование основных принципов теории происходило параллельно и независимо в разных науках, поэтому сложно ответить на вопрос, какая область является источником формирования «фрейм-подхода». Необходимость структурировать знания существует в любой науке, поэтому понятие фрейма используется как инструмент. Положения теории фреймов описывают механизмы конструирования и восприятия действительности, поэтому их значение велико в исследовании предметов психологии, социологии, лингвистики.

Ключевые слова: фрейм, фреймология, схема, структура, теория фреймов, знания, реальность.

История науки XX века характеризуется развитием множества направлений в различных областях знания. Вновь изменяется картина мира – понятие четырехмерного пространства-времени позволяет рассматривать действительность как относительную «величину». В физике ученые все более отходят от изучения видимого мира, выходят за границы верхних слоев атмосферы и границы ядра молекулы, изучают организацию околоземного пространства и разрабатывают нанотехнологии. Смелые предположения писателей-фантастов реализуются в полетах человека в космос, достижениях робототехники, создании, или попытках создания, искусственного интеллекта. Удивительно быстрыми темпами развивается компьютерная индустрия, что влияет не только на дальнейший научный процесс, но также на структуру и организацию общества.

В психологии появляются новые течения, направленные на изучение глубинных механизмов психики, управляющих поведением человека – гештальтпсихология, когнитивная психология. Все большее значение приобретает практическая социология, которая с помощью вполне конкретных методик выявляет закономерности в социальных связях. В языкознании происходит взаимодействие различных подходов к изучению устройства и восприятия языка. Понимание языка рассматривается в неразрывной связи с социальной ситуацией, дискурсом и психологическим опытом человека. Характерная черта развития научной мысли XX столетия – возникновение множества междисциплинарных связей и пограничных наук, в результате чего специальные методы и термины, присущие ранее одной научной области, проникают в другую и приобретают иное значение. Этот процесс заимствования терминологии происходит во многом благодаря тому, что сами термины не имеют еще четко сформулированного определения и могут описывать совершенно разные предметы изучения.

Например, изначально в самом общем случае термин «фрейм» обозначает структуру, содержащую некоторую информацию. Такое понимание является основой для объяснения множества случаев его применения в различных областях. Так, в программировании фрейм означает некую область данных, которую обычный пользователь ПК называет «окно» или «страница». В психологии фреймом называется идеальный образ действительности, зафиксированный в памяти человека. В социологии – определенная модель поведения. Примеры фреймов можно найти в языкознании (парадигма), в библиографии (описание издания, форма сноски внизу страницы). В философии с фреймом соотносятся различные реальности: наука, повседневная жизнь, мифология и религия и т.д.

Как таковой науки фреймологии не существует, т.к. теории фреймов разрабатываются во множестве специальных научных отраслей, но предметом исследования являются несопоставимые явления – взаимоотношения индивидов в обществе, коммуникация в животном мире и мире человека, психические процессы в человеке, символическая организация коммуникации, научная деятельность, процессы в киберреальности, особенности понимания языка. Так, считается, что теория фреймов впервые разработана американским ученым Марвином Минским. В своей работе «Фреймы для представления знаний» (1979) он рассматривает фрейм с точки зрения восприятия человеком новых условий реальности и мышления в процессе адаптации к незнакомой ситуации. Необходимо оговориться, что автор разрабатывал теорию фреймов в рамках теоретических исследований в области искусственного интеллекта, т.е. каким образом в машинной модели реального мира должны быть представлены знания. Фрейм Минского представляет собой некую информацию, на основе которой человек строит прогнозы, а также соотносит свое поведение. Поэтому фреймом Минский называет некую совокупность определенным образом структурированных данных, в которых закодирована стереотипная ситуация. При этом он не различает человеческое мышление и искусственный интеллект, считая, что процесс мышления человека основан на наличии в его памяти большого набора разнообразных фреймов, из которого при необходимости отбирается соответствующий. Аналогичным образом строится искусственный интеллект. Границы фреймов, в которых заложена информация об идеальных ситуациях, представляются в виде вопросов. Ответы на эти вопросы достраивают фрейм конкретной ситуации в данных обстоятельствах и данный период времени. Т.к. вариантов конкретных ситуаций множество, то знания структурируются в разветвленную систему фреймов.

Разработанная в 1970-х годах М. Минским теория фреймов для представления знаний об окружающей действительности напоминает теорию семантического поля Й. Трира, Л. Вайсгербера и др. в лингвистике, сформулированную еще в 1930-е годы. В соответствии с этой теорией при исследовании языка выделяются изолированные семантические области (поля) лексики на основе различных отношений входящих в них языковых единиц (синонимические, родовидовые, «часть-целое» и т.д.).

Главная идея структурной семантики Трира и Вайсгербера заключается в том, что адекватное описание значения слова зависит от лексических единиц, входящих в то же семантическое поле данного языка, и от его (слова) семантических отношений с другими членами поля. Так, содержание и объем значений слов, входящих в семантическое поле обозначений интервалов в пределах суток, в русском языке отличается от содержания и объема тех же лексических единиц в немецком языке. Во многих ситуациях, когда в русском употребляется слово «утро», носители немецкого языка употребили бы слово *Vormittag* «предполуденное время», которое входит в семантическое поле вместе с лексическими единицами «утро», «послеполуденное время», «вечер» и «ночь». Таким образом, чтобы точно определить границы значения слов «утро» или «вечер», необходимо знать, какие отрезки времени суток существуют в данном языке как самостоятельные сущности, т.е. осознать объем и содержание всего семантического поля.

Семантические поля могут содержать одинаковые языковые единицы с множеством значений, пересекаться и быть связанными с другими семантическими полями, создавая таким образом языковую систему. При этом согласно разработанной Вайсгербером неогумбольдтианской лингвофилософской концепции концептуальные системы, лежащие в основе конкретных языков, неповторимы. В структурной семантике и связанной с ней теории семантического поля отдельные концепты, а также значения обозначающих их лексических единиц, рассматриваются не как объективно существующие, внеязыковые феномены, а как создаваемые языком «духовные объекты», структурирующие действительность.

Однако в лингвистике термин «фрейм» впервые был использован только в 1980-х годах Ч. Филлмором в рамках фреймовой семантики для определения системы понятий языка, понимание и употребление которого основывается на совокупности человеческих знаний и опыте в данный период времени. Если Трир и Вайсгербер говорили об объединении языковых единиц в семантические поля безотносительно к социальной ситуации, то Филлмор акцентирует внимание на специфике конкретных ситуаций, при которых возникают, употребляются и изменяются те или иные слова. Фрейм Филлмора представляет собой некую семантическую схему мира, элементы которого описываются определенными лексическими единицами. Так, в английском языке значения слов «shore» и «coast» (переводимые на русский как «берег») различаются в отношении границы между сушей и водой, рассматриваемой со стороны суши или со стороны воды. Утверждение «Мы скоро достигнем the coast» предполагает путешествие по суше, а «Мы скоро достигнем the shore» – путешествие по воде. Улавливание таких нюансов обусловлено способностью человека распознавать способы схематизации мира с помощью слов¹.

Таких схем-фреймов образуется огромное множество в зависимости от культурных традиций, области человеческой деятельности, конкретных «закрытых» ситуаций, мотиваций говорящего и т.д. Отдельный фрейм как часть окружающей действительности структурирует и уточняет значение слова, которое будет использовано в коммуникации в определенном месте и определенный момент времени, а слово, сказанное в иной момент времени и ином месте, активизирует другой фрейм, т.е. ту часть опыта и знаний, которая лежит за пределами вербального взаимодействия.

Несмотря на то, что использование и понимание языка в социальном контексте стало предметом изучения лингвистов во второй половине XX столетия, уже в 1930-х годах Ф. Бартлетт дал определение понятию «ментальная схема», схемы, представленной в памяти. Это понятие позже вошло в когнитивную психологию. Процесс восприятия реальности через речевую коммуникацию обусловлен знаниями, структурированными в памяти в виде значений языковых единиц, образов, представлений.

Схема Бартлетта тот же фрейм Минского, та же структура, содержащая знания об окружающей реальности, определяющая поведение человека и модифицирующая представления в зависимости от конкретных условий. Схема Бартлетта тот же фрейм Филлмора, то же семантическое поле, связанное с опытом, зафиксированным в памяти. В процессе коммуникации память, возбуждаемая словами или контекстом, затрагивает соответствующие фреймы, как искусственный интеллект Минского, фреймы, которые взаимодействуют друг с другом². Таким образом, в прошлом веке ученые разных стран в разное время и в разных научных областях развивали если не одинаковые, то очень схожие теории.

Так, в философии науки теория научных революций Т. Куна также содержит элементы теории фреймов, а именно используемое им понятие «парадигма», под которой понимается совокупность базисных теоретических взглядов, классических образцов выполнения исследований, методологических средств, которые признаются всеми членами научного сообщества. Научная парадигма Куна есть часть научного опыта, ряд теорий, концепций и взглядов, которые определяют и структурируют мировоззрение ученого на данном этапе развития науки, в свою очередь ученый формулирует теории и разрабатывает подходы в рамках той же научной парадигмы, используя представленные в ней знания. Следовательно, научную парадигму можно рассматривать в качестве фрейма, определяющего восприятие и формирование научной реальности.

Уильям Джемс в своей книге «Принципы психологии» говорит, что существует, вероятно, множество реальностей, каждая из которых предполагает свой особый и отдельный стиль существования: мир физических вещей, мир науки, мир идеальных отношений, миры мифологии и религии, миры индивидуальных убеждений и др. В этом случае реальность можно рассматривать как «окаймление»³, т.е. наделение предмета или абстракции определенными свойствами (актуальность, размеры, цвет и т.д.) или заклю-

¹ Колесник Н. В. Фреймовая семантика Ч. Филлмора // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 22. С. 63.

² Дигоева Э. Язык и наука XX века // http://www.darial-online.ru/1999_5/digoeva.shtml.

³ Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Том 3. № 2. 2003. С. 3.

чение во фрейм особого стиля существования. Человек в процессе своей деятельности постоянно действует в рамках той или иной реальности, по необходимости следуя правилам и нормам, определяющим ее структуру.

Выбирая объект исследования, ученый входит в уже структурированный мир научного созерцания, переданный ему исторической традицией его науки. С этого мгновения он включен в дискурс, который охватывает результаты, полученные другими, проблемы, поднятые другими, решения, предложенные другими, методы, разработанные другими⁴. Этот теоретический фундамент отдельной науки является конечной областью смысла (в терминах А. Шюца), фреймом, в рамках которого следует разрабатывать специфические проблемы. Таким образом, ученый всегда должен помнить, что предмет его исследования находится в неразрывной связи с составляющими определенного научного поля.

В социологии почти одновременно с М. Минским фрейм рассматривал Ирвинг Гофман в своем эссе «Анализ фреймов» (1974). Однако у Гофмана фрейм предстает лишь как инструмент или метод описания социального поведения человека в процессе межличностной коммуникации, фрейм Гофмана вписывается в социологию и не претендует на существование в качестве отдельной науки «фреймологии» или теории. Гофман использует этот термин вслед за Грегори Бейтсоном, который в 1950-х годах описывал поведение высших приматов в драке. Бейтсон предположил, что имитирующие драку приматы обмениваются метакommunikативными сигналами, с помощью которых определяют ситуацию либо как «реальную реальность», либо как «реальность понарошку». Эти сигналы, преобразуя эмпирическую реальность, способствуют процессу взаимодействия, связанного с пониманием содержания конкретной ситуации. Бейтсон использует термин «фрейм» для определения структурных особенностей коммуникации, а именно использование метакommunikативных и металингвистических сообщений⁵.

Гофман называет фреймами «определения ситуации, основанные на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события»⁶. Это понятие близко к введенному Ф. Бартлеттом понятию ментальной схемы, обуславливающей реакции индивида на определенную ситуацию, и понятию фреймовой семантики Ч. Филлмора, объясняющей понимание языковых выражений при помощи указания на типичные ситуации словоупотребления.

Гофман разворачивает систему микросоциологических описаний, фреймов, которые постоянно изменяются под влиянием социальной реальности. Системы фреймов не заданы как строгие алгоритмы восприятия, происходит постоянное фреймирование реальности, т.е. при соотнесении реальной ситуации с идеальным образом, заключенным во фрейм, границы данного выбранного фрейма деформируются в соответствии с субъективным восприятием, внешними обстоятельствами и условиями, в соответствии со стилем существования той реальности, в которой происходит социальное взаимодействие. Но в отличие от Г. Бейтсона, который полагал фреймирование психологическим процессом, Гофман рассматривает его в качестве свойства организации событий и восприятия. Фрейм у Гофмана служит для контекстуализации социального взаимодействия и указания на его структурные характеристики, приобретая тем самым некую двойственность. Фрейм – это одновременно «матрица возможных событий», в основе которой лежит «расстановка ролей» взаимодействующих субъектов, и «схема интерпретации», являющаяся частью любого восприятия⁷.

Тот факт, что М. Минский и И. Гофман одновременно и независимо друг от друга разрабатывают «свои» схожие по сути теории фреймов, говорит о возможной преемственности не только между науками одной области (только гуманитарной или только технической), но и между науками разных циклов – гуманитарного и технического. Однако искусственный интеллект является узкой областью исследования, хотя и основанной на

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Вахштайн В. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. Том 7. № 1. 2008. С. 82.

⁶ Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 43.

⁷ Вахштайн В. Социология повседневности: от «практики» к «фрейму» / Социологическое обозрение. Том 5. № 1. 2006. С. 71.

знании о психологических и социальных процессах, но строго нацеленной на создание машинной модели реального мира. Социология, цель которой выявить закономерности и механизмы межличностного взаимодействия в различных социальных группах, в этом отношении предоставляет больше возможностей для использования и разработки научной терминологии и принципов «фреймологии». У М. Минского много допущений и оговорок относительно применения теории фреймов: в каждом конкретном случае его теория дополняется либо структурными составляющими, либо организационными характеристиками, либо вариантами, связанными с обстоятельствами, намерениями ролевых субъектов, психологическими особенностями. Поэтому теорию фреймов Минского часто называют лишь «фрейм-подходом» к изучению проблемы представления знаний.

Значение теории фреймов в ее современном многогранном формулировании сложно переоценить. Несмотря на различия в терминологии, начальные положения теории формировались учеными с начала XX века в самых разных научных областях. Основные принципы теории фреймов можно применить в любой области науки для систематизирования знаний о различных предметах действительности на основе психологического, социального и языкового опыта человека. Универсальность теории фреймов основана на том, что любое знание необходимо классифицировать, структурировать, схематизировать, облечь в форму. История науки представляет собой множество воззрений и знаний, сформированных в течения, направления, школы, концепции, которые имеют свои характеристики и границы, отделяющие одни теории от других. Любое знание формулируется в теории в рамках определенной картины мира, содержащей научные и философские представления о действительности, которые дробят и структурируют само ее [картины мира] содержание. Наиболее последовательно теория фреймов раскрывается в социологии и когнитивной психологии, т.к. здесь фрейм рассматривается не только как статичная структура знаний, определяющая взаимосвязь между элементами системы, но и как изменяющаяся в процессе восприятия схема культурного опыта.

Список литературы

1. Колесник Н. В. Фреймовая семантика Ч. Филлмора // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 22.
2. Дигоева Э. Язык и наука XX века // http://www.darial-online.ru/1999_5/digoeva.shtml.
3. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Т. 3. № 2. 2003.
4. Вахштайн В. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. Том 7. № 1. 2008.
5. Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
6. Вахштайн В. Социология повседневности: от «практики» к «фрейму» / Социологическое обозрение. Том 5. № 1. 2006.

ROLE OF THE FRAME THEORY IN CONTEMPORARY SCIENCE

S. I. Nekrasov
N. S. Molchanova

*Moscow state technical
university of civil aircraft*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

The frame theory is used for structuring and interpretation of knowledge system in different scientific fields. The main ideas of the theory were formulated in different sciences separately. Therefore it is difficult to determine in what field the “frame-work” was formed first. The notion of “frame” is used as an instrument due to necessity to structure scientific knowledge and cultural experience. The ideas of the frame theory describe the processes of designing and perception of the social reality. Therefore they are important in scientific research of psychology, sociology, linguistics.

Key words: Frame, framology, scheme, structure, frame theory, knowledge, reality.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Е. А. Кожемякин
М. А. Новак

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Kozhemyakin@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается связь между феноменом потребления и его репрезентацией в массовой культуре, а также характерные черты репрезентации идеологии потребления в различных элементах текстов искусства в контексте актуализации идеологии потребления. Так, природа потребления, на взгляд авторов, неразрывно связана, помимо прочего, с понятием движения, а потребительские практики общества репрезентированы в культурных проектах в динамичных формах.

Ключевые слова: репрезентация, культурный проект, идеология потребления, массовая культура.

Сегодня многие авторы обозначают переживаемую нами эпоху термином «общество потребления», а систему характерных для нее ценностных ориентаций, концептов и идей – «идеология потребления». Специфичным для этого типа общества явлением является то, что люди потребляют сверх обычных потребностей, а также имеют желание выбирать среди всё большего – и зачастую искусственно устанавливаемого – разнообразия, часто менять предметы обладания и потребления. Более того, желание потреблять и потребность в «обновляемом обладании» становятся искусственно сконструированными; они появляются вследствие потребительских практик, а не только выступают в качестве их причины.

Идеология как явление общественной жизни, и в частности, идеология потребления связана с массовой культурой, наиболее конденсированной формой которых являются культурные проекты, которые представляют собой отражение общественных взглядов и мнений, реакцию на социальную ситуацию. К основным признакам культурного проекта относят целостность, ограниченность во времени, инновационность, коммуникативность, адаптированность к внешним условиям. Они принадлежат производящей культуре, а не рутинной культурной деятельности, осуществляемой, например, в музеях и библиотеках¹. Культурный проект есть модель (идеальная «программа») реконструкции культурного содержания, которая направлена если не на замену старых элементов культуры новыми, то на смещение акцентов в их интерпретации и актуализации.

¹ Дукельский В. Ю. Культурный проект: от замысла к реализации // Музей будущего: информационный менеджмент. – М.: Прогресс-Традиция, 2001; Лисицкий А. Библиотечный проект и его успешная реализация в школьной и детской библиотеке: школа библиотечного лидерства // Библиотека в школе №21 (201) 1-15 ноября 2007. – С. 81.

Поскольку культурные проекты легко тиражируются и распространяются, идеи, которые они содержат, быстро становятся доступны вниманию общества. Примером культурного проекта может являться любое явление или феномен культурной жизни, который сложился не стихийно, а в результате творчества одного или нескольких людей: фильм, Интернет-проект, средство массовой информации, книга.

Поскольку начало существования общества потребления принято обычно соотносить приблизительно с серединой XX века, следует рассматривать характерные изменения культурных проектов именно с этого времени и до наших дней. В данной работе мы рассмотрим репрезентацию идеологии потребления в динамичных формах массовой культуры (главным образом, в кино и литературе). Потребление, на наш взгляд, неразрывно связано с концептом движения. Так, живому организму в естественной среде, чтобы потребить, нужно найти объект, совершить поисковое передвижение. Постоянное потребление предполагает также передвижение, поскольку изменяется и истощается среда, и в ней уже нельзя находиться, иначе прервётся процесс потребления. Движение – это также осваивание пространства, соперничество за объекты потребления в этом пространстве, борьба с чем-то, что оспаривает право потребления. Движение связано во многих культурах с категорией времени, а через него – с развитием.

В XX веке крупные мастера постепенно старались изобразить движение во всех возможных видах искусства; этот процесс происходит и сейчас, свидетельством чему могут служить распространенные арт-эксперименты с движущимися инсталляциями. Такой путь был выбран потому, что движение придавало реальность объекту. И конечно, самым ярким примером такого стремления является возникновение кино.

Такое культурное явление, как кинематограф является очень удобным способом продемонстрировать постоянное движение как представление потребления. Движение на экране или сцене может быть репрезентировано в разных видах: это и манипулирование предметами, перемещение (объекта или ракурса), заполнение пространства. Наша задача, в таком случае – разобраться, в чём отличие форм движения в «до-потребительском» и современном «потребительском» кино. Так, например, многие фильмы А. Тарковского «обращены» во внутренний мир человека, нежели связаны с потребительским «освоением пространства». Пространство в творчестве А. Тарковского существует как субстанция, часто агрессивная по отношению к человеку и оно не аналогично пространству, которое присваивается. Напротив, у Тарковского пространство и движение – это то, что непостижимо, принципиально «неосвоено», неосознаваемо, а возможно, и само пытается накапливать и тратить нас; движение располагается за гранью потребления. Потребление же в свою очередь, мыслится именно в категориях прогресса, поэтапного, стадийного перемещения, накопления.

Итак, не всякая динамическая форма символизирует желание присвоить, использовать. Фильмы многих крупных режиссёров прошлого и современности немислимы без качественной операторской и сложной монтажной работы, однако движение в кадре – даже если оно является способом передать основной замысел фильма, или оно используется как художественный приём в современном фильме – не является обязательным признаком идеи потребления или признаком только идеи потребления. Нужно учитывать контекст культурного проекта, сопоставлять этот художественный приём с сюжетной линией, соотносить с возможными признаками потребления, описанными в научной литературе. Культурное пространство любого периода слишком широко, чтобы заключать его в рамки одной идеологии.

Движение как выражение потребления не может быть лишено цели. Обычно, для героев экрана, литературы целью может быть поиск, выбор, развязка ситуации (аналогично приобретению), получение информации. Такой же поиск делает покупатель в магазине самообслуживания, когда проходит мимо полок. Только благодаря движению у него появляется возможность выбора. Так, например, в популярных сериалах герои из серии в серию идут по пути поиска разрешения жизненной ситуации, «ищут своё счастье». Возникновение сериала (1952²) как культурного проекта совпадает с приближительным периодом начала формирования общества потребления. Первые сериалы были вестернами (что по нашей гипотезе символизирует освоение территории) или «полицейскими» фильмами³.

² Первый век кино. Энциклопедия [текст] М.: Локид, 1996. – С. 672.

³ Там же.

Условие сериала – это обязательно ожидаемая развязка. Количество серий условно сравнимо с очередью за каким-либо ценным товаром. Если очередь движется, у каждого появляется волнующий шанс скоро получить необходимый предмет, и чем длиннее очередь, тем ценнее вещь. Таким же образом, затягивание сюжета повышает значимость развязки. Зритель также получает удовольствие и мнимую власть оттого, что может в любой момент покинуть эту метафоричную очередь и вновь вернуться в неё «с другой серии», нарушая всякие правила, контролировать её длительность в угоду себе.

Таким образом, движение в кино (и не только в сериалах) волей режиссёра может ассоциироваться с разрешением ситуации, с благополучным исходом, которого ждут и герои и зритель. Например, в фильме Н. Михалкова «Двенадцать», присяжные заседатели (условно говоря, «потребители общественного доверия») не могут прийти к единому мнению, пока они находятся вместе в одном помещении, и почти на протяжении всего фильма неподвижность их сидения при яркой мимике создаёт напряжение. Как только заседание оканчивается, и все собираются по своим делам, происходит «прорыв», кульминация фильма. Находя справедливость, герои, таким образом, оправдывают общественное доверие, «оплачивают» его. Похожую ситуацию представляет собой фильм Э. Рязанова «Гараж», где герои в ограниченном пространстве не могли сделать выбор и принять решение, а вопрос, который они решали, напрямую относился к теме потребления. Можно предположить, что если бы часть героев «Гаража» была бы способна удалиться (как им того хотелось), а часть была бы изгнана, решение всё-таки было бы принято среди меньшего количества «претендентов». У человека «запертого» – физического или ситуативно – меньше шансов добиться своих интересов, почти каждый из которых можно назвать потребительским, даже если интересы не сводятся к материальным.

Мобильность, скорость может расцениваться как важное качество в ситуации борьбы, соперничества. Возникновение ситуации соперничества обусловлено урбанизацией, увеличением плотности населения в городах, трудностями достижения успешного статуса (для этого оказывается недостаточно высшего образования), и т.д. Ценность скорости транслируется в разных видах искусства наших дней: заметно увеличивается количество движения, нарастает динамика, что вызывает иногда ощущение хаоса. Хаотичны полотна некоторых современных художников – множественные детали и объекты заполняют пространство картин, как будто присваивают его себе, борются за него.

Что касается экрана, ощущение скорости создаётся за счёт работы исполнителей или за счёт технических приёмов операторского искусства, спецэффектов. Именно последнее является отличительной чертой современного кино, тогда как актёрская экспрессия существовала всегда. Например, отечественный фильм А. Учителя «Прогулка» совмещает сразу два этих приёма: созданный на экране динамизм символизирует свободу трёх молодых людей, которые в своей прогулке «потребляют» город, свою молодость и свободное время, а действие носит характер лёгкой, непрерывной игры. В фильмах, привлекающих зрителя спецэффектами, таких как, например, «Турецкий гамбит», создатели не раз дают возможность взглянуть с нескольких ракурсов на различные предметы (игральные кости, картечь в снаряде и т.д.), что, опять же, позволяет зрительскому сознанию оперировать с большим количеством визуальных деталей, выполняет принцип множественности и «мелкости» (которая уже упоминалась как характерная тенденция идеологии потребления в отношении вещей).

Стремление потребительского общества к освоению, заполнению пространства просматривается в популярном виде искусства – инсталляциях, в растущем спросе на дизайн, в интересе к активным видам отдыха – или – в интересе большой аудитории к телепередачам о путешествиях, ремонте и строительстве, познавательных передачах. Осознавая своё желание знать и видеть больше, потребители таких передач понимают, что эти знания могут не пригодиться им в обычной жизни. Интерес к масштабности, пространству виден в попытках большого кино изобрести и использовать новые, красивые ракурсы, в появлении стереокино, в факте возникновения нового формата кино – широкоэкранного фильма, что своим размахом привлекает зрителя, а камерное содержание заменено на более подходящий исторический жанр, способствует популярности боевиков и вестернов, которые теперь воспринимаются более выигрышно.

Скорость, возможность покорять пространство и побеждать могут быть даны персонажам литературных произведений и героям кинофильмов через наделение их особы-

ми сверхвозможностями, недоступными для обычных людей. Подобных сюжетов много, и существует спрос на фантастику. Такой герой может переживать смешные ситуации из-за своих талантов или бороться со злом, становится успешным членом общества. В то же время у таких писателей прошлого, как Г. Уэллс, А. Беляев, Р.Л. Стивенсон и других ярко прослеживается трагедийная линия: персонаж не может найти место в обществе именно из-за особенных качеств, становится изгоем. Создаётся впечатление, что сверхспособности не нужны, они расцениваются как нечто отрицательное в кино и литературе прошлого.

Здесь уместно вспомнить и других романтических персонажей – путешественников, золотоискателей, пиратов, которые также, задолго до появления общества потребления покоряли пространство в юношеской литературе, ставшей впоследствии классикой. Но это движение, на наш взгляд, выражало потребность нематериальных ценностей – «духа свободы и приключений», а уже потом – поиск материальных благ. Своеобразным эхом этого является ещё одна тенденция современного кинематографа – сверхвозможности даются отрицательным персонажам, против которого выступают обыкновенные люди, или люди с меньшими способностями. Таким образом косвенно выражается негативная оценка стремления к сверхприсвоению, к «захвату всего мира», к применению чрезмерной силы. Однако, наряду с этим существует более привлекательный образ человека сильного и успешного – супермена, делового человека. Существование такого образа связано и соотносится с тем, что сюжет соревнования или борьбы одного персонажа с другим является достаточно распространённым в культурных проектах – например, в рекламе (соревнования овощей, соков, зайчиков с батарейками, чистящих средств, стиральных порошков и т.д.). Тема соревнования (и нужных для победы качеств) актуальна в обществе, которое хочет потреблять, но осознаёт ограниченность ресурсов. Соревнование символически выражается в виде движения с такими возможными характеристиками, как сила, скорость; можно назвать его молчаливой формой потребительской борьбы.

В культурных проектах современности появляются воображаемые пространства, которые также подлежат освоению. Речь идёт не только о виртуальном, медийном пространстве, но и различных фантастических вариантах других измерений, репрезентации потустороннего мира, космических просторов, пространства вне времени и страны – т.е. пространства «несуществующей истории», домысливания настоящей истории, того, «как бы могли события развиваться», фэнтезийного пространства и т.д. Сюжеты космических приключений, тем не менее, редки, возможно, потому что Космос воспринимается как пустота. Его необходимо населить монстрами, инопланетянами, пришельцами, лишь тогда получится интересный сюжет, и конечно, для современного автора не имеет смысла писать какой-нибудь психологический роман, посвящённых отношениям космонавтов. Чувство опасности должно сопровождать борьбу за ресурсы, и эта опасность должна исходить не от внешних факторов, а от других живых объектов, которые имеют потребности и конкурируют с персонажами в своих интересах – выживания, распространения. В культурном пространстве кино и литературы появляются многочисленные варианты «чужих».

Информационное пространство постоянно обновляется, что соответствует желаниям людей. Желание новизны как условие общества потребления является реакцией на «истощение среды», на расходование потребляемого. Открываются десятки новых телевизионных каналов, появляются новые печатные издания и сайты, на которых мы видим развивающийся во времени текст, т.е. который может быть изменён до неузнаваемости в короткий срок, сопровождаемый анимированными баннерами. Большая часть компьютерных игр за редким исключением посвящена активному передвижению игрока, пространственным преобразованиям, предметным манипуляциям, а компьютерный жанр экономических стратегий непосредственно выражает идею потребления. Кроме того, большинство игр по своему сюжету линейны, они не рассчитаны на то, чтобы проходить их во второй раз. Это нарушает принцип игры как возобновляемого развлечения; какой же может быть сюжет у шахмат, городков или салок? Линейность сюжета, его единственное существование в определённый момент не всегда присутствует в современной культуре. Но ещё в одном случае – вполне проявляет себя. Это массовая литература, каждое произведение которой можно читать лишь один раз, в отличие от классики. Причиной является захватывающий, действенный сюжет с неожиданной концовкой, узнав которую, нет смысла второй раз обращаться к книге.

Кино, литература и другие виды современного искусства в изобилии содержат шокирующие сцены, остросюжетные повороты, неожиданные моменты. Речь идёт о преодолении или отмене всяких правил, норм, границ – границ возможного, границ морали, границ ожидаемого. Пространство мысли, воображаемого становится бескрайним, но заселённым деталями, персонажами, ситуациями.

Идеология потребления содержит идею о том, что с помощью покупательского решения можно достигнуть удовольствия и благополучия, понятие о которых может быть сконструировано на основе манипуляций с идеализируемым прошлым. Попыткой использовать прошлое в искусстве можно назвать движение назад – ремейки фильмов, спектаклей, и даже картин (проекты Е. Рождественской) которые в последнее время достаточно часто появляются в искусстве.

Динамичной становится и «обёртка» культурного проекта, а ведь упаковка в эстетствующем потребительском обществе – один из главных факторов приобретения товара. Киноэкранные титры дополняются немислимим количеством эффектов. Сюжет рекламных роликов крупного культурного проекта – как правило, телевизионного – меняется на российских каналах день ото дня. Обычно к дате премьеры ролик становится более понятным. Наконец, объявление о премьере фильма представляется как важное событие, которое происходит в разное время в разных городах, что побуждает зрителя следить за «перемещением» премьеры, ожидая её в своём городе.

В век потребления особенное значение приобретает телесность, поскольку существование большого количества предметов, необходимых для индивида, должно быть, с точки зрения логики идеологии потребления, оправдано. Е. Чицова отмечает, что постмодернизм – ведущее течение современности – «принуждает личность к осознанию себя лишь в телесной функции»⁴. Человек становится чем-то вроде машины, для которой нужна профилактика, уход. В начале прошлого века многие эпизоды немого кино были реальными жизненными ситуациями, более затрагивающими внешние объекты, чувства, отношения, чем предметные потребности персонажа. Теперь на экране могут быть действия, сконцентрированные на герое, который совершает незначительные предметные манипуляции по обслуживанию себя. Так, диалог двух персонажей сопровождается принятием пищи в кафе, поездкой в автомобиле, курением и т.д. С точки зрения режиссёра это помогает передать характер персонажей, создать естественную атмосферу, и как будто современные мастера избегают и страшатся не насыщенных действием ситуаций.

Через проигранную ситуацию с предметом, мы узнаём что-то новое, касающееся этой вещи, – это происходит подсознательно, «между прочим». Для нас предмет приобретает ещё один смысл, ассоциацию, он фиксируется в памяти как связанный с чем-либо. И это является причиной того, что символика и смысл, закладываемые в материальные (визуальные) объекты, расширяются не благодаря изобретению новых видов одних и тех же вещей, а благодаря изобретению всё новых и новых видов манипуляций с ними, или в разных ситуациях. Происходит экспансия символического языка в человеческом пространстве. Это специфичный феномен нашего времени, описание которого можно найти у разных исследователей. Так, возможно ли было бы возникновение пиктографического письма в обществе, где предметная символика была бы такой же богатой, как в современной культуре? (сколько бы вариантов было бы предложено нашими современниками для передачи, например, понятия «война» и других абстрактных понятий).

У современного человека появляется привычка к интерактивному взаимодействию с культурными проектами, а сами культурные проекты всё чаще приобретают черты интерактивности. Помимо собственно интерактивных проектов – мультимедийных дисков, крупных Интернет-порталов – издаются различные книги с продолжением сюжета, которое изменяется благодаря выбору читателя номера страницы из нескольких предложенных номеров, тесты по типу блок-схемы «если, то...» которые публикуют «глянцевые» журналы, флешпроекты, выложенные в Сети. Кроме этого в телевизионных передачах проходят интерактивные викторины, розыгрыши призов и голосования с помощью сотовой связи. Количество, разнообразие и структура телепрограмм на нескольких десятках каналов представляет возможность управления информацией в зависимости от своего интереса. Такие проекты выступают как инструменты иллюзорного изменения реальности, инструментами контроля какой-то незначительной части жизни. Действие, изменение своими руками, а не ожидание – девиз современной личности.

⁴ Чицова Е. Новая агрессивная идеология // Вопросы литературы, 2003, №1-2. – С. 92.

Накопительство как характерная черта идеологии потребления находит выражение и в выпуске культурных проектов в разных технических форматах (кассеты, DVD, отдельные выпуски CD-альбомов с саундтреками к фильму, подарочные и обыкновенные издания компьютерных игр, дополнения к ним, книги в разных переплётках с суперобложкой и без и т.д.). Современному зрителю, читателю, слушателю логично предлагать формировать домашнюю коллекцию культурных образцов подчас одного и того же проекта. Это действительно напоминает коллекционирование, с той лишь разницей, что работать с этой информацией у современного человека нет времени, а потому – ценно её наличие, а не содержание. Цель потребителя культурного проекта – копить впечатления, сравнивать их друг с другом, искать более захватывающие и яркие, и создатели культурной продукции идут тем же путём, хотя поиски неординарного и яркого в творчестве часто выступают рискованным и эпатажным экспериментом.

Итак, в заключение определим основные отличительные черты репрезентации идеологии потребления в культурных проектах: динамизм, скорость, попытка освоения всего пространства визуальности, масштабность, множественность и фрагментарность, перфекционизм, поиск, соревнование.

Список литературы

1. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. / К. Гирц [текст]. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).
2. Дукельский В. Ю. Культурный проект: от замысла к реализации / В. Ю. Дукельский [текст] – Музей будущего: информационный менеджмент / Сост. А. В. Лебедев. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. Лисицкий А. Библиотечный проект и его успешная реализация в школьной и детской библиотеке: школа библиотечного лидерства / А. Лисицкий [текст] // Библиотека в школе №21 (201) 1-15 ноября 2007.
4. Первый век кино. Энциклопедия [текст] – М.: Локид, 1996. – 712 с.
5. Поликарпов, В.С., Поликарпова, В.А. Идеология современной России (эссе) / В.С. Поликарпов, В.А. Поликарпова [текст]. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 2002 – 5,5 печ. л.
6. Тарасов А. Наследие Эриха Фромма для радикала конца XX – начала XXI века. Лекция из цикла «Общественная мысль XX века: практически ценное для политического радикала наших дней» [эл. ресурс] // Режим доступа: <http://radical-xxi.narod.ru/fromm.htm>.
7. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. \ Э. Фромм [текст] – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005.
8. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм [текст] – М.: Прогресс, 1990.
9. Чижова Е. Новая агрессивная идеология / Е. Чижова [текст] // Вопросы литературы, 2003, №1-2 с. 87-107.
10. Thompson John B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press, 1990. PP. 56-66 / \ цит. по: Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М. М. Назаров [текст]. – М., 2002. – С. 131-233.

REPRESENTATION OF THE CONSUMERISM IDEOLOGY IN CONTEMPORARY CULTURAL PROJECTS

E. A. Kozhemyakin
M. A. Novak

*Belgorod State
University*

e-mail:
Kozhemyakin@bsu.edu.ru

The article discusses the relations between the phenomenon of consumption and its representations in mass culture and reveals specific features of consumerism representation in different elements of art texts. The authors assume the nature of consumption to be firmly linked to the notion of movement while consumption social practices are represented in cultural projects as dynamic forms.

Key words: representation, cultural project, ideology of consumption, mass culture.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: КАТЕГОРИЯ И КОНЦЕПТ

Ю. М. Мельник
В. П. Римский

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье впервые предпринята попытка экспликации понятия «экзистенциальное время», что предполагает его различение в качестве концепта и категории.

Ключевые слова: концепт, категория, время, экзистенциальное время.

Существует целый темпоральный проблемный ряд – антиномии вечности и времени, времени и пространства, времени и материи, времени и движения, и т.д., – который, начиная с Парменида и Зенона, тревожит почти всех философов своей парадоксальностью. Собственно, фиксирование этих «парадоксов времени», в которых пространство и время, связываются с «объективной реальностью», «вечной и бесконечной», будь то материальной или идеальной, принадлежит И. Канту, совершившему после Аристотеля и Августина третий радикальный «поворот» в интерпретации времени. «Что же такое пространство и время? – задавал он вопрос в «Критике чистого разума». – Есть ли они действительные сущности, или они суть лишь определения или отношения вещей, однако такие, которые сами по себе были бы присущи вещам, если бы даже вещи и не созерцались? Или же они суть определения или отношения, присущие одной только форме созерцания и, стало быть, субъективной природе нашей души, без которой эти предикаты не могли бы приписываться ни одной вещи?»¹. Но нас в данной статье интересует не столько понимание Кантом антиномичности познания феномена времени, сколько специфика связи времени как формы созерцания и чувственного мышления с категориальным строем мышления.

Кант, критикуя естественнонаучные (Ньютон) и натурфилософские (английский субъективизм) теории времени, заостряет эти антиномии, связывая понимание пространства и времени с данными нашего чувственного опыта, из которого и исходит наше представление и убеждение о «реальности» пространства и времени². Как отмечает П.П. Гайденко, критикуя «и Локково, и Ньютоново понимание времени, Кант здесь не согласен и с Лейбницем, определявшим время как отношение»³. Можно, конечно, сказать, что и «материалистическая», и «идеалистическая», и естественнонаучная традиции в трактовке времени имеют равное право на существование и создают ту энергетику философских проблем, которые только и существуют в напряжении между этими мировоззренческими и теоретическими полюсами. Подобные парадоксы не разрешаются не только в сенсуалистической, материалистической, метафизической деистической, но и в диалектической традиции, начиная Платоном и заканчивая Гегелем.

На наш взгляд, необходимо выстроить более строгую логику в экспликации концепта «времени», как и других философских рационализаций. А для этого нам надо исходить из того, что философия имеет дело не с некоей «объективной реальностью» (Абсолютной идеей или материей), а с понятиями, категориями и концептами. Да и в определении «времени» или «пространства» мы сплошь и рядом встречаем их обозначение в качестве «понятий» или «категорий». К сожалению, авторы далее, как правило, пишут: это понятие (категория) для обозначения (отражения)... И далее следует опять «реальность».

Так что же такое категории? Какова их природа? Отличаются ли они от понятий как форм мышления? Можем мы ли считать пространство и время «категориями» нашего мышления или они существуют объективно, как формы «объективной реальности» (материи, Бога или объективной идеи)? Начнем рассмотрение этих вопросов.

¹ И. Кант. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. – СПб, 1993. – С. 51.

² См.: Там же. – С. 61.

³ П.П. Гайденко. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М., 2006. – С. 170.

Во всех без исключения, старых и новых, словарях и учебниках «категории», этимологию которых выводят из греческого понимания их как высказывания, обвинения, признака (т.е. феномена языка, риторики, логики), определяются как предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания и являющиеся формами и устойчивыми организующими принципами мышления⁴. В «Новой философской энциклопедии» А.П. Огурцов добавляет к определению категорий еще несколько смыслов⁵, которые имеют отношение к современным неопозитивистским трактовкам, но фактически восходят к Аристотелю и Канту. Поэтому мы позволим себе обратиться к первоисточникам.

Действительно, само определение категорий как форм логического предикцирования, связанного с языком, равно как и первая явная систематизация категорий восходят к ранней работе Аристотеля «Категории», в которой он на основе анализа языковых суждений выделял десять категорий (субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание, «Категории», 6-9). Можно сказать, что Аристотель дает первую эпистемологическую трактовку категорий как родовых видовых определений, суждений и умозаключений, т.е. понятий, в форме которых и существует «эпистеме», наше теоретическое, созерцательное знание. Категории, таким образом, включают и языковые, и логические, и гносеологические смыслы. Однако, в «Физике» и «Метафизике» Аристотель, развивая этот экзистенциально-языковой аспект (а категориально-языковой строй мышления у греков, разумеется, предполагал человека) и переходит к онтологизации категорий, связывая их с родами и видами сущего, т.е. с формами бытия, «реальности».

Он утверждает, что «необходимо, чтобы существовала некая вечная неподвижная сущность», которая отличается от эйдосов Платона тем, что обладает деятельным началом и способна вызывать изменения, породить движение и время, которое и оказывается «некоторым свойством движения» (См.: *Метафизика*, XII 6, 1071, b 5-20). При этом подвергает критике не только предшествующие философские трактовки движения и времени, но и мифологические. Таким «перводвижущим», которое «движет, не будучи приведено в движение; оно вечно и есть сущность и деятельность», «целевая причина», и оказывается прекраснейший и благой Бог как деятельный Ум, божественное мышление, имеющее предметом самое себя, от которого «зависят небеса и [вся] природа» (*Метафизика*, XII 6-7, 1072, a 20-35; b 5-20). Бог Аристотеля и есть «вечное, наилучшее живое существо, так что ему присуща жизнь и непрерывное и вечное существование» (*Метафизика*, XII 7, 1072, b 25-30). Соответственно, и весь онтологический, и эпистемологический категориальный ряд у Аристотеля оказывается производным от божественного Перводвигателя и Ума.

Здесь следует остановиться на том, что характеризуя *Бога как живое существо* (здесь еще нет, личностных, ипостасных признаков христианского Бога), Аристотель как бы вновь, со стороны онтологии, а не только эпистемологии и риторики вводит *экзистенциальные определения* в свой категориальный ряд и в понимание категорий, а тем самым и в понимание времени, так как в аристотелевской трактовке умом и мышлением обладает *только душа человека*, хотя некоторые формы чувственности принадлежат и растительным и животным душам. Это и позволяет нам рассматривать философию Аристотеля в качестве религиозной⁶, но в любой религиозной философии онтология всегда антропологична, а антропология – принципиально онтологична, как бы мы не интерпретировали концепт Абсолюта, лежащий в основании всех религиозно-философских онтологий.

И, на наш взгляд, это не наивная, стихийно-диалектическая рефлексивно-мифологическая установка античности (А.Ф. Лосев), антропоморфизирующая бытие, а принципиальная *онтологическая позиция*, которая ведет, в конечном счете, к христиан-

⁴ См.: *Философский энциклопедический словарь*. – Изд. 2-е. – М., 1989; *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. – М., 2004; и др.

⁵ Категории им определяются как «фундаментальные понятия, формы мысли, типы связи субъекта и предиката в суждении, устойчивые способы предикцирования, существующие в языке, составляющие условия возможности опытного знания и имеющие априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий» (А.П. Огурцов. Категории // *Новая философская энциклопедия*. Т. 2. – М., 2000).

⁶ См. подробнее: В.П. Римский. Как возможна религиозная философия? // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право»*. – №9(40). – 2007. – Вып.2. – С.275-280.

ской трактовке *Бога как личности* (триипостасной основы всего сущего, творящей мир и человека). Именно эта онтологическая позиция Аристотеля и позволила христианству инкорпорировать его и Платона (неоплатонизм «примирил» учителя и ученика) в категориальный ряд и христианской патристики, и схоластики. В этом же ряду в качестве одной из фундаментальных категорий наряду с движением оказывается и время, которое в качестве категории обладает не только метафизическими (онтологическими и эпистемологическими смыслами), но и антропологическими, экзистенциальными. Таким образом, уже у Аристотеля мы можем эксплицировать *концепт экзистенциального времени*⁷, обладающего *синтетическими* онтологическими, эпистемологическими и антропологическими смыслами, на что фактически никто не обращает внимания.

Своеобразная двойственность Аристотеля в трактовке категорий, как и двойственность его философской позиции (на это и обратил В.И. Ленин в «Философских тетрадах»!), могут нами трактоваться достаточно произвольно, так как мы отвлекаемся от конкретно-исторической специфики античной философии, модернизируя ее, притягивая к позитивистским и сциентистским стереотипам нашего мышления. Но для философа античности, впрочем, как и во все времена, было свойственно обращение к самым сложнейшим метафизическим проблемам исключительно в контексте насущных экзистенциальных проблем эпохи, «духовной ситуации времени» (К. Ясперс).

Эта двойственность аристотелевской трактовки категорий и породила в философской схоластике средних веков дискурсы и дискуссии номинализма, реализма и концептуализма, которые явно или неявно сказываются до сих пор в философских позициях всех, занимающихся философской рефлексией. В христианской философско-богословской интерпретации Бог выступает не только как собственно Абсолютное Бытие, но и *первичный онтологический субъект*, исключаящий сам вопрос о его «первичности» и «вторичности» мира, который он творит, а многообразие мира составляет лишь модусы божественного творения. Спор номинализма, реализма и концептуализма и возник, по сути, из проблемы: возможно ли применить аристотелевский категориальный строй к познанию Бога или только к познанию тварного мира? Следует отметить, что средневековая трактовка категорий никак не связана с «психологической» проблематикой, как то может показаться (психологизм в философии и дискурсах культуры возникает только в Новое время) – здесь мы имеем дело даже не с антропологической или логической, или гносеологической проблематикой, так как религиозной философии христианства присущ *тотальный онтологизм*.

В христианской философии невозможно отделить от онтологии, укорененной в бытии Бога, «гносеологию» или «антропологию», так как «в христианском всякая проблема, и прежде всего проблема универсалий, имеет онтологическое значение»⁸. Если бы это было не так, то номинализм неминуемо объявили бы «ересью»... Но и в номинализме, и концептуализме гносеология и антропология *принципиально онтологичны*, а это мы, как интерпретаторы, вносим позднейшие модернизаторские смыслы в тексты средневековых авторов. Подобные трактовки в советской философии получал средневековый номинализм как чуть ли не «линия материализма». Не вдаваясь в историко-философские подробности, отметим, что следующий революционный шаг в интерпретации проблемы категорий и понятий сделал опять же И. Кант. Для нас это тем более важно, что проблема категорий у Канта напрямую связана с осмыслением феномена времени.

К Канту, собственно, восходит и наше школьное понимание процесса познания, как перевода чувственного представления (созерцания) в понятия рассудка. Пространство и время, по Канту, как чистые, априорные формы нашей чувственности (созерцания) содержат в себе все многообразие нашего наглядного представления о познаваемых предметах. Однако, на этом уровне наше мышление не проявляет еще должной деятельной активности, приводящей это многообразие к знанию. «Знание впервые производится синтезом многообразия (будь оно дано эмпирически или a priori); первоначально это знание может быть еще грубым и спутанным и потому нуждается в анализе, но тем не менее именно синтез есть то, что собирает элементы в форму знания и объединяет их в

⁷ Мы пока не даем различения категории, понятия и концепта, но оно нами подразумевается.

⁸ С.С. Неретина. Универсалии в западноевропейской философии // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М., 2000.

известном содержании... Синтез вообще... есть исключительно действие способности во-ображения, слепой, хотя и необходимой функции души... Однако задача свести этот *синтез к понятиям* есть функция рассудка, посредством которой он впервые доставляет нам знание в настоящем смысле этого слова»⁹, – делает вывод Кант. Здесь Кант и дает определение категорий как «наиболее общих понятий», которое стало для нас школьным, так как «*чистый синтез, представленный в общей форме*, дает чистое понятие рассудка», или категорию: «Этим путем возникает ровно столько чистых понятий рассудка, а priori относящихся к предметам наглядного представления вообще, сколько... было перечислено логических функций во всех возможных суждениях... Мы назовем эти понятия, по примеру Аристотеля, категориями, так как наша задача в своей основе вполне совпадает с его задачей, хотя в исполнении ее мы далеко расходимся с ним»¹⁰. В чем же Кант расходится с Аристотелем в понимании категорий?

Во-первых, относя наше познание исключительно к сфере явлений и исключая из сферы познающего разума вещи в себе (так как «категории, будучи чистыми формами мысли, приобретают, тем не менее, объективную реальность, т.е. применение к предметам, которые могут быть даны нам в наглядном представлении, однако только как явления, так как только в отношении к явлениям мы способны иметь *a priori* наглядное представление»¹¹), Кант старается не столько исключить онтологию из философской рефлексии, сколько поставить ее на службу гносеологии, растворить в эпистемологии¹². Однако, мы не согласны с С.С. Хоружим, что в философии Канта мы имеем дело с антиантропологизмом. Это не так.

Ибо, во-вторых, Кант *изначально вводит антропологические измерения* в «критику чистого разума». Да это конкретно-историческое и конкретно-философское понимание человека. Мы имеем ввиду место самосознания (апперцепции) в его системе. В отличие от Лейбница, который под апперцепцией понимал сознание вообще, Кант трактует ее как *самодетельную активность конкретного, эмпирического индивида*, который в этой самодетельности приобретает статус трансцендентального субъекта, или, выражаясь нашим языком, статус общезначимости, интерсубъективности. «Сознание самого себя (апперцепция) есть простое представление я... В человеке это сознание требует внутреннего восприятия многообразного содержания, *данного заранее в субъекте* (выделено нами – Ю.М., В.Р.), а потому способ, каким это содержание дается в душе без самодетельности, должен, в силу этого различия, называться чувственностью. Если способность сознать себя должна искать (усваивать, *apprehendiren*) того, что содержится в душе, то, следовательно, она должна подвергаться воздействию со стороны души и только этим путем может создать представление о себе, форма которого, заложенная заранее в душе, определяет путем представления времени порядок многообразия в душе»¹³. Что же это за форма, «заложенная заранее в душе», т.е. априорная? Эта априорная форма чувственности и есть время, *идеальное экзистенциальное время*, в единстве антропологических, гносеологических (шире – эпистемологических) и онтологических моментов.

Это не психологический субъект и субъективное время английского сенсуализма, не Бог (Абсолютный субъект) и Абсолютное время теологии (и Ньютона), но и не гносеологическое когито Декарта, разрывающееся между психологией, онтологией и гносеологией в понимании человека и феномена времени. Эти позиции Кант явно или скрыто постоянно критикует. При этом способность самосознания, заложенная в априорности времени, носит у Канта признаки того, что позже назовут *идентичностью*, лежащей в основании самосознания и экзистенциального бытия индивида. «Таким образом, – отмечает Кант, – мысль, что все представления, входящие в состав наглядного представления, во всей своей совокупности принадлежат *мне*, означает, что я соединяю их в одном самосознании или, по крайней мере, могу соединить их в нем, и хотя сама эта мысль еще не есть сознание *синтеза* представлений, тем не менее, она предполагает возможность его;

⁹ И. Кант. Критика чистого разума. – СПб, 1993. – С. 82.

¹⁰ Там же. – С. 82, 83.

¹¹ Там же. – С. 115.

¹² См.: С.С. Хоружий. Неотменимый антропоконтур. 2. Кантовы антропотопики // Вопросы философии. – №2. – 2005. – С. 72-102.

¹³ И. Кант. Критика чистого разума. – СПб, 1993. – С. 66.

иными словами, только вследствие того, что я могу схватить многообразие представлений в одном сознании, я называю все их *моими* представлениями; в противном случае я имел бы столь же *пестрое, разнообразное я*¹⁴ (выделено нами – Ю.М., В.Р.), сколько у меня есть сознаваемых мной представлений¹⁵. На этой ступени развития самосознания¹⁶, связанной с активностью нашего мышления и восприятием времени, с временем как априорной формой чувственности (созерцания), человек также является самодеятельным субъектом, но еще не полагает из себя себя в качестве *объекта* (я и не-я), что делает возможным как *познание самого себя*¹⁷, так и манипуляции с собственным «я» как Другим (разумеется, в явном виде у Канта эти мысли мы не обнаружим, но они присутствуют в контексте).

Да, на стадии чувственного созерцания «определение моего существования» включает *онтологические характеристики* («я есмь»), и этим «Я мыслю» Канта отличается от когито Декарта: «"Я мыслю", – пишет он в примечании, – выражает акт, которым определяется *мое существование* (выделено нами – Ю.М., В.Р.). Следовательно, этим самым мое существование уже дано, однако способ, каким я должен определять его, т.е. полагать в себе многообразие, принадлежащее к нему, этим еще не дан. Для этого необходимо наглядное представление самого себя, которое в своей основе имеет а priori данную форму, т.е. *время* (выделено нами – Ю.М., В.Р.), имеющее чувственный характер и принадлежащее к восприимчивости определяемого. Я не имею второго наглядного представления о себе, которым *определяющее* начало во мне, сознаваемое мною только в его самодеятельности, было бы дано мне до *акта определения* точно так же, как во *времени* дается определяемое; поэтому я не могу определить свое существование, как самодеятельного существа, но представляю себе только самодеятельность моего мышления, т.е. определения, и мое существование всегда остается только как чувственно определенное, т.е. как существование явления. Тем не менее, благодаря этой самодеятельности мышления я называю себя *интеллигенцией*»¹⁸. И вот здесь Кант и разводит «экзистенциальное я» (феноменальное я, идентичность) и «гносеологическое я» (чистое, рассудочное), отмечая, что «сознание о самом себе еще вовсе не есть самопознание»¹⁹.

Ведь только на стадии самопознания, когда в работу «включаются» категории, самосознание становится чистым, «рассудочно-разумным»: «Следовательно, категория показывает, что эмпирическое сознание многообразия, данного в едином наглядном представлении, точно так же подчинено чистому самосознанию *a priori*, как эмпирическое наглядное представление подчинено чистому чувственному наглядному представлению, которое также существует *a priori*»²⁰. И здесь же мы находим знаковые, культовые определения категорий как понятий, априорно «предписывающих законы явлениям, т.е. природе, как совокупности всех явлений», не выводящихся из природы и не сообразующихся с ней как с образцом²¹, т.е. не выводимы как формы мышления из форм «объективной реальности», природного мира. Это позиция естественнонаучного материализма, которую Кант, разумеется, не принимает из-за ее простоватого онтологизма. Но, признавая роль «чувственных, наглядных представлений», которые в союзе с категориями как чистыми понятиями и составляют единую природу нашего мышления, Кант не приемлет и сенсуалистический эмпиризм, по которому категории-понятия создаются нами самими.

¹⁴ Идентичность и устраняет возможность потери индивидом самости, болезнь, когда он становится «пестрым, разнообразным я».

¹⁵ И. Кант. Критика чистого разума. – СПб, 1993. – С. 102.

¹⁶ «...посредством чистой апперцепции в представлении «я есмь» (чем не онтология экзистенциализма? – Ю.М., В.Р.) еще не надо никакого многообразия» (И. Кант. Критика чистого разума. – СПб, 1993. – С. 109). Чистая, первичная идентичность...

¹⁷ «Мыслить предмет и познавать предмет не есть, следовательно, одно и то же. Для познания необходимо иметь, во-первых, понятие, посредством которого мыслится предмет вообще (категория) и, во-вторых, наглядное представление, посредством которого предмет дается» (И. Кант. Критика чистого разума. – СПб, 1993. – С. 113).

¹⁸ Кант. Критика чистого разума. – СПб, 1993. – С. 118.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. – С. 112.

²¹ Там же. – С. 121.

Так какова же природа категорий? Может быть, эти парадоксы разрешает сугубо теологическая креационистская интерпретация категорий, связывающая их идеальность как «чистых», априорных понятий с идеальной вечной природой творящего Бога? Нет, и квазитеологическую позицию Декарта, связанную с концептом «врожденных идей», критикует Кант²². И, казалось бы, можно на этом закончить экскурс в кантовское определение категорий в качестве чистых (априорных, всеобщих, необходимых), которое и легло в их школьные трактовки. Однако, нам не дает покоя маленький раздел в «Критике чистого разума», названный Кантом «О схематизме чистых понятий рассудка».

Без введения понятия «схема» остаются голословными мысли Канта о связи априорных форм чувственности, созерцания (пространства и времени) с категориями как чистыми понятиями. Он делает посылку, что «должно существовать нечто третье, однородное в одном отношении с категориями, а в другом отношении с явлениями и обуславливающее возможность применения категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и, тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой – *чувственным*. Такой характер имеет *трансцендентальная схема*»²³. Такой схемой и является время как чистая форма созерцания, создающая единство апперцепции и создающая предпосылку для чистого познания в категориях. «Схема – это образ понятия... схема – это некий кентавр, *чувственное понятие* предмета, находящееся в соответствии с категорией»²⁴. Действительно, схема и не чувственный образ, и не абстрактное понятие, а всегда есть «лишь продукт способности воображения, но так как этот синтез воображения имеет в виду не единичное наглядное представление, а только единство в определении чувственности, то *схему* следует все же отличать от *образа* (выделено нами – Ю.М., В.П.)»²⁵. Пространственные схематизмы дают нам схемы величины, но *универсальный, трансцендентальный схематизм задается схематизмом темпоральным*: «При этом трансцендентальное определение времени однородно с *категорией* (которая создает единство этого определения), поскольку оно имеет *общий* характер и опирается на априорное правило. Но, с другой стороны, трансцендентальное определение времени однородно с *явлением*, поскольку время содержится во всяком эмпирическом представлении многообразия. Поэтому применение категорий к явлениям становится возможным при посредстве трансцендентального определения времени, которое, как схема понятий рассудка, опосредствует подведение явлений под категории»²⁶. Добавим: под все категории – в отличие от пространства.

И далее Кант демонстрирует, как *темпоральный схематизм* порождает весь ряд категорий рассудка, связывая их в стройную систему: «Схемой субстанции служит устойчивость реального во времени, т.е. представление о нем, как о субстрате эмпирического определения времени вообще, который, следовательно, остается, тогда как все остальное меняется. (Проходит не время, а бытие изменчивого во времени. Следовательно, времени, остающемуся неизменным и пребывающим, соответствует в явлении неизменно существующее, т.е. субстанция, и только на основе субстанции могут быть определены последовательность и сосуществование явлений по времени). Схемой причины и причинности вещи вообще служит реальное, за которым, когда бы оно ни было поставлено, всегда следует некоторое другое реальное»²⁷. И так далее.

Благодаря схематизму категории, которые без схем остаются лишь *функциями рассудка*, вводят и *экзистенциальную чувственность* (антропологизм), и объектность в поле познающего субъекта, а тем самым протаскивают онтологизм в гносеологию, в ее контекст. И, наконец, Кант делает очень интересный вывод: «Следовательно, схемы суть не что иное, как априорные определения времени, подчиненные правилам и относящиеся, в применении ко всем предметам согласно порядку категорий, – к *временному ряду*, к *содержанию времени*, к *порядку времени* и, наконец, к *совокупности времени*... Нельзя

²² Там же. – С. 122-123.

²³ Там же. – С. 127.

²⁴ П.П. Гайденко. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М., 2006. – С. 183, 184.

²⁵ И. Кант. Критика чистого разума. – СПб, 1993. – С. 128.

²⁶ Там же. – С. 127.

²⁷ Там же. – С. 129. 130.

однако не заметить также того, что схемы чувственности, впервые осуществляя категории, тем не менее в то же время и ограничивают их, т.е. определяют условиями, лежащими вне рассудка (именно в чувственности). Поэтому схема есть собственно лишь феномен или чувственное понятие предмета, согласное с категорией»²⁸. Но что это за «чувственное понятие» отличное от «чистого понятия», категории? Как оно нам дано? В чем тайна этого схематизма нашего созерцания, мышления и познания?

Есть одна маленькая ремарка, в которой Кант уклоняется от ответа на эти вопросы: «Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений и чистой формы их есть сокровенное в недрах человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам едва ли когда-либо удастся проследить и вывести наружу»²⁹. Можно, конечно, рассуждать, что Кант чего-то не знал, например, на марксистский манер социальной детерминации форм нашего сознания и мышления, деятельной природы человека, сводил деятельность только к активности познающего субъекта или не ведал, что в XX веке возникнет, например, социальная эпистемология, и т.п. Важно то, что Кант предвосхитил, угадал, как восклицал булгаковский Мастер (кстати, также интересовавшийся Кантом!).

И для ответа на вопросы о возможной *разгадке схематизма* нашего мышления, лежащего в основании категоризации, мы обратимся к новейшим исследованиям по социальной эпистемологии. По мнению И.Т. Касавина, эта разгадка лежит в плоскости понимания роли языка для нашего сознания и мышления: «Слова – образцы возможных действий с предметами, *идеальные схемы* (выделено нами – Ю.М., В.Р.), носители значения, смысла»³⁰. Роль *языка* в формообразовании нашего познания и его деятельностной активности отмечалась, начиная с Л. Витгенштейна, на которого ссылается И.Т. Касавин, многими ведущими мыслителями и учеными-гуманитариями XX века. Мы видим, что и Кант через схематизм как идеальную форму активности нашего сознания и мышления выходит на языковые структуры и далее – к логическим категориальным формам. Именно в этом *осознанном* понимании роли *логико-языковых формул и схематизмов* в формировании деятельности нашего познания, сознания и самосознания, укорененной в «априорных», всеобщих схематизмах чувственности (прежде всего, времени), Кант и продвинулся вперед от аристотелевского определения категорий и специфики нашего понятийного мышления.

Но, мы видели, что Кант не уходит и от антропологических, экзистенциальных интерпретаций нашей чувственности и рассудочного мышления, рассматривая «я *есмь*» как онтологическое основание самочувствующего и самопознающего субъекта. И этим он предвосхищает экзистенциализм, который через критику гегелевской онтологической традиции и позитивистской гносеологии, выходит к Канту и через переинтерпретацию его наследия – к постижению трагических смыслов бытия современного человека.

О конституировании в языке не только эпистемологических, но и экзистенциальных, онтологических смыслов бытия человека писал М. Хайдеггер: «Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producer* – произвести. Осуществимо поэтому, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего «есть», так это бытие. Мыслью о-существляется отношения бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не вырабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи и тем самым сохраняют ее в языке. Мысль не потому прежде всего становится действием, что от нее исходит воздействие или что она прилагается к жизни. Мысль действует, поскольку мыслит. Эта деятельность, пожалуй, – самое простое и вместе высшее, потому что она касается отношения бытия к человеку»³¹. Добавим: и становится *человеческим бытием*, открытым и свободным. Здесь уместно вспомнить и выска-

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. – С. 128.

³⁰ И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М., 2008. – С. 14.

³¹ М. Хайдеггер. Письмо о гуманизме. Пер. В. Бибихина // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 314.

зывание «Слово и мысль бытием должны быть» (О Природе, VI-1) Парменида, столь любимого Хайдеггером, и евангельское «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ев. Иоан.1:1).

Мы столь длинно процитировали Хайдеггера не для показа эрудиции, а чтобы проиллюстрировать одну интересную, на наш взгляд, мысль. Если Кант онтологию и антропологию ставит на службу гносеологии, растворяет их в ней, доводит до подобия тени³², понимая *гносеологическую истину как конструирующую и конструктивную, идеальную основу бытия*, старается свести субъективное, антропологическое начало на нет, превращая его в субъектное, сугубо гносеологическое (и в этом прав С.С. Хоружий), то Хайдеггер, наоборот, все эпистемологические процедуры, в том числе и герменевтические игры с языком, ставит на службу реконструкции *истины человеческого бытия*, спрятанного за покровом вещных и иллюзорно-коммуникативных форм повседневности, к каковым можно отнести и фетишизм науки, «чистого разума», заменившего человеку нашего времени и истинное бытие, и бытие истины.

Понимая все тщету школьного разделения в философском исследовании «онтологии», «гносеологии» и «антропологии» (и «истории философии», и «философии культуры»), мы, тем не менее, уклонимся немного в сторону эпистемологии, включающей, по нашим соображениям, и гносеологию, и логику, и методологию, и попробуем выйти на те конструкции нашего сознания и бытия, которые имеют отношение к категориально-чувственному схематизму познающего мышления. Таковыми конструктами и идеальными формообразованиями, на наш взгляд, и являются *архетипы и концепты*, столь модные в рефлексии психоанализа и постмодернизма, но имеющие и солидную историко-философскую традицию интерпретации (прежде всего, в теологическом контекстуализме).

Мы сможем опереться в нашем рассуждении на теоретические положения, изложенные в ряде наших работ³³, в которых мы, трактуя специфику формообразований нашего сознания и мышления (категорий, понятий, концептов, и т.д.) в качестве *идеальных форм культурного бытия человека*, отмечаем, что идеальное, укорененное в человеческом бытии, рождается в конкретно-исторических формах культуры. Есть только конкретные феномены культуры, в которых нам *явлено идеальное* как его сущностная характеристика. Это позволяет нам выстраивать некоторый категориальный ряд, представляющий скорее не иерархическую конструкцию, как у Канта или Гегеля, а некое «сетевое поле», в котором и переплетаются онтологические, эпистемологические, антропологические, культурологические (а все вместе – *экзистенциальные*) смыслы философского рассуждения: человеческое бытие – идеальное – субъективные и объективно-мыслительные образования индивидуального сознания – коммуникативные формы – интерсубъективность и транссубъективность – знаково-символические уплотнения культурно-идеальной реальности – коллективно-мыслительные и идеологические формообразования. Можно данный ряд дополнить другими составляющими (например, феноменом ментальности), но все они будут лишь конкретизациями той смыслопорождающей основы, каковой является культура, понятая как *идеальное бытие живого человека*. Здесь, в глубинных основаниях деятельного бытия человека формируются *бессознательные идеальные схематизмы*, формируются архетипы мышления, схематизмы бессознательного и «языковое», категориальное сознание.

Таким образом, Кант задал нам загадку о «сокровенной сути» схематизмов нашей души. Дело современной философии и социально-гуманитарных наук и состояло в том, чтобы не только разгадывать эту тайну бессознательного и подсознательного *идеального схематизма нашего бытия и мышления*, но и приносить эмпирический материал для «чистого

³² Это и позволяет С.С. Хоружему говорить об антиантропологизме Канта. Но с таким же правом можно говорить и об антионтологизме критической философии. Но тогда непонятно: почему она порождает онтологизм Гегеля и Шеллинга, дает импульс мощному иррационалистическому антропологизму XIX века, ложится в основание антропологизма и экзистенциалистского онтологизма XX века? У Канта, на наш взгляд, истинное бытие становится *бытием истины*, но не на манер Парменида, Платона или средневековой теологии. Истинное бытие Канта – это *бытие человека, познающего истину* разумом.

³³ См.: В.П. Римский. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Монография. – Белгород, 2003; М.М. Белоусова, Ю.М. Мельник, О.Н. Римская, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 2 (57). – Вып. 7. – Белгород, 2009. – С. 37-39; и др.

познания», для самопознания самих себя. Здесь мы выскажем еще одно положение: идеальные схематизмы, в том числе и архетипы как схематизмы нашего бессознательного, само «бытие как стихия мысли» (Хайдеггер), предстают перед нами, даны нам в нашей рефлексии не просто в естественном языке и обыденной речи, но в форме *концептов*.

Термин «концепт» происходит от латинского «conceptus» и чаще всего переводится как «понятие» (что и важно авторам для их отождествления как форм мышления), но имеет и более глубинную этимологию – обозначает «собрание», «восприятие», «зачатие», т.е. выводит нас на более архаичные, онтологические, экзистенциальные смыслы³⁴. С.С. Неретина отмечает не только введение Пьером Абелем в спор номинализма и реализма термина «концепт», но и его отличие от понятия, которое передается термином «intellectus» и отличается как рассудочное формообразование от концепта как производного от «возвышенного духа (ума), который способен творчески воспроизводить, или собирать (conspicere) смыслы и помыслы как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок как свою часть»³⁵. Действительно, в схематизме концептов, соединяющих чувственность и абстрактность, происходит первичное «зачатие» нашего логического и понятийного, абстрактного мышления, схватывание и овладение реальностью социального и предметного мира, создание его вновь из себя самого, «зачатие» и «порождение» – та феноменология нашего бытия, которую следует социальный конструктивизм.

Мы исходим из того, что и в познании, и в самой социокультурной реальности присутствуют такие формы идеально-мыслительной деятельности человека как *понятие* и *концепт*, которые очень часто отождествляются. Современный постмодернизм, отвечая на вопрос о том, что такое философия, утверждает, что «философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты». И далее: «Философы до сих пор недостаточно занимались природой концепта как философской реальности. Они предпочитали рассматривать его как уже данное знание или представление, выводимое из способностей, позволяющих его формировать (абстракция или обобщение) или же им пользоваться (суждение). Но концепт не дается заранее, он творится, должен быть сотворен; он не формируем, а полагается сам в себе (самополагание)»³⁶. Ж. Делез и Ф. Гваттари при этом не просто подчеркивают личностно-экзистенциальный характер концептов, но и оперируют в их интерпретации определенными метафорами-персонализациями, говоря о «концептуальных персонажах».

На наш взгляд, не столько категории, сколько *именно концепты связаны с темпоральным трансцендентальным схематизмом мышления*, о котором писал Кант. Точнее, на рассудочной ступени человеческого познания не только схематизмы чувственного созерцания, но и формы рассудочного, абстрактного, «категориального» мышления выступают в форме концептов. В концептах и явлены нам категории как абстрактные «общие понятия», ступени рассудочного мышления и формы обыденного, эмпирического сознания, имеющего дело с *вещами для нас*.

Именно такое различие давал и Гегель, критикуя кантовский категориальный схематизм и понимание его в качестве «понятий». Гегель очень четко разводил «категории» и «понятия». Гегель, отмечая специфику форм философского, естественнонаучного и социально-гуманитарного познания, образно-художественного и религиозного сознания, пишет: «Философия признает эти формы и даже дает им оправдание. Мыслящий ум не только не отвращается от их содержания, а углубляется в него, учится и укрепляется на них, как и на созерцании великих явлений природы, истории и искусства, ибо это богатое содержание, поскольку оно мыслится, и есть сама спекулятивная идея. Коллизия между этими формами и философией наступает только тогда, когда они выходят за свойственные им пределы, облачают свое содержание в категории и делают содержание зависим от последних, не доводя их до понятия и не завершая их в идею»³⁷. Итак, у Гегеля присутствует как бы такой ряд «феноменологии духа» или идеальных мыслительных форм: опытное и обыденное знание (естествознание, политика и право, религия и мораль) – категории – понятия – идеи.

³⁴ См.: С.С. Неретина. Концепт // Новая философская энциклопедия. Т.2. – М., 2000. – С. 306-307.

³⁵ Там же.

³⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., 2009. – С. 6, 16.

³⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М., 1974. – С.57-58.

Мы не будем вдаваться в подробные интерпретации того, что было заложено в гегелевских «категориях», «понятиях» и «идее». Мы считаем, что в данном случае мы также имеем дело не столько с «абстрактными, всеобщими» понятиями, сколько с определенными *схемами, концептами* гегелевской философии, нагруженными вполне экзистенциальными (личностными, культурными, религиозными, идеологическими) смыслами, связанными со специфическими для философии модерна дискурсами и контекстами конкретно-исторической эпохи, на которые в свое указывали и Фейербах, и Маркс, критикуя «немецкую классическую идеологию». Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут фактически об этом: «Прежде всего, концепты всегда несли и несут на себе личную подпись: аристотелевская субстанция, декартовское *cogito*, лейбнизианская монада, кантовское априори, шеллингианская потенция, бергсоновская длительность... А сверх того, некоторым из требуется для обозначения необыкновенное слово, порой варварское или же шокирующее, тогда как другим достаточно самого обычного повседневного слова, наполняющего столь далекими обертонами, что не философский слух может их и не различить»³⁸. Последнее, наверно, особенно подходит к Хайдеггеру и самим постструктуралистам. И еще: в ряду персонифицированных концептов они будто специально для нас пропустили гегелевскую Идею, которая при эзотерическом чтении выступает не столько как «разум, мышление, разумное мышление»³⁹, сколько как идеальные формы бытия Культуры (образования, в педагогическом смысле) или Бог, что для Гегеля было весьма существенным. Вот почему Фейербах и Маркс его подозревали в том, что он, как выпускник теологического факультета и добросовестный лютеранин, все время старается философию превратить в теологию. Но это и так!

Гегель и не скрывает метазадачи своей философии, которая, в конце концов, и оказывается *религиозной философией*, только конституируемой в рамках *конфессионального личного (протестантского) опыта*. Он прямо выносит свое понимание философии в качестве высшей религиозной рефлексии в предисловия, т.е. в экзотерические пояснения к своей философской системе. «До тех пор пока религия обладает определенным кредо, учением, догматикой, – утверждает философ, – она обладает тем, чем может заниматься философия и в чем последняя как таковая может с нею соединиться. Но это в свою очередь не следует понимать согласно разделяющему, дурному рассудку, у которого находится в плену современная религиозность и согласно которому последняя воображает, что религия и наука взаимно исключают друг друга или что они настолько отделимы друг от друга, что после этого отделения они соединяются лишь внешней связью. Из вышесказанного следует, наоборот, то, что религия, правда, может существовать без философии, но философия не может существовать без религии, а содержит ее внутри себя»⁴⁰. И далее можно было бы приводить цитаты в текстах и намеки в контекстах гегелевских работ, в которых он или прямо, или косвенно вступает в полемику или с протестантским пиетизмом или теологическим рационализмом (кстати, не содержится ли в предыдущей цитате намек на протестантскую «религиозность в пределах только разума» Канта?). И было бы интересным проследить, как формы личной религиозности, например, Канта и Гегеля, выразились в логической и концептуальной структуре их философских систем, как религиозный опыт и экзистенциальные, жизненные контексты отразились в их текстах и творчестве. Как нам кажется, до сих пор эта работа не проделана с опорой на герменевтические процедуры и культурно-антропологическую методологию, не считая опять же работ Фейербаха, Маркса и Энгельса, концепты и критические рационализации которых, в свою очередь, невозможно понять без экзистенциальных и культурно-исторических контекстов.

Как видим, с различением «понятий» и «категорий» уже в немецкой классической философии было не все так просто. Поэтому следует вновь обратиться к нашему утверждению о том, что в реальном мышлении человека, а не в абстрактном мышлении гносеологического «субъекта», понятия и категории всегда – и филогенетически, и онтогенетически – выступали в форме концептов, что уже уловил средневековый концептуализм.

³⁸ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., 2009. – С. 12.

³⁹ Е.П. Ситковский. Философская энциклопедия Гегеля // Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М., 1974. – (с. 5-50) – С. 9.

⁴⁰ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М., 1974. – С. 65-66.

С.С. Неретина, опираясь на данную историко-философскую традицию, связывает концепт не только с языковой идеальностью, но шире – с речевой коммуникативностью и с культурной диалогичностью субъектов, отличая «концепт» собственно от «понятия» (добавим – и «категории») ⁴¹. Такое понимание близко нашей позиции, но мы позволим себе все-таки не согласиться с ее *жестким разведением языка и речи*: речь невозможна без языка и соответствующих текстов, в текстах в снятом виде содержится речевая (шире – культурная) коммуникация (дискурс), а дискурс предполагает также культурно-коммуникативные и личностные, жизненные контексты. То, что С.С. Неретина понимает под концептом, есть идеальное формообразование, выраженное *текстуально* уже в процессах субъективной мыслительной деятельности, как *язык*, а затем и воплощенное в коммуникативной ткани живой речи и шире – *дискурса*. «Текст, – пишет И.Т. Касавин, – являясь собственно языковой реальностью, существует как смысловая единица только в определенном внеязыковом окружении – контексте (контекст задается, прежде всего, в культурной коммуникацией, в том числе речью – Ю.М., В.Р.), который находит выражение в тексте при посредстве живой знаково-эпистемической деятельности, или дискурса. Последний немислим вне текста и контекста, а контекст остается безгласным и бесчеловечным вне дискурса и текста. Однако эти отношения не исчерпываются специфической пространственной синхронностью, но характеризуются и особой динамикой, темпом и ритмом, иначе говоря, темпоральностью... В данном случае мы обращаемся к той синтетической способности феномена времени, которая позволяет свести воедино понятия текста, дискурса и контекста» ⁴². Мы только отметим, что проблема «язык и время», «язык и познание» имеет основания и в классической философии, начиная от Аристотеля, но не только в неклассической, как отмечает И.Т.Касавин.

Здесь необходимо сделать и отступление, конкретизирующее наше понимание дискурса. Мы не будем вдаваться в историю термина и понятия «дискурс», так как имеются работы (в том числе и в рамках белгородской философской школы), в которых эта проблематика рассмотрена достаточно полно, и мы ее учитываем в нашем исследовании ⁴³. Мы остановимся лишь на собственной его трактовке. Под дискурсом мы понимаем не только и не столько формально-логические и рассудочные формы мышления, но *особую систему смыслов*, связанных с культурной ментальностью и идеологией той или иной эпохи, которая *выражена в концептах* и представлена в самых разнообразных *языках* (текстах, знаково-символических формах), обладающих связностью и целостностью и погруженных в *речевые и культурно-коммуникативные практики*, в жизнедеятельность конкретного человека, в социокультурные, иррационально-психологический и другие *контексты*, т.е. в *экзистенциальный пласт бытия*. Скажем так: «дискурс – дом Бытия», а лучше «культура – дом Бытия» – это несколько «неметафизическая» переинтерпретация хайдеггеровского «язык – дом Бытия».

Итак, можно вернуться к уточнению вопроса о том, что такое концепт, как мыслительная форма, в его отличии от понятия. Да, концепт-понятие предельно субъектен и субъективен (экзистенциален!), как считает С.С. Неретина, но он реально выражается в конкретном, живом языке, на котором мыслит, пишет и говорит тот или иной автор, вкладывающий в них свои экзистенциальные контексты, а затем в дискурсе язык его письма и речи вновь впитывает различные дополнительные экзистенциальные контексты, экзистенциальный опыт Другого, и только *в диалоге с другими* «я» и «мы» *смыслы концептов* обретают форму *общезначимости*, теряя определенную субъектность и экзистенциальность, что, так или иначе, отражается и в дискурсных, культурно-коммуникативных практиках, и в соответствующих текстах, в том, что мы и называем *культурой* (это, как правило, доминирующая культура, «базовая», «господствующая» и т.п.). Именно в дискурсных практиках концепт закрепляется в текстах и знаково-

⁴¹ См.: С.С. Неретина. Концепт // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М., 2000. – С. 306-307.

⁴² И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 29.

⁴³ См.: И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 351-362; Е.А. Кожемякин. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: Диссертация на соискание... д. филос. н. по спец. 24.00.01 – Теория и история культуры. – Белгород, 2009; Е.А. Кротков. Дискурсивная модель научной рациональности: уч. пос. для преподавателей, аспирантов и соискателей. – Белгород, 2009; и др.

символических системах конкретно-исторической культуры и в ее категориальном строе. Только здесь, на наш взгляд, и возможна *дискурсивная* (мы отличаем «дискурсивное» как формально-логическое, как его и понимали во времена Канта, от «дискурсного» как коммуникативного), *рассудочная* «обработка» концепта до уровня абстрактного, «всеобщего» понятия, устраняющая экзистенциальные смыслы концепта или вносящая иные смыслы, экзистенциальные контексты и смыслы субъекта, *догматизирующего* живой дискурс и живые концепты в формальной ткани языка, текста, знаково-символических систем.

Да и то это возможно, когда субъект, «читающий» чужие тексты вне живого, непосредственного диалога, полностью отстраняется от их контекстов, делает их «объектом» познания. Здесь только и возможно весьма абстрактная схема *субъект-объектного* познания классической гносеологии, переводящая концепты из *экзистенциально-дискурсивной смысловой практики* в русло формально-логической *дискурсивной «рациональности»* и «объективности» и закрепляющая их в *понятиях*.

Неклассическая эпистемология отмечает, что в реальном познании, в том числе и в естественнонаучном, а не только в социально-гуманитарном, обязательно включающем герменевтические процедуры в «чтение» своих и чужих текстов, невозможно полностью устранить субъектность и субъективность и достичь «чистой» понятийности, необходимости и объективности нашего мышления, что в классической гносеологии объявлялось достоянием «чистого (абсолютного) разума». В реальной жизнедеятельности *человек всегда мыслит и мыслит концептами*, содержащими схемы, закрепленные в объективно-мыслительном схематизме культуры, *в категориях культуры*. Никогда человек не мыслит и не мыслит какими-то «чистыми понятиями»: исторически «понятия», например, древнего грека, как и его представления о времени, весьма существенно отличались от «понятий» и представлений о темпоральности средневекового ученого, а тем более ученого «нового времени» или современного.

Человек в идеальных схемах-формах своего деятельного бытия создает и задает, опредмечивает *схематизм культуры*, а затем в субъективно-мыслительной деятельности, погруженной в дискурс, коммуникативно-речевые практики и экзистенциальные контексты, распредмечивает эти схематизмы, облекая в формы чувственного созерцания и абстрактного мышления, которые невозможно разорвать в сознании и самосознании живого, конкретно-исторического индивида.

Все сказанное тем более актуально для философских текстов и дискурсов, которые *изначально диалогичны*. Это и позволяет нам говорить о том, что в чистом виде ни понятий, ни категорий как «наиболее общих», абстрактных понятий никогда не существовало: их можно зафиксировать только в предельно формализованных, дискурсивных текстах, вырванных из культурно-коммуникативных практик и культурно-исторических и экзистенциальных контекстов. В реальном бытии культуры и жизнедеятельности человека, в том числе и мыслительной, мы практически всегда имеем дело с концептами, нагруженными коммуникативными, культурными, идеологическими и экзистенциальными контекстами, а тем самым и смыслами, в том числе и темпоральными.

Список литературы

1. И. Кант. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. – СПб: Изд-во «ТАЙМ-АУТ», 1993. – С. 51.
2. П.П. Гайденко. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и
3. Философский энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989; Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004; и др.
4. А.П. Огурцов. Категории // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М., 2000.
5. В.П. Римский. Как возможна религиозная философия? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9(40). – 2007. – Вып. 2. – С. 275-280.
6. М.М. Белоусова, Ю.М. Мельник, О.Н. Римская, В.П. Римский. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 2 (57). – Вып. 7. – Белгород, 2009. – С. 37-39).
7. А.П. Огурцов. Категории // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М., 2000.
8. С.С. Неретина. Универсалии в западноевропейской философии // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М., 2000.

9. С.С. Хоружий. Неотменимый антропоконтур. 2. Кантовы антропотопики // Вопросы философии. – №2. – 2005. – С. 72-102.
10. И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. (544 с.) – С. 14.
11. М. Хайдеггер. Письмо о гуманизме. Пер. В. Бибихина. // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.
12. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1994. – 304 с.
13. Делез Ж., Гватари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.
14. Римский. Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Монография. – Белгород: Крестьянское дело, 2003. – 200 с.

EXISTENTIAL TIME: CATEGORY AND CONCEPT

Y. M. Melnik
V. P. Rimskiy

Belgorod State University

e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru

The article shows the first-ever attempt to explain the notion «existential time» which means its differentiation as a concept and category.

Key words: concept, category, time, existential time.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Н. А. Некрасова
К. Ю. Тарновский

*Московский
государственный
университет путей
сообщения (МИИТ)*

e-mail:
sinekrasov@mail.ru

Статья рассматривает основные подходы к трактовке вопросов любви в истории философии. Исследование любви с онтологической, аксиологической, этической точек зрения было характерно для большинства периодов развития философской мысли. Выделяются три этапа в эволюции взглядов на проблему: 1) растворение материального психически-телесного аспекта любви в космическом (предфилософская традиция и античность), 2) определенное тождество между любовью и душой человека, непризнание материально-телесной стороны любви, когда любовь рассматривается только как аспект праведной жизни и познание Бога (средневековье), 3) рационалистический этап (любовь понимается как духовная основа существования человека, невозможная без разума). Статья заостряет внимание на понимании любви прежде всего как высокодуховного объединяющего начала человеческого существования (рассмотрение теорий религиозных мыслителей К. Льюиса, П. Тейяра де Шардена).

Ключевые слова: Абсолют, Бог, возрастание, возрождение, всеединство, духовность, космос, любовь, обновление, пол, психо-физическое, рациональность, усилие, Эрос.

Любовь как проблема и как тайна находится в сфере интересов мыслителей и ученых, представляющих разные области знания. Как правило, однако, предметом исследования становится не само ощущение любви, занимающее крупное место в бытии человека, а явления, так или иначе связанные с этим ощущением (термин «ощущение» в данном случае используется с долей условности). Любовь остаётся предметом не столько философской мысли, сколько искусства, как сферы, в которой объективное подчинено субъективному и в которой отсутствует как таковой понятийный аппарат, свойственный философии. Между тем, философия, изучающая человека, не может не замечать любовь не просто как психологическое, психо-физическое явление, но и как явление онтологическое, свойственное бытию. В данном случае любовь понимается как результат соотношения нескольких сторон жизни человека: биологической, социальной и духовной, причем последняя играет самую существенную роль, хотя и не может существовать без двух предыдущих. В настоящее время насущным является вопрос также о любви как ценностной, аксиологической категории: остаётся ли для нее место в быстроменяющемся мире, нет ли предпосылок к качественному изменению в человеческой природе? Зависит ли любовь как таковая от общества, от его культуры и идеологии? Для рассмотрения этих и иных вопросов необходимо уяснить, каким было понимание любви как обширнейшей философской категории в истории философской мысли. Необходимо выделить этапы её рассмотрения, обозначить их отличие друг от друга. В данном вопросе имели место и противоречия, и разрозненность в силу совершенно разного определения понятия любви различными авторами, представителями различных исторических эпох. Цель данной статьи – рассмотреть наиболее общие, свойственные тем или иным эпохам и отдельным мыслителям, подходы к категории любви, обозначив сходства и различия этих подходов.

В эпоху мифотворчества любовь играла важную роль в жизнедеятельности рода человеческого, порождая порядок и гармонию всего Космоса, творя мир из хаоса, хотя осознавалась первобытным человеком на уровне образного сознания. Миф рассматривает природу и человека в виде нерасчлененного целого, а индивида представляет растворенным в первобытном коллективе. Человек ощущает непосредственно свою связь со всем Космосом, объединяясь с ним как единое целое. Среди иерархии ценностей человека в то время главное место занимает идея непрерывного рождения и обновления мира. Человек есть микрокосм и воплощает закономерности Космоса. Соединение неба и земли, мужского и женского, в результате которого происходило непрерывное рождение и обновление природы, было тем космическим процессом, в котором человек участвует, но не играет ведущей роли. Противопоставление мужского и женского переносилось на всю

Вселенную. Ритуал священного брака, сопровождаемый массовым совокуплением, рассматривался как соединение всех плодоносящих сил природы и отмечался ежегодно как праздник, причём, производительный акт не имел самостоятельной ценности и не выделялся среди других праздничных действий. Сакральный брак рассматривался как соединение полярных сил, как стремление к единению и целостности мира космического и мира человеческого. Оппозицию «мужское-женское» и взаимодействие внутри данного отношения можно рассматривать как модель Космоса и своеобразную мифологическую парадигму мировоззрения.

Становление понятия «эрос» в античной философии непосредственно осуществляется на основе этого образного представления о космичности производительного акта как акта обновления и воскресения всей природы и человеко-мира в целом и объясняет характерный для античного сознания синкретизм образа и понятия. Этап космического единения с природой не настаивал на любви духовной не столько в силу ее отсутствия, сколько в силу отсутствия философствования как такового. Греческая традиция выступила в роли преемницы мифологической картины мира, сохранив отдельные ее стороны в своем восприятии любви. Особенностью этого восприятия было отсутствие полового разделения в любви и фактическое признание однополой любви не просто как факта, но как высокой и наиболее одухотворенной формы любви. Данная особенность может рассматриваться как с психоэтической стороны (т.е. как своего рода отклонение), так и со стороны онтологической. Особенности мировоззрения древнего грека создавали ситуацию, когда однополая любовь не дефиницировалась как греховная, что можно связать с отсутствием монотеистической религии, делавшей возможной такое понимание; она соответствовала морально-этическим устоям древнего грека. С другой стороны, любовь однополая не означала исключительно (или в главной степени) сексуальной привязанности, важнейшим аспектом такой любви был аспект духовный. При этом любовь выступала в данном случае как стимулирующий фактор добродетели, бесстрашия, стремления к избеганию позора: «если бы возможно было образовать из влюбленных государство... или войско, они управляли бы им наилучшим образом, избегая всего постыдного»¹. Благочестие и добродетель как в древней Греции, так и в последующем, определялись преимущественно как мужские качества, и платоновский «Пир» (используемый нами как произведение, дающее наиболее полное представление о философском понимании любви в античной Греции) рассматривает любовь также как атрибут в основном мужского характера, не исключая женщин из рассмотрения вопроса (в качестве примера может быть указана Алкестида, дочь Пелия), но отдавая им второстепенную, телесную роль с почти полным отсутствием права на духовность (несмотря на это, зачатие понимается Платоном как проявление бессмертного начала в изначально смертном существе).

Говоря о телесном и духовном в античном понимании любви, следует отметить, что несмотря на то, что дух еще не превалировал над телом, имела место тенденция к их разделению. Платон говорит о «двух Эротах», из которых один – низменный, представляющий ту любовь, которой «любят люди ничтожные»; другой Эрот представляет качественно отличную категорию любви, связанной с культом Афродиты небесной, которая «причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому»². Эти положения заставляют вспомнить близкую к ним по духу теорию Платона о «двух конях» – белом и черном, которые символизируют, соответственно, высокое и низкое начало и которые должны управляться разумом.

Сократ в диалоге Платона представляет Эрота как любящее начало, а саму любовь – как стремление к благу. Это означает одновременно и стремление к целостности, в частности, избавление от недостатков путем осознания и *переживания* достоинств любимого человека. Иными словами, любовь может быть понята как проекция на себя. Качества любимого человека проецируются на любящего, становясь в нем качествами уже не отдельно взятого человека, а качествами бытия, сбывшегося в человеке. До осознания этих качеств (до вступления в любовь), соответственно, для человека они не существовали как качества мира, так как не имели конкретно выраженного наполнения. Рождение чего бы то ни было (художественного произведения, тех или иных дел, ребенка и т.д.) есть ре-

¹ Платон. Пир // Соч. в 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 104.

² Платон. Указ. соч. С. 107.

зультат любви, того, что каждый человек беременен «как телесно, так и духовно». Таким образом, в любви заключена воля к бессмертию, выраженная как неосознанно (в рождении детей), так и осознанно (в создании тех или иных произведений искусства). Платону в его концепции Эроса понадобился Абсолют как царство вечных ценностей добра, красоты и истины, чтобы объяснить неудержимое стремление Эроса помочь людям попасть в это царство. Стремление к добру как идеалу высшего совершенства в платоновском учении говорит об изначально присущем нравственному смыслу понимания любви в философии.

Аристотель, описывая преимущества любви, выделяет в ней дружественный элемент, рассматривая дружбу как цель любви, ибо «существует нечто, соединяющее людей, именно любовь» как «духовное общение друг с другом»³. Это нечто, или любовь, приравнивается к истинному Я, которое дает истинную свободу, знание свободы, как своей сущности, как своей цели, что даёт понимание истинной природы любви.

Таким образом, в античности любовь выступает космической силой, телесный и духовный аспект любви тесно связаны как друг с другом, так и с космосом; любовь и космос представлены в некоем тождестве. Духовная любовь понимается античными греками прежде всего как связь мужчин, объединенных высоким уровнем разумности, т.к. только разумному доступно понимание этой второй категории любви, ее духовной наполненности. Разумной любви противопоставляется любовь-потребность, ассоциируемая с низостью и пошлостью «первого Эроса»: «низок же тот пошлый поклонник, который любит тело больше, чем душу»⁴. В то же время противопоставление души и тела как такового отсутствует, так как здоровая душа понимается как почти непререкаемый атрибут здорового тела; даже «низменный» Эрот может быть безвреден, если в низменном есть умеренность и она сочетается с разумностью. Более того, два этих различных начала диалектически сосуществуют друг с другом.

В средние века, когда происходит освобождение индивида от общины посредством акта богопознания, на первый план выходит жертвенная любовь.

Стремление познать Бога – это и есть любовь, ибо Бог есть любовь, и только в Боге можно познать себя самого и другого. Первая книга, посвящённая этой проблеме, «Философия любви», была написана Леоне Эбрео, которая в XV-XVII вв. неоднократно издавалась в Испании, Италии, Франции, но сегодня незаслуженно забыта, обосновывает духовную природу любви и рассматривает её в неразрывном единстве с творчеством, сущность которого содержится в божественном уме, или мировой душе, т.е. «творчество единения с Богом в восхождении». Здесь отношение Я и Бог рассматривается как духовное откровение.

В основе философской и научной методологии средневековья лежала схоластика как искусство доказательства того, что принято на веру. Объясняя главный вопрос, – вопрос существования Бога, – она одновременно охватывала все остальные вопросы бытия человека, природы, идей, давая им свою трактовку. Вопрос о любви в средневековой схолистике – это, прежде всего, вопрос о любви к Богу. Несомненно, античный «духовный эрос» (В.В. Бычков), вообще любое плотское наполнение любви, оказались неостребованными средневековой схолистикой и даже враждебными ей, и уступили место идеям любви как движения к Богу, хотя процесс этого изменения не был законченным и однозначным.

Раннее христианство еще не отвергало любовь небожественную, хотя и связывало ее с Богом, как высшим проявлением этой любви – таковы слова апостола Иоанна: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рождён от Бога и знает Бога; кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин 4, 7-8). Любовь к ближнему, подлинная и стоящая еще *прежде* любви к Богу (являющаяся основой для нее) была нужна раннему христианству как идея, без которой оно не могло существовать – эту идею раннее, «катакомбное» христианство, возникавшее в среде римских рабов и провинциальных жителей, противопоставило озлоблению, войнам, беззаконию и бесчестности позднего Рима.

Аврелий Августин, заложивший основы схоластики, уже отходит от идеи такой любви. В трактате «О граде Божием» Августин резко разводит земное и небесное, проти-

³ Аристотель. Физика // Соч. в 4-тт., т. 3. М., 1978, с. 225.

⁴ Там же. С. 110.

вопоставляя брэнности и грязи «града земного» чистоту «града Божьего», к которому человек может и должен стремиться на земле. В этих условиях любовь воспринимается как усердное познание Бога (в отличие от сократовского «познай самого себя»). «Если человек создан так, что через то, что имеет превосходство в нем, он может достигать того, что превосходит все, т. е. единого, истинного, всеблагого Бога, без Которого не существует никакая природа, не наставляет никакое учение и никакая практика не приносит пользы; то Он-то сам и должен быть для нас предметом искания: так как в Нем все для нас обеспечено; и предметом познания: так как в Нем все для нас достоверно; и предметом любви: так как в Нем все для нас прекрасно»⁵.

Августин испытал серьезное влияние идей Платона, тогда как более поздняя, классическая европейская схоластика и, главным образом, Фома Аквинский восприняли учение Аристотеля. Для Фомы идея познания Бога также была центральной, однако в данном случае речь идет не только о сверхразумном познании или интуитивной любви, но и об интеллектуальном, умозрительном познании. Чувственное восприятие, по Фоме, «не схватывает сущности вещей», которые может познать интеллект. При этом интеллектуальное познание не имеет связи с чем-либо телесным, оно осуществляет действие через самое себя, и тело здесь не участвует. Для классической и поздней схоластики раннехристианский идеал любви к ближнему как средства приближения к Богу во многом утратил свое значение и был заменен вопросом познания Бога, ибо только это познание может привести к любви.

В средние века человек без любви представлял из себя неполноценное, жалкое существо. «Бог есть человеческая сущность, но сознаваемая как другое существо»⁶. В христианстве, в отличие от платоновской концепции Эроса, приобретает значение личностное осознание себя и другого через любовь к Богу. В эпоху средневековья между любовью к Богу и душой человека устанавливается тождество.

Средневековая схоластика не подразумевала полной унификации знаний, имела место борьба мнений. Однако полный поворот от Бога к человеку стал возможен только с XIV-XV вв., когда эпоха Ренессанса вновь сделала человека и его чувства предметом познания.

В эпоху Возрождения «Я» выделяется в качестве свободного индивидуального начала и на первый план начинает выходить психологическое начало человека, которое приводит к новому определению любви, которое связано с осмыслением природы человеческой ценности. Религиозное представление феномена любви сменяется рациональным или философским: любовь приравнивается к мысли, которая представлена Абсолютом. Выделение духовного начала из природного происходит, прежде всего, в диалоге. Представления о любви эпохи Возрождения как бы в снятом виде сохраняют любовь, нисходящую к космическому и телесному началу, и любовь, восходящую к Богу, которые в своём взаимопроникновении рождают подлинное представление о любви как духовном, бескорыстном начале человека. «Истинная любовь желает в ущерб себе быть полезной другим... Никто не может любить другого, если до этого он не полюбил себя – но только праведно» – заявляет Эразм Роттердамский⁷. Вместе с тем он резко противопоставляет праведную любовь половой, видя сущность последней лишь в «маленькой гнусной щекотке»⁸.

Представление о нравственной цельности любви в её сущностном значении утрачивается в философии Нового времени. Здесь формируются сущностные характеристики любви, но в отношении проявления её конкретных свойств: у Гоббса, Локка, Спинозы и Кондильяка любовь рассматривается как желание приятного; у Лейбница – как стремление к совершенству; у Мальбранша – как стремление к добру; у Хатчесона, Юма и Смита – как стремление к альтруизму.

Философия нового времени поначалу не рассматривает любовь как Абсолют или высшую духовную ценность, ставя ее в ряду неизбежных и не всегда приносящих пользу атрибутов человеческой жизни. Любовь понимается философией нового времени как од-

⁵ Августин Блаженный. О граде Божиим. М., 2000. С. 362.

⁶ Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные произведения: в 2-х т., 1955. Т. 2. С. 284.

⁷ Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Философские произведения, М., 1986. С. 170.

⁸ Эразм Роттердамский. Указ. соч. С. 200.

на из страстей, присущих человеческому организму. Ф. Бэкон, допуская, что в природе человека заложена склонность любить других, говорит о любви как о признаке слабости человека, т.к. не один из достойных людей прошлого или современного Бэкону времени не был увлечен любовью до безумия; кроме того, она потворствует искажению оценочных суждений, так как заставляет человека до абсурда высоко думать о человеке, которого он любит. Противопоставление разума и чувств приводит также к отрицанию семьи. Семья, по Бэкону, является «помехой на пути свершения великих предприятий, как добродетельных, так и злонамеренных, и лучшие начинания, принесшие наибольшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей»⁹. Любовь противопоставляется разумному началу в человеке, хотя Бэкон признает, что жена и дети являются своего рода школой человечности. Одиноким людям в большей степени свойственны жестокость и бесчувственность – из них, замечает Бэкон, выходят суровые инквизиторы, потому что к их нежности не так часто взывают¹⁰. Бенедикт Спиноза также рассматривает любовь как неизбежную страсть, существование которой в человеческой жизни, однако, нельзя никак предотвратить. Это невозможно в силу того, что, как пишет Спиноза, «это не зависит от нас, но лишь от добра и пользы, которые мы наблюдаем в объекте. Чтобы не любить его, мы не должны быть знать его, но последнее не находится в нашей власти; ибо если бы мы ничего не познавали, то наверное и не существовали бы»¹¹. Рационализм философии нового времени оставляет для любви место лишь в силу невозможности отказаться от нее полностью, но не считает ее однозначно благим началом. Философская мысль данного периода сужает понимание любви до любви-потребности, которой сопутствует страстное желание обладания предметом любви, при этом уходя также от средневековой концепции любви к Богу.

Качественно новый шаг в понимании сущности любви сделала немецкая классическая философия, определяя любовь как принцип духовной деятельности. По Канту, тайна любви – это тайна нравственных законов внутри человека, и которые представляют сущность человеческого рода и даны ему априорно. По Фихте, любовь представлена как сила онтологического соединения двух противоположностей – «Я» и «Не-Я», на которые сначала расчлняется мировая духовная сила, чтобы потом вновь устремиться к их воссоединению. Для Шеллинга любовь становится принципом деятельности всеобщего духовного начала, а для Гегеля любовь предстаёт как проявление абсолютного духа, животворящая идея, посредством которой человек усиливает свою индивидуальность.

В философии немецких романтиков (А. и Ф. Шлегель, Новалис и др.) любовь выступает как «как онтологический принцип жизни, которая выступала универсальной миротворящей силой», при этом чувственность ставится в один ряд с возвышенной духовной любовью. Согласно романтической философии, «культура чувственности является одним из стимулов и важнейшим мотивом любви»¹².

Артур Шопенгауэр рассматривает любовь в рамках своего труда «Мир как воля и представление» (глава «Метафизика половой любви») и соотносит ее с понятием мировой воли. Так, рождение каждого ребенка – это усилие мировой воли, пожелавшей, чтобы он родился именно от этих родителей, и сама их любовь (или мимолётная страсть) символизирует волю к жизни этого, еще не рожденного, существа. Шопенгауэр выделяет любовь как силу, которая «после любви к жизни является самой могучей и деятельной среди всех пружин бытия»¹³. Положение, когда люди (противоположного пола) чувствуют друг к другу отторжение или неприязнь, знаменует собой некое отрицательное усилие мировой воли: человек, родившийся в результате их возможной связи, оказался бы неполноценным или больным, и потому мировая воля предостерегает этих людей от общения.

Но наиболее целостно анализирует любовь Л. Фейербах, рассматривая её как самоощущение человеком своей родовой принадлежности и стремление людей к совершенству. При этом учение Фейербаха о любви тесно связано с его учением о человеке, яв-

⁹ Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М. 1978. Стр. 366.

¹⁰ Бэкон Ф. Указ. соч. С. 367.

¹¹ Спиноза Б. Краткий трактат о боге, человеке и его счастье. Избранное. М., 1957. С. 121.

¹² Садунова Н.В. Философия любви немецкого романтизма. Дис. канд. филос. наук. Тверь, 2009.

¹³ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб., 2008. С. 98.

ляющемся центром бытия – не Бог создал человека, а человек, как существо, стремящееся к совершенству, создает Бога в качестве некой совершенной меры. Отсюда христианскому концепту «Бог есть любовь» Фейербах противопоставляет обратное «Любовь есть Бог». Христианская этика признает любовь лишь как стремление к Богу, атрибут веры. Не являясь принципом человеческого существования сама по себе, она выступает лишь как нравственная составляющая христианской религии. В христианстве вера ограничивает любовь, ставя ее в зависимость от божественного, между тем как любовь сама является божественным. Понятие добра, как и понятие любви, подчинено христианской вере. Человек совершает добро не ради добра, а ради некоего последующего спасения, ради Бога, который *выше* добра. Но любовь самоценна сама по себе, и только обратный принцип «Любовь есть Бог» позволяет ей, любви, раскрыться: добрые дела совершаются в данном случае ради них самих, любовь не ведает рамок и не ограничивается верой. В противном случае вера «делает себя сущностью, главным делом, фундаментом» тогда как любовь воспринимается лишь как ее качественный атрибут¹⁴. Любовь, скованная понятием веры (или еще какой-либо высшей сущности, от которой она зависит) является уже не самоценной, более того – лицемерной и противоречащей самому понятию любви, так как содержит в себе зародыш религиозной ненависти (она добра только до тех пор, пока не задевается вера). Иными словами, Фейербах противопоставляет любовь универсальную любви христианской, не оставляя за последней права именоваться собственно любовью. При этом соотношению «любовь – вера» Фейербах противопоставляет соотношение «любовь – разум».

Философия XIX-XX века во многом подвергает критике взгляд на любовь как на идеальную благую силу; она расширяет и дополняет воззрения, свойственные предыдущей эпохе. Ф. Ницше признаёт в любви и самосохранение, и самоотрицания, отвергая в ней альтруизм. С. Кьеркегор говорит о непрочности чувственного образа любви – несмотря на то, что он имеет в себе божественное, существует опасность низведения его до эгоистической погони за наслаждениями, преходящее пытается в данном случае возвыситься до вечного. О непрочности любви говорит Ж.-П. Сартр, утверждающий конечной целью всякой любви присвоение свободы другого, субъект желает «склеивания», связывания свободы другого ею же самой, в чем проявляется ее дисгармония и противоречивость. А. Камю пишет о бренности любви, которая лишь «приукрашается иллюзиями вечности»¹⁵, и последним противоречием которой является смерть. Щедра та любовь, утверждает Камю, которая осознаёт одновременно и свою неповторимость, и свою бренность. Неповторимость любви складывается из смеси желания, нежности и интеллекта, свойственных в разной мере и понимаемых по-разному каждым человеком, и бессмертие здесь возможно лишь как вечное перерождение; в настоящем же каждая любовь небожественна и смертна.

Особое понимание любви предлагает религиозная философия XX века, в частности П. Тейяр де Шарден и К. Льюис.

Пьер Тейяр де Шарден рассматривает любовь как космическую силу, выступающую основой человеческого совершенствования. Любовь к Богу является основой человеческого совершенствования, но она не должна противопоставляться любви к миру. Тейяр говорит о трех «несовершенных», неправильных путях решения проблемы дуализма Бога и мира: – это, соответственно, либо отказ от мирского, либо отторжение евангельских заповедей и сосредоточение на чувственной, мирской, земной стороне жизни, либо смирение с двойственностью самого себя и раздвоенностью бытия. Четвертый, правильный путь, подразумевает любовь как усилие, которое человек совершает по отношению к миру, но которое при этом приближает его к Богу. Здесь можно составить следующую цепочку: усилие, возрастание, любовь. Усилие в данном случае – это работа какого бы то ни было плана («какой бы простой она ни была»), в которой человек (разумеется, христианин) начинает видеть средство, «открывающее путь к высшему становлению» его личности. Возрастание – есть самое это становление, а любовь – та сила, которая придает ему всеобщность, которая усилие и возрастание каждого человека множит на усилия и возрастания других людей.

¹⁴ Фейербах Л. Избранные философские произведения, М. 1955. Т. 2. Цит. по: Мир и Эрос. Антология философских текстов о любви. М., 1991. С. 181.

¹⁵ Камю А. Миф о Сизифе. Цит. по: Мир и эрос. Антология философских текстов о любви. М., 1991. С. 229.

Всеединство в данном случае следует понимать как единство Бога и человека, человека в Боге, достигаемое совершенствованием человека, которое, в свою очередь, невозможно и не имеет смысла без сил любви. Усилие, совершаемое во благо, ведет к мыслительной работе, осмыслению себя и мира, напряжению души, к тому, что человек навсегда лишается «безмятежной замкнутой жизни, в которой... коренится порок эгоизма и несвободы»¹⁶. Освобождение от эгоизма («безмятежной жизни»), самосовершенствование и любовь идут в этом случае рука об руку. Конечная цель любви – Бог, но его невозможно полюбить, не любя человека и не достигнув определенной стадии совершенства.

В то же время любовь к миру и к ближнему должна основываться на осознании любви к Богу, а не быть основой для нее: Тейяр подчеркивает, что его система рассчитана на человека, душа которого уже отвратилась сознательно от путей зла, т.е. человека, ступившего на путь христианской религии, познания Бога. Это означает, что достойно уважения любое усилие человека, если это усилие одухотворенно. Между тем, эта одухотворенность сама по себе приобретает очертания только под влиянием чувственного мира, ибо «наша духовная сущность непрерывно питается бесчисленными энергиями чувственного мира»¹⁷. Тело, утверждает Тейяр, тоже влияет на душу – «наше тело не может питаться, независимо от души»¹⁸. Однако все, что тело восприняло и начало перерабатывать, душа должна возвысить. Осязаемое ощутимо включено в самые духовные зоны наших душ, а потому необходимо признать единство процесса, направляющего развитие Вселенной.

Человеческие усилия, если они одухотворенны (основываются на любви к Богу), неизменно делают человека ближе к Богу. Человек и Бог, в сущности, едины, человек – это часть Бога, и человек, ищущий Господа, по сути, погружает свое сердце в сердце самого Бога. Спасение человечества и спасение каждого конкретного человека – неотделимы, это две стороны одного процесса. В каждой отдельной душе Бог любит и спасает целиком весь мир, который преломляется в ней особым образом, присущим ей одной, пишет Тейяр. Любовь к ближнему, имеющая своей скрытой целью единение людей во Христе – это ответ человека на любовь Бога.

Любовь для Тейяра де Шардена глубоко духовна, одухотворенна, это – тень божественности. При этом о любви Тейяр говорит, почти нигде прямо не объясняя и не определяя ее. Возможно, это связано с тем, что любовь, как и Бог, для Тейяра – религиозного мыслителя, фактически априорна. Вместе с этим на основе положений, высказанных Тейяром в «Божественное среде», можно выделить три сущности любви – биологическую (присущая в той или иной степени всем живым существам, находящимся в развитии), разумную (ее достигает, развивает в себе и постигает человек, освобождаясь от эгоизма) и божественную, космическую (божественную) (здесь речь идет уже не об индивидуальном чувстве, а о коллективном существовании, которое начинается тогда, когда человек и все человечество готово к нему, когда «человек» и «Бог» практически размыты). Разумеется, эти сущности могут быть выделены лишь в теории, на самом же деле они нераздельны (хотя «космическая любовь» как факт настоящего, возможно, и не существует, но она есть в потенции).

К.С. Льюис, писатель и религиозный мыслитель, обозначает три типа любви более четко, строя свое суждение на примерах и сопоставлениях. Эти три типа – любовь-нужда, любовь-дар и любовь-оценка. Так, любовь-нужда является низшей, но неотъемлемой ступенью любви, на которой основываются остальные. Это, во-первых, потребность в привязанности, потребность в осознании своей необходимости. Любовь-нужду, замечает Льюис, можно сравнить с «удовольствием-нуждой» – тем ощущением, которое само по себе не является удовольствием, если ему не предшествует нехватка и перестает быть удовольствием, когда та или иная потребность удовлетворена. Так, человек, желающий пить, несомненно, испытывает истинное удовольствие от стакана воды, но когда потребность в питье удовлетворена, следующий стакан воды не принесет удовольствия. Всякая потребность временна. Однако такая потребность, как потребность человека в Боге не является

¹⁶ Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М., 2003. С. 45.

¹⁷ Тейяр де Шарден П. Указ. Соч. С. 29.

¹⁸ Там же. С. 30.

временной, и именно поэтому Льюис сохраняет за любовью-нуждой статус подлинной любви: «не стоит высшее без низшего», высшая нужда человека – нужда в Боге – оправдывает эту любовь.

Если любовь-нужду можно сравнить с потребностью детей в родителях (при этом это не означает ее намеренной эгоистичности), то любовь-дар, вторую категорию любви, уместно сопоставить с любовью родителей к детям. В то же время, любовь-дар нельзя назвать однозначно высшей, так как она подразумевает потребность в привязанности и тоже несвободна от инстинктивных составляющих. К. Льюис особо оговаривает термин «привязанность». С одной стороны, любовь родителей заставляет их делать все для своих детей. С другой стороны, «привязанность – самый неразумный вид любви... Поистине любит людей тот, кто привяжется к каждодневным спутникам. Привязаться можно к каждому. Поэтому каждый и ждёт, что к нему привяжутся. Отец нередко ужасается, что сын не любит его, и считает это противоестественным»¹⁹.

Наиболее отвлеченной является третья категория любви, любовь-оценка, называемая так по аналогии с «удовольствием-оценкой». В сравнении с удовольствием-нуждой, упомянутым выше, удовольствие-оценка представляет собой иной тип ощущения, так как оно апеллирует к всеобщему. «Вы идете утром по дороге, и вдруг до вас доносится запах с поля или из сада. Вы ничего не ждали, не хотели – и удовольствие явилось как дар (...) Тот, кто услышал утром запах цветов из сада, скажет: «Как хорошо! ». Любовь-оценка также обращается ко всеобщему и не связана напрямую с каким-то определенным объектом; можно говорить о ней как о любви-к-бытию или даже бессубъектной любви бытия. «В нем есть признание непреходящей ценности», кроме того, отсутствие субъектности наиболее удалено от эгоизма. «Даже в самом примитивном удовольствии-оценке есть неэгоистичное начало – потому мы и радуемся, что сад или луг цветет по-прежнему, а леса в каких-нибудь чужих краях не вырублены. Мы просто любим все это; мы произносим на секунду, как Бог, что это «хорошо весьма» (Быт.1,31)»²⁰. Схожие примеры приводит в «Божественной среде» Тейяр: наиболее абстрактная понимаемая любовь в своей космичности подразумевает неосознанное «влечение к единству», которое возникает у человека, наслаждающегося природой или музыкой. Несомненно, что музыка объединяет людей совершенно разных языков и культур, т.к. чувства вызываемые ей, не находятся в прямой зависимости от того или иного языка или культуры.

Бессубъектная любовь-оценка означает, по сути, не собственно любовь, а нравственный закон, позволяющий человеку оценивать все с точки зрения любви, в том числе и самого себя. По Льюису, Бог может разбудить в нас благодатную любовь-оценку к себе, что Льюис считает «самым лучшим даром... Когда он есть у нас, нам всё возможно»²¹.

Особые взгляды на тайну любви присущи русской философской мысли. Русская философия конца XIX – начала XX века осуществляет воскрешение платоновской концепции Эроса, как космического объединяющего начала, но пропущенное через призму личности, индивидуальности, бессмертия которой заключается в обретении человеком своей изначальной целостности посредством любви. Духовная направленность русской философии (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов и др.), понимание ею космической роли человека обусловили то, что все философские поиски определения сущности любви интуитивно или сознательно концентрировались вокруг проблемы человека, истолкования его сущности, что оказало определяющее влияние на всю мировую культуру XX века.

Для В.С. Соловьева индивидуальная межполовая становится истинной основой любви как таковой, любви всеобщей, которой предстоит вывести человечество на качественно новый виток развития. Эта любовь связана с постоянным духовным совершенствованием человека. На определенном этапе любовь должна быть не только ощущаема человеком, но и познаваема, осознаваема им – только в этом случае она может стать всеобщим законом. Пока же, как утверждает Соловьев, имеют место лишь случайные ее проявления, *осознаваемая* любовь находится в зачаточной стадии развития, но это развитие есть в потенции, так как совершенствование человека в силу его разума не имеет предела.

¹⁹ Льюис К. Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992. С. 223.

²⁰ Льюис К. Указ. соч. С. 212-213.

²¹ Там же. С. 261.

Именно с развитием разума придёт и осознание той любви, которая станет объединяющей силой человечества, обновив его собой. В этом концепция Соловьева перекликается с точкой зрения Тейяра де Шардена, говорившего о постоянном развитии человека внутри ноосферы, о приближении к Богу через самосовершенствование.

В.С. Соловьев приходит к выводу, что половая любовь (в его терминологии) не находится в зависимости от некой «мировой воли», о которой говорит Шопенгауэр; кроме того, он опровергает мнение о том, что она напрямую связана с продолжением рода. Напротив, исследуя биосферу, он приходит к выводу об их обратной зависимости: чем больших масштабов достигает размножение (у рыб, низших млекопитающих, насекомых), тем меньше, собственно, половая любовь и ее качественная роль как связующей силы двух партнеров. У людей, наоборот, наиболее сильная любовь может вообще не сопровождаться деторождением. Опровергает Соловьев и другую теорию: эта теория в том, что великая страсть даётся для того, чтобы породить некое лучшее существо – «чтобы являлись на свет лучшие его (человечества – К.Т.) образчики»²² (и здесь опять проступает уже отвергнутая Соловьевым мысль о связи любви как таковой и продолжения рода). Соловьев доказывает несостоятельность такой теории от противного, говоря о том, что наиболее часто самая сильная любовь – является неразделенной, а если и разделяется, то весьма и весьма редко приводящая к рождению ребенка. Можно добавить, что именно такая сложная, неоднозначная любовь нередко знаменует собой творческие подъемы, изменения в мировоззрении личности, ее переживающей. В иных случаях она, наоборот, приводит к трагическим результатам, о чем говорит и Соловьев. «Если вследствие такой любви люди постригаются в монахи или кончают самоубийством, то из-за чего же тут хлопотала заинтересованная в потомстве мировая воля?»²³. Другим доказательством служит тот факт, что даже те нечастые случаи, когда «великая взаимная страсть» воплощается в новое существо, то оно, как правило, не несет на себе никаких отпечатков участия «мировой воли» и вообще не выглядит каким-то особенным – здесь Соловьев приводит в пример внебрачного сына Христофора Колумба, рожденного женщиной, к которой он питал сильную страсть: этот сын не сделал ничего выдающегося, кроме того, что написал биографию своего отца. Обращаясь к более поздней исторической эпохе, можно привести примеры выдающихся личностей, родившихся от выдающихся же родителей (в частности, и сам Соловьев, сын историка С.М. Соловьева), но проявлению таланта которых скорее способствовали воспитание и обстановка, в которой они росли, нежели участие «мировой воли» и особой любви. Сын А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева Лев Николаевич Гумилев стал значительным ученым, разработавшим оригинальную пассионарную теорию, но брак его родителей не был безмерно счастливым.

Итак, любовь для В.С. Соловьева не является средством улучшения человеческого рода или лишь возможностью его продолжения, но она выражает собой то состояние, когда «именно это лицо другого пола имеет для любящего безусловное значение как единственное и незаменимое, как цель сама по себе». И одновременно с этим именно в такой личной любви Соловьев видит потенциальный путь к обновлению всего человечества.

Отсюда второй главный аспект философского подхода Соловьева: в его системе любовь индивидуальная напрямую связана с совершенствованием человека и человечества вообще. Для животных теория о половой любви как средстве получения лучших особей, опровергнутая им, вполне подходит: свое выражение она находит в естественном отборе. Однако человек в отличие от животных имеет разум, который позволяет ему самосовершенствоваться. Это самосовершенствование должно привести человека не просто к *ощущению* любви, но и к ее *познанию*. Однако путь к этому познанию, осознанию – непрост и неблизок; человечество стоит лишь в самом начале этого пути. Совершенствование человека в силу его разума не знает пределов. Отсюда Соловьев делает вывод, что осознание любви как всеобщего закона возможно, пусть и в отдаленной перспективе. «Даже и самое разумное сознание, прежде чем стать фактом в человеке, было только смутным и безуспешным стремлением в мире животных. Сколько геологических и биологических эпох прошло в неудачных попытках создать мозг, способный стать органом

²² Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Смысл любви. Избранные произведения. М., 1991. С. 127.

²³ Там же. С. 129.

для воплощения разумной мысли. Любовь для человека есть пока то же, чем был разум для мира животного: она существует в своих зачатках или задатках, но еще не на самом деле. И если огромные мировые периоды – свидетели неосуществленного разума – не помешали ему наконец осуществиться, то тем более неосуществленность любви в течение немногих сравнительно тысячелетий, пережитых историческим человечеством, никак не дает права заключить что-нибудь против ее будущей реализации»²⁴. При этом человеку в реализации любви уже не нужен будет Бог, так как его роль будет воспринята самим обновленным человечеством. «Следует... хорошо помнить, что если действительность разумного сознания явилась в человеке, но не чрез человека, то реализация любви, как высшая ступень к собственной жизни самого человечества, должна произойти не только в нем, но и чрез него»²⁵. Нельзя сказать, что любви как факта не было и она вообще не реализовывалась в течение истории человечества. Но она развивалась как бы случайно, пассивно. В.С. Соловьев же ставит вопрос о «деле любви», ибо для ее поддержания мало чувств и эмоций, на помощь человеку здесь должен прийти разум. Любовь, которая будет способствовать обновлению человечества, должна быть сознательной. Или, иначе, сознательная любовь есть предпосылка для перехода человечества на новый уровень развития. Именно любовь сознающая, сочетающая в себе духовное, физиологическое и социальное, сможет поднять человечество на новый уровень, дать ему бессмертие.

В.С. Соловьев не утверждает бессмертия как некоего идеального состояния существования человечества. По крайней мере, исходя из его учения, бессмертие нельзя понимать как избавление от тела и существование одного лишь духа, т.к. на основе только духа любовь не сможет держаться, ибо потеряет свой объект. Так же как ущербна сама по себе любовь к абстрактному, ибо в ней нет равенства объекта любви и любящего: объект ему либо толком не известен, либо неравен ему. «Ангел или чистый дух не нуждается в просветлении и одухотворении; просветляется и одухотворяется только плоть, и она и есть необходимый предмет любви»²⁶. Еще более резко говорил об этом Н.А. Бердяев: «Любовь к такому «дальному», как «сверхчеловек» Ницше, как грядущий коммунистический строй Маркса, как нравственный закон всех моралистов, как отвлеченная справедливость законников, как государственность этактистов, как утопии совершенного социального строя социальных революционеров, как научная истина «сиентистов», как красота эстетов, как отвлеченная ортодоксия религиозных фанатиков, есть безбожная и бесчеловечная любовь»²⁷.

Однако истинное бессмертие достигается лишь через достижение человеком единства – в индивидуальной любви это единство выражается в единении с *другим*, в самоотдаче. При этом в этой же любви состоит единение с Богом, т.к. любящий любит как бы в двух измерениях: во-первых, он любит реальный объект, но, во-вторых, этот объект наделен идеальными свойствами. Здесь можно говорить о некоей пропорции: духовное относится к телесному так же, как идеальное к реальному: реальное реально, но оно имеет в себе идеальные черты; так же как тело человека материально, но, благодаря разуму, опорой и двигательной силой этой материи является идея.

Подходя к вопросу любви с христианской точки зрения, В.С. Соловьев, конечно, окрашивает ее в неканонические, не догматические тона. Во-первых, любить можно только живое, конкретное. Догматику христианства, как пишет Соловьев в другой своей работе, превратили в «какой-то восточный дуализм, отрицающий материальную природу, как злое начало. Но злым началом сама по себе материальная природа быть не может: она пассивна и инертна, это женственный элемент, принимающий то или другое духовное начало»²⁸. Во-вторых, христианство само по себе есть ни что иное, как религия воплощения Божия и воскресения плоти. В этом смысле учение Соловьева расходится с тем «превращенным в восточный дуализм» христианством, которое стало считаться ортодоксальным. Человек есть, условно говоря, единство трёх сущностей – физиологической, соци-

²⁴ Там же. С. 146.

²⁵ Там же. С. 146.

²⁶ Там же. С. 153.

²⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 2006. С. 311.

²⁸ Соловьев В.С. О причинах упадка средневекового миросозерцания // В.С. Соловьев. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 353.

альной и духовной. При этом бессмертие может быть достигнуто, по Соловьеву, лишь когда третий этап – духовный – станет не третьим, а первым, ибо без него остальные два, в сущности, пусты и которые не делают человека человеком. «Два низшие элемента – животная природа и социальный закон, – также естественные на своем месте, становятся *противоестественными*, когда берутся отдельно от высшего и полагаются вместо него. В области половой любви противоестественно для человека не только *всякое* беспорядочное, лишенное высшего, духовного освящения удовлетворение чувственных потребностей наподобие животных... но так же недостойны человека и противоестественны и те союзы между лицами разного пола, которые заключаются и поддерживаются *только* на основании гражданского закона, исключительно для целей морально-общественных, с устранением или при бездействии собственно духовного, мистического начала в человеке»²⁹. Между тем именно такая установка господствует в нашей жизни и применима к настоящему времени.

Какой выход предлагает Соловьев? Его замысел в том, чтобы сделать любовь духовную всеобщей, в которой будет торжество над смертью. Сейчас же такая духовная, лишенная эгоизма любовь, любовь, соединяющая в себе социальный и физиологический фактор и умножающая два этих фактора на духовность – лишь «редкое исключительное явление», которое остается для немногих избранных. Может ли оно, это явление, быть передано каким-то одним представителем человечества всем остальным? На практике нет; но даже если допустить такую передачу в теории, человечества не сможет правильно воспользоваться этим даром, так как не переживет его само; оно лишь получит его, но это не будет, собственно, опыт всего человечества.

Между тем, конечно, возникает вопрос, останется ли любовь духовная столь возвышенной и вообще станет ли она витком развития, если она станет всеобщей, будет доступна каждому? Не утратит ли она, лишившись элитарности, перестав быть «редким исключительным явлением», и своего божественного откровения? Иными словами, если откровение будет получено всеми, то останется ли оно откровением? Соловьев подразумевает в высшей любви единение с Богом, открытие собственно божественного в человеке, не говоря о каких-то фазах развития, которые могут иметь место после того, как это откровение будет получено и подразумевая всеединство как конечную цель.

Теория любви-цели и любви – идеи всеединства (т.е. идеи, на которой базируется всеединство) получает развитие у Н.А. Бердяева. Продолжая развивать учение Соловьева – а «Смысл любви» Бердяев рассматривал как единственное кроме «Пира» Платона сочинение, по-настоящему и в правильном ракурсе затрагивающее тему любви и пола, Бердяев приходит к выводу, что в том и смысл всеединства, что оно выходит за рамки главных двух форм бытия существующего мира – пространства и времени. «Совершенный мир, – пишет Бердяев, – не должен продолжаться в чем-либо ином, не должен ничего рождать, он остается для вечности, остается самим в себе»³⁰. Нечто рождающееся на новом уровне не может рождаться из старого, всё его существование будет проникнуто уже новым смыслом и в этом отношении вопрос, поставленный выше, может быть решен: ведь мир, появившийся после того, как любовь восторжествует, не будет тем миром, который был до этого, поэтому всеобщее откровение, которое явится в любви, не должно испортить ее суть.

Н.А. Бердяев еще более резко отзывается о семье как неком социальном институте, которому завещано хранить и продолжать любовь. Напротив, любовь он ассоциирует со средневековым романтизмом – этот романтизм был личностен, не был социален (в частности, ни одна воспетая трубадурами прекрасная дама не была «женой») и этот романтизм не был аскетичен. Средневековье привлекает Бердяева и своеобразной чистотой веры: аскетизм средневековья, постулировавший любовь к Богу не только как высшую, но и как, по сути, единственную «достойную» любовь, не оставил места чувственности и парадоксальным образом ей пришлось воплотиться, собственно, во Христе, в том, как человек славил его. Одновременно с этим сам постулат любви к Богу как единственной истинной любви, Бердяев отвергает так же резко, как и В.С. Соловьев: любовь не может быть без материального, телесного объекта. То, что Соловьев называл «восточным дуа-

²⁹ Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Смысл любви. Избранные произведения. М., 1991 С. 161.

³⁰ Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. М., 2008. С. 36.

лизм, отрицающим материальную природу, как злое начало», Бердяев характеризует еще более безапелляционно: «нестерпимый дуализм», «вульгарный дуализм духа и плоти»³¹. Этот вульгарный дуализм подразумевал отделение плоти от духа и признание первой чем-то постыдным и привел к тому, что вопросы пола, как бы мы сказали, сексуальности, стали запретными для обсуждения. Между тем, плоть, по Бердяеву, метафизически равноценна духу, и плотское равноценно духовному. Но плотское, добавляет Бердяев, существует не просто наравне с духовным, оно существует в духовном. «Есть сладострастие Афродиты простонародной, но есть сладострастие и Афродиты небесной»³². Кроме того, любовь не может быть названа любовью, если она полностью абстрактна и беспредметна, она должна «видеть конкретно-цельную личность»³³, в противном случае она обманчива.

Последовательность Бердяева по отношению к Соловьеву выражается и в его четком разделении – и, более того, противопоставлении – рода и пола. Мы уже замечали, что Соловьев развел эти два понятия в разные стороны. Н.А. Бердяев почти повторяет слова Соловьева, утверждая, что «в роде и родовом инстинкте нет...ничего личного, индивидуального, ничего даже человеческого»³⁴; новым является то, что он предлагает направлять энергию человека и человечества не вперед (о чем говорят последователи «родовой теории»), а вглубь, направляя ее на качественное изменение самих людей. «Утверждать пол в любви – значит, утверждать полноту и совершенство индивидуальности»³⁵.

Это совершенство достигается соединением мужчины и женщины, до которого они не являются *полноценными*. Однако это соединение происходит или может происходить не в силу каких-то социальных причин, а в силу только причин духовных, божественных – ибо любовь человека всегда одна, пусть даже реальных объектов ее несколько. Бердяев выступает резко против замалчивания вопросов пола и сексуальности в философии, любовь им также связывается с Богом, в соответствии с его учением, «сладострастное томление есть...мистическое предчувствие блаженства всеобщего слияния в Боге»³⁶. Здесь, очевидно, и должно проявиться то самое «праведное сладострастие», «сладострастие Афродиты небесной», о котором говорит Бердяев вслед за Соловьевым.

И для Соловьева, и для Бердяева характерны несколько общих моментов в рассмотрении вопросов сексуальности и любви, оба они указывают на 1) индивидуальность любви (ее направленность на определенного, пусть и меняющегося – у Соловьева – человека) 2) ее воплощенность (нельзя любить не существующее и лишь умозрительное) 3) ее божественный смысл: человек любящий идет к соединению с объектом любви, через которое происходит соединение с Богом. Оба, и Бердяев, и Соловьев наполняют любовь религиозным смыслом, но добавляют ей телесности, которая замалчивалась и отрицалась христианством. При этом Соловьев говорит о многоаспектной (и всеобщей) любви как о предпосылке к появлению богочеловечества; Бердяев же отталкивается от романтических образов воплощенной, не являющейся предметом социального бытия, но именно половой любви. Оба мыслителя видят необходимость в обновлении религии, в построении системы, которая учтет сексуальное в человеке и не будет бояться его. Но и сам человек должен, создав, обрета, построив такую систему, обновиться: это должен быть уже «человек любящий», «*homo amans*». Эротические учения Соловьева и Бердяева – это учения, несомненно, индивидуалистические, ищущие связи человека с космосом, учения, подразумевающие не просто идею, но воплощенную идею, идею во плоти.

Особую позицию в вопросах связи любви и Бога занимает В.В. Розанов. Во многих произведениях («Опавшие листья», «Новые эмбрионы») им развивается тема, одновременно затрагивающая индивидуальную половую любовь (в частности, мистическое ее проявление), божественное и семейное. Однако если Бердяев и Соловьев говорят о том, что человек лишь в будущем должен возвыситься до нового уровня, и именно с целью этого возвышения ищут обновления религии, то Розанов как бы «одомашнивает» религию, чтобы она могла освящать быт, прийти в каждый дом, не быть чем-то запредельным.

³¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 29-30.

³² Там же. С. 63.

³³ Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 306.

³⁴ Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. С. 33.

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ Там же. С. 67.

Зинаида Гиппиус писала о Розанове, что он «умилялся, восхищался «самой природой женской сущности – «имеющие детей, беременные, особенно радовали. Интересовали и девушки – будущие жены, любовницы, матери»³⁷. Природа женственности, возмущавшая В.С. Соловьевым в культ и получившая черты божественные, Розанова привлекает именно в «мирском», земном проявлении. В «земном», половом, сексуальном Розанов не видит «грязи»: «Семя яблока есть яблоко, семя пшеницы есть пшеница... Так почему же говорят – «это грязь» и «он запачкал ее»? Не понимаю»³⁸. Но при этом, как Бердяев и Соловьев, Розанов отмечает, что «пол есть странное физиолого-мистическое явление... где столько земного и так очевидно есть небесное»³⁹. Более того, именно беременность, рождение – они являются настоящими таинствами для Розанова, ибо тело – это «проявление души». В отличие от Бердяева и Соловьева, Розанов не говорит о любви как спасении, тем более о любви всеобщей. Любовь для него стоит не вместе с Богом, а как бы у истоков Бога: «Любовь – корень жизни. А Бог есть жизнь»⁴⁰. В.В. Розанов рассматривает любовь как основу семьи, а семью, в свою очередь, как колыбель божественности.

Вопрос любви как основы мироздания, объединяющей в себе телесное (мирское) и духовное (религиозное) начала, был тесно связан в русской философско-религиозной мысли конца XIX- начала XX вв. с идеей обновления христианской религии. Русские религиозные мыслители, такие как Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, отчасти В.В. Розанов – считали возможным это обновление только в тесной связи с новым решением вопроса о поле и любви. Н.А. Бердяеву и В.С. Соловьеву, кроме того, в половой любви виделась основа любви всеобщей, сверхразумной, которая в своей божественности является центром мира, причем телесные проявления ее ни в коем случае не являются порочными. Через достижение человеком единства – в индивидуальной любви это единство выражается в единении с *другим*, в самоотдаче, – достигается истинное бессмертие. Однако в этой же любви достигается единение в Боге, т.к. любящий любит как бы в двух измерениях: во-первых, он любит реальный объект, но, во-вторых, этот объект наделен идеальными свойствами.

Особый взгляд на вопрос любви изложил Л.Н. Толстой. Несмотря на отсутствие цельной философской системы, проблема любви занимала значительное место в его размышлениях, прямо пересекаясь с проблемой соотношения плотского и духовного. Несмотря на противоречивость отдельных высказываний (в сферу нашего рассмотрения мы включаем положения, высказанные Толстым в философских «Мыслях», дневниках и т.п., а не в конкретных литературных произведениях), половое и телесное в них в основном резко противопоставляется духовному, причем телесное признается низменным. «Половая потребность» классифицируется Толстым максимум как «более высокая, чем еда»⁴¹. Потребности в еде, в удовлетворении инстинктов, в людском одобрении могут перейти, соответственно, в разного вида похоти, единственным средством сдерживания которых являются пост, чистота и смирение. Важным вопросом в свете этого является вопрос о том, возможно ли перенести своё «Я» из телесного в духовное, т.е. сознательно желать только духовного? Человек, способный лишь к духовной любви, должен чувствовать «такую же боль, нарушая любовь, как чувствуешь боль физическую, когда нарушаешь благо тела»⁴². Но проблема заключается в том, что «низменное» и «высокое» (заключенное нами в кавычки в силу условности терминологии) сосуществуют в человеке, который, обуславливая его «текучесть»: «Он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо»⁴³. Разум, данный человеку, заставляет его осознать не только мир, но и себя в нем, из чего следует вывод, что настоящая любовь подразумевает и любовь к себе; однако при недостаточной духовной развитости эта последняя может перейти в славолубие и эгоизм, на основе которых невозможны ни самосовершенствование, ни любовь к Богу. Квинтэссенцией философских взглядов Толстого

³⁷ Гиппиус З.Н. Задумчивый странник. О Розанове // В. Розанов. Миниатюры. М., 2004. С. 539.

³⁸ Розанов В.В. Опавшие листья // В. Розанов. Миниатюры. С. 209.

³⁹ Розанов В.В. Новые эмбрионы // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 240.

⁴⁰ Розанов В.В. Опавшие листья // В. Розанов. Миниатюры. С. 150.

⁴¹ Толстой Л.Н. Мысли. М., 2003. С. 33.

⁴² Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 289.

⁴³ Там же. С. 354.

касательно вопросов любви может быть назван следующий фрагмент из «Мыслей»: «Не любишь себя – пропал. Любишь себя одного – тоже пропал. Спасение только, когда любишь себя и всё, т.е. Бога. Когда же любишь так, то Бог становится и тем, что любит, и то, что любишь»⁴⁴.

Советская марксистская философия в силу исторических особенностей длительного времени рассматривала человека только в контексте чисто экономических процессов в качестве одного из элементов производительной силы общества и абсолютизируя классовый подход, не давая возможности исследования любви как проявления целостности человеческого рода.

Таким образом, в эволюции представлений о любви можно выявить следующие особенности:

1) если рассматривать становление представлений о любви как единство материального (психически телесного) начала и духовного, то можно выявить следующие этапы этой эволюции: а) этап космического единения человека с природой и растворение материального (психически – телесного) человеческого начала в духовном (космическом), который соответствует мифологическому и античному этапам истории; б) этап, где начинает превалировать духовное начало, а между любовью и душой человека устанавливается определённое тождество (при этом психически – телесное начало отодвигается на задний план), этот этап охватывает длительный период средневековья; в) эпоха Возрождения, когда любовь понимается как единство телесного и духовного начал, которые должны дополнять друг друга, г) рационально-философский этап, где любовь осознаётся сначала как одна из человеческих страстей, которой невозможно противостоять, а затем ассоциируется с разумом и возможным перерождением человека, его обновлением; особый взгляд на любовь предлагают неортодоксальные религиозные мыслители (в частности, П. Тейяр де Шарден, К. Льюис), рассматривая ее как основу разумного и вместе с тем праведного существования человека.

2) в эволюции представлений о любви чётко прослеживаются две традиции – западно-европейская и русская, причем выявляется близость последней (В. Соловьев) к концепциям западных неортодоксальных религиозных мыслителей.

3) большинство, но не все философские системы, разделяют психо-физическую сторону любви («любовь-потребность») и ее духовную сторону, при этом по-разному трактуя их взаимосвязь и сосуществование.

4) в истории философии взгляд на любовь как на одну из ценностей сосуществует с взглядом на нее как на бессубъектное (космическое) объединяющее начало, в котором психическое (телесное) начало слито с духовным, а человеческое с божественным.

Список литературы

1. Аристотель. Физика // Соч. в 4-тт. Т.3 М., 1978.
2. Платон. Пир // Соч. в 3т. Т.2. М.1970.
3. Бычков В.В. Идеал любви христианско-византийского мира//Философия любви. В 2 т. Т.1. С. 68-109.
4. Августин Блаженный. О граде Божием. М., 2000.
5. Фейербах Л. Сущность христианства //Избранные произведения: в 2-х т. Т.2. М., 1955.
6. Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Философские произведения, М., 1986.
7. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М. 1978.
8. Спиноза Б. Краткий трактат о божестве, человеке и его счастье. Избранное. М., 1957.
9. Садунова Н.В. Философия любви немецкого романтизма. Дис. канд. филос. наук. Тверь, 2009.
10. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб., 2008.
11. Мир и Эрос. Антология философских текстов о любви. М., 1991.
12. Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М., 2003.
13. Льюис К. Любовь. Страдание. Надежда. М., 1992.
14. Соловьев В.С. Смысл любви. Избранные произведения [Стихи, письма, филос. эссе] М., 1991.
15. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 2006.

⁴⁴ Там же. С. 705.

16. Соловьев В.С. О причинах упадка средневекового миросозерцания // В.С. Соловьев. Сочинения в двух томах. Т.2. М., 1990.
17. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. М., 2008.
18. Гиппиус З.Н. Задумчивый странник. О Розанове//В. Розанов. Миниатюры. М., 2004.
19. Розанов В.В. Опавшие листья // Розанов В.В. Миниатюры. М., 2004.
20. Розанов В.В. Новые эмбрионы // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.
21. Толстой Л.Н. Мысли. М., 2003.

EVOLUTION OF REPRESENTATION OF LOVE IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

S. I. Nekrasov
N. S. Molchanova

*¹⁾ Moscow state technical
university of aircraft aviation*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

The article considers major approaches to the problem of love in the history of philosophy. Being considered as an ontological, axiological or ethical essence, love has always taken important place in philosophical exploration. The article defines three eras of evolution of approaches to the problem: 1) the first one corresponds to mythological and ancient periods (love as a psycho-physical essence coexists and intersects with a cosmic and spiritual origin), 2) medieval period (love is considered as a perception of God, psycho-physical aspect of love is reduced), 3) philosophy of modern and contemporary eras, when love is accepted as a basic aspect of conscious existence of man and as a base of human being (f.e. approaches of C. Lewis, P. Teyard de Chardin). The article concentrates on interpretation of love as an all-uniting basis of human being.

Key words: the absolute, augmentation, God, cosmos, effort, Eros, love, pan-unity, psycho-physical, rationality, renaissance, renovation, sex, spirituality.

ГОРОД КАК ВИРТУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В. Г. Туркина

*Белгородский
государственный
институт культуры
и искусств*

Статья посвящена исследованию города как виртуального феномена, поскольку современный город, а тем более, мегаполис, оказывается той средой, в которой социальная и культурная виртуализация достигают максимума, проявляют себя с особой силой, интенсивно влияют на действительность.

Ключевые слова: город, урбанизация, виртуальность, виртуализация, повседневность, образ, ландшафт.

В XX веке бурная урбанизация привела к тому, что значительная часть населения планеты проживает в больших городах и их скоплениях – мегаполисах. Не вызывает сомнения тот факт, что современный город, а тем более, мегаполис, оказывается той средой, в которой социальная и культурная виртуализация достигают максимума, проявляют себя с особой силой, интенсивно влияют на действительность. В самом деле, именно город традиционно оказывался одновременно генетически исходным пунктом, средоточием и вместилищем всех достижений техники, всех социокультурных и цивилизационных инноваций. В частности, мы показали, что именно в городской сфере наиболее заметно проявляют себя самые «зримые» виртуальные феномены, связанные с успехами компьютерных технологий, созданием инфотехносреды, глобального киберпространства и виртосферы.

Однако, говоря о виртуализации городской жизни в целом и жизни мегаполисов в частности, нельзя ограничиться только исследованием влияния на человеческую деятельность технически творимых виртуальных феноменов. Следует выделить и проанализировать множество виртуальных реальностей, связанных с существованием культуры, мифа, религий, науки, искусств, рекламы. Имеет смысл, вслед за Ж. Бодрийяром, говорить о существовании множества симуляций или симуляционных технологий, о множестве виртуальных пространств и их влиянии на жизнь современного города.

Нет сомнения в том, что любой город как социо-территориальное образование есть, по выражению М.С. Кагана, специфическая форма бытия национальной культуры¹. Говоря о городе, мы представляем его как создаваемый людьми способ повседневных практик их совместного существования, поведенческих традиций, установок и мотиваций, совместной деятельности. Любой город есть плод этой деятельности, т.е. по сути искусственное творение, «вторая природа», культурное образование. Он предстает перед взором не как застывшая совокупность предметов, вещей, символов, а как непрерывный процесс превращений, взаимодействий вышеупомянутых предметов, вещей, символов с окружающей средой и человеком.

Значимость обычных вещей, из которых складывается жизненный мир обитателей города, выражает и демонстрирует комплекс идей, установки, ценности и порядок повседневной жизни. Город в этой связи выступает как сложное целостное единство материальных, духовных, художественных форм деятельности горожан. Петербург воспринимается нами как пространство, в котором все фантастическое, таинственное является закономерным, неизбежным, постоянно повторяющимся, а следовательно, повседневным фактом существования и самого города, и тех, кто в нем находится. Эти процессы в свою очередь превращаются в событие материальных, духовных, художественных объектов, артефактов, продолжающих свое существование и развитие после ухода их создателей.

Городская повседневность порождает множественные латентные смыслы, представленные в пространственно-архитектурном, историческом, мифологическом, этимоло-

¹ Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. С. 14.

логическом, литературном, фольклорном, языковом кодах, которые, на наш взгляд есть основа единого виртуального пространства города, поскольку являясь виртуальными по определению, позволяют ввести представление о полионтичности, онтологической многоуровневости городской жизни. Тексты города, в частности, архитектурные, и тексты о городе, метаописания, планы, геральдика, топонимика, визуальные материалы повседневности (продукты рекламы, средств массовой информации, PR-технологий), экспозиции музеев создают своеобразное семиотическое поле, конституирующее особую городскую виртуальную реальность.

Виртуальная реальность любого города определяется его метафизикой. Говоря о метафизике города, имеют в виду именно то «фоновое знание», в котором, по определению Т.П. Фокиной, и сосредоточены все многочисленные смыслы городской повседневности, городского мифа, городской истории, виртуальные по определению. Город как обжитое место неизбежно предполагает существование своей собственной мифологии, хотя сегодня наступает время, когда традиционный миф вытесняется неомифами. Метафизика города как раз и подразумевает попытки «усилием мысли и чувства, усилием духа разгадать, что именно составляет или представляет собой базовые онтологические ценности данного места и как они манифестируются»². Мы полагаем, что символическое пространство города, в первую очередь, связано с определенным образом и ландшафтом.

Образ города как виртуальный феномен. Находясь в семиотическом поле города, возможно оперировать представлениями о его образе и даже «душе». Городская среда продуцирует символические формы, которые репрезентируют в материально-пространственных, визуальных объектах и поведенческих стратегиях многообразие чувств и представлений различных поколений тех, кто жил и живет в городе и тех, кто приезжает сюда. Это, в свою очередь, открывает возможность формирования персонафицированной среды обитания для любого, кто, так или иначе, оказывается связанным с городом. Образ города – это виртуальный феномен, представляющий собой совокупность всех символических форм и кодов, чувств, ощущений воспринимающих его субъектов, и влияющий на динамику и развитие реального города.

Зачастую образ города лучше постигается не столько его жителем, сколько гостем города, совершающим каждодневное путешествие по улицам. Визуальные стратегии подразумевают под собой пешее исследование – путешествие. Как утверждают исследователи, путешествие – это экспертиза ландшафта перемещающимся в нем индивидом. Целью такой экспертизы является постижение ландшафта, то есть создание все того же образа памяти. С точки зрения познавательных процессов создание образов памяти есть акт мышления, он понимается как освоение мыслимого.

Образ города, ощущение города возникают в результате освоения пластических динамик – пространственных, зрительных, требующих своего прочтения, понимания, то есть впечатлений от архитектуры и природных ландшафтов. Окрашенность городу придает вся атмосфера, складывающаяся вокруг него. Она неотделима от общего состояния того, что сегодня мы назвали бы средой – призрачного света, дрожащего туманного воздуха, растворяющего тени, пустынного простора реки, карнавальной суеты проспекта и т.п. Одним словом, образ города складывается из всей суммы особенностей места, создающих необходимый эмоциональный контекст. Их эстетическая выразительность связана с определением объемной формы в пространстве и потом переживанием ее пространственного развития. И здесь архитектурные образы наиболее наглядно представляют динамику протекания этих процессов, связанных с мировоззрением человека, с эстетическими принципами той или иной эпохи. Объекты визуальной культуры подчас акцентируют внимание на наглядных изменениях в средней обыденной жизни человека: ее насыщении материализованными и символическими идеалами, построении мира, окружающего человека, по законам гармонического единства целого и частей.

Человек воспринимает образ даже незнакомого города не «как он есть», непосредственно, а в рефлексивном зеркале художественной формы. И это понятно, поскольку образ – продукт нашего сознания, реагирующего на видимую действительность, и потому он всегда в большей или меньшей степени и «образ памяти». Чем больше мы видели «о городе», чем лучше в художественном отношении те изображения городской сре-

² Фокина Т.П. Саратов: Повторение и различие. Обнинск, 2005. С. 97.

ды, что попадались нам на глаза, тем в большей степени мы оказываемся зависимы от «образа памяти» – и тогда, когда опознаем его в видимой действительности, и тогда, когда вынуждены резко перестроить заранее накопленное представление.

Постепенно узнавая город, проникаясь им, человек складывает некоторый целостный образ из мозаики отдельных впечатлений. В тех случаях, когда образ города, видимый архитектором профессионально, и образ, создающийся в сознании горожан, совпадают или почти совпадают, мы имеем дело с наиболее совершенными примерами градостроительной композиции.

Слово «композиция», как известно, приложимо только к произведению искусства. Значит, для того чтобы говорить о композиции города, необходимо уметь увидеть в нем произведение искусства. Композиция города проявляется прежде всего через силуэт – границу между «телом» города и беспредельностью неба, природы, «видов». Силуэт обладает для нас серьезным значением в силу фундаментальных особенностей человеческой психики. Вертикальные объемы активно участвуют в создании визуального облика города, выстраиваясь перпендикулярными доминантами, сочетаясь с горизонтальными линиями водно-зеленого пояса. Вертикали вносят в систему города порядок, акцентируя наиболее существенные композиции, комплексы, подчеркивая направления векторов улиц и проспектов.

У движения в городе своя особая семантика, потому что в дело вмешивается человеческая психика. Прямой как стрела путь мимо совершенно одинаковых зданий считается как более длинный сравнительно с зигзагообразным движением в меняющемся окружении, если даже пройденный путь во втором случае длиннее в метрах или шагах. Еще короче кажется путь, если что-то – яркая витрина, афиша или внезапно открывшийся вид – расчленяет его на несколько относительно небольших отрезков. Но если таких отрезков очень много, если наш путь пролегает через занимательное окружение, то за счет напряжения всех чувств, путь словно резко удлиняется. Ведь человек, двигаясь по заданному маршруту, за некоторый отрезок времени получает огромное количество зрительных впечатлений. Архитектурные памятники, здания, монументы задают ритм движущимся людским потокам, воздействуя на них и через декоративность архитектурных элементов, и интерьерность их пространственного расположения, которую Ю.М. Лотман в свое время определил как театральность³.

В том же Петербурге границей между зрителем и сценой, рампой выступает главная героиня города – Нева. Именно она выступает важнейшим пространственным организатором всего городского архитектурного ландшафта. Можно сказать, что Нева является наиболее эффективно воспринимаемой пространственной и ландшафтно-архитектурной, интерьерной доминантой, кульминационным узлом. Знаменитые мосты Петербурга превратились в необходимейший компонент стилистики города, его образа. Они связывают воедино Природу и Разум, землю и воду, создавая визуальный и духовный образ Петербурга как единого целого, где отдельные части сосуществуют, связанные единой диалогической основой. При этом создан уникальный композиционный, ансамблевый стиль барочных, классических, ампирных сюжетов, подчеркнутых современными средствами прямых транспортных магистралей, огнями уличного освещения и дизайнерской подсветки зданий⁴.

Огромное значение для формирования образа города имеет такое визуальное приобретение как реклама с ее деметрианской мифологемой. С помощью рекламы наше сознание потребляет знаковую сущность предмета, объекта вместо реального функционального свойства: Адмиралтейство, Петропавловка – шпиль, Исаакий – купол, Петергоф – фонтаны и т.д. Узнаваемость визуально растиражированных достопримечательностей обеспечивает простоту восприятия образов и создания мифов объектов. Рекламные приспособления – щиты, баннеры, растяжки, становятся, таким образом, важным составляющим ориентиром культурного пространства города. Визуальное содержание рекламы направлено на активизацию пространственного творческого воображения. Оно же продвигает создание образа.

³ Лотман Ю.М. Город и время./ Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. стр. 84-92.

⁴ См. об этом: Иконников А.В. Архитектура города: Эстетические проблемы композиции. М., 1972; Лисаевич И. Петербург: Архитектурный портрет. 1703-2003. СПб., 2002; Острой О.С. Город многоликий. СПб., 2000.

Таким образом, город существует в двух ипостасях: как действительно существующий, как реальность, воплощенная в камне, в формате овеществленных пространственных решений, и как предмет рефлексии в пространстве мышления, субъектом которой становятся те, кто осваивает город и выстраивает его культурный ландшафт у себя в представлении, памяти.

Образ города обладает особой «потенциальной» составляющей, которую можно определить как «виртуальный образ». Актуализация этого образа есть обретение «чувственной формы». Образы, поскольку они лишены пространственности, временности и качества, принципиально не событийны, онтологически ущербны, бестелесны, т.е. виртуальны. Любой город представлен своим виртуальным образом не менее, чем своей актуализацией, реальным воплощением. Любой город не менее то, что о нем думают, чем то, чем он является на самом деле.

Помимо образа города, можно говорить и о личности города с привлечением физиологического, «физиогномического», градоведческого, семиотического, метафизического описаний. Можно говорить и о «зримых» и «метафизических» ликах Города, например, Петербурга, Москвы или Саратова⁵.

Виртуализация городского ландшафта. Процессы виртуализации городской жизни прямым образом связаны с изменением городских ландшафтов. В рамках современной философии можно говорить о «ландшафтологии», которую мы обнаруживаем в интеллектуальных построениях представителей различных направлений и школ. Основные задачи ландшафтологии – выявление ландшафтных условий возникновения той или иной культуры, религии, литературы, поиски скрытой в тексте какого-либо автора метафизики «топоса» (Шварцвальд в философии Хайдеггера, например).

В настоящее время не вызывает сомнения, что существует прямая связь между мировоззрением и ландшафтами, которые являются средой обитания того или иного народа, на нее указывал еще Ф. Энгельс в небольшой работе «Ландшафты», написанной и опубликованной летом 1840 года. Так, например, характер древнегреческого ландшафта был основой эллинской религии и культуры. Рейнская долина, где горы, сливающиеся с горизонтом, соседствуют с зеленью полей и виноградников, облитых золотом солнца, оказывается, на взгляд Энгельса, «воплощенным христианством»⁶.

Одним из самых выдающихся ландшафтологов XX века, безусловно, можно признать П. Флоренского. С.С.Хоружий интерпретирует его творчество как своеобразную «мифологему Эдема» – утраченного и вновь обретенного. Спустя много лет Флоренский писал: «мои позднейшие религиозно-философские убеждения вышли не из философских книг, которых я, за редкими исключениями, читал всегда мало и притом весьма неохотно, а из детских наблюдений и, может быть, более всего – из характера привычного мне пейзажа. Эти напластования горных пород и отдельности, эти слои почвы, постепенно меняющиеся, пронизанные корнями, этот слой дерновины, их покрывающий, кусты и деревья над ними – я узнал о них не из геологических атласов, а из разрезов и обнажений в природе, к которым привык, как к родным. Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла все мышление и определила основной характер его – стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность в горизонтали»⁷. Интерпретация ландшафтов в творчестве Флоренского представляет собой своеобразную «конкретно-метафизическую геологию», имеющую дело и с реальными ландшафтами, и с их «ноуменальными» измерениями – в том смысле, который придает терминам «феномен» и «ноумен» сам Флоренский. Фундаментальные для мыслителя реальности обретают воплощение во вполне реальном ландшафте, а отрыв от них – в годах скитания и смерти. «Геология», таким образом, обретает экзистенциальное измерение.

Более поздние ландшафтологические концепции, начиная, по крайней мере, со шпенглеровского «Заката Европы», обозначают дальнейшие горизонты философского

⁵ Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга. СПб., 2003; Метафизика Петербурга (Петерб. чтения по теории, истории и философии культуры; Вып. 1) СПб., 1993. Кузнецов П. Метафизика и практика Петербурга // Звезда, 2002, №8.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 41. С. 74.

⁷ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины / Флоренский П.А. Сочинения. Т.1 (1). М., 1990. С. 295-296.

осмысления мира с точки зрения его природы. Эстетика ландшафта предполагает сюжеты этики, символики, логики, семиотики, герменевтики ландшафта. Видение культуры в ландшафте не полно без ландшафтно-ориентированных субкультур. Последние, как и любые субкультуры достаточно многочисленны и разноориентированны.

Вследствие этого ландшафт, объединяя, одновременно выступает и как культурный дифференциатор, становясь феноменом культуры по мере накопления в нем совокупности неэнтропийных черт – признаков освоенности, структурированности, осмысленности. Накопление признаков освоенности происходит постепенно, но, в конце концов возникает такой момент, когда сумма изменений, произведенных человеком в ландшафте, далеко превышает утилитарные нужды «полезности» и удобства: созданный избыток энергии и информации переходит в новое качество, создавая метафизику ландшафта, которая впоследствии приобретает самодовлеющее непреходящее значение и задает дальнейший вектор развития рукотворной природы. Метафизика ландшафта и есть его «дух», «образ», состоящий из множества символов, запечатленных в искусстве, живописи, народном фольклоре⁸.

Метафизичность городского ландшафта порождает целый ряд кодов и символов.⁹ Если рукотворный ландшафт есть произведение культуры, а культура, как известно, создает различные коды, в том числе, коды предметно-пространственной среды, то, следовательно, она порождает и особый «ландшафтный» код. Таким образом, ландшафт оказывается сущностью связанной с полем культурных смыслов и кодов, рождает особое виртуальное пространство. Любой ландшафт имеет виртуальную составляющую, а ландшафт современного города – особенно заметную и ощущаемую.

Известно, что изначально город как специфическая форма освоения социогеографического пространства воспринимался как часть природных ансамблей, а городской ландшафт, хотя и отделял природное от рукотворного, от Постава, был органично вписан в естественную среду, в окружающую его природу. Городские пейзажи были продолжениями природных пейзажей, направления улиц задавались линиями водоемов, природного рельефа, естественными границами города. В основании первой, механистической, парадигмы города лежала идея сквозной иерархической регуляции ландшафта, которая пронизывает все сферы жизни человека и общества. Социальная организация ландшафтов города структурировалась посредством определенных доминант – специальных и специфических мест, фиксирующих основные элементы жизненного пространства, а их композиция складывалась из той смысловой и эмоциональной нагрузки, которой они номинированы.

Культурный ландшафт как среда обитания являлся социально обозначенным и сконструированным посредством занесения социальных реальностей в физический мир, выступая способом присвоения, социальной организации и структурирования пространства обитания одновременно. В этом аспекте он предстает как социальное пространство, выражающее формы существования различных пространственно-временных отношений – «хронотопов», в рамках которых реализовались совершенно различные модели освоения, в свою очередь вызывали к жизни и разные его типы. Хронотопы разных эпох в разных странах обнаруживают известную параллель: силовой подход к социуму оборачивается силовым подходом к природе. Освоение пространства выражается в его покорении, захвате, «застолблении». При этом возникает столь характерная классическая организация пространства с сакральным «ухаженым» центром и эксплуатируемой, разваленной периферией. Традиционно ландшафты больших городов определялись существованием продуманной и веками выверенной структуры, строгим порядком, увеличивающимся с возрастом города.

Однако в конце XX века топологическая структура больших городов существенно изменилась. На фоне стремительной динамики большого города, его бурной экспансии вширь и ввысь возникло и прогрессировало разрушение общего порядка городской жизни.

⁸Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М., 1975; Каганский В.Л. Портрет культуры в ландшафте // Архитектура СССР, 1989, №5. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

⁹Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты / Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего / Материалы международной научно-практической конференции. Саратов.: Изд-во СГУ, 2003. С. 10-11.

ни. Город уже больше не вписан в природный ансамбль и очень часто противоречит ему, природа более не вбирает в себя огромный город, который просто «не помещается» в ней, а отступает и даже исчезает под его натиском. Рациональная организация городского пространства, позволяющая «характеризовать индивида как индивида, и упорядочивать данную множественность», отступает под натиском соображений прагматизма: строят не там, где должно, а там, где есть место, архитектурные объекты больше не привязываются к природному ландшафту и оказываются в эстетическом противоречии с уже существующими. Пейзаж как фиксированная инфраструктура уходит в прошлое, становится постоянно меняющимся, мобильным с преобладанием в нем демонтируемых структур. В результате исчезают многовековые симметрии и порядки, возникают хаотические образования и сложные сети. Упорядоченное «пересеченное пространство» уступает место беспорядочному и гладкому.

В результате границы города становятся негладкими, условными, строгая структура разрушается, заменяется постоянно меняющейся, очертания города, его периметр из правильной фигуры превращается в неправильную. В мегаполисах, как это произошло, например, в Нью-Йорке, единственный общий центр, заменяется несколькими «фокусами». В подобных городах отсутствуют привилегированные места власти и закона. Возникает образ города-лабиринта, города-муравейника. Беспорядок становится таким значительным, что в некоторых латиноамериканских городах отсутствуют даже номера домов. Многоступенчатая перспектива, отсутствие обязательного горизонта, привычного преобладания горизонталей меняет привычное представление о городе.

Современный город позволяет себе и нетрадиционные одежды, яркие краски, смешение стилей и цветов, украшая себя разноликой рекламой, временными постройками и многочисленными транспортными сетями. Следует отметить, что в последние годы наружная реклама в городе стала очень популярной. По степени воздействия на потребителя она уступает только интернет-рекламе, привлекает большое количество зрителей и по эффективности сравнима с телевидением. Реклама интегрируется в архитектуру улиц и площадей без определенных законов, как правило, хаотично. Крайне редко плакат соответствует параметрам цвета, формы, стиля окружающего ландшафта. Свойство рекламных конструкций быть не только средством убеждения, но и архитектурными единицами часто игнорируется по разным причинам. Вот почему Париж – город-образ, город-легенда, категорически не приемлет наружной рекламы как явления, оказывающего негативное воздействие на восприятие его веками сложившегося облика. Не позволяют рекламного вторжения и в старинных городах Германии и других стран Европы. Здесь о дополнительных архитектурных единицах не может идти и речи – это инородные тела, и какова бы ни была их эстетическая ценность, она не дотянется до уровня исторического величия, приносящего достаточно средств в городскую казну, чтобы позволить себе отказ от наружной рекламы.

Город, постоянно переодевающийся в рекламные плакаты, быстро меняющий свой архитектурный образ, расширяющий свои границы и вбирающий в себя более мелкие города со своими лицами и стилями, оказывается изменчивым, преходящим, меняющим облик и неопределенным. Происходит становление и экспансия ризоматической структуры¹⁰, нечеткой и неопределенной, постоянно меняющейся, мобильной, динамичной, иногда мгновенной.

Все это обуславливает инфляцию общепринятых норм, регулирующих процесс видения, понимания и оценки действительности. Стремительно несущаяся действительность подобна мельканию кадров кинофильма, и житель большого города вынужден проделывать значительную работу по сборке целостного образа из различных деталей. Это иная

¹⁰ «Ризома» – специфическое понятие постмодернистского дискурса. Оно было заимствовано Ж. Делезом и Ф. Гваттари из ботаники, где означало определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов. Разработанная во 2 томе главного совместного труда французских философов «Капитализм и шизофрения», вышедшем под названием «Тысяча поверхностей» (1980), а также в предваряющей его появление небольшой работе под заглавием «Ризома» (1976), эта категория получила широкое распространение и стала одной из важнейших в постструктурализме. В самом широком смысле «ризомы» может служить образом постмодернистского мира, в котором отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия.

реальность, отличная от существующей действительности, выхваченная из нее фрагментами. Крушение прежних границ осмысленного и неосмысленного, очевидного и неочевидного обостряет фантазию, а отсутствие общего идеологического или зрительного горизонта увеличивает значимость контекста. Вещи и события уже не оцениваются общим масштабом; однозначные способы видения и понимания уступают место разнообразию моды и вкуса. Жесткие моральные оценки, внедренные в научный, художественный и политический дискурсы, преодолеваются постмодернистским эстетизмом гетерогенности.

Город разгружает мысль и перегружает зрение: становится меньше мест интеллектуального общения и больше витрин, рекламы, зрелищ. Подобно тому, как городская жизнь таит массу неожиданностей, вызывает столкновение разных стилей поведения и жизни, так и сознание индивида формируется на отношениях контраста, воспринимает экзотическое, необычное, взрывающее привычные представления. Поле видимого и понимаемого, прежде не вызывавшее сомнений в своей достоверности, превращается в гигантскую кулису, за которой может скрываться все что угодно. Релятивизм, гетерогенность, случайность отныне становятся характеристиками стиля мышления современного горожанина. Они возникают на уровне повседневности и затрагивают не только интеллект, но и телесно-чувственные структуры.

В пространстве города-лабиринта, города-ловушки городская жизнь превращается в игру, в условность, а привносящие ее новые структуры повседневности обладают не только достоинствами широты, плюрализма, признания разнородности, но и недостатками релятивизма, неупорядоченности, несоизмеримости и непонимания. Если ранее угроза деперсонализации исходила от репрессивного порядка, то теперь исходит от бесубстанциальности бытия. Если прежде уверенность шла от почвы к идеям и ценностям, то пустота, вызванная ростом гетерогенности пространства города, лишает человека онтологической укорененности. Распространение шизофрении, как прежде неврозов, является ярким тому свидетельством.

Динамичное, быстрое изменение современного городского ландшафта, его хаотичность, отсутствие строгой иерархии, текучесть, мгновенность, неопределенность – несомненные признаки его значительной виртуализации. Виртуализация современного городского ландшафта напрямую связана и с хаотичностью застройки, с отсутствием единого городского архитектурного ансамбля, с созданием нетрадиционных, постмодернистских объектов архитектуры, с экспансией транспортных сетей, с быстрой сменой продуктов и образов городской рекламы и достигает максимума в мегаполисах.

Виртуализация городской повседневности. В больших городах возникают особые условия жизни людей: отчужденность от природы, скученность, теснота, сокращение жизненного пространства, изменение времени жизни. С непрерывными и быстрыми метаморфозами пространства повседневности связан вызывающий растерянность, кажущийся нигилистическим отказ от классических идеалов и ценностей.

История делает очередной виток, и в отличие от мононационального города средневековья или Нового времени современный большой город становится очередным Вавилоном, где хаотически связываются чуждые прежде этнокультуры, языки, нравы, обычаи. Здесь можно встретить выходцев из разных стран, носителей огромного количества языков и культур, приверженцев всевозможных религий. Большой город – это место интенсивного этнического контакта, а иногда и противостояния, место существования эклектичных этносоциальных образований, отторгающих природу как чуждую и даже враждебную среду, которые Л. Гумилев назвал «химерами». Лица с множественным этническим самосознанием, практически потерявшие национальную идентичность, «химероиды», отторгают и традиционную культуру, не умея создать свою.

Выжить в мегаполисе непросто: в больших городах крайне низкая граница психологической устойчивости, высокий риск возникновения невротических расстройств; отрыв от родных и привычного уклада жизни вызывает коммуникативное голодание. Скорость и хаотичность городской жизни образуют агрессивную среду, в ее условиях непросто достичь социального порядка и контроля, который спонтанно осуществлялся исторически в семье, племени, клане. Процесс урбанизации нарушает механизм передачи от поколения к поколению коллективного знания, традиций, обычаев, через соблюдение которых каждый народ воспроизводит себя, свою культуру, характер, психологию.

В этих условиях общественное сознание становится неустойчивым, картина окружающего мира теряет целостность, ориентированность, законченность, становится неадекватной действительности – налицо явная виртуализация. На процесс виртуализации общественного сознания влияют коллективные страхи, которых так много в большом городе. Это страхи, связанные с катастрофами, в том числе и экологическими; опасения потери работы, статуса, места в жизни; террористические угрозы, обострившиеся после Нью-Йоркского теракта и чеченских кампаний. Очереди, агрессивный транспорт, автомобильные пробки, отсутствие традиционного человеческого общения, ненормальный для среднего человека темп жизни в большом городе приводит к развитию неврозов, фобий, латентных психических заболеваний, способствующих виртуализации личного и общественного сознания.

С мегаполисом связано и жесткое разрушение житейских идеалов. Изначально современный большой город для многих является особым местом, куда следует стремиться, «мнимым», идеальным городом, почти небесным градом, пределом, где должны осуществиться мечты, стремления и желания. Огромное количество людей ежегодно прибывает сюда в поисках лучшей жизни. В наши дни мегаполис становится центром нового мифа, новейшей утопией, островом мнимого счастья. Представления и мечты стремятся туда образуют виртуальное пространство города, в котором каждого ждет удача, богатство и счастье.

В условиях отрыва от своих корней жители современного мегаполиса стремятся оградить себя от агрессивного воздействия среды через свою систему ритуалов – повторяться заданных действий, носящих «обрядовый» смысл. Еще Берн в своих классических работах отмечал, что большая часть людей очень тяжело переживает неструктурированное промежуток времени. Так, например, заключенные гораздо легче переносят свою изоляцию от общества, когда они сами придумывают себе расписание, то есть четко в определенное время читают, рисуют, делают физические упражнения и т.д.

В необъятном хаосе мегаполиса механизмом самоопределения городских жителей выступают ритуалы. У каждого города существует свое виртуальное пространство из мифов, идей, веяний, течений, и в этом пространстве каждый выделяет свою собственную реальность, а через нее пытается осознать себя. В этом смысле ритуалы представляют собой особые нематериальные объекты, которые структурируют реальную жизнь горожан. Такие ритуалы многолики: посещение ночных клубов, поход по магазинам, азартные игры, участие в определенной субкультуре или следование определенной религиозной традиции.

Виртуализация повседневности современного мегаполиса находится в зависимости от массмедийных средств: телевидение, журналы, Интернет создают идеальные образы для норм и стереотипов поведения, которые, получив достаточное распространение, начинают материализоваться. Противовесом городской агрессии, интеллектуальному и духовному голоду выступают виртуальные «заменители счастья», сулящие экстатическое приобретение: походы по магазинам, культовые развлечения. Помешательство на покупках – это, конечно, крайний пример, но он отображает вектор всеобщей тенденции. Ярким подтверждением нашей идеи выступает недавно вышедший на широкий экран художественный фильм «Шопоголики».

В экономической теории есть положение, графически выраженное кривой Энгеля: с ростом доходов увеличиваются траты на товары, относящиеся к предметам роскоши. При переходе в новый социальный класс (в связи с повышением, получением более выгодной должности) прежде всего, копируется именно *модель потребления*, характерная для представителей данного класса. Ритуалистика подобной модели сверхпропагандируется современными СМИ. Обязательными и очень популярными стали публикации и передачи об образе жизни знаменитостей: называются машины, драгоценности, одежда, с непременно указанием марки и цены. Как утверждает международная статистика, Россия в настоящее время находится на первом месте в мире по зависимости от брендов. Бренд, упаковка, ярлык, марка становятся более значимыми и гораздо более дорогостоящими, чем сами вещи. В десятки раз переплачивая за ярлык, горожанин покупает маленькую толику мнимого счастья.

В экстремальных условиях городской жизни люди структурируют свою жизнь стереотипными ритуальными действиями в попытке противостоять агрессивному воздей-

вию среды. Культ статуса, высшей целью которого является стремление «попасть туда», «стать как они», насчитывает огромное количество последователей. Статусные игры становятся сакральными ритуалами для многих горожан, определяют деление на своих и чужих. Горожанин оказывается в плену множественных симуляций, из которых, как правило, не может выйти самостоятельно.

Все сказанное означает, что городская повседневность имеет существенную виртуальную составляющую. Помимо реальных, повседневных, вполне материальных отношений горожане вступают в постоянные виртуальные взаимодействия друг с другом, с городской средой, со смысловыми пространствами города в целом и отдельных его частей, с продуктами рекламы и масс-медиа. Виртуальные, несубстратные, невоплощенные взаимодействия, как и полагается виртуальным объектам, воздействуют на городскую реальность, на жизни и личности отдельных горожан, преображая и, как правило, усложняя их.

Сложность городской повседневности, проживания в городе, во многом связаны именно с виртуальными объектами, наполняющими и перенаполняющими пространство городской повседневности. Она становится полионтичной, многоуровневой, чрезвычайно сложной для человеческого восприятия, перенапрягающей человеческую психику, не помещающейся в последней. С одной стороны, виртуальные объекты связывают городскую повседневность, пространство города в единую неповторимую структуру, способствующую формированию образа города, отличающую данный город от всех других. С другой стороны, в больших городах человек подвергается виртуальной агрессии, с трудом адаптируется в сложном полионтичном пространстве, испытывает значительные психологические перегрузки.

Осознание того факта, что виртуальность действительна, что она влияет на поведение людей, и в первую очередь горожан должно оказаться чрезвычайно важным для специалистов в психологии, педагогике, медицине.

Список литературы

1. Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006.
2. Фокина Т.П. Саратов: Повторение и различие. Обнинск, 2005.
3. Лотман Ю.М. Город и время. / Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. стр. 84-92.
4. Иконников А.В. Архитектура города: Эстетические проблемы композиции. М., 1972.
5. Лисаевич И. Петербург: Архитектурный портрет. 1703-2003. СПб., 2002.
6. Острой О.С. Город многоликий. СПб., 2000.
7. Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга. СПб., 2003.
8. Метафизика Петербурга (Петербург. чтения по теории, истории и философии культуры; Вып. 1) СПб., 1993.
9. Кузнецов П. Метафизика и практика Петербурга // Звезда, 2002, №8.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 41.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины / Флоренский П.А. Сочинения. Т. 1 (1). М., 1990.
12. Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М., 1975; Каганский В.Л. Портрет культуры в ландшафте // Архитектура СССР, 1989, №5.
13. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
14. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты / Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего / Материалы международной научно-практической конференции. Саратов.: Изд-во СГУ, 2003. С. 10-11.

CITY AS A VIRTUAL PHENOMENON

V. G. Turkina

*Belgorod state institute
of culture and arts*

The article investigates the city as a virtual phenomenon since the contemporary city and, moreover, megapolis is a milieu where social and cultural virtualizations reaches their extreme levels, represent themselves with a specific intensity and actively influence on the reality.

Key words: city, urbanization, virtuality, virtualization, everyday life, image, landscape.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.42:35

КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИЕТАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ

В. П. Бабинцев¹
Г. Ф. Ушамирская²

*¹ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

*² Волжский институт
экономики, педагогики и права*

e-mail: rector@viepp.ru

В статье рассматривается проблема формирования регионального социетального сообщества. Оно определяется как система межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанная на осознании их участниками общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей. Предлагается алгоритм разработки концепции создания такого сообщества.

Ключевые слова: социальный капитал; социетальное сообщество; социальные технологии, солидарность, лояльность.

Основным вектором стратегического развития России в современных условиях является всесторонняя модернизация. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в Послании к Федеральному Собранию (2009 год) подчеркнул, что «это будет первый в истории опыт модернизации, основанный на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям»¹.

Модернизация, рассматриваемая как системное преобразование российского общества, обретение им нового качества может быть успешной при условии мобилизации и эффективного использования имеющегося в обществе социального капитала.

Отметим в данной связи, что систематический анализ социального капитала был проведен П. Бурдьё, который определял его как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний»². Исследователь писал: «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности»³. Из определения П. Бурдьё становится понятным, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов.

¹ Послание Президент РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 ноября.

² Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood Press, 1985. P. 248.

³ Ibidem. P. 249.

Социальный капитал – это реальные и потенциальные возможности людей, которые они могут использовать для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества. Наиболее существенным в социальном капитале является то, что он создается не усилиями отдельных, обособленных друг от друга людей, а формируется и накапливается под влиянием их включения в прочные коллективистские отношения, установления и выполнения взаимных обязательств, ответственности и солидарности. Размер социального капитала общества прямо зависит от степени взаимной поддержки, сотрудничества и доверия его граждан друг к другу. Чем этот уровень выше, тем большими ресурсами обладают страна и государство.

Естественно, что социальный капитал не возникает стихийно, но формируется целенаправленно на основе национальных культурно-исторических традиций коллективного творчества и управления большими массами людей. Таким образом, социальный капитал выступает как целенаправленно созданный и постоянно развивающийся ресурс коллективистских человеческих отношений, который позволяет постоянно улучшать качество жизни людей и повышать ее уровень.

Значительный опыт формирования социального накоплен к настоящему времени в Белгородской области.

В регионе в течение шести лет реализуется Программа улучшения качества жизни населения. В процессе ее осуществления заметно улучшились многие социальные показатели. Не случайно эксперты Центра социально-консервативной политики в 2008 году отмечали, что наиболее благоприятная ситуация в отношении качества жизни наблюдается именно в данном субъекте Российской Федерации среди всех областей ЦФО⁴.

Социально-экономическая ситуация, в которой принималась Программа улучшения качества жизни населения, требовала ориентации ее, прежде всего, на материальную составляющую жизнедеятельности людей, на обеспечение их экономического благополучия. Но уже в концепции Программы была заложена идея, что по мере изменения экономических условий стратегия качества жизни будет корректироваться и видоизменяться⁵.

Эти новые экономические условия сложились к настоящему времени. Они характеризуются глобальным экономическим кризисом, выход из которого требует инновационных решений и эффективного использования ресурсов, обеспечивающих развитие региона, несмотря на многочисленные угрозы и риски, обусловленные глобальными процессами.

В этой ситуации и оказывается наиболее востребованным ресурс человеческих отношений. Суть его заключается в достижении между людьми отношений доверия, взаимопонимания, поддержки и взаимной ответственности, которые существенно улучшают атмосферу в обществе, снижают социальную напряженность и тем самым формируют благоприятную среду для экономической и социально-политической активности людей, мотивируя их к созидательной деятельности.

В силу данного обстоятельства проблема улучшения качества жизни трансформируется в проблему улучшения качества человеческих отношений. При этом под качеством человеческих отношений нами понимается степень солидарности граждан, достигнутой в рамках существующего правового поля и при условии соблюдения нравственных норм.

Перенос центра тяжести в региональной политике на улучшение качества человеческих отношений не означает отказа от идеи улучшения качества жизни в целом, но речь идет о том, что продвижение по пути дальнейшего улучшения условий жизни людей в настоящее время невозможно без изменения характера взаимодействий между ними, которые были существенно деформированы в условиях нестабильного развития России в 90-е годы. В отношениях между людьми в этот период начали активно утверждаться недоверие и повышенная агрессивность, усилились межличностные и межгрупповые конфликты, существенно вырос уровень преступности, в том числе связанной с обманом и спекуляцией на доверии. Многие из этих тенденций сохраняются и в настоящее время, более или менее отчетливо проявляясь в Белгородской области.

⁴ Эффективность управления регионами Центрального федерального округа РФ по критерию качества жизни населения. – М., 2008. – С. 27.

⁵ Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области. – Белгород, 2003.

В частности, в ходе мониторинга оценки эффективности деятельности органов власти и управления Белгородской области по методике «Роза качества» в 2009 году (N = 3000) выяснилось, что 22% белгородцев убеждены: в обществе стало меньше доверия; 33% – меньше справедливости; 31% – больше жестокости; 45% – больше безразличия. При этом 39% граждан постоянно сталкиваются с безразличием по отношению к себе, 33% – с проявлениями лжи. Крайне напряженными остаются взаимоотношения между основной массой населения и властью. В частности, на протяжении трех этапов мониторинга в 2006 – 2008 гг. он постоянно показывал довольно низкий уровень доверия, практически, ко всем органам власти и управления и к должностным лицам. Исключение в данном ряду представляет губернатор области. Но примечательно, что доля никому не доверяющих респондентов в 2009 году составила 41.47 %.

Существенно дискредитированными оказались в настоящее время коллективистские ценности (дружба, солидарность, взаимная поддержка). Они все чаще рассматриваются как устаревшие понятия. В течение последних десятилетий ослабла консолидирующая роль семьи и снизилось значение семейных ценностей.

Низкий уровень взаимного доверия и ответственности в отношениях между гражданами не только разрушительно воздействует на духовно-нравственную атмосферу в обществе, на отношения между гражданами и властью, но и создает существенные препятствия для реализации социально-экономических проектов и программ, которые не могут быть успешно осуществлены в разобщенной среде, в ситуации, когда каждая социальная группа преследует свои корпоративные интересы, а каждый отдельный человек остается наедине со своими проблемами.

Настоятельным вызовом времени становится восстановление региональной солидарности, как следствия осознания людьми общности своих интересов с интересами региона, сограждан, коллег, близких людей, готовность их к коллективным действиям, систематической взаимопомощи и взаимной поддержке. Региональная солидарность опирается на взаимное доверие (лояльность) сограждан и их взаимную ответственность и должна стать одним из основных принципов организации общественной жизни.

Таким образом, в сложившихся ныне экономических условиях главной задачей улучшения качества человеческих отношений становится «формирование регионального социетального сообщества».

Теоретическое обоснование решения данной проблемы дает, по нашему мнению концепция Т. Парсонса, основанная на тезисе о том, что «личные мотивы эффективно канализируются в социальную систему через лояльность и членство в различных по отношению к ним коллективам»⁶. Лояльность, согласно Т. Парсонсу, представляет собой «готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности»⁷. Следовательно, функция социетального сообщества заключается в определении обязательств для членов коллектива, вытекающие из принципа их лояльности.

Опираясь на этот подход, мы полагаем, что региональное солидарное сообщество выступает как система межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанная на осознании их участниками общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей.

Таким образом, социетальное сообщество базируется на доверии и солидарности. Доверие выражается в установке людей на открытые, конструктивные взаимоотношения, основанные на позитивном жизненном опыте, реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций. Солидарность рассматривается как деятельное сочувствие интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единомышленники с ними. В культурно-историческом отношении идея регионального социетального сообщества весьма близка разработанной в свое время в русской философской и общественно-политической мысли концепции соборности (А. Хомяков, Вл. Соловьев).

Необходимыми характеристиками регионального солидарного сообщества в современных условиях являются:

– формулировка ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения области;

⁶ Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997. – С. 26.

⁷ Там же. – С. 26.

- развитие духовности, патриотизма, позитивно ориентированного мышления;
- утверждение идеи социальной справедливости как ведущего принципа взаимоотношений между людьми;
- наличие четких границ во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;
- социальная активность, готовность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного сообщества;
- акцент на взаимной ответственности (власти и граждан, граждан по отношению друг к другу);
- постоянный и конструктивный диалог государства и гражданского общества;
- консенсусный язык общения, то есть язык, использующий одинаково трактуемые участниками диалога понятия, ориентированный на поиск общих смыслов, понимание друг друга.

Мы полагаем, что можно выделить несколько основных составляющих регионального социетального сообщества.

Ценности. Региональное социетальное сообщество – это общество, в котором имеется ясное представление о наиболее значимых (базисных) ценностях и смыслах. При этом базисные ценности и смыслы должны быть приняты большинством населения, трансформироваться в цели социального развития и выражаться в доступной для населения символической форме. Тем не менее, социетальное сообщество не представляет собой тоталитарного, абсолютно монолитного в ценностном отношении образования. Оно многообразно, готово к дискуссиям, однако абсолютное большинство его сограждан признает, что некоторые базисные ценности не подлежат сомнению, в отношении их достигнуто социальное согласие.

Нормы. Для регионального социетального сообщества должна быть типична четкая формулировка правовых и нравственных норм. И граждане, и власть признают их необходимость и следуют этим нормам. В правовом поле формируются и функционируют механизмы их защиты.

Коллективы. Они составляют организационную (институциональную) структуру регионального социетального сообщества. При этом следует выделить несколько уровней коллективистской самоорганизации: семейно-родственный и соседский; уровень коллектива (трудовой ассоциации); местное сообщество; региональное сообщество в целом.

На каждом из этих уровней процесс формирования социетального сообщества требует решения специфических задач:

- уровень семейно-родственных и соседских отношений – на этом уровне необходимо создавать условия для достижения согласия и взаимопонимания между родственниками и близкими, возрождать практику родственной и соседской взаимной поддержки, особенно в трудных жизненных ситуациях, типичных для кризисных периодов. Семья как основной элемент (ядро) системы региональной солидарности предполагает четкое определение статусов ее членов и соответствующих им семейных добродетелей;
- уровень коллектива (трудовой ассоциации, учебного коллектива, общественно-го объединения) – на этом уровне должна решаться задача формирования благоприятного внутриорганизационного климата, социально ориентированной корпоративной культуры предприятий, учреждений и организаций. Солидарность на уровне коллектива означает, что его руководитель рассматривает своих подчиненных как соратников в достижении общих целей, выражает и защищает их интересы, в свою очередь, сотрудники коллектива сознают меру своей ответственности за результаты общей деятельности;
- уровень местного сообщества (муниципального образования) – на этом уровне формируется корпоративная модель развития муниципальных образований, для которой характерна ориентация на долговременные цели и традиции; использование преимущественно внутренних ресурсов, связанных с развитием человеческого потенциала; активное участие населения в решении местных проблем, в принятии управленческих решений;
- уровень региона в целом – на этом уровне складывается система равноправных и уважительных отношений между государством и институтами гражданского общества, опирающаяся на следующие принципы: наличие строго очерченных границ государственного управления; предоставление субъектам социального развития возможности выбора; обеспечение участия граждан в управлении; поддержка общественных институтов и инициатив; опора на интеллектуальную элиту; развитие юридической базы и гарантий безопасности; формирование альтернативных каналов информации.

Задача формирования социетального сообщества предполагает достижение высокого уровня лояльности граждан не только по отношению друг к другу, но и взаимного доверия между гражданами и коллективами, а также между коллективами. Этот процесс не может быть саморегулирующимся, осуществление его повышает требования к качеству государственного, муниципального и общественного управления.

Улучшение качества человеческих отношений предполагает в данной связи деюрократизацию государственного и муниципального управления; реализацию планов борьбы с коррупцией; безусловное выполнение стандартов и регламентов выполнения государственными и муниципальными органами своих функций, оказания услуг; обеспечение прозрачности государственного и муниципального управления в регионе.

Мы полагаем, что процесс разработки концепции формирования регионального социетального сообщества должен опираться на несколько основных принципов.

Научная обоснованность. Формирование регионального социетального сообщества должна основываться на изучении реальной ситуации, выявлении определяющих ее тенденций, прогнозировании и обосновании наиболее оптимального варианта действий. Деятельность социальных институтов, участвующих в разработке и реализации программы создания подобного общества, не может основываться лишь на здравом смысле и интуиции руководителей, государственных и муниципальных служащих.

Системность. Системность проявляется, во-первых, в том, что формирование регионального социетального сообщества требует единства целей, направлений, способов и средств. Единство обеспечивается концептуальностью замысла, взаимной увязкой решений и действий, а также определением системообразующего фактора этой деятельности. В качестве такого фактора нами рассматривается региональная политика улучшения качества жизни населения. Во-вторых, системность проявляется в формировании регионального социетального сообщества с другими проектами и программами, осуществляющимися в регионе. Прежде всего, со Стратегией развития области до 2025 года, главной целью которой является достижение для населения Белгородской области достойного человека качества жизни и его постоянное улучшение на основе инновационно-ориентированной экономической и социальной политики, развития наукоемких и конкурентоспособных производств с учетом геостратегических приоритетов на юго-западе Российской Федерации.

Саморегулирование. Укрепление отношений солидарности и доверия между людьми будет способствовать увеличению их возможностей в той мере, в какой они способны к самоорганизации и саморегулированию. Лишь при условии саморегуляции может быть достигнут эффект нарастания и умножения эффекта от управленческих воздействий.

Технологическая обоснованность. Применение принципа требует целесообразности решений и действий, выражающейся в четкой формулировке целей, способности рационально выстроить их последовательность, опираясь на представление о наиболее актуальных социальных проблемах; упорядоченности и планомерности деятельности; постоянной критической самооценки органов государственного управления, местного самоуправления, всех социальных институтов.

Адресность. Принимаемые меры по совершенствованию качества человеческих отношений и формированию социетального сообщества должны быть обращены на конкретную группу населения и обязаны предусматривать конечный результат, выражающийся в улучшении ее положения.

Учет социальных последствий. Поскольку любые действия в сфере человеческих отношений имеют как негативные, так и позитивные следствия, они должны прогнозироваться. На основе прогноза следует принимать решения, направленные на минимизацию негативных следствий и стимулирование позитивных тенденций.

Инновационность. Для решения проблем отношений между людьми необходим новый взгляд на процесс социальных взаимодействий, постоянная критическая оценка ресурсов и возможностей субъектов управления.

Историческая преемственность. В управлении формированием регионального социетального сообщества необходимо использовать опыт, накопленный в других регионах России и в самой Белгородской области. При этом всегда необходимо учитывать границы его применения, определяющиеся спецификой Белгородской области.

Технология разработки Концепции формирования регионального социетального сообщества предполагает выполнение последовательности ряда мероприятий. В их числе:

1. Диагностика состояния человеческих отношений, в том числе с использованием социологических инструментов, на основе анализа статистических данных.

2. Подготовка проекта Концепции осуществляется участниками специально созданной рабочей группы, состав которой утверждается правовым актом руководителя аппарата губернатора области.

3. Обсуждение проекта Концепции с участием экспертов, представляющих различные общественные слои Белгородчины (научное сообщество, духовенство, предприниматели, врачи, рабочие, аграрии и т.д.).

4. Разработка проекта Программы формирования регионального социетального сообщества с учетом мнений, высказанных в ходе обсуждения Концепции экспертами, рабочей группой при участии органов исполнительной власти, местного самоуправления.

5. Вынесение проекта Программы на обсуждение общественностью, в том числе в рамках организации публичных слушаний в территориальных сообществах.

6. Внесение проекта Программы губернатором области в Белгородскую областную Думу в форме законопроекта для принятия его депутатами и подписания.

7. Подписание договоров взаимной ответственности за реализацию Программы. Договор должен быть открыт для подписания всеми, кто разделяет цели и задачи Программы и желает заявить о своем участии.

8. Формирование механизма ее управления. Механизм управления предполагает четкое разграничение полномочий и ответственности исполнителей, а также возложение функций по контролю и координации на аппарат губернатора области.

9. Возложение функции управления реализацией программы на аппарат губернатора Белгородской области.

10. Разработка и реализация плана информационно-аналитического сопровождения Программы.

Список литературы

1. Послание Президент РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 ноября.
2. Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области. – Белгород: без изд-ва, 2003.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1997.
4. Эффективность управления регионами Центрального федерального округа РФ по критерию качества жизни населения. – М.: ЦСКП, 2008.
5. Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood Press, 1985.

THE CONCEPT OF REGIONAL SOCIETAL COMMUNITIES: THE MAINTENANCE AND DEVELOPMENT TECHNOLOGY IN THE BELGOROD REGION

V. P. Babintsev¹⁾

G. F. Ushamirskaya²⁾

¹⁾*Belgorod State University*

e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

²⁾*Volga institute of economy pedagogies and justices*

e-mail: rector@viepp.ru

In papers the problem of formation of regional societal communities is considered. It is defined as a system of interpersonal and intergroup relations in the subject of the Russian Federation, based on comprehension by their participants of a generality of interests, values and vital senses, mutual support, loyalty and cooperation in achievement of socially significant purposes. The algorithm of working out of the concept of establishment of such community is offered.

Key words: the social capital; societal community; social technologies, solidarity, loyalty.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

И. Ю. Климов

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Klimov_IY@corssys.ru

Статья посвящена этноконфессиональным особенностям, влияющим на профессиональную деятельность личности, занятой в процессе управления. Данные особенности рассмотрены с точки зрения методологии рефлексивного управления.

Ключевые слова: этноконфессиональность, традиционные религии, рефлексия, менеджмент, личность, нормы поведения, психологические типы личности.

Сегодня происходят коренные изменения в управлении всеми сферами человеческой деятельности, связанные как с широким применением новых информационных технологий, ростом конкуренции в производственных и обслуживающих сферах, так и с обратной тенденцией к монополизации определенных промышленных отраслей и т.п. Требуются новые подходы не только в практической сфере управления, но и научный анализ, и поиск фундаментальных разработок по обеспечению высокой эффективности управления. Наука находится в поиске адекватных способов управления, которые могут обеспечить и рост экономики, и личный рост человека, не превращая его лишь в безличную функцию глобальной или локальной системы.

Традиционно теории управления опирались на американскую философию прагматизма, которая в данной сфере представляет собой главным образом тейлоризм-фордизм, или в более мягкой форме, доктрину «человеческих отношений». Но в информационном обществе XXI века человек все больше ощущает себя личностью сверхразумной, использующей новые технологии как дополнительные рычаги для реализации своих «сверх-человеческих» возможностей. Происходит принципиальное изменение и в управленческой стратегии бизнеса: речь идет о «человеческом измерении» складывающегося инновационного «информационного» общества, отличающего его от индустриального или общества потребления. Новая философия, идущая на смену тейлоризму-фордизму, исходит из посылки «человеческого фактора» как наивысшей ценности в производстве, позволит преодолеть отчуждение, развязать инициативу и высвободить творческий потенциал человека, не желающего быть бездушной и нерелексирующей «скрепой» безличных производственных процессов. Современные американские и российские ученые говорят о необходимости разработки универсальной «философии управления», обосновывая новейшие методологические подходы при изучении данного феномена и выводя его на уровень высоких теоретических обобщений.

Современный менеджмент должен опираться на рассмотрение личностного компонента в управлении, касающегося не только руководителя, но и всех исполнителей, задействованных в процессе выполнения управленческого решения. И здесь необходимо руководствоваться и философскими, и этическими, и аксиологическими основаниями в исследовании главного «составляющего» любого процесса – человека. Беря во внимание качественный подход изучения личностей, принимающих участие в управленческом процессе, необходимо учитывать все стороны жизнедеятельности человека, способные повлиять на его профессиональное поведение. Остановимся на этноконфессиональном аспекте личности, задействованной в системе управления. Начиная с работ М. Вебера и В. Зомбарта, в науку вошло понимание связи религии и предпринимательства. И совершенно очевидно, что одним из аспектов жизнедеятельности человека, влияющих, хотя и косвенно, на поведение человека на работе, и соответственно на принимаемые им управленческие решения, можно считать его этноконфессиональную характеристику.

¹ Статья подготовлена в рамках госконтракта «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., П.861 от 18.08.2009 г.

Современный теоретик менеджмента А.В. Авилов отмечал, что «управление не обладает достаточно отработанными предметом и методом, которые создавали бы устойчивый научный каркас – парадигму управления – и исключали бы эклектику даже при значительном разнообразии подходов в этой области»². Именно этот факт позволяет многим исследователям относить управление к исключительно практической сфере. «В управлении, в отличие от “классических” естественных наук, нет вечных законов. В менеджменте есть теории и концепции, являющиеся ничем иным как отражением обобщенного опыта управления. И если наступает момент, когда теория не подтверждается практикой, теория уходит, как не соответствующая реалиям»³ и поэтому нет до сих пор единого научного подхода, разрабатываемого в рамках менеджмента.

Чаще всего сфера управления связывается с практикой, а религиозность или национальность – с теологией, философией, психологией или социологией, и они изучаются в разных плоскостях, пересекаясь скорее искусственно, чем научно-теоретически. Их связывают лишь некоторые элементы не системного, но произвольного (в зависимости от интересов исследователя) характера. При этом в российской науке до сих пор нет достаточно обоснованных исследований дифференцированного изучения управленческой сферы, которое позволило бы всесторонне рассмотреть мотивационные черты и скрытые пружины, способствующие более эффективному процессу развития производства, опирающегося на научный анализ всех особенностей персонала, в том числе и этноконфессиональных. Следует обратить, пожалуй, на одну из немногих статей, серьезно исследующую связь религии и бизнеса. В статье О. С. Четырчинской: «Межконфессиональные различия личностных характеристик и их влияние на активность в сфере бизнеса»⁴ дано социологическое исследование о взаимозависимости конфессиональной принадлежности людей и их способности к предпринимательской деятельности. В качестве эмпирической базы в статье приводились данные проекта Marketing Index TNS Gallup Media (далее MI). Анкета MI представляет собой набор стандартных вопросов, отражающих демографический состав населения, поведение и установки в сфере потребления, а также социально-психологические характеристики, в частности, вопросы, отражающие различные аспекты экономической культуры и блок социально-демографических вопросов. Все вопросы анкеты были адаптированы к российским условиям. Поэтому их можно взять как паттерн для собственных эмпирических разработок. Социологи в качестве одного из блоков опросного листа дали тест на выявление личностных структур (КОМПАСС). Эта запатентованная методика довольно часто используется в современных исследованиях подобного рода. Тест содержит вопросы-суждения, отражающие различные аспекты жизни человека.

В проекте КОМПАСС выделяется совокупность таких характеристик, которые в какой-либо степени свойственны любому человеку. Каждая характеристика описывается числовым индикатором. Для вычисления индикатора используются вопросы-высказывания блока КОМПАСС, включенные в MI.

Факторный анализ данных теста КОМПАСС на всем массиве, независимо от религиозности, выявили 2 латентные переменные, описывающие основные психологические типы:

Новаторство – консерватизм,

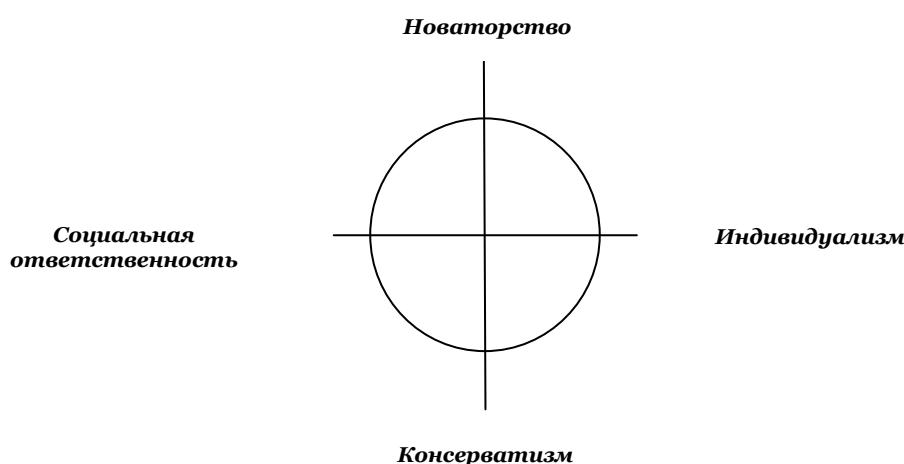
Социальная ответственность – индивидуализм.

Таким образом, авторы создали универсальную систему координат, в которой для любого человека можно определить степень его индивидуализма или социальной ответственности, новаторства или консерватизма.

² Авилов А. В. Рефлексивное управление. Методологические основания. – М.: ГУУ, 2003. – с. 6.

³ Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. Практикум. – М.: Гардарики, 1998. – с. 5.

⁴ Четырчинская О. С. Межконфессиональные различия личностных характеристик и их влияние на активность в сфере бизнеса (на материалах Marketing Index TNS Gallup Media) // Социологический журнал. 2009. №2- 3. С. 79-87.

Результаты типологизации таковы:

Консерваторы – очень осторожны, рациональны, избегают неопределённости и стихийности, дорожат тем, чего добились к настоящему моменту.

Консерваторы-индивидуалисты – эти люди схожи с консерваторами, но, в отличие от них, уделяют значительное внимание своему внешнему виду и вообще вопросам престижа, к которым «чистые» консерваторы равнодушны.

Социально ответственные консерваторы – им свойственны такие качества, как осторожность, практичность, стремление оставить все как есть, экономность, безынициативность, несамостоятельность, конформизм. Входящие в него люди не представляют свою жизнь без коллектива, растворяются в нём, ценности коллектива ставят выше своих собственных.

Социально ответственные – это энергичные и инициативные люди, так называемые «активисты», это и отличает их от консерваторов. Они очень рациональны и организованы. Действуют по принципу социальной справедливости, моралисты, разделяют гуманистические ценности. Их волнуют проблемы экологии и окружающей среды.

Социально ответственные новаторы – эти люди уверены в своих силах и способностях. Ответственность за всё происходящее в жизни возлагают на себя, а не на ситуацию, предпочитают преодолевать трудности, а не избегать их. От «чистых» социально ответственных их отличает готовность к риску и неприятие ценностей традиционализма и коллективизма, которые в значительной степени определяют поведение социально ответственных. Им важно *самостоятельное* достижение *социально-одобряемых* целей.

Новаторы – энергичные, склонные к риску, азартные люди, авантюристы. Быстро адаптируются и чувствуют себя в любой ситуации как рыба в воде. Они уверены в себе, им нравится соперничать, конкурировать с кем-либо. В то же время они, в отличие от социально ответственных новаторов, значительное внимание уделяют вопросам престижа, но совершенно не склонны к порядку.

Новаторы индивидуалисты – это люди, для которых престиж – важнее всего. Они никогда не позволят себе плохо выглядеть. Они чрезвычайно эгоцентричны и самоуверенны. В то же время, такие ценности, как порядок, осторожность, семья для них практически не имеют значения.

Индивидуалисты – самая ярко выраженная характеристика индивидуалистов – эгоцентризм. Они сконцентрированы на собственных интересах, и не способны воспринимать информацию, противоречащую собственному опыту. Эти люди социально не активны и не энергичны. Они полностью замкнуты на себе, избегают участия в общественной жизни.

Середина – этот сектор, который характеризуется отсутствием чётко выраженных особенностей и предпочтений в рамках модели КОМПАСС. Люди, относящиеся к этому сектору, обладают всеми или большинством характеристик, встречающихся в обществе. В то же время ни одна из них не проявляется сильнее и ярче, чем у большинства других людей.

Естественно можно предположить, что для разных профессий и сфер деятельности более благоприятными могут быть сотрудники с абсолютно разными наборами и степенями выраженности данных характеристик, но вариативность в данных пределах основных типов, скорее всего не изменится.

Итак, определив зависимость успешности определенной профессии от набора исследуемых характеристик, можно выдвинуть предположение об успешности представителей одной из трех традиционных религий в данной сфере деятельности. Опираясь на данный подход, нельзя забывать и об индивидуальных (психологических, социокультурных) качествах личности таких как, способность к рефлексивному отражению своих особенностей, сложившихся в результате принадлежности к определенной религиозной группе и о «качестве» самой заявляемой конфессии. Так совершенно очевидно, что даже самый «формально» верующий иудей значительно религиознее самого рьяного поклонника христианской (православной или католической) веры. Человек, воспитанный в старообрядческой субкультуре обладает набором религиозных стереотипов в отношении к своему делу в гораздо более этически окрашенной форме, чем формально-православный. Этой очевидности есть и исторические и социокультурные объяснения. Поэтому, учитывая приведенные исследовательницей данные, с нашей точки зрения, следует в степени религиозности учитывать и исторический контекст бытования религии в современном бизнес-сознании.

Считаем необходимым для четкого обоснования своих идей не только поиск социологических (эмпирических) и качественных методов, но и теоретико-методологических оснований. Для возможности понимания зависимости управленческих и рабочих процессов любой организации от этноконфессиональной особенности ее сотрудников нам представляется необходимым введение в научный обиход и обоснование понятия «рефлексивное управление». Исходя из анализа многочисленных определений, можно определить *менеджмент как профессиональную деятельность, направленную на достижение определенной цели, путем управления имеющимися ресурсами, как трудовыми, так и материальными*. Вышеизложенное определение менеджмента, позволяет представить его и как круг определенных лиц, и как руководящий орган, и как деятельность и т. д. Но определение менеджмента как синонима поведения руководящих лиц и определение менеджмента как определенной формы деятельности, разделены в науке. С нашей точки зрения, при определении менеджмента необходимо всегда оговаривать, что данная профессиональная деятельность осуществляется непосредственно конкретным человеком. Может показаться, что это само собой разумеется, но в связи с очень быстрыми темпами развития компьютеризации современного общества, многие функции руководителей могут исполнять компьютеры и другие технические и автоматические средства (установки) и электронные носители и сама проблема дегуманизации или постгуманизации становится очень острой. Например, на многих производствах установлена система электронного фейс-контроля, которая выполняет не только контролирующую, но и в какой-то степени, управленческую функции.

Приведем еще одно определение, данное современным исследователем А. М. Карякиным: «*Управление человеческими ресурсами, представляет собой особый вид управленческой деятельности, который требует выполнения специфических функций и особых качеств у людей, занимающихся этой деятельностью*»⁵. Здесь указывается на наличие у людей, занимающихся управлением, особых личностных – лидирующих – качеств. Набор особых характеристик или системы качеств, принадлежащих тем, кто осуществляет непринудительное влияние, то есть менеджмент, является ни чем иным как *лидерством*.

Таким образом, можно сказать, что *менеджмент это – умение человека, имеющего профессиональные и личностные основания к управлению, организовать работу подчиненных таким образом, чтобы поставленные цели были достигнуты наиболее эффективными и качественными методами и средствами*.

Другое составляющее рефлексивного управления – понятие *рефлексия* – пришло в современное знание из античной философии. Впервые размышления о рефлексии были представлены в учении Сократа, согласно которому предметом знания может быть лишь то, что уже освоено, а так как наиболее подвластная человеку деятельность его соб-

⁵ Карякин А. М. «Управление персоналом». Учебное пособие. Иваново, 2005. с. 10.

ственной души – самопознание, то раскрытие тезиса: «познай самого себя» стало наиболее важной задачей человека. Под рефлексией в современной науке понимают «форму теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленную на осмысление своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека»⁶. В философской литературе рефлексию отличают от психологических и антропологических характеристик, для которых она является отражением актов самосознания. В истории философии давно выявлено, что рефлексия относится к способам организации и обоснования мышления, ориентированного на постижение истины, и тем самым к внеличному, божественному или трансцендентальному знанию. «Процесс и результат самовосприятия человека в социальном контексте называется **социальной рефлексией**. Как механизм социальной перцепции социальная рефлексия означает понимание субъектом своих собственных индивидуальных особенностей и того, как они проявляются во внешнем поведении; осознание того, как он воспринимается другими людьми»⁷.

На сегодняшний день весьма успешно развивается такое направление, связанное с рефлексивностью, как когнитивистика, представляя собой междисциплинарную область изучения знания, способов и форм его приобретения и трансляции, в том числе и в сфере управления. Сам термин «приобретение» говорит о том, что та же самая информация, которая продуцируется, извлекается из внешнего мира, «работает» в сознании человека. После того как информация зафиксирована сознанием, она подвергается переработке в интересах жизнеобеспечения, как индивида, так и общества. По той же причине культура имеет когнитивную природу. Когнитивизм выявил наличие когнитивного строя любой области ее применения, в том числе и управленческой.

С нашей точки зрения рефлексия является одним из наиболее сложных психологических механизмов, поскольку подсознательно, каждый человек (без патологии) считает себя лучше, по отношению к своим собственным недостаткам, нежели это представляется другим. Вследствие этого при восприятии своего образа глазами другого человека возможно возникновение эмоционально-психологического конфликта, на основании нежелания принять чужое видение своих недостатков. Для устранения конфликтов подобного уровня зачастую используются стандартные отговорки типа: он/она не понимает, он/она меня плохо знает; такое со мной впервые и т.д. Подобные самооправдания позволяют человеку стабилизировать свое эмоциональное состояние и повысить самооценку, но являются абсолютным барьером к рефлексии. Так как стабильным (нормальным) состоянием человека с момента его сознательного существования является его образ о самом себе, созданным из характеристик, о себе, полученных им в процессе его социализации. Данные характеристики первоначально предоставляются ему его ближайшим окружением – семьей и друзьями, а также от тех этнорелигиозных особенностей, в рамках которых происходит его развитие. Поэтому индивиду трудно принять свой образ «глазами» другого, критично его воспринимающего и не находящегося с ним на равных (в смысле культуры). Поэтому и возникают межличностные конфликты, зачастую на этноконфессиональной почве. Человек, которого с его точки зрения воспринимают необъективно (неправильно), начинает агрессивно критиковать воспринимающего без всякой рефлексии и соответствующей критической оценки.

Таким образом, рефлексия есть процесс осознания, в каждый момент коммуникации человек обязан рефлектируя (осуществляя самосознание) акцентировать внимание на отношении (образе) другого к нему. Рефлексия – это форма умственной деятельности. Философия и психология убедительно доказывают, что рефлексия есть «мышление о мышлении», противопоставляется онтологической интерпретации актов понимания, неотторжимых от той действительности, с которой они сопряжены и которую они выражают. Мышление трактуется как мышление-в-потоке жизни (феноменология), а дистанцирование, с которым связан акцент на рефлексивной трактовке мышления, рассматривается как ограниченное и требующее переосмысления.

⁶ Философская энциклопедия в 5-ти т.: Т. 4. – М.: Советская энциклопедия. 1967. – с. 499.

⁷ Андриенко Е. В. Социальная психология: Учебное пособие /Под ред. В. А. Сластенина. – 2-е изд. доп. – М.: изд. центр «Академия» 2003 – с. 26.

Не стоит забывать, что проблемы религии и этнической принадлежности являются главнейшими при понимании идентичности личности и сообщества, в конечном итоге. Учитывая этническую и конфессиональную принадлежность сотрудников организации, как фактор влияющий, а иногда напрямую и определяющий поведение данных сотрудников, необходимо обратить внимание на то, что религия всегда была «механизмом» регулирования моральных принципов личности. Следует отметить, что каждый человек имеет разную степень выраженности в своем поведении, тех или иных моральных устоев, характерных для определенной религии, хотя и не с очевидностью. С одной стороны, ясно, что в современном обществе религиозно-этнические факторы перестают быть базовыми при характеристике того или иного производственного сообщества. С другой стороны, очевидно, что процесс коммуникации в информационном обществе активизирует связи и пересечения между устойчивой традиционной культурой (ценности, религия, знания, унаследованные от предыдущих поколений) и динамичной профессиональной культурой, в данном случае – в сфере управления.

Принципиальным становится вопрос о выполнении сотрудником каких-либо обязанностей, противоречащих его моральным принципам. В современных обществах все трудовые и иные законодательства основываются на принципах равенства и свободы личности. Но это лишь формально-юридические права, которые постоянно попираются во имя двух главных составляющих современного развития (по крайней мере, в нашем обществе): бесконечного прогресса экономики и повышения качества жизни. Зачастую общие тенденции и личные принципы, вступая в противоречие, разрешаются однозначно репрессивным способом со стороны руководителя, не интересующегося ни религиозными мотивами поведения человека, ни его моральными принципами. Ни в США, ни в Европе невозможно заставить правоверного иудея или мусульманина работать в «заповедные» дни (Шабат или Ураза-Байрам). Более того, в США давно уже выработана методика гибкого графика, который стал результатом философских обобщений идей Э. Тоффлера⁸. Исследователь связал культуру «второй волны» цивилизации с ритмами повседневной жизни, с основными ритмами машин. Люди приходили на работу в одно и то же время, принимали пищу в одно и то же время и т.д. Но это было в индустриальную эпоху 60-х. «Третья волна» бросила вызов этой механической синхронизации с темпом машины, заменив большую часть основных социальных ритмов и освободив человека от машинной зависимости. Многие компании давно заменили требования, чтобы каждый работник проходил через фабричную проходную или в офис в одно и то же время, тем, что устанавливают несколько «основных» часов, когда кто-либо, как ожидается, будет находиться на работе, а все остальные часы рассматриваются как гибкие. Активно распространяется частичная занятость, работа на дому и в ночное время. Комбинация гибкого времени, частично занятого времени и ночной работы означает, что все больше и больше людей работают вне режима «с девяти – до пяти» (или другого фиксированного расписания), и что все общество сместилось в сторону круглосуточной работы. Политика «гибких часов» сегодня употребляется руководством компаний, которые являются флагманами информационного общества. В этих условиях нет источника для конфликта на этнической или религиозной почве. В нашем управлении только предстоит обрести гибкость подобного рода. Новейшие открытия в управлении привели в США к созданию уникальной формы: дома-офиса⁹.

Выводы: Следует в управленческой сфере постоянно опираться на понимание специфики личности, учитывая ее традиционные черты и новейшие способы существования в информационном пространстве.

Список литературы

1. Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята 22 июля 2000 года, Окинава//Официальный сайт Представительства Российской Федерации в «Группе восьми» в 2006 году. <http://g8russia.ru/g8/history/okinawa2000/4/>.
2. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. — М.: Айрис-пресс, 2002.

⁸ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2002. С. 398-399.

⁹ Dertouzos, M. What Will Be: How the New World of Information Will Change Our Lives. New York: HarperEdge, 1997. P. 14-15.

3. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // *Макс Вебер. Избранное. Образ общества*. М., Издательство «Юрист», 1994;
4. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. Перевод с немецкого. М., Адир-пресс, 2004.
5. Fukuyama, F. *Our Posthuman Future*. Picador, New York, 2002.
6. См., например, сайты компании «Гугл» (Google) – <http://www.google.com> и компании «Майспэйс» (MySpace) – <http://www.myspace.com>.
7. Соловьев А.В. *Культурная Динамика Информационного Общества: от пост- к прото-культуре*. Автореферат на соискание ученой степени доктора филос.н. – Санкт-Петербург, 2009.

ETHNOCONFESSIONAL SPECIFICS OF MODERN REFLEXIVE MANAGEMENT

The article discusses ethnoconfessional specifics which influence on the professional activity of those involved into management processes. These specifics are observed in the article from the point of the methodology of reflexive management.

I. Y. Klimov

Belgorod State University

e-mail: Klimov_IY@corssys.ru

Key words: ethnoconfession, traditional religions, reflexion, management, personality, behavioral norms, psychological types of personality.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Е. А. Когай¹⁾
Е. А. Власова²⁾

¹⁾ Курский государственный университет

e-mail:
kogay@kursknet.ru

²⁾ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

e-mail:
jvlasova@yandex.ru

В работе представлен сравнительный анализ социологических исследований, изучавших отношение граждан к институту местного самоуправления. Выявлены основные причины доверия/недоверия населения к органам местной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданское общество, общественное мнение.

Важным показателем процесса становления института местного самоуправления является отношение населения к деятельности органов местной власти. Учитывая мнение граждан о результатах работы органов местного самоуправления, выясняя, что лежит в основе данной оценки, определяя уровень социальной активности/пассивности жителей, можно сделать вывод о развитии местного самоуправления.

Социологическое исследование общественного мнения населения муниципального образования является наиболее эффективным способом получения информации о наиболее актуальных проблемах и настроениях местного сообщества, оценке деятельности органов местной власти.

Изучение общественного мнения жителей города Белгорода проводилось в 2008 г. с помощью анкетного опроса. В основу анкеты, разработанной нами в ходе исследования, были положены вопросы, связанные с различными аспектами жизнедеятельности местного сообщества, а также вопросы, посвященные анализу основных проблем становления и функционирования местного самоуправления.

Для того, чтобы наиболее адекватно проанализировать оценку гражданами деятельность органов местного самоуправления, необходимо выяснить, что понимает население области под сущностью местного самоуправления (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, местное самоуправление это...?» (в % к числу опрошенных)

Полученные данные свидетельствуют о том, что 44 % опрошенных граждан сущность местного самоуправления понимают как деятельность органов местной власти при своем участии лишь в их избрании.

О природе демократической основы государства, праве на местное самоуправление, как самостоятельной и под свою ответственность деятельности населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, осведомлены 26 % опрошенного населения. Тем самым, только четвертая часть респондентов адекватно представляет сущность института местного самоуправления. Нами проявлена корреляция между должным пониманием местного самоуправления и образованием данных респондентов. Около 90 % — это граждане с высшим образованием и ученой степенью.

Кроме того, 18 % опрошенных граждан уверены, что местное самоуправление — это продолжение государственной власти на местах. Данный факт можно объяснить или неосведомленностью о сути местного самоуправления, или, наоборот, тем, что данная идея себя не реализовала, так как население муниципального сообщества не желает проявлять активность в осуществлении предоставленного им права; органы местной власти не взаимодействуют с населением, осуществляется «управление», происходит отрыв власти от жителей; из-за отсутствия финансовой основы местная власть не в состоянии самостоятельно выполнять свои функции и пр. Положительным моментом выступает то, что лишь незначительная часть из опрошенного населения (7 %) безразлично относится к институту местного самоуправления.

Как показало исследование (см. рис. 2), большинство (59 %) опрошенных граждан г. Белгорода активно поддерживают развитие института местного самоуправления, полагая, что именно на местном уровне реализуется основная часть жизненных интересов населения, от эффективности решения которых зависит в целом функционирование всего государственного механизма. 25 % респондентов считают, наоборот, что наиболее действенным будет управление государственной власти на местах. Затруднились ответить на данный вопрос 16 % опрошенного населения.

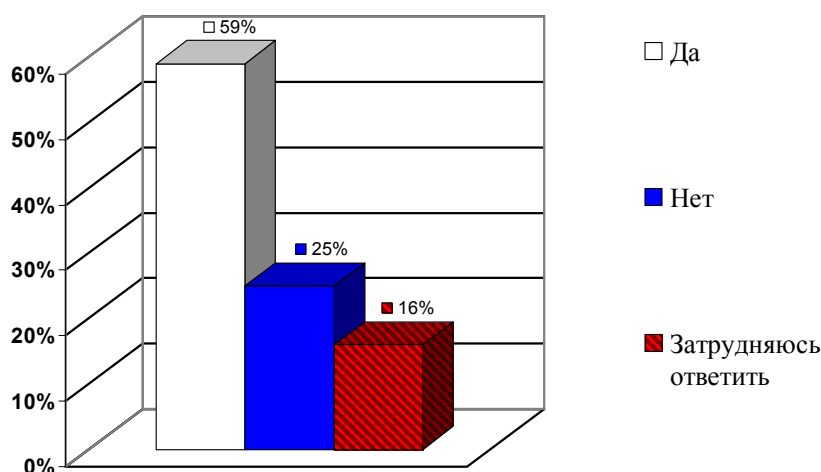

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, институт местного самоуправления в России будет развиваться?» (в % к числу опрошенных)

Проявляется логическая связь: на предыдущий вопрос большинство белгородцев ответили положительно, горожане подтверждают свою позицию далее, отвечая на следующий вопрос об объеме полномочий местного самоуправления (см. табл. 1). Так, 47 % респондентов полагают, что их необходимо увеличить. Граждане уверены, что органы самоуправления должны играть роль хозяина и брать на себя решение практически всех социальных и экономических проблем, возникающих на уровне муниципального образования. По мнению 25 % опрошенных граждан, полномочия необходимо «оставить на

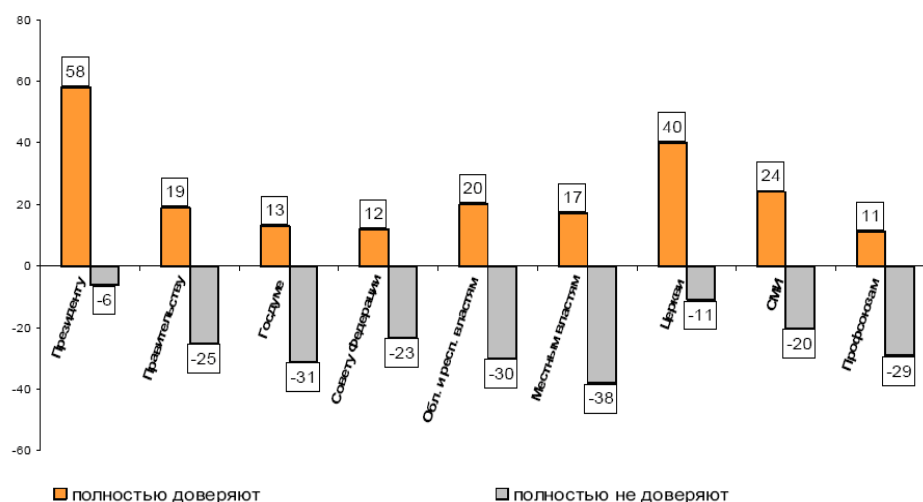
прежнем уровне». Около 14 % считают, что круг полномочий местного самоуправления следует уменьшить и передать их государственным органам в связи с тем, что органам местного самоуправления не хватает реальных властных полномочий, и самоуправление чаще всего оказывается недееспособным.

Таблица 1

Оценка объема полномочий местного самоуправления

№ п/п	Круг полномочий местного самоуправления необходимо, по Вашему мнению, увеличить или уменьшить?	в % к числу опрошенных
	Увеличить полномочия	47
	Уменьшить полномочия	14
	Оставить полномочия на прежнем уровне	25
	Затрудняюсь ответить	14

Созданная в 2005 году Общественная палата Российской Федерации призвана обеспечивать взаимодействие граждан России с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод (Федеральный закон от 04.04.2005 № 32—ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»). Ежегодно Общественная палата подготавливает и публикует доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Из доклада, представленного Общественной палатой за 2006 г.1, при рассмотрении оценки россиянами полезности различных институтов, возьмем интересующий нас компонент — доверие/не доверие «местным властям» (рис. 3).

Источник: репрезентативный опрос населения N=3021 чел., октябрь 2006, Аналитический центр Юрия Левады

Рис. 3. Оценка полезности различных институтов власти (в % к числу опрошенных)

Полученные данные свидетельствуют о том, что в два раза больше российских граждан не доверяют органам местной власти (38 %), чем доверяют (17 %). К тому же самый низкий показатель доверия среди государственных (федеральных и региональных) и негосударственных институтов проявляется именно по отношению к местной власти. Полагаем, что из-за недостаточной информированности, а также невысокого уровня политической и правовой культуры население довольно размыто представляет себе сущность местного самоуправления, и как следствие, недостаточно четко ориентируется в

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2006 год. Приложение / Общественная палата Российской Федерации. – М., 2007. – С. 58.

современной системе власти РФ. Результатом становится требование со стороны населения от органов местного самоуправления решения вопросов, не находящихся в их компетенции. А нерешенные проблемы, в свою очередь, влекут за собой недовольство граждан, которое образует однозначное «недоверие» к местным властям.

Изучение общественного мнения жителей города Белгорода показало, что большинство белгородцев (57 %) «частично доверяют органам местной власти», не доверяют — 36 % (табл. 2).

Таблица 2

Оценка доверия органов местного самоуправления г. Белгорода

№ п/п	Доверяете ли Вы органам местного самоуправления?	в % к числу опрошенных
	Да, полностью	2
	Да, частично	57
	Нет	36
	Категорически нет, потому что _____	—
	Затрудняюсь ответить	5

Следует отметить, что данные результаты исследования отличаются от общероссийских в вопросе доверия к местным органам власти. В нашем случае, жители относятся к органам местного самоуправления с более высоким уровнем доверия, тем не менее, оценка «недоверия» практически соответствует общероссийской.

Респондентам был предложен вопрос о том, что, по их мнению, является препятствием для эффективной работы органов местного самоуправления. Мнения горожан отражены на рис. 4.

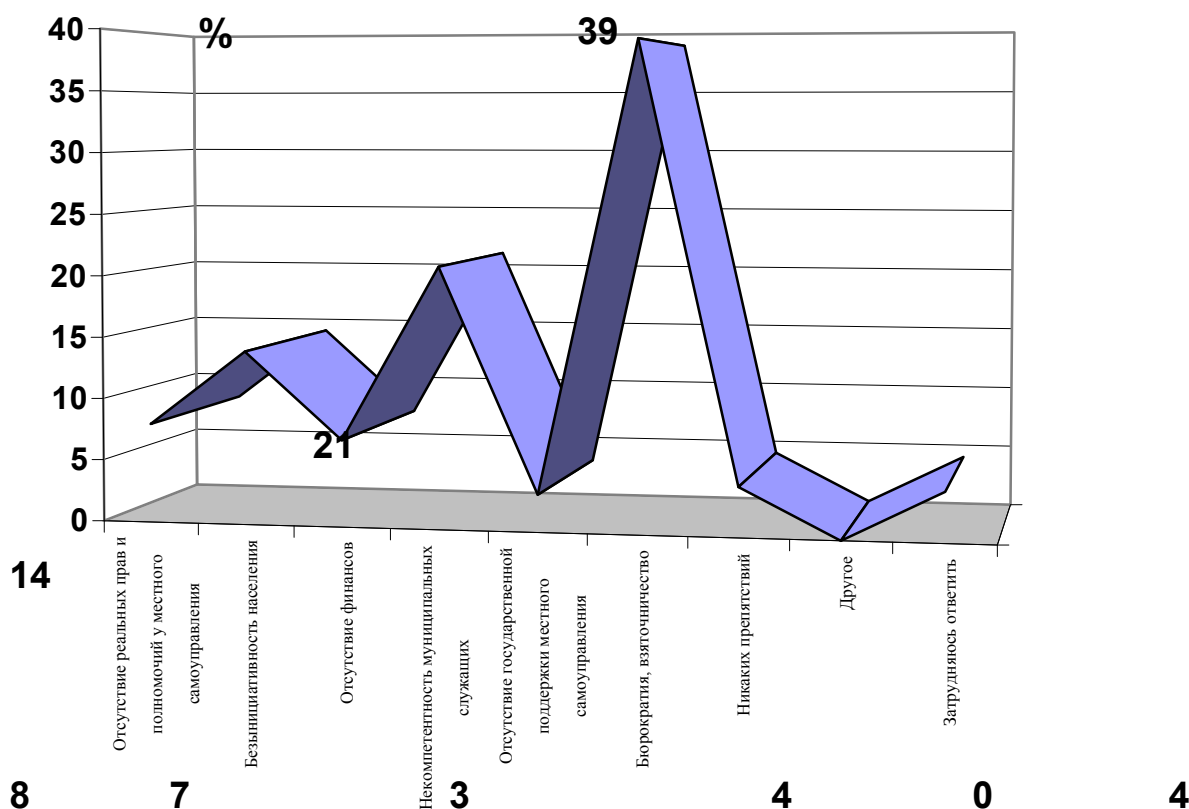

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, является препятствием для эффективной работы органов местного самоуправления?», в % к числу опрошенных

Таким образом, анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что главным препятствием в эффективности органов местного самоуправления, по мнению жителей, является «бюрократия, взяточничество» и «некомпетентность муниципальных служащих», – так ответили соответственно 39 % и 21 % опрошенных граждан. Белгородцы, как и все россияне, придерживаются мнения, что именно эти причины являются главной преградой для развития как местного самоуправления, так и страны в целом.

Вместе с тем 14 % граждан считают, что низкая активность самих жителей также служит помехой для оптимальной работы в управлении муниципальным сообществом. Данный показатель занимает третье место, что является неплохим результатом. К сожалению, в количественном соотношении это не очень высокий процент, тем не менее, 1/7 от опрошенных респондентов считают свое участие необходимым для успешного решения вопросов местного значения. Как показывают ответы респондентов на следующий вопрос, отражающий возможность влияния на политику, проводимую администрацией города, 76 % граждан знают, как это осуществить (табл. 3).

Таблица 3

Оценка населением возможности влияния на городскую политику

№ п/п	По Вашему мнению, как население города может повлиять на политику, проводимую администрацией города?	в % к числу опрошенных
	С помощью референдумом, выборов	11
	С помощью общения с представителями городской администрации	16
	С помощью обращения к депутатам	13
	С помощью политических партий, общественных организаций	9
	С помощью СМИ	23
	С помощью митингов	9
	Никак не может	14
	Другое	1
	Затрудняюсь ответить	4

Исследование показало: пессимистично настроенных горожан, считающих, что они «никак не могут» повлиять на политику органов местной власти, всего 14 %. Наиболее оптимальной формой влияния на политику администрации города являются СМИ, – так считают 23 % опрошенного населения. Остальные показатели по баллам незначительно различаются между собой (см. табл. 3). Мнения граждан разделились, что является положительным моментом, свидетельствующим о многовекторном представлении в сознании белгородцев о способах влияния на обстановку в городе.

Для 34 % граждан (табл. 4) понятие быть «жителем города Белгорода» соответствует активному участию населения в общественной жизни. 27 % респондентам – «принимать решения по вопросам местного значения». Вариант ответа, предлагающий взять на себя ответственность за все, происходящее в городе, получил отклик лишь у 7 % опрошенных.

Таблица 4

Оценка респондентами категории «житель города Белгорода»

№ п/п	Что значит для Вас быть «жителем города Белгорода»?	в % к числу опрошенных
	Нести ответственность за все то, что происходит в городе	7
	Принимать решения по вопросам местного значения	27
	Активно участвовать в общественной жизни	34
	Поддерживать все начинания администрации и общественности, но нигде не участвовать	2
	Ничего	15
	Затрудняюсь ответить	15

Данные показывают, что намного больше граждан считают, что «житель города» должен принимать решение в вопросах местного значения, чем нести за них ответственность.

Рассматривая далее уровень активности горожан как субъектов местного самоуправления, возьмем распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы лично принять участие в благоустройстве города (разработка программы, реализация ее на территории избирательного округа и др.)?». Большинство из опрошенных респондентов (40 %) высказали положительный настрой «скорее готов, чем не готов», а 22 % горожан «готовы» однозначно.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для реализации перспективы активного участия населения в решении вопросов местного значения, предусмотренной реформой местного самоуправления, созданы необходимые предпосылки. Граждане не только желают участвовать, но и определенно представляют для себя поле деятельности, в которой осуществляли бы работу для улучшения городской жизни. Возникает проблема: с одной стороны, жители города выражают готовность к проявлению себя в качестве активного субъекта местного самоуправления, но этого не происходит с другой. Какие причины препятствуют горожанам? Безусловно, в первую очередь, отсутствие опыта и традиций осуществления местного самоуправления. Создание правовых основ, пропаганда участия населения, разъяснение сущности местного самоуправления являются важными атрибутами, но главной задачей остается выработка социального механизма перманентного вовлечения населения в управление делами муниципального сообщества.

Реальные двигатели данного процесса наблюдаются. Например, практически все горожане состоят в ТСЖ, многие из них активно участвуют в его управлении. В городе стали формироваться территориальные органы самоуправления (ТОС). Безусловно, дальнейшее продолжение формирования сотрудничества между гражданами и органами местного самоуправления зависит во многом от действий местной власти.

Полевое социологическое исследование, проведенное среди белгородцев по основным проблемам становления и функционирования местного самоуправления в г. Белгороде, позволило определить, что жители города высоко оценивают деятельность местных органов власти в области благоустройства города, развитии его инфраструктуры и пр. Но существуют проблемы, которые беспокоят белгородцев и на которые местной власти следует обратить внимание — это повышение уровня жизни населения, качественное медицинское обслуживание, жилищный вопрос, социальная поддержка населения. Проводя вторичный анализ данных, приходим к выводу, что белгородцы не идентифицируют себя с субъектом местного самоуправления. Вместе с тем, следует признать, что именно участие граждан в решении вопросов местного значения выступает ядром механизма оптимизации деятельности органов местного самоуправления.

Подводя итог, подчеркнем, что, одной из ключевых проблем является отсутствие знания населением сущностных основ местного самоуправления: у граждан нет понимания того, как происходит разграничение полномочий, предметов введения между органами субъектов Федерации и местными органами, т.е. где «заканчивается» государственная власть и «начинается» местное самоуправление. Эти вопросы необходимо проявить при разработке целостной концепции образования граждан, начиная со школы. В школьной программе, как и в образовательных стандартах высшей школы (кроме некоторых специальностей, например, «Государственное и муниципальное управление», «Юриспруденция») на сегодняшний день не уделяется достаточного внимания вопросам местного самоуправления, его сущности, специфики отличия государственной власти от местной и пр. Незнание же влечет за собой непонимание. Вследствие этого, мы наблюдаем у населения безразличное отношение к идее местного самоуправления, а также сталкиваемся с нежеланием граждан нашей страны становиться активными субъектами «неэффективного» и «малопонятного» института власти.

Список литературы

1. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2006 год / Общественная палата Российской Федерации. — М., 2007.

ANALYSIS OF EFFICIENCY OF THE MODERN SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNING BODIES

Y. A. Kogay¹⁾
Y. A. Vlasova²⁾

¹⁾ Kursk State University

*e-mail:
kogay@kursknet.ru*

*²⁾ Belgorod Shukhov State
Technological University*

*e-mail:
jvlasova@yandex.ru*

The article presents the comparative analysis of the sociological researches data on the relations of the citizens. The basic reasons of trust/mistrust of the population to the local government administration is revealed in the paper.

Key words: the local government, the civil society, the public opinion.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕГИТИМАЦИОННЫХ ПРАКТИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Е. В. Реутов

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: reutovevg@mail.ru

В статье выявляется влияние экономического кризиса на трансформацию легитимационных практик региональной власти. В настоящее время региональный уровень управления в значительной мере утратил автономные механизмы воздействия на социально-экономическую ситуацию в регионах. Соответственно, уменьшились его возможности для реконфигурации символического пространства региональной политики – в частности, управления процессами легитимации и делегитимации управления.

Ключевые слова: экономический кризис, легитимационные практики, региональная власть, патернализм.

Введение

Строительство и поддержание институциональных оснований легитимации региональной власти является одним из необходимых условий и предпосылок сдерживания и преодоления тенденций ее делегитимации. Неинституциональные механизмы легитимации для этого слишком неустойчивы и ситуативны. Реализация патерналистской модели управления, базирующаяся на персональном и инструментальном основаниях легитимации, поддерживается наличием высоких ожиданий от власти, неизбежных в условиях высокого удельного веса экономически несамостоятельного населения, людей с низкими доходами. Соответственно, базовой предпосылкой легитимации в данных условиях способность является власти формулировать и реализовывать программы и проекты по обеспечению социоэкономических и иных ожиданий населения. Причем, сохранение значительной дистанции, отчуждения между властью и сообществом способствует закреплению в региональном сообществе пассивных моделей адаптации, при которых вся полнота ответственности за ситуацию в регионе, за уровень жизни населения возлагается гражданами исключительно на власть. Однако на дескриптивном, а не нормативном уровне россияне демонстрируют крайне низкий уровень надежды на помощь и поддержку государства. Таким образом, в социальных практиках и установках россиян достаточно устойчивые патерналистские ожидания, свойственные, прежде всего, представителям старших поколений, сочетаются с тенденцией к дальнейшей автономизации от государства. Однако данная тенденция развивается не в направлении развития гражданского общества, а, скорее, в укреплении микросоциальных сетей, опоры, прежде всего, на родственников и друзей.

Структура и баланс взаимоотношений федерального Центра и регионов России на протяжении 1990-2000-х гг. определялась достаточно сложной и изменчивой динамикой конфигурации ресурсов (в том числе институционального характера), свойственных каждому из этих уровней государственного управления. Фактически на всем протяжении 1990-х гг. продолжалось институциональное и ресурсное становление федеральных властных структур. И нужно отметить, что данное становление во многом происходило на руинах советских и институтов и отношений. Вполне закономерно обусловленная этим фактом деградация постсоветских управленческих структур способствовала кризису ожиданий, который выразился в снижении доверия центральной власти и регионализации массового политического сознания. В первой половине 1990-х гг. Однако было бы неправомерным утверждать о переключении социальных ожиданий на региональные властные структуры. Это был период системного кризиса ожиданий от власти, вызвавшийся в их масштабной фрустрации на фоне растущей атомизации общества.

Тем не менее, региональные властные структуры в объеме символических ресурсов утратили значительно меньше, нежели центральная власть. Региональный уровень управления фактически вынужденно стал основным гарантом реализации минимального

набора социальных функций. В этой ситуации в массовом политическом сознании неизбежно стали формироваться завышенные ожидания к региональным властным структурам и, таким образом – закладываться предпосылки определенной их делегитимации. Тем более что конкретные административно-политические практики в регионах чаще всего не соответствовали нормативным представлениям общественно сознания. В результате сформировался общественный запрос на реструктуризацию отношений «Центр – регионы», выраженный в, пусть и пассивной, поддержке В.В. Путина и его инициатив, направленных на подчинение губернаторского корпуса.

Региональный уровень административно-политического управления, начиная с середины 2000-х гг., стал утрачивать самостоятельность в глазах общественности, и основания его легитимации, следовательно, – выводиться за пределы регионального политического пространства. Характерно, что уже в 2006 г. надежды на выполнение основных социальных функций, по данным ИС РАН, возлагались населением, прежде всего, на федеральную и местную (муниципальную) власть. Так, за «справедливое распределение материальных благ» ответственность на федеральную власть возлагали 59% респондентов, на местную – 17%, на региональную – всего 14%; «обеспечение жильем» – соответственно 37%, 33% и 23% и т.п.¹ Региональная власть, таким образом, утратила, ключевые позиции в удовлетворении социальных ожиданий граждан, которые она занимала в 1990-е гг.

Социологические данные (ВЦИОМ, октябрь 2009 г.) фиксируют определенную склонность населения ставить в зависимость работу губернаторов своих регионов от степени их подотчетности Центру. Так, каждый пятый россиянин уверен, что губернатор его региона стал работать более эффективно после отмены прямых выборов (21%). И только 12% полагают, что качество их работы ухудшилось – чаще такое мнение высказывают уральцы (17%). Впрочем, относительное большинство россиян не отмечает каких-либо изменений в эффективности работы властей своего региона после отмены прямых губернаторских выборов (51%). По мнению 23% респондентов, после отмены прямых выборов губернаторов уровень их социальной ответственности перед населением их региона повысился. Об обратном сообщают 11%. В то же время, половина опрошенных не зафиксировала значительных изменений в уровне ответственности губернаторов перед населением региона (49%)².

Эти данные являются еще одним, пусть и косвенным, подтверждением распространения массовых представлений об утрате самостоятельности в решениях региональной властью.

Насколько долгим и плавным был бы соответствующий тренд во взаимоотношениях Центра и регионов и, соответственно, в массовом политическом сознании в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и высокой степени консолидации властной элиты, сказать сложно. Однако стабильное функционирование российской политической системы в 2008 г. оказалось в ситуации двойного вызова. Один из них был связан с реконфигурацией структуры высшей власти – формированием двух центров принятия решений – вокруг Президента РФ Д.А. Медведева и Председателя Правительства В.В. Путина. На взаимоотношения федерального Центра и регионов это отразилось в увеличении системной неопределенности.

Вторым вызовом послужило наступление финансово-экономического кризиса на Россию и ее регионы. Связанное с ним сужение финансовых возможностей государства создает вызовы легитимности власти и политической системе в целом. Под угрозой делегитимации оказывается как федеральная, так и региональная власть. Проявления финансового кризиса является сильнейшим возмущающим ситуативным фактором внешней среды региональной власти. Соответственно, это влечет трансформацию легитимационных практик в целом и, в частности, таких базовых их элементов, как агенты, ресурсы, нормы, ценности и действия. Под их воздействием изменяется баланс отношений между агентами легитимации – в частности, возрастает значимость массовых агентов легитимации. Изменяется роль различных ресурсов легитимации – снижаются финансо-

¹ См.: Доклад по социальной политике ИС РАН // Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/analytical_report_SociaPpolicy_1.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

² См.: Губернаторы и выборы // Режим доступа к изд.: http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/12537.html?no_cache=1&cHash=37c5b75ecb&print=1. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

вые возможности регионов и, скорее всего, будет возрастать значимость информационных ресурсов. Лишаясь части финансовых ресурсов, большинство регионов попадает в большую зависимость от центра. С другой стороны, у части региональных элит появляется возможность усиления риторики и практики регионализма – за счет перекалывания ответственности за кризис на федеральный центр. Возможно усиление ценности регионализма и региональной идентичности, а также запроса на патернализм. В целом, финансовый кризис, может оказать серьезное влияние на реконфигурацию отношений между федеральной и региональной политическими элитами и на социальную ситуацию в обществе.

Ситуация экономического кризиса может послужить достаточно значимым фактором трансформации коллективного сознания россиян в направлении избавления от иллюзий надежды на государство и большей реалистичности в установках и ценностях. Однако это может иметь и негативное следствие в виде дальнейшей делегитимации политических институтов, не реализующих традиционные для российского сознания ценности – порядок и справедливость. В условиях отчуждения от власти и исключенности из политических практик неэлитные социальные группы мыслят власть исключительно как внешнюю субстанцию, испытывая гипертрофированные ожидания или, наоборот, нагружая ее массой негативных коннотаций. В данных условиях легитимность административно-политического управления зависит исключительно от объема государственного бюджета и способности власти манипулировать общественным сознанием. Если в сентябре 2008 г., до развития кризисных явлений в российской экономике, по данным Левада-Центра, доля россиян, считающих, что страна развивается в правильном направлении, достигала максимального за последние годы уровня – 61%, то к марту 2009 г. она снизилась уже до 41%³. Данная динамика, таким образом, показала, что лояльность к актуальному социальному порядку обеспечивается, помимо доверия первым достаточно ситуативными факторами вроде цен на углеводородное сырье.

Фактор воздействия кризиса на социально-экономическую ситуацию в регионах еще в большей степени укрепил тренд изменения представлений о роли различных уровней власти. По данным ВЦИОМ (август 2009 г.), федеральные власти в гораздо большей степени, чем местные (то есть региональные и муниципальные), во-первых, честно оценивают ситуацию в стране (34% против 12%) и, во-вторых, предлагают более эффективные антикризисные меры (39% против 7%). Но при этом необходимо учитывать следующее – почти половина респондентов негативно оценивает и один, и другой уровень власти. Так, 40% опрошенных считают, что ни те, ни другие не дают честной оценки ситуации, а 38% – что ни те, ни другие не предпринимают эффективных антикризисных действий. Причем, за прошедшие с предыдущего этапа мониторинга 10 лет эти оценки претерпели радикальную трансформацию. В 1999 году россияне полагали, что местные органы власти честнее, чем федеральные, оценивают ситуацию в стране (33% против 14%). То же касается и оценки эффективности антикризисных мер. В 1999 г. более эффективными действиями федеральных властей считали 16% респондентов, местных – 26%. Характерно, что доля негативистов (респондентов, считающих, что ни те, ни другие власти не дают честной оценки и не предлагают эффективных мер) с 1999 по 2009 гг. почти не претерпела изменений, уменьшившись по первому показателю на 1%, а по второму – на 5%⁴.

Первая ощутимая реакция населения на финансово-экономический кризис была зафиксирована социологами (данные Левада-Центра) в ноябре-декабре 2008 года, когда стала ощутимо сокращаться доля считающих, что дела в стране идут в правильном направлении – с 61% в сентябре до 43% в декабре⁵. В этот же период стало быстро расти число сообщений респондентов о том, что кто-либо из работающих членов их семей лично столкнулся с проблемами в сфере занятости: сокращениями, увольнениями (с 7% в октябре до 30% в декабре 2008 г.), задержками заработной платы (с 10% в октябре до 30%) и т.п.

³ См.: Оценки российских лидеров и положения дел в стране (апрель) // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2009043003.html>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁴ См.: Местные и федеральные власти: кто лучше борется с кризисом? // Режим доступа к изд.: http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11893.html?no_cache=1&cHash=a8ae88b950&print=1. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁵ См.: Оценки российских лидеров и положения дел в стране (декабрь) // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2008121704.print.html>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

В распределении ответов на вопрос о роде занятий респондента заметно выросла доля тех, кто обозначает себя как «безработного/временно нетрудоустроенного» (в последние годы этот показатель держался на уровне 4-5%, в январе 2009 г. увеличился до 8%)⁶.

Первой же реакцией региональных политических элит (впрочем, как и федеральных) стали успокоительные сентенции о созданной в последние годы «подушках безопасности», благодаря которым мы можем относительно безболезненно пережить период кризиса. Стратегическое планирование регионального развития, к внедрению которого региональные власти последние годы активно подталкивались федеральным Центром, исходило исключительно из сценария неуклонного и непрерывного улучшения ситуации в российской экономике, то есть представляло собой экстраполяцию существующих тенденций и не принимало в расчет цикличности экономического развития⁷. Региональные бюджеты, принятые в ноябре 2008 г., исходили из «умеренно оптимистичных подходов» и сразу после принятия вызвали недовольство со стороны федеральных властей, после чего их расходные статьи стали подвергаться беспощадному сокращению. Так, в Белгородской области в результате изменения параметров бюджета доходы на 2009 год утверждены ниже уровня 2008 года на 25% (снизились до уровня 2007 года), а расходные обязательства уменьшены на 20%. После чего были приняты меры, имеющие скорее символическое значение и рассчитанные на массовое сознание – декларирование сокращения денежного содержания региональных чиновников (премий, материальной помощи, командировочных расходов и т.п.)⁸.

Между тем, по данным экспертов компании ФБК, даже к маю 2009 г. программы антикризисных действий были приняты только в каждом третьем из российских регионов. В основном в регионах занялись сокращением текущих расходов (44 субъекта Федерации). Гораздо в меньшем количестве регионов в борьбе с кризисом ставку сделали на снижение административных барьеров, поддержку малого бизнеса, укрепление доходной базы бюджетов (таких субъектов, впрочем, эксперты ФБК насчитали только 25). Меры налогового стимулирования в борьбе с кризисом предусматривали только два десятка регионов⁹.

К началу 2009 г. региональные власти столкнулись с неприятной дилеммой, особенно острой в тех регионах, где значительная доля населения была сконцентрирована в моногородах. В условиях сокращения спроса на продукцию региональных производств предприятия стали «оптимизировать» численность персонала. Однако высвобождение столь значительного объема работников, естественно, создало бы крайне высокое давление не только на местные бюджеты, но и на социально-политическую обстановку в регионах. К тому же сохранение социальной стабильности в регионах фактически стало основным критерием оценки профессиональной пригодности регионального административно-политического менеджмента федеральным Центром.

В этих условиях региональная власть пожертвовала экономической эффективностью хозяйствующих субъектов в пользу социальной стабильности, усилив давление на собственников и менеджмент предприятий с целью минимизации сокращений работников. Косвенным подтверждением этого могут служить данные Росстата, в соответствии с которыми, доли уволенных по сокращению штатов с марта 2009 г. и по соглашению сторон с апреля 2009 г. начинают устойчиво снижаться. Между тем, в июне и июле 2009 г. общее количество работников, выбывших из организаций, растет¹⁰. Некоторые эксперты при этом отмечают и наличие административного давления на менеджмент предприятий с целью фальсификации представляемых в органы статистики данных, в частности, о сокращении работников и о задолженности по выплате заработной платы¹¹.

⁶ Ситуация на рынке труда по данным опросов общественного мнения // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2009020907.print.html>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

⁷ См.: Туровский Р. Последствия социального оптимизма // Независимая газета. – 2009. – 27 января.

⁸ См.: В режиме экономии // Белгородские известия. – 2009. – 3 апреля.

⁹ См.: Испытание государственности // Независимая газета. – 2009. – 28 мая.

¹⁰ См.: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе-августе 2009 года // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/wps/PA_1_o_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1140080765391. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

¹¹ См.: Билевская Э. Фальсификация отчетного периода // Независимая газета. – 2009. – 20 июля.

Такого рода методы антикризисной политики, естественно, имели, главным образом, краткосрочные и преимущественно декоративные эффекты, ориентированные на федеральный Центр. Зимой 2008-2009 гг., резко изменяются к худшему оценки населением деятельности губернаторов их регионов – с 45% оценивающих их работу как хорошую в ноябре 2008 г. (до этого в течение двух лет соответствующая оценка не опускалась ниже 50%) до 37% в феврале и марте 2009 г. При этом в марте 2009 г. лишь 29% граждан были удовлетворены положением дел в их регионах, а 63% – не удовлетворены. 15% опрошенных считали, что ситуация в их регионах улучшается (максимальная доля таких оптимистов – в Краснодарском крае и Татарстане: по 31%), но втрое чаще – 44% – звучало противоположное мнение: ситуация ухудшается (в Саратовской, Курской и Свердловской областях этот показатель превысил 60%). Прочие респонденты полагали, что ситуация не меняется (36%) либо затруднялись с оценкой. На этом фоне доли россиян, удовлетворенных и не удовлетворенных работой региональных руководителей, практически сравнялись и произошло это впервые за весь период наблюдений с 2003 г. В 14 регионах губернаторы испытали очень большие репутационные потери – 20 и более процентов¹².

Все это происходило на фоне усиливающегося давления «властной вертикали» на регионы. Так, на июньском совещании с полпредами Президент РФ заявил, что будет отправлять в отставку губернаторов, не справляющихся с кризисом. Министерству регионального развития было поручено отобрать четыре субъекта Федерации, имеющих самые слабые показатели по безработице и самые высокие – по задержкам выплат зарплат. После пикалевских событий Дмитрий Медведев пообещал, что губернаторы, ситуацию в регионах которых можно считать провальной в плане антикризисных мер, будут незамедлительно отправлены в отставку¹³.

В ситуации настолько ощутимой делегитимации региональной власти при утрате автономных от федеральной власти механизмов воздействия на экономическое положение региона региональные элиты стали использовать, прежде всего, информационно-пропагандистские технологии, рассчитанные как на массовое сознание, так и, в определенной степени, на федеральную власть.

К такого рода технологиям следует, прежде всего, отнести антикоррупционную риторику и некоторые шаги в направлении большей доступности власти и прозрачности регионального управления.

Антикоррупционная риторика, с одной стороны, являлась реакцией на соответствующую политику, провозглашенную Д.А. Медведевым и подкрепленную Указом Президента РФ от 19 мая №815 «О мерах по противодействию коррупции», а также резкие выпады против коррупции В.В. Путина на совещании правительства РФ по экономическим вопросам 10 ноября 2008 г. Выступая в марте 2009 г. в эфире ОРТ Президент РФ, рассказывая о борьбе с коррупцией, заявил, что «ряд крупных, резонансных дел в отношении руководителей и в Орловской области, и в Пермском крае, и в Приморском крае свидетельствует о решимости доводить такого рода действия до конца»¹⁴, фактически акцентировав внимание именно на региональных властях.

С другой стороны, антикоррупционная проблематика была явно выигрышной темой для массового сознания региональных сообществ. К тому же соответствующие мероприятия фактически не требовали значительных затрат. Зачастую губернаторская риторика носила не менее жесткий характер, чем у первых лиц государства: «Мы должны расценивать коррупцию, как мародерство во время военных действий» (Е.С. Савченко)¹⁵. Но, как правило, антикоррупционные мероприятия в регионах ограничивались началом работы телефонов доверия. Проведенный автором в июле 2009 г. анализ содержания веб-сайтов органов власти областей Центрального федерального округа (самого многонасе-

¹² См.: Репутация губернаторов в период экономического кризиса // Режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/pdf/d20_gub.pdf. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

¹³ См.: Билевская Э. Фальсификация отчетного периода // Независимая газета. – 2009. – 20 июля.

¹⁴ Губернаторы, замешанные в коррупции, будут отстранены от занимаемых должностей // Режим доступа к изд.: <http://www.com-cor.ru/node/1000>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

¹⁵ Губернатор Белгородской области Е.С. Савченко: «Мы не станем жаловаться и возмущаться – мы будем действовать и добиваться успеха» (выступление на заседании политсовета Белгородского регионального отделения партии «Единая Россия» 1 апреля 2009 г.) // Режим доступа к изд.: <http://www.belregion.ru/file/links/links.doc>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

ленного в Российской Федерации) выявил наличие специализированных антикоррупционных страниц лишь на 4 из 17 интернет-порталах регионов – Белгородской, Брянской, Рязанской и Смоленской областей.

В отличие от антикоррупционной кампании – темы, хотя и выигрышной, но достаточно скользкой, формирование более действенных каналов «обратной связи в системе коммуникации «региональная власть – население» стало в период кризиса рассматриваться как достаточно эффективный механизм выброса и канализации социального напряжения: «Главная политическая задача – использовать кризис для консолидации общества, всей Белгородчины. Для этого нужен прямой открытый диалог. Через приемные, через встречи с людьми, разговоры. Вот первое, что мы должны делать, и что мы делаем»¹⁶.

Здесь, безусловно, следует отметить, что и в формировании институциональных каналов обратной связи региональные элиты в значительной мере утратили самостоятельность и оказались подчиненными и, в определенной степени, подконтрольными Центру через механизм партийного контроля, замкнутого на В.В. Путина. Речь идет о создании с июля 2008 г. во всех субъектах Федерации общественных приемных Председателя «Единой России» В.В. Путина.

Инкорпорированию общественного мнения в практику принятия решений могут способствовать технологии «электронного правительства» (хотя сами по себе они намного шире и не сводятся к тому, что граждане могут в режиме on-line давать оценку власти или ее решениям). Повышение уровня «электронного» участия граждан в политической коммуникации, в принципе, может существенно снизить социальную апатию населения и увеличить объем социального капитала, являющиеся существенными предпосылками легитимации. С точки зрения Ю.В. Ирхина, электронное правительство позволяет обеспечить три существенных компонента легитимации управления: публичность, участие и онлайн-транзакции¹⁷. Особенно важное значение в контексте легитимации управления имеет участие. «Электронное участие» предполагает: электронное информирование граждан правительством со своего веб-сайта относительно программ, бюджетов, законов и всего, что имеет ключевое значение для общества; электронные консультации. Причем, посетители правительственного веб-сайта могут выбирать тему общественной политики для онлайн-обсуждения; электронное принятие решений с участием граждан страны, при этом правительство обеспечивает обратную связь по результатам решения конкретных проблем.

Однако для внедрения «электронной демократии», как и для обычной, также должны наличествовать определенные предпосылки – хотя бы определенный уровень гражданского участия и самоорганизации населения, не говоря уже о его информационной компетентности. Абсентеизм в физическом пространстве не превратится в свою противоположность в пространстве виртуальном. Поэтому стратегии по формированию «электронного правительства» очень часто имеют не столько функциональный, сколько имиджевый эффект. Хотя в контексте легитимации не стоит недооценивать и такой результат – «восприятие населением государства как прозрачного и подотчетного является таким же важным результатом, как и реальная подотчетность»¹⁸.

В июле 2006 г. в рамках федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)» и Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003 – 2005 годы) Правительство РФ утвердило «Концепцию региональной информатизации до 2010 года». Эта концепция, в частности, предусматривает создание в каждом регионе собственного «электронного правительства» и введение стандартов региональной информатизации. В соответствии с Концепцией, одним из приоритетных направлений государственной поддержки региональной информатизации является реализация проектов, направленных на развитие инфраструктуры, обеспечивающей доступ граждан и организаций к информации о деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправ-

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // Социологические исследования. – 2006. – №1. – С. 73-82.

¹⁸ Солодов В. Электронная бюрократия: постбюрократия или сверхбюрократия? // Власть. – 2007. – №4. – С. 41.

ления. Введение в эксплуатацию региональных информационных систем предусматривается на третьем этапе реализации данной Концепции в 2010 году¹⁹.

Между тем, анализ основных принципов функциональных подсистем и элементов инфраструктуры электронного правительства региона, зафиксированных в Приложении к данной Концепции, показывает, что элементы публичности и особенно интерактивный компонент технологии «электронного правительства» минимальны. Приоритетными же компонентами являются: создание информационно-аналитической подсистемы органов власти, в том числе, баз данных; информационная безопасность; объединение региональных и муниципальных информационных структур в региональную информационную систему; интеграция региональных информационных систем в вертикальную (с федеральными органами) и горизонтальную (с другими регионами) коммуникации²⁰. Следовательно, и в регионах больше всего озабочены созданием информационно-технологической инфраструктуры (веб-сайтов органов государственной и муниципальной власти) и мероприятиями по повышению эффективности деятельности органов власти, имеющими экономический эффект (прежде всего, регулированием системы закупок для государственных и муниципальных нужд, электронного документооборота в налоговой сфере и т.п.).

То есть внедрение технологий «электронного правительства» парадоксальным образом может стать дополнительным фактором отчуждения от власти большинства населения, не владеющего информационными технологиями и не имеющего открытого или постоянного доступа к информационно-коммуникационным системам.

Для выявления динамики механизмов обратной связи в системе коммуникации «региональная власть – население» было проведено два этапа анализа содержания веб-сайтов органов власти областей Центрального федерального округа (самого многонаселенного в Российской Федерации). Первый из них (май 2007 г.) показал, что из 17 сайтов 12 предусматривают электронные формы коммуникации власти и общественности – разделы «Обратная связь», «Контакты», «Диалог с властью» и т.п. В 10 регионах население имеет возможность задать вопрос представителям властных органов. В 3 из них (Белгородская, Брянская и Московская области) электронная форма является лишь дополнением к традиционной форме обращений. Для обращений граждан есть специальное диалоговое окно. Причем в Белгородской и Брянской областях единственным возможным адресатом является губернатор, а в Московской – вице-губернатор. На веб-сайтах администраций 2 регионов (Орловской и Рязанской областей) оговаривается возможность обращения по электронной почте к губернатору и его заместителям, но нет специального окна. На сайте администрации Орловской области предусмотрена также возможность обратной связи в виде пожеланий и замечаний. На сайтах администраций 3 регионов (Владимирской, Костромской и Смоленской областей) предусматривается размещение всех или наиболее интересных вопросов и ответов на них. Веб-сайты администраций 4 регионов (Владимирской, Костромской, Липецкой областей и г. Москвы) предполагают возможность Интернет-голосования по наиболее актуальным проблемам регионов. Независимую экспертизу законопроектов предусматривает сайт 1 региона (Смоленская область), правда лишь со стороны заинтересованных ведомств. Интернет-приемная Тверской области находилась на реконструкции. Официальные веб-сайты органов власти Воронежской, Ивановской, Курской и Ярославской областей не содержат информации о возможности электронного обращения в их адрес. В целом, Интернет-коммуникации «власть – население» в регионах ЦФО демонстрируют различный уровень развития, в большинстве своем дублируя письменную форму обращения с ответом в 30-дневный срок.

Повторное исследование Интернет-ресурсов региональных органов власти, проведенное в июле 2009 г., отразило позитивную динамику в сфере электронных коммуникаций «власть – население». Те или иные формы электронных интеракций (не считая наличие электронных адресов различных подразделений) зафиксированы на 15 веб-сайтах из 17. Прежде всего, это Интернет-приемные. Онлайн-мониторинг общественного

¹⁹ См.: Концепция региональной информатизации до 2010 года. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2006 г. №1024-р // Режим доступа к изд.: <http://regions.e-rus.ru/site.shtml?id=86>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.

²⁰ См.: Там же.

мнения по актуальным проблемам регионального развития проводится по-прежнему в 4 регионах. Получила развитие такая функция, как «Вопрос Губернатору и Правительству» или «Диалог власти и населения» – 3 региона (Владимирская, Костромская, Тамбовская области). Новыми формами Интернет-коммуникаций стали форумы для обсуждения частных и общественных проблем, организованные на веб-сайтах 3 регионов (Владимирская, Костромская и Ивановская области); онлайн-приемы граждан (Московская область). Обсуждение проектов нормативных актов предусматривает веб-сайт Администрации Тамбовской области²¹.

Безусловно, институционализация в системе управления на региональном и местном уровнях общественного мнения, с нашей точки зрения, в долгосрочной перспективе позволит: 1) увеличить респонсивность власти, 2) создать определенные предпосылки для рационализации политического сознания, для повышения гражданского участия населения региона; 3) уменьшить социальную дистанцию между властью и сообществом и повысить степень ее представительности; 4) создать институциональные предпосылки переадресации ответственности от власти к массовым социальным субъектам.

И эти задачи в период финансово-экономического кризиса, напрямую отразившегося на легитимности региональной власти, становятся еще более актуальными.

Выводы

Развитие финансово-экономического кризиса является типичной ситуацией роста уровня неопределенности в функционировании социальной и политических систем. Такая ситуация, с одной стороны, может способствовать росту патерналистских ожиданий. С другой – может послужить достаточно значимым фактором трансформации коллективного сознания россиян в направлении избавления от иллюзий надежды на государство и большей реалистичности в установках и ценностях. Однако это может иметь и негативное следствие в виде дальнейшей делегитимации политических институтов, не реализующих традиционные для российского сознания ценности – порядок и справедливость. И одно, и другое следствие является мощным вызовом легитимности власти.

Финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. стал серьезным вызовом для легитимности региональной власти. В отличие от событий 1998 г., региональный уровень управления в значительной мере утратил автономные механизмы воздействия на социально-экономическую ситуацию в регионах. Соответственно, уменьшились его возможности для реконфигурации символического пространства региональной политики – в частности, управления процессами легитимации и делегитимации управления. Однако

²¹ См.: Официальный сайт Губернатора и Правительства Белгородской области // Режим доступа к изд.: <http://www.belregion.ru>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer; Официальный сайт Администрации Брянской области // Режим доступа к изд.: <http://www.admin.debryansk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Владимирской области // Режим доступа к изд.: <http://avo.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Воронежской области // Режим доступа к изд.: <http://govvn.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Ивановской области // Режим доступа к изд.: <http://ivadm.ivanovo.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Калужской области // Режим доступа к изд.: <http://www.admobl.kaluga.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Костромской области // Режим доступа к изд.: <http://www.region.kostroma.net>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Курской области // Режим доступа к изд.: <http://www.rkursk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Липецкой области // Режим доступа к изд.: <http://www.admlr.lipetsk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Москвы // Режим доступа к изд.: <http://www.mos.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Московской области // Режим доступа к изд.: <http://www.mosreg.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Орловской области // Режим доступа к изд.: <http://www.adm.orel.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Рязанской области // Режим доступа к изд.: <http://www.gov.ryazan.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Смоленской области // Режим доступа к изд.: <http://admin.smolensk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Тамбовской области // Режим доступа к изд.: <http://www.regadm.tambov.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Тверской области // Режим доступа к изд.: <http://www.region.tver.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Ярославской области // Режим доступа к изд.: <http://www.adm.yar.ru>. – Систем. требования IBM PC.

при этом частичная утрата легитимности региональным уровнем управления создала ситуацию повышенных ожиданий от федеральной власти.

Таким образом, кризис, возможно, ускорил прохождение централизационного тренда в отношениях «Центр – регионы» и может способствовать формированию предпосылок, пусть пока и скрытых, для обратного движения.

Список литературы

1. См.: Доклад по социальной политике ИС РАН // Режим доступа к изд.: http://www.isras.ru/analytical_report_SociaPpolicy_1.html. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
2. См.: Губернаторы и выборы // Режим доступа к изд.: http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/12537.html?no_cache=1&cHash=37c5b75ecb&print=1. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
3. См.: Оценки российских лидеров и положения дел в стране (апрель) // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2009043003.html>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
4. См.: Местные и федеральные власти: кто лучше борется с кризисом? // Режим доступа к изд.: http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11893.html?no_cache=1&cHash=a8ae88b950&print=1. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
5. См.: Оценки российских лидеров и положения дел в стране (декабрь) // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2008121704.print.html>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
6. Ситуация на рынке труда по данным опросов общественного мнения // Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2009020907.print.html>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
7. См.: Туровский Р. Последствия социального оптимизма // Независимая газета. – 2009. – 27 января.
8. См.: В режиме экономии // Белгородские известия. – 2009. – 3 апреля.
9. См.: Испытание государственности // Независимая газета. – 2009. – 28 мая.
10. См.: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе-августе 2009 года // Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/wps/PA_1_o_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1140080765391. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
11. См.: Билевская Э. Фальсификация отчетного периода // Независимая газета. – 2009. – 20 июля.
12. См.: Репутация губернаторов в период экономического кризиса // Режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/pdf/d20_gub.pdf. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
13. См.: Билевская Э. Фальсификация отчетного периода // Независимая газета. – 2009. – 20 июля.
14. Губернаторы, замешанные в коррупции, будут отстранены от занимаемых должностей // Режим доступа к изд.: <http://www.com-cog.ru/node/1000>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
15. Губернатор Белгородской области Е.С. Савченко: «Мы не станем жаловаться и возмущаться – мы будем действовать и добиваться успеха» (выступление на заседании политсовета Белгородского регионального отделения партии «Единая Россия» 1 апреля 2009 г.) // Режим доступа к изд.: <http://www.belregion.ru/file/links/links.doc>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
16. Там же.
17. См.: Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // Социологические исследования. – 2006. – №1. – С.73-82.
18. Солодов В. Электронная бюрократия: постбюрократия или сверхбюрократия? // Власть. – 2007. – №4. – С.41.
19. См.: Концепция региональной информатизации до 2010 года. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2006 г. №1024-р // Режим доступа к изд.: <http://regions.e-rus.ru/site.shtml?id=86>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer.
20. См.: Там же.
21. См.: Официальный сайт Губернатора и Правительства Белгородской области // Режим доступа к изд.: <http://www.belregion.ru>. – Систем. требования IBM PC; Internet Explorer; Официальный сайт Администрации Брянской области // Режим доступа к изд.: <http://www.admin.debryansk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Владимирской области // Режим доступа к изд.: <http://avo.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Воронежской области // Режим доступа к изд.: <http://govvtn.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Ивановской области // Режим доступа к изд.: <http://ivadm.ivanovo.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Калужской

области // Режим доступа к изд.: <http://www.admobl.kaluga.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Костромской области // Режим доступа к изд.: <http://www.region.kostroma.net>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Курской области // Режим доступа к изд.: <http://www.rkursk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Липецкой области // Режим доступа к изд.: <http://www.admlr.lipetsk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Москвы // Режим доступа к изд.: <http://www.mos.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Московской области // Режим доступа к изд.: <http://www.mosreg.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Орловской области // Режим доступа к изд.: <http://www.adm.orel.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Правительства Рязанской области // Режим доступа к изд.: <http://www.gov.guazan.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Смоленской области // Режим доступа к изд.: <http://admin.smolensk.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Тамбовской области // Режим доступа к изд.: <http://www.regadm.tambov.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Тверской области // Режим доступа к изд.: <http://www.region.tver.ru>. – Систем. требования IBM PC; Официальный сайт Администрации Ярославской области // Режим доступа к изд.: <http://www.adm.yar.ru>. – Систем. требования IBM PC.

TRANSFORMATION OF LEGITIMATION PRACTICES OF THE REGIONAL POWER IN THE CONDITIONS OF THE ECONOMIC CRISIS

E. V. Reutov

Belgorod State University

e-mail: reutovevg@mail.ru

The article observes the influence of an economic crisis on transformation of legitimation practices of the regional power. Now regional level of management has appreciably lost independent mechanisms of influence on a social and economic situation in regions. Accordingly, its possibilities for reconfiguration of symbolical space of a regional policy – in particular, control over processes of legitimation and delegitimation of managements has recently decreased.

Key words: economic crisis, legitimation practices, regional power, paternalism.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Н. Н. Саппа

*Белгородский
государственный
университет*

Рассмотрена интеллигенция с позиций её функций в структуре общественной деятельности. Использование в анализе социально-технологического подхода позволяет определить интеллигенцию как социальную группу операторов социальных технологий. Выделены различные типы заказчиков социальных технологий, включая и самих операторов.

Ключевые слова: общественная деятельность, интеллигенция, социальные технологии, операторы, заказчик деятельности, общечеловеческие ценности.

Термин интеллигенция (лат. *intelligentia* – понимание, познавательная сила, от *intellegens* – умный, мыслящий) был введен в русский литературный оборот в 60-е годы XIX века малоизвестным ныне беллетристом П. Боборыкиным взамен применявшегося Д. Писаревым термина «мыслящий пролетариат». Более ста лет назад Г. Уэллс, делая предсказания «о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии», писал о зарождении нового «класса технической интеллигенции – инженеров, техников, людей науки и инициативы, наделенных широкой научной подготовкой, общими идеалами и интересами». Характерным признаком этих людей, по мнению автора, станет высокая нравственность, так как «в своей положительной науке они найдут прочную основу для понимания истинной ценности жизни и для уразумения гнусности порока»¹.

Тогда, в конце XIX – начале XX вв., как отмечает О. Степанова, принадлежность к интеллигенции определялась, прежде всего, сознательной приверженностью к просоциалистическим взглядам². С того времени происходило сущностное изменение понятия «интеллигенция», наполнение свойства «интеллигентность» такими качествами, как образованность, честность, порядочность, нравственность, высокий культурный уровень и т.д. Сейчас нередко на бытовом уровне интеллигентом называют культурного и образованного человека, при этом многие люди, получившие диплом о высшем образовании, безусловно относят себя к интеллигенции. Ряд авторов, наоборот, ограничивает эту социальную группу лишь людьми высокой морали и нравственности. К настоящему времени понятие интеллигенция в значительной степени беллетризовано (от франц. *belles-lettres* – изящная словесность, художественная литература). В большинстве случаев речь идет о свойствах личности, которые различаются в интерпретациях различных авторов. Однако они не могут быть достаточно точно интерпретированы социологически как отношения выделенной с их помощью социальной группы людей, обладающих подобными свойствами, с социальным окружением группы.

Так, например, А. Оболонский полагает, что в русле русской традиции «интеллигенцией называют слой людей, не просто образованных, но способных в своих мыслях и поступках подняться над личными и групповыми интересами, людей с болезненно обостренным чувством гражданского долга, своей ответственности перед обществом»³. В. Гордилов, вообще утверждает, что интеллигенция как социальная группа самоликвидировалась и «сегодня, в XXI веке, социально-просветительскую миссию интеллигенции – развитие интеллектуальной свободы, осуществляет крайне малая часть «образованщины». Она заключается в просвещении власти и лишь отчасти – в просвещении масс. Исчезно-

¹ Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии: Пер. с англ. – Санкт-Петербург: Тип. Монтевида, 1903. – 199 с.

² Степанова О.К. Понятие «Интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и времени // Социологические исследования. – 2003. – №1. – С.46-53.

³ Оболонский А. На краю пропасти: русская интеллигенция и трагедия русской истории (XIX век) // Дружба народов. – 1993. – №9. – С. 140-163.

вание интеллигенции как социального слоя характерно не только для России и всего постсоветского пространства, но и для Запада. Интеллигенция как социальной общности нет, есть отдельные интеллигенты, в ней нет больше необходимости, ее функции перешли к свободным индивидуальностям»⁴. Видимо, по этой причине социологи порой при анализе стратификационной и профессиональных структур общества исключают интеллигенцию из своего рассмотрения⁵.

Заметим, что в одной из работ Н. Бердяев подчеркивал: «Интеллигенция не есть социальный класс. Интеллигенция была идеалистическим классом людей, увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь»⁶. Однако О. Куценко, рассматривая с позиций классовообразования интеллигенцию как ещё «становящийся класс», утверждает, что тем, «кто себя ценностно идентифицирует с интеллигенцией, присущ специфический этос. Это – (1) высокая ценность моральных требований, (2) высокая ориентация на доверие и уважение со стороны окружающих, – моральные принципы, доверие коллег и близких для данной группы, в целом оказались «непродаваемыми ценностями», (3) наиболее высокая, по сравнению с другими группами, чувствительность к несвободе, (4) довольно высокая ориентация на разделённую между человеком и государством ответственность, (6) умеренно позитивная социальная активность»⁷.

Как отмечается в работе⁸, определений и толкований понятия «интеллигенция» к настоящему времени насчитывается более трехсот. Такое обилие дефиниций указывает на несформированность понятия, на то, что оно, возможно, охватывает различные, но подобные социальные группы. О. Степанова, отмечая, что в «социологической» интерпретации понятие «интеллигенция» вполне сопоставимо с понятием «средний класс», предлагает рассматривать существующий разнобой в толкованиях понятия «интеллигенция» как «проявление социогрупповой конкуренции за главенство в пределах символического (знаково-понятийного) пространства. Под таковым подразумевается вся совокупность идей, понятий, выраженных или иных знаках, содержащая коды массового восприятия и поведения»⁹.

Целью настоящей работы является проведение анализа понятия «интеллигенция» с учетом деятельностного аспекта, связанного с определением места интеллигенции в функциональной структуре общественной деятельности. В анализе используется социально-технологический подход – такой подход фиксирует функцию, но не оценивает саму деятельность с каких-либо ценностных позиций.

Для этого используем алгоритм поиска поля существования деятельности интеллигенции в обширном пространстве трудовых вакансий. Алгоритм, состоящий в сегментации пространства – разделении вакансий по цели и по конечному продукту деятельности работников, их занимающих; а затем – в выделении в сегментах специфических – по функциональным признакам, групп трудовых вакансий (и работников, занимающих их), с дальнейшим приписыванием им уже существующих терминов или имен.

Исходя из этого алгоритма, все пространство общественной деятельности можно достаточно однозначно разделить по характеру выполняемого труда: на деятельность, обусловленную трудом физическим и трудом умственным. Укажем, что каждый работник может занимать вакансию как в области физического, так и умственного труда. Но воз-

⁴ Гордилов В.А. Интеллигенция и интеллигентность: реалии XX века / Інтелігенція, освіта, суспільство: виклики глобальної кризи: мат. VII Міжнародної науково-практичної конференції з проблем сучасної інтелігенції (Харків, 18 березня 2008 р.). – Х.: Вид-во НУА, 2009. – С. 83-86.

⁵ Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1996 – 289 с.

Ковалиско Н.В. Професія як критерій соціальної стратифікації // Український соціум. – 2007. – №3. – С. 44-53.

⁶ Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: ООО «Изд-во В. Шевчук», 2000. – С. 216.

⁷ Куценко О. Интеллигенция: фантом или реальный социальный актор? / Кто и куда стремится вести Россию?: Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: мат. VIII международного симпозиума «Куда идет Россия», М.: МВШСЭН, 2001. – С. 247-253.

⁸ Бидзиля П.Е., Деряпа М.Р., Ремизников В.В. Интеллигенция и власть: перспективы сотрудничества // Зб. наукових праць «Актуальні проблеми розвитку суспільної думки і практика управління». – Запорожье: «Видавець», 1999. – Вып.5. – Ч.1. – С. 44-49.

⁹ Степанова О.К. Понятие «Интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и времени // Социологические исследования. – 2003. – №1. – С. 46-53.

можны случаи, когда работник может претендовать на вакансии в двух областях одновременно: например, токарь, печатающий стихи в газете, или художник, профессионально кладущий печи (художник Н. Ге), и т.п.

Следующий шаг к уточнению места интеллигенции в структуре деятельности состоит в сегментации общности работников умственного труда по цели и по конечному продукту ее деятельности. Так, если работники физического труда могут быть разделены на производящих конкретный материальный продукт и на работающих в сфере его использования, то есть в сфере услуг, то и к работникам умственного труда можно подойти подобным образом. При этом конкретным продуктом деятельности работников умственного труда может быть как идея, новая мысль, суждение, прибавляющие и увеличивающие знание, высокохудожественные произведения искусства, так и прикладное использование уже имеющихся творческих достижений (знаний, объектов искусства) для осуществления определенных общественных целей. Работников, обеспечивающих такой результат, у нас обычно называют мыслителями, творцами, учеными – например, таких как Г. Сковорода, А. Пушкин, В. Вернадский и др. На Западе терминам «мыслитель», «творец», «ученый» ближе всего соответствует термин «интеллектуал». Н. Бердяев писал о них: «Подлинными *intellectuels* – представители духа, то есть свободы, смысла, ценности, качества, а не государства, не социального класса и социальных интересов»¹⁰. Так, пожалуй, было издавна. Вспомним знакомые со школьной скамьи пушкинские строки, описывающие независимого мыслителя древности:

Волхвы¹¹ не боятся могучих владык,
И княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык,
И с волей небесною дружен.

«Мир ловил меня, но не поймал» – завещал написать на своей могиле Григорий Сковорода. Свободомыслие, независимость от власти, неподкупность всегда – в древности и в наши дни – были отличием мыслителей. Может быть поэтому, В.И. Ленин, придя к власти, называл отечественную профессуру, идейно несогласную с правящим режимом (среди них и цитируемого нами Н.А. Бердяева), «гнилой интеллигенцией» – плохой, низкокачественной, не соответствующей в его представлении имени «интеллигенция». Наверное, так оно в его представлении и было – эти люди не хотели интеллектуально служить власти. Мы полагаем, что все те ученые, которых «вождь пролетариата» в 1920 г. выслал из страны на «профессорском пароходе», были интеллектуалами, свободными от идеологической узды мыслителями¹².

В отличие от интеллектуалов для другой части обширной группы работников умственного труда функциональной деятельностью является (по аналогии с трудом физическим), не создание нового знания (продуцирование новых суждений, научных идей и творческих концепций есть функция интеллектуалов-мыслителей), а переработка и использование того, что создали интеллектуалы, в соответствии с имеющимся социальным заказом. В западной интерпретации к этой части работников умственного труда адекватно применим термин «*service class*», введенный Р. Дарендорфом.

Исходя из этого, деятельность «*service class*» состоит в отборе и организации необходимой информации, в адаптации ее для определенной аудитории, в разработке технологий ее представления в соответствии с поставленными целями. Это могут быть лекции и учебники для студентов различных специальностей, инженерные сооружения, обзоры политических событий, статьи, художественные книги, кинофильмы, скульптурные композиции и т.п. В реальной жизни, разумеется, нет резкого разделения трудовых вакансий, занимаемых интеллектуалами-мыслителями и представителями «*service class*». Нередко интеллектуалы выступают в прессе с популярными лекциями, пишут книги, в которых разъясняют как специалистам, так и широким массам населения результаты своей творческой работы, преподают и принимают участие в общественно-политической жизни.

¹⁰ Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый мир. – 1990 – №1. – С. 228-231 (Печатается по «Новый град» (Париж). – 1938. – № 13. – С. 6-11).

¹¹ Волхв – мудрец, звездочет, астролог, чародей, колдун, знахарь, ворожея, чернокнижник (Толковый словарь В. Даля).

¹² Коган Л.А. «Выслать за границу безжалостно» // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 61-66.

Возвращаясь к поиску места интеллигенции в пространстве общественной деятельности, полагаем, что продуктивнее всего интеллигенцию отождествлять не с интеллектуалами, а именно с «service class», учитывая высокую социальную направленность деятельности тех работников умственного труда, кого большинство дефиниций относит к интеллигенции.

Сделаем следующий шаг к дальнейшему уточнению понятия «интеллигенция» – сегментируем указанную группу вакансий по объектам приложения деятельности работников, их занимающих. Наиболее простым представляется разделение группы на интеллигенцию техническую и «нетехническую», или гуманитарную интеллигенцию. К технической интеллигенции, как отмечалось выше, обычно относят обширную группу работников умственного труда, работающих в сфере приложения естественно-научного знания. К гуманитарной интеллигенции следует отнести тех работников умственного труда, которые объектом своей деятельности избрали различного рода социальные общности.

Предмет их деятельности состоит в преобразовании социального объекта необходимым образом в связи с поставленной целью. К таким работникам умственного труда относятся как учительница, авторитетно убеждавшая даже в годы репрессий своих учеников: «...я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», так и чиновник, ставящий ей задачи воспитания и обучения, работники средств массовой информации, деятели искусства, выполняющие идеологический заказ («Тише ораторы! Ваше слово, товарищ маузер!»), политики, действующие по заданию своей политической силы.

Деятельность такого рода обычно называют социально-технологической, а совокупности методов, средств, приемов, способов организации человеческой деятельности для воздействия на социальные процессы и системы с целью изменения социального объекта или социальной ситуации в определенном направлении принято называть социальными технологиями¹³. Стремление упорядочить (изменить или сформировать) систему социальных отношений, т.е. разрешить практическую социально значимую проблему, как правило, приводит к необходимости поиска (выявления) действенных (для определенной социальной проблемы и социальной ситуации) социальных регуляторов, и соответствующих приемов оперирования ими (последовательность, интенсивность и т.п.). Фактически, это и есть социально-технологический подход, опирающийся на алгоритмизированное видение решения проблемы, при котором каждый технологический шаг, являясь развитием результата предыдущего шага и решая определенное задание, системно направлен к достижению поставленной цели. Собственно, появление термина «социальная технология» можно связывать с научным освоением человеком социальной среды и с обнаружением повторяющихся в социальной жизни процессов.

Социальные технологии обычно предшествуют и сопутствуют организационным и политическим действиям, направленным на социальные изменения в обществе. При этом целью технологий являются объяснение и оправдание необходимых социальных изменений, формирование соответствующего им общественного мнения, для чего применяется широкий спектр образовательных, информационно-пропагандистских, экономических и других социальных технологий различного уровня использования.

Социальные технологии разрабатывают и внедряют специалисты – работники умственного труда. Фактически гуманитарная интеллигенция представляет собой социальную группу операторов (явных и неявных) различных социальных технологий, направленных на преобразование разнообразных социальных объектов. Интеллигентные разрабатывают и внедряют социальные технологии воздействия на социальные объекты как для целей, поставленных заказчиком, так и для достижения собственных целей – карьера, материальное благополучие, реализация собственной общественной позиции, взглядов. Гораздо чаще заказчиком социальной технологии выступают властные структуры различного уровня. К примеру, в Российской империи, а затем и в СССР интеллигенция (в отличие от интеллектуалов) всегда была на государственной службе – оплачивалась из государственного бюджета, так как разрабатывала и внедряла необходимые власти социальные технологии. И, следовательно, являлась проводником идеологии правящих структур. Как результат таких социальных технологий в отечественной практике высту-

¹³ Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. – Кишинёв: ИПФ «Центральная типография», 1997. – 352 с.

пает, например, многовековая фальсификация российской истории. Еще с карамзинских времен целью историографии России было не достижение научной истины, а отбор идеологических посылок, наиболее адекватно удовлетворяющих политике властных структур. Ряд талантливых исследований, результаты которых не вписывались в официальную историю Государства Российского, и поныне покрыты пылью забвения.

В принципе, интеллигенцию в заметной ее части можно считать соавтором всех позитивных достижений и катастрофических просчетов властных структур, подъемов и кризисных спадов в различных сферах жизнедеятельности общества. Заметим, что под властью мы здесь понимаем отношение, выражающее право, присвоенное или делегированное, личности или группы людей руководить (управлять) другими людьми. В этом контексте операторы социальных технологий (в нашей интерпретации – интеллигенция) трудно отделимы от власти и находятся внутри властной иерархии.

К. Манхейм в работе «Диагноз нашего времени» отмечал, что социальная технология подобно любой технологии ни хороша, ни плоха сама по себе – все зависит от того, как ее используют человеческая воля и рассудок. По его мнению, предположения о возможности быстрой и эффективной технологической трансформации общества стимулировали развитие и тех социальных технологий, в структуре которых насилие носит позитивный оттенок. Манхейм писал, что применительно к государству «новая наука о человеческом поведении дает в руки правительству знания о человеческом разуме, которое можно использовать либо для увеличения эффективности управления, либо превратить в инструмент, играющий на эмоциях масс. Развитие социальных служб позволяет оказывать давление на нашу частную жизнь. Таким образом, появляется возможность сделать объектом общественного контроля психологические процессы, которые ранее считались сугубо личными»¹⁴.

Выходя за пределы предложенного нами функционального анализа, заметим, что оценка социально-технологической деятельности гуманитарной интеллигенции (операторов социальных технологий, работников «service class») с этических позиций представляется нам довольно затруднительной. Если под властью понимать заказчика социальной технологии – такого же оператора (или операторов) социальной технологии, но рангом выше – субъекта, определяющего цель социо-технологической деятельности и регулирующего качество и уровень результата, то здесь уместно вспомнить идею разделения власти, предложенное Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы», на власть внешнюю и власть внутреннюю, которую называют долгом, совестью, «superego». Таким образом, с одной стороны, интеллигенция является, по определению А. Луначарского, «классом профессиональных идеологов», включающим в себя тех, кто зарабатывает на жизнь, внедряя и (или) разрабатывая социальные технологии, направленные на изменение социального объекта в соответствии с заранее заданными (заказанными) ему параметрами: школьный учитель, ревностно следующий утвержденной свыше программе, журналист, имиджмейкер, партийный работник, чиновник и др. С другой стороны, к интеллигенции можно отнести и тех операторов социальных технологий, кто самостоятельно определяет направление и качество своей деятельности, исходя из чувства долга, совести, опираясь на собственные этические принципы.

Таким образом, в широком плане заказчиком, определяющим цели преобразования социального объекта, может быть и сам исполнитель социальной технологии. В соответствии с этим социальную деятельность можно разделить относительно признака, указывающего на субъекта, чьи потребности удовлетворяются конкретной деятельностью:

- потребности конкретного заказчика, или группы, которую он представляет;
- потребности группы, в которую входит исполнитель (оператор) социальной технологии;
- общечеловеческие потребности (цели), которые разделяет исполнитель (оператор) социально-технологической деятельности – в данном случае он, практически, выступает «заказчиком» собственной деятельности.

Под общечеловеческими целями здесь понимаются цели социально значимые, гуманистически направленные, в число, которых входят способствование развитию и

¹⁴ Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: «Юрист», 1994. – 700 с.

процветанию общества, воспитание всесторонне развитых и образованных свободных личностей, стремление внести вклад в научно-технический прогресс и т.п. Вот как писал о них много столетий тому Луций Анней Сенека: «Я удалился не только от людей, но и от дел, прежде всего моих собственных, и занялся делами потомков. Для них я записываю то, что может помочь им. Как составляют полезное лекарство, так я заново на листы спасительные наставления, в целительности которых я убедился на собственных ранах: хотя мои язвы не закрылись совсем, но расплзаться вширь перестали. Я указываю другим тот правильный путь, который сам нашел так поздно, устав от блужданий»¹⁵.

В основе гуманистически направленных целей личности лежат гуманистические ценности, содержание которых наполняется осознанными нормами этики добра, справедливости, толерантности, искренности, уважением, принципиальностью, непримиримым отношением к фальши, цинизму, лицемерию. Осуществление социальной деятельности, мотивированной реализацией своей системы гуманистических ценностей, заставляет личность активно саморазвиваться, заниматься самореализацией и является путем духовного и профессионального роста, вводящем в элиту.

Тем не менее, такое разделение, хотя и указывает направление поиска, отнюдь не является определяющим для формирования критериев этических оценок деятельности гуманитарной интеллигенции. Независимый выбор личностью целей своей социотехнологической деятельности, опирающейся на понимание ею своего долга перед обществом или определенной социальной общностью, еще не является гарантом того, что цель и средства их достижения могут быть оценены высоко с нравственных позиций. Социальная действительность дает немало примеров того, как нередко со временем меняется полярность оценок обществом, как идей, так и определяемых ими целей, путей их достижения. Так, показательным является изменение во времени общественного отношения к идее построения коммунизма в отдельно взятой стране, к социальным технологиям достижения этой цели и к интеллигенции, осуществлявшей эти технологии.

Вышеприведенные рассуждения наталкивают на мысль о том, что известный совет просветителей: «сейте разумное, доброе, вечное» – представляет собой в общем виде методическое указание гуманитарной интеллигенции по созданию высоконравственных социальных технологий, в котором высокий гуманизм социальной цели технологии определяется в терминах «разумное, доброе», а фактор времени – «вечное» – выступает гарантом истинности гуманизма...

Список литературы

1. Уэллс Г. Предсказания о судьбах, ожидающих человечество в XX столетии: Пер. с англ. – Санкт-Петербург: Тип. Монтевида, 1903. – 199 с.
2. Степанова О.К. Понятие «Интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и времени / О.А. Степанова. Социологические исследования. – 2003. – №1. – С. 46-53.
3. Оболенский А. На краю пропасти: русская интеллигенция и трагедия русской истории (XIX век) / Александр Оболенский. Дружба народов. –1993. – №9. – С. 140-163.
4. Гордилов В.А. Интеллигенция и интеллигентность: реалии XX века // Інтелігенція, освіта, суспільство: виклики глобальної кризи: мат. VII Міжнародної науково-практичної конференції з проблем сучасної інтелігенції (Харків, 18 березня 2009 р.). – Х.: Вид-во НУА, 2009. – С. 83-86.
5. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1996 – 289 с.
6. Ковалиско Н.В. Професія як критерій соціальної стратифікації / Наталія Ковалиско. Український соціум. – 2007. – №3. – С. 44-53.
7. Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: ООО «Изд-во В. Шевчук», 2000. – С. 216.
8. Куценко О. Интеллигенция: фантом или реальный социальный актор? / О.Куценко. Кто и куда стремится вести Россию?: Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: мат. VIII международного симпозиума «Куда идет Россия», М.: МВШСЭН, 2001. С. 247-253.
9. Бидзиля П.Е., Деряпа М.Р., Ремизников В.В. Интеллигенция и власть: перспективы сотрудничества / П.Е. Бидзиля, М.Р. Деряпа, В.В. Ремизников. Зб. наукових праць «Актуальні проблеми розвитку суспільної думки і практика управління». – Запорозьке: «Видавець», 1999. – Вып. 5. – Ч. 1. – С.44-49.

¹⁵ Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово: Книжн. изд-во, 1986. – 486 с.

10. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции / Н.А. Бердяев. Новый мир. – 1990 – №1. – С.228-231. (Печатается по «Новый град» (Париж). – 1938. – № 13. – С. 6-11).
11. Коган Л.А. «Выслать за границу безжалостно» / Л.А. Коган. Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С.61-66.
12. Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. – Кишинёв: ИПФ «Центральная типография», 1997. – 352 с.
13. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: «Юрист», 1994. – 700 с.
14. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово: Книжн. изд-во, 1986. – 486 с.

INTELLIGENTSIA IN FUNCTIONAL STRUCTURE OF PUBLIC ACTIVITY: SOCIAL-TECHNOLOGICAL APPROACH

N. N. Sappa

Belgorod State University

In the article intelligentsia and its functions are considered in the structure of public activity. Social technological approach is used for determination of intelligentsia as operators of social technologies. The different types of customers of social technologies are distinguished.

Key words: public activity, intelligentsia, social technologies, operators, customer of activity, universal values.

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

С. М. Ягуткин

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
yagutkin@yandex.ru*

Рассматриваются технологии управления социально-экономическими процессами в городах современной России. Анализируются факторы и условия формирования толерантного сознания городского населения. Предлагаются методы предотвращения потенциальных социальных конфликтов.

Ключевые слова: технология управления, социально-экономические процессы, толерантное сознание, факторы социального развития, города России.

Введение

История человечества свидетельствует, что все великие социальные потрясения, революции начинались в крупных городах, и, прежде всего, в мегаполисах. Это объясняется тем, что мегаполисы играют одну из ключевых ролей в жизни современного общества, выполняя функции: промышленного, духовного развития; торговых, финансовых, транспортных, научных и образовательных центров. Кроме этого посредством городской инфраструктуры реализуются административные, коммуникативные и информационные функции государства. Социальное значение городов во многом объясняется их ролью катализаторов основных процессов и явлений, характерных для современного общества. Вследствие этого технологии управления социально-экономическими процессами в современных городах имеет архиважное значение для общества. Своевременная диагностика социально-экономических процессов и явлений, предотвращение потенциальных конфликтов позволяют обществу развиваться динамично и эволюционно-поступательно. И, наоборот, как свидетельствует история человеческой цивилизации, умаление роли и значений социальных технологий управления, имеет разрушительные последствия для общества, способные привести не только к смене социально-экономических систем, но и к гибели государств, исчезновению и уходу в небытие некогда великих наций, народов и этносов. Следовательно, управление социально-экономическими процессами и явлениями в современных городах по мере усложнения стоящих перед обществом задач, увеличения используемых в производственном процессе ресурсов, в будущем будет иметь для общества все возрастающее значение.

Технологии управления социально-экономическими процессами – это комплекс взаимосвязанных административно-правовых, экономических, социально-психологических мероприятий, направленных на достижение главной цели общества – увеличение благосостояния его членов, на основе динамичного и пропорционального развития процесса общественного воспроизводства.

Современные технологии управления социально-экономическими процессами в городах России, прежде всего, должны быть направлены на решение следующих основных проблем.

Первое. Неблагоприятная демографическая ситуация в крупных мегаполисах, выражающаяся в превышении смертности городского населения над рождаемостью¹. Это приводит к необходимости привлечения дополнительной рабочей силы из сельских регионов, формированию устойчивой армии «лимитных» работников, что негативно сказывается не только на развитии национальной экономики России в целом, но и постоянно провоцирует конфликты между коренными горожанами и мигрантами, прибывшими из сельской местности различных регионов России. Например, за последние 100 лет удельный вес городского населения в общей численности населения, возрос с 15% в царской России, до 74% в современной России. Решение данной проблемы возможно следую-

¹ Римащевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России [Текст] // Вестник Российской академии наук, 2004, т. 74, № 3, с. 209-218.

щим образом. Во-первых, выравниванием условий оплаты труда. В городе она в 2-3 раза выше, чем на селе. Во-вторых, развитием социальной инфраструктуры сельской местности и, прежде всего, обеспечение сельского населения коммунальными услугами: горячим водоснабжением, системами автоматизированного электрического и газового отопления и т.д. Сегодня объем коммунальных и бытовых услуг на душу населения в городе в 5-7 раз выше, чем на селе. В-третьих, сокращением армии наемных работников, за счет развития малого предпринимательства и в первую очередь, в отраслях сервиса. Если у наемного работника ребенок обуза, то в малом, семейном бизнесе он помощник и наследник собственности.

Второе. Россия имеет громадные запасы природных полезных ископаемых, что объективно обусловило развитие сырьедобывающих, градообразующих предприятий и моногородов с ярко выраженной отраслевой направленностью. Однако, если до демократической революции 1988-1992гг., приведшей не только к распаду СССР, но и смене общественно-экономической формации, доходы от добычи полезных ископаемых централизованно перераспределялись между предприятиями всех отраслей экономики города, инвестировались для развития социальной инфраструктуры, то в настоящее время межотраслевые диспропорции резко обострились. Примерно 75% ВВП составляет сырьевая составляющая, однако ее доля в структуре собираемых налогов, не превышает и 20-25%. Бюджет государства, а так же городов формируется за счет труда, доля которого в структуре ВВП не превышает 7-8%, а в структуре собираемых налогов 65-80%, в зависимости от административного деления². Такие диспропорции наблюдались только в периоды политических потрясений и катаклизмов 20 столетия, связанных с гражданской и мировыми войнами, послевоенной разрухой. Разница только в том, что сверхдоходы сырьевых предприятий сегодня в основном вывозятся из России и не инвестируются в развитие национальной экономики. Межотраслевые диспропорции, провоцирующие социальные конфликты, необходимо преодолеть на основе мирового опыта, путем введения природной ренты, представляющей собой плату сырьедобывающих предприятий за использование ограниченных природных ресурсов. При этом, как показывает опыт Канады, Норвегии, Японии, Кувейта природная рента должна централизованно распределяться государством между всеми членами общества, путем открытия специальных именных счетов для всех сограждан, а так же на развитие социальной инфраструктуры³. Поскольку изъятие монополюальной ренты предполагает ее дифференциацию, то представляется, что механизм изъятия дифференциальной ренты 2, должен носить более «мягкий» характер относительно дифференциальной ренты 1. Дополнительные доходы сырьевых градообразующих предприятий, связанные с развитием производства должны оставаться в самих предприятиях. Правда при одном условии, что они используются на расширенное и экологически чистое воспроизводство или развитие социальной инфраструктуры соответствующих городских территорий. Следует заметить, что в настоящее время из-за отсутствия механизма изъятия природной ренты и сложившихся диспропорций экономического развития Россия ежегодно теряет примерно 60-70 млрд. евро. Ясно что, многие социальные конфликты общества можно было предотвратить в зародыше, если бы данный механизм управления был введен в начале 90-х годов, и каждый день отсрочки решения проблемы ведет к безвозвратным экономическим потерям общества.

Третье. Практически все российские моногорода, производственно-социальная инфраструктура которых ориентирована на обслуживание градообразующих предприятий одной отрасли, стали заложниками мировой конъюнктуры рынка. При благоприятной конъюнктуре рынка они успешно развиваются и процветают, при неблагоприятной, предприятие монополист несет убытки, либо вообще становится банкротом. В результате население остается без работы, рушится вся инфраструктура. Города превращаются в призраки. Умирующие города, с брошенными чиновниками и бывшими работодателями населением, замерзающие в зимнее время и умирающие без воды в летнее время – это реалии сегодняшнего дня. Поэтому во избежание будущих и снижение напряженности

² Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. 2008. Статистический сборник – М., Госкомстат, 2009 – 847 с.

³ Львов Д.С., Поршнев А.Г. Управление социально-экономическим развитием России: Концепции, цели, механизмы. Монография [Текст] – М., Экономика, 2002 – 702 с.

существующих социальных конфликтов, необходима система научно-обоснованного прогнозирования конъюнктуры рынка, программ развития городов с обязательным решением проблем диверсификации градообразующих предприятий, на случай неблагоприятного изменения конъюнктуры рынка, а также формирования государственных и негосударственных страховых фондов работодателей, покрывающих затраты вынужденной эвакуации населения⁴.

Четвертое. Социальная структура населения современных городов России такова, что 8-10% от их общего количества, владеют до 80% объектов приносящей доход недвижимости. Следствием этого являются значительные различия в уровне доходов и росте социальной напряженности между различными социально-экономическими группами населения⁵. Выход один – развивать систему мельчайших и малых предприятий. Они позволяют не только решить проблему занятости населения, но и как показывают мировой опыт, способствуют формированию и развитию стабилизирующего общества среднего класса. Для снятия социального напряжения его удельный вес должен подняться от существующих 17-18%, до 60-70%, как это имеет место в постиндустриальных государствах.

Пятое. Проблемы формирования муниципальных бюджетов, дотирования социально-значимых предприятий, свертывание социальных программ. Перекосы процессов приватизации привели к тому, что все наиболее прибыльные предприятия экономики современных городов перешли в частные руки. И, наоборот, в погоне за прибылью все не просящие прибыли социально-значимые предприятия различными способами были переданы в ведение городских властей. Нонсенс, но факт. В постреволюционный (1992-2000 гг.) период прибыльные предприятия были приватизированы, а убыточные национализированы. Например, доля муниципальных торговых, транспортных, рекламных, сервисных и др. высокодоходных предприятий не превышает и 1% в их общем количестве и объеме товарооборота. Основную статью доходной части бюджетов городов составляют поступления от налогов и сборов. Прибыль муниципальных предприятий невелика. Чтобы ликвидировать данный перекося, необходимо расширить сеть муниципальных высокодоходных предприятий. В первую очередь торговых, введя государственную монополию на производство и продажу алкоголя и табака, частично городского транспорта и сервиса. Полученная прибыль должна перераспределяться для осуществления сворачиваемых ныне социальных программ. Для формирования конкурентной среды и эффективного использования технологий управления социально-экономическими процессами доля муниципальных предприятий в экономике города должна составлять от 20% до 30%. Более минимальные и высокие значения нецелесообразны. В первом случае не будет хватать средств для пополнения бюджетов, а во втором существует угроза возврата к ошибкам плано-централизованной системы.

Шестое. Уход государства с рынка жилья обострил жилищную проблему и социальные отношения в обществе, вызванные отсутствием у большинства населения средств для обновления обветшавшего жилья. По сути, проводимые реформы сводятся к ликвидации жилищно-коммунальных льгот советского периода и переходу на 100% оплату издержек, дополняемую плановой монополия прибыль обслуживающих население организаций. Приватизация предприятий ЖКХ, как и следовало ожидать, вызвала следующие негативные тенденции. Во-первых, строители-монополисты взвинтили цены на жилые помещения. В результате, большинство граждан не в состоянии решить свои жилищные проблемы. Ипотечное кредитование не выход из создавшейся проблемы. Государству необходимо установить верхние потолки цен и повысить реальные доходы населения путем изъятия сверхдоходов у сырьевых монополистов и теневой экономики. Во-вторых, в погоне за прибылью происходит повсеместное снижение качества построенного жилья. В этой связи, нельзя согласиться с предложениями строительных компаний о пересмотре государственных стандартов качества в части снижения их требований к технологическим параметрам. В-третьих, предприятия ЖКХ, являясь административно-

⁴ Гранберг А.Г., Львов Д.С., Обозов С.А. Стратегическое управление: Регион; Город; Предприятие [Текст] – М., Экономика, 2005 – 603 с.

⁵ Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Красилова А.Н., Крельберг Ю.М., Смыслов Д.А., Ястребов Г.А. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. [Текст] – Москва, ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2009 – 640 с.

территориальными монополистами, сознательно скрытыми и открытыми способами завышают цены на оказываемые услуги, заставляя пользователей оплачивать собственную бесхозяйственность. В-четвертых, происходит масштабный износ городских строений и системы коммуникаций, поскольку у большинства жильцов нет средств для реконструкции жилых помещений и оплаты завышенных расценок ремонтно-восстановительных работ обслуживающих административно-территориальных монополистов. Необходимо ужесточить административно-государственный контроль за ценообразованием локальных монополистов и стимулировать развитие конкурентной среды, путем создания параллельных коммерческих отраслевых структур при повсеместном ужесточении государственного контроля за качеством проводимым государством и общественными организациями по защите прав потребителей.

Седьмое. Наряду с процессом урбанизации для современных городов характерен процесс деурбанизации сопровождающийся перемещением наиболее обеспеченной части горожан из центра города в пригородную зону⁶. Вслед за населением в пригородную зону перемещаются промышленные предприятия. Крупные города столкнулись с тенденцией быстрого развития пригородной экономики, с характерными малыми и средними предприятиями, которые за счет сегментной политики оказываются более конкурентоспособными, чем крупные. Правда, тенденция деурбанизации порождает транспортную проблему, которая может быть решена за счет строительства и расширения метро и других отраслей городского транспорта.

Восьмое. По периметру России в основном, окружают страны с высокой плотностью и быстро растущей численностью населения. Природно-климатический потенциал этих государств, практически, исчерпан. Поэтому, остро встает проблема «тихой экспансии», при которой население «бедных» стран мигрирует в другие «богатые» государства. При последующем благоприятном для мигрантов изменении национального состава, как показывает история, возникают проблемы политического изменения государства, вплоть до отторжения территорий, занятых их потомками. Непродуманная миграционная политика, направленная на решение сиюминутных проблем и привлечение дополнительных миграционных трудовых ресурсов, создает определенные условия для возникновения будущих социальных катаклизмов. Поэтому, необходимо, во-первых, ограничить приток мигрантов из Китая, Закавказья, Узбекистана и т.д. Во-вторых, стимулировать рождаемость государственно-образующих наций. Реальность такова, что в России смертность превышает рождаемость. Причем вымирают исключительно славянские народы. При продолжении сложившихся тенденций к концу XXI века, численность населения в России не превысит и 80 миллионов человек, причем славяне будут составлять не более 45-48%.

Девятое. Около 80% всех преступлений в мегаполисах совершают приезжие⁷. Чисто городским явлением стало образование национальных преступных группировок. Армянские, азербайджанские, вьетнамские, грузинские, курдские, китайские, цыганские и т.д. национальные преступные сообщества сегодня присутствуют даже в крупных, средних и малых городах в зависимости от их местоположения и открытости административно-территориального деления. К сожалению, чрезмерное увлечение демократическими свободами, защитой прав человека и т.д., на практике ведет к защите прав преступников и смягчению наказаний убийцам, вора, насильникам. Потерпевшее стороной, является городское население. Без ужесточения административных санкций, в своем роде перманентного государственного террора против преступников не обойтись. Создание специализированных отделов криминальной милиции занимающихся этническими организованными группировками проблему не решает. Россия находится в сравнении с некоторыми соседями в относительно лучшем состоянии. Это является одной из главных причин наплыва дешевой, низко квалифицированной рабочей силы из более бедных государств. В основном приезжают люди, которые не нашли места у себя на родине. Им сложно адаптироваться в чужой стране. Отсюда – неизбежные криминальные наклонности и стремление объединяться в группы себе подобных. Необходимо усиление и укреп-

⁶ Бобков В.Н. Каким быть региональному неравенству качества и уровня жизни? [Текст] // Мир России. 2009. № 3. С. 61-84.

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. 2009 // <http://www.gks.ru>.

ление муниципальной милиции, развитие института участковых милиционеров и укрепление института дознавателей и уголовного розыска. Городская милиция должна финансироваться не по остаточному признаку, а в зависимости от численности проживающего населения и криминальной обстановки в городе, с выплатой премий за каждое раскрытое, а также предупрежденное преступление. Кроме этого, необходимо введение квот на миграцию рабочей силы и ужесточение паспортно-визового контроля для криминально-потенциальных групп населения из регионов – «поставщиков» криминальных элементов.

Десятое. Современные города столкнулись с проблемой социально-преднамеренной безработицы, нежеланием отдельных групп населения заниматься общественно-полезным трудом. Попрошайничество, гадание, и др. мошенничество стало бизнесом для целых этнических групп и семейных кланов. Причем цыганские и др. преступные сообщества используют детей, что в условиях действующего законодательства делает их преступления практически безнаказанными. Без усиления мер жесткого административного контроля, с расширением прав правоохранительных органов здесь не обойтись. Необходимо расширить систему исправительно-трудовых учреждений, в том числе и для детских преступников.

Одиннадцатое. Современные города столкнулись с проблемой общественного контроля за деятельностью политических партий и религиозных организаций. Политические партии, призывающие к насилию, религиозные секты, проповедующие экзистенциализм, межрелигиозную нетерпимость и т.д. подлежат запрету, а их духовные лидеры изоляции от общества. Для этого необходимо проводить системные исследования социальной среды и психологический мониторинг различных социальных групп городского населения. Затраты на социологические исследования должны финансироваться, во-первых, в рамках специальных федеральных программ, во-вторых, за счет специальных ведомственных программ, правозащитных структур общества, в-третьих, за счет негосударственных источников независимых общественных организаций и объединений, ставящих перед собой задачу динамичного и эволюционного развития России.

Выводы

1. Технологии управления социально-экономическими процессами, как комплекс взаимосвязанных административно-правовых, экономических, социально-психологических мероприятий, направленных на повышение уровня благосостояния всех членов общества, по мере развития современных городов России и усложнения стоящих перед обществом задач, будут иметь все возрастающее значение. Их основной целью является преодоление сложившихся в экономике негативных тенденций, диагностика и предотвращение потенциальных социальных конфликтов.

2. Основными задачами технологий управления является мониторинг изменяющейся социальной среды, выявление сложившихся диспропорций развития экономики городов, диагностика потенциальных конфликтов между различными социальными группами городского населения, формирования толерантного сознания и разработка комплекса мероприятий, способствующих динамическому развитию общества.

3. Современные технологии управления социально-экономическими процессами и явлениями в городах должны использовать систему комплексных мероприятий административно-правового, экономического и социально-психологического характера, проведение мониторинга социального развития общества и реализации финансируемых из различных источников в рамках федеральных, ведомственных и региональных программ, а также поддержку независимых общественных организаций, ставивших целью динамического и поступательного развития России в соответствии с новыми угрозами и вызовами наступившего тысячелетия.

Список литературы

1. Бобков В.Н. Каким быть региональному неравенству качества и уровня жизни? [Текст] // Мир России. 2009. № 3. С. 61-84.
2. Гранберг А.Г., Львов Д.С., Обозов С.А. Стратегическое управление: Регион; Город; Предприятие [Текст] – М., Экономика, 2005 – 603 с.
3. Львов Д.С., Поршнева А.Г. Управление социально-экономическим развитием России: Концепции, цели, механизмы. Монография [Текст] – М., Экономика, 2002 – 702 с.

4. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России [Текст]//Вестник Российской академии наук, 2004, т.74, № 3, с. 209-218.
5. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. 2008. Статистический сборник – М., Госкомстат, 2009 – 847 с.
6. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. 2009 // <http://www.gks.ru>.
7. Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Красилова А.Н., Крельберг Ю.М., Смыслов Д.А., Ястребов Г.А. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. [Текст] – Москва, ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2009 – 640 с.

TECHNOLOGIES OF SOCIAL AND ECONOMIC PROCESSES MANAGEMENT IN MODERN RUSSIAN CITIES

S. M. Yagutkin

Belgorod State University

*e-mail:
yagutkin@yandex.ru*

Technologies of management of social and economic processes in cities of modern Russia are considered in the article. Factors and conditions of formation of tolerant consciousness of urban population are analyzed. Methods of prevention of potential social conflicts are offered in the paper.

Key words: technology of management, social and economic process, tolerant consciousness, factors of social development, city of Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 045/98

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАСКОЛЕ РЕФОРМАЦИИ

В работе рассмотрен процесс десакрализации и мифологизации философского дискурса в эпоху Реформации с позиции социокультурного подхода.

Л. А. Будянская

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Budyanskaya@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: миф, религия, реформация, сакрализация.

История западно-европейской науки и философии нового и новейшего времени была сформирована в контексте самой научно-философской рефлексии XVII-XX вв. и, разумеется, изобилует массой стереотипов, укоренившихся при характеристике этого периода развития науки и философии. Эти стереотипы начинают формироваться в контексте философского рационализма XVII века и апологии научного разума и социального прогресса в философии эпохи Просвещения. Немецкая классическая философия и философия европейского романтизма впервые подвергла ревизии рационалистические основания своего собственного философского и ментально-антропологического дискурса. Но подобная ревизия закончилась плачевно: наступил конец самой классической европейской философии. На смену ей пришли самые разные варианты неклассической философии, которая в лице религиозно-философских концепций (от позднего Шеллинга до неотолизма и русской философии в изгнании) пыталась критически преодолеть, а в лице различных версий позитивизма – лишь оправдать и укрепить формально-логический и рационалистический дискурс философской классики.

Исторически первой идеологией, пришедшей на смену религии безраздельно господствовавшей в политико-правовой мысли средневекового периода, явился либерализм. Слово «либерализм» (от лат. «liber» – свободный), как название типа политико-правовой идеологии, стало употребляться в начале XIX века в Испании. Этимологическая связь понятия либерализма с понятием свободы самым непосредственным образом указывает на центральную проблематику либерального сознания. Свобода, к которой апеллирует либерализм – это свобода индивида во всех сферах – экономической, политической, религиозной. Собственно либеральная идеология сложилась задолго до ее объявления в качестве таковой. Будучи не только политическим учением, но и законченной

системой ценностей, либерализм имел истоки аксиологического и культурно-мировоззренческого свойства в идеологической борьбе эпохи Реформации. Именно Реформация (в духовном, философско-мировоззренческом смысле) подвела полный, критический итог средневековой ортодоксальной схоластики и сделала важный шаг вперед к идеологии и философии Нового времени.

Период перехода от средневековья к Новому времени, рассматриваемый как в социально-политическом, так и в философско-теологическом, нравственно-мировоззренческом проявлениях, называется Реформацией. В энциклопедических словарях можно встретить определение следующего рода: «Реформация (от лат. *reformatio* – преобразование, исправление) – разновидности социально-политические и идеологические движения XVI-XVII вв., охватившие большинство стран Западной и Центральной Европы, которые были направлены против средневековой католической церкви»; церкви, которая выступала непосредственным воплощением феодального строя. С Реформацией ассоциируются крестьянские войны, которые стали предтечей раннебуржуазных революций в Нидерландах и Англии, а затем – Великой французской революции 1789 г. Реформация – это первый акт буржуазной революции, ее корни: в той абсурдной экономической ситуации, которая сложилась в странах Западной и Центральной Европы, прежде всего, в Германии, в конце XV – начале XVI вв.; в тех апокалиптических настроениях современников этой ситуации – состоятельных горожан и селян, представителей первого поколения «свободных предпринимателей», остро нуждавшихся в новых нравственно-религиозных ценностях, ориентациях, убеждениях. На наш взгляд, именно Реформация (в духовном, философско-мировоззренческом смысле) подвела полный, критический итог средневековой ортодоксальной схоластики и сделала важный шаг вперед к идеологии и философии Нового времени. Несмотря на то, что очевидными и действительно впечатляющими, яркими были достижения культуры, науки, искусства эпохи Возрождения, философско-мировоззренческие идеи (в религиозной форме) и новые нравственно – личностные мотивы сыграли все-таки решающую роль в секуляризации сознания и становлении новоевропейской идеологии и философии, культуры и цивилизации.

Пятнадцатое и шестнадцатое столетия стали решающими для Европы. Самые большие перемены произошли на христианском Западе, которому удалось не только догнать в развитии остальные культуры ойкумены, но и опередить их. К этому периоду относятся итальянское Возрождение, быстро распространившееся на север Европы, открытие Нового Света и начало научной революции, последствия которой оказались судьбоносными для всего мира. К концу XVI в. Запад стоял на пороге совершенно новой культуры. Это была переходная эпоха. Как всякое время перемен, она несла людям и успехи, и тревоги. Все это с полной очевидностью сказалось и на западных представлениях о Боге. Несмотря на огромные достижения в мирских делах, европейцев больше чем когда-либо волновали вопросы веры. Миряне испытывали особую неудовлетворенность религиозностью средневекового типа, которая уже не соответствовала нуждам их новой, более активной жизни. Великие реформаторы выразили накопившееся в массах беспокойство и открыли новые подходы к размышлениям о Боге и спасении. В результате Европа раскололась на два враждующих лагеря – католиков и протестантов.

В историю культуры Реформация вошла как конкретное общественно-политическое и религиозное движение в Западной и Центральной Европе XVI века. Фридрих Энгельс имел все основания назвать это явление «буржуазной революцией № 1»: в нем слишком явно соединились антифеодальные мотивы политического, экономического и собственно мировоззренческого характера. Раскол в католической церкви придал этому общественному движению подчеркнуто религиозную форму, но эта форма, при всей ее значимости, не должна скрывать от нас гораздо большее содержание, касающееся всей целостности общественного мироустройства.

В качестве предварительного этапа исследования важно установить, что Реформация – далеко не чисто религиозное движение. С самого начала она представляла собой, прежде всего, социально-политическое движение немецких князей и феодалов за свою экономическую и политическую независимость от Ватикана, как центра «духовной римской империи». На вопрос: почему именно Германия составила эпицентр реформационного движения? – так же имеется убедительный ответ: «... добыча золота и серебра в Германии (а также в Венгрии, благородные металлы которой попадали на Запад через Гер-

манию) послужила последним толчком, поставившим Германию в 1470-1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации»¹.

Для Энгельса Реформация представляет собой лишь «религиозное облачение», а главное и существенное в ней связано с революционным изменением феодальных порядков в пользу развития буржуазных отношений, гражданского общества, бюргерства. В эпоху тотального господства церкви и религиозного сознания всякая решительная новация в сфере политико-экономических отношений с неизбежностью должна была обречь «религиозное облачение». Церковный переворот Лютера не имел никаких шансов на успех без этого политического и экономического интереса немецких князей, без участия в этом процессе национального обособления широких крестьянских слоев и бюргерского сословия горожан. Но верно и то, что без тех специфических «религиозных идей», которые привнесла в общественную жизнь церковная реформа, а также их дальнейшей эволюции в кальвинизм, англиканство и т.д., начавшаяся в Европе «первая буржуазная революция» захлебнулась бы, едва начавшись.

Мифоанализ либерализма как идеология модерна показывает, что своими корнями он уходит в эпоху Реформации, «которая является важнейшей социологической матрицей всего Нового времени и всей парадигмы Модерна»². Либерализм как идеология имеет самую долгую историю – он возник раньше других идеологий и продержался дольше всех. В основе либеральной идеологии лежат протестантизм и масонство – «то есть религиозная и инициатическая организации, вступившие в конфликт с сословно-католической официальной Европой эпохи Средневековья и феодализма»³.

Важнейшим событием в истории западного христианства является Реформация. Это духовное течение небывалого масштаба и интенсивности было внешним социально-религиозным проявлением европейской «параллельной сакральности». Смысл европейской Реформации, достигшей апогея в XVI веке, состоял в требовании радикального пересмотра европейского католического порядка, основывавшегося на безусловной политической доминации Римской Церкви и лояльных ей французских монархов и австрийских императоров. Протестанты обвиняли католическую церковь в узурпации посреднических функций между людьми и богом, в «эксплуатации спасения», в коррупции, в разложении нравов (вопиющий случай продажи «индульгенций» римской церковью), в роскоши, в низведении духовных вопросов до уровня земной политики.

Протестанты отвергали богослужение, иконы, считали, что главным критерием христианского суждения должен быть индивидуальный человеческий рассудок. Отвергая идею посредничества католического клира между человеком и Богом, они фактически отбросили мистическое учение о церкви, подменив его учением о человеке.

Реформация вылилась в три основных парадигматических течения, дробящихся, в свою очередь, на множество подкатегорий и сект. На одном полюсе находилось эсхатологическое протестантство, опирающееся на крестьянский элемент и городскую бедноту с коммунистическими идеалами общегития и тотального восстания против существующей религиозно-политической системы. Это крайнее направление было разгромлено и сохранилось в виде деградировавших маргинальных протестантских сект – таких, как «шэйкеры», «амиши», «квакеры» и т.д. На противоположном полюсе оказались швейцарские протестанты – последователи Жана Кальвина и Ульриха Цвингли, распространившие свое влияние на северо-западе Европы, преимущественно в Голландии и Англии.

Можно совокупно назвать эти направления «кальвинизмом». Кальвинизм – это название религиозно-философской системы, генератором фундаментальных идей которой и наиболее ярким выразителем был **Жан Кальвин** (1509-1564). Кальвинизм не ограничивается богословием, представляя собой всеобъемлющую систему, включающую

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 208.

² Шестая лекция профессора Александра Дугина, прочитанная на Социологическом факультете МГУ им. Ломоносова в рамках курса «Структурная социология». – Режим доступа к изд.: <http://konservativizm.org/konservativizm/sociology/020409193214.xhtml> – Систем требования: IBM PC, Internet Explorer.

³ Там же.

также определенные взгляды на политику, общество, науку и культуру и дающую достаточно цельное мировоззрение. Широкой публике Кальвин все еще известен почти исключительно как автор «Наставления в христианской вере». Трудно найти еще какое-либо протестантское сочинение, которое оказало столь мощное воздействие на различные сферы нововременной культуры в течении нескольких столетий. Оно неоднократно переводилось на различные западные языки, комментировалось и широко использовалось в практике различных реформатских церквей.

В данном случае преобладала противоположная эсхатологическим «коммунистам» модель. В центре этого течения стояло третье сословие, рационализм, идея трезвости, автономной морали, индивидуального решения. Главный акцент падал не на Новый Завет (как у большинства средневековых гностических сект и их продолжателей в эпоху Реформации), а на Ветхий Завет. Идеалом выступало древнееврейское общество. Креационизм был основой богословской догматики, а философия номинализма – основной методологической базой. Именно на этом направлении был сконцентрирован основной потенциал десакрализации. В данном случае против католической модели священного впервые выдвигалась концепция не «альтернативного священного», но «несвященного», «профанного». Кальвинизм в противостоянии католичеству отвергал в нем все то, что имело отношения к сакральности и традиции, к онтологическим измерениям.

Третье направление в протестантизме – лютеранство. Эта линия возобладала на севере и востоке Германии, особенно в Пруссии, а также в Скандинавских странах. Лютеранство занимало промежуточное положение между кальвинистским профанизмом и эсхатологическим радикализмом. Догматически акцент здесь падал более на Новый Завет, и неприятие католического мира опиралось на этнически-германские элементы, сильно притесненные веками преобладания в Европе французского и, шире, романско-католического влияния.

Трем выделенным религиозным направлениям в Реформации соответствуют три политические модели, каждая из которых окажет существенное влияние на политические идеологии эпохи Нового времени.

Ложной сакральности европейского католицизма, опирающегося на власть феодалов, противопоставляется истинная сакральность крайних протестантов, выдвигающих новые социально-политические принципы: социального и имущественного равенства, отмены сословных привилегий. Этот протестантский коммунизм, подавленный в свое время, заново всплыл в измененном виде в XVIII-XIX веках в форме социалистических и коммунистических идей. Не случайно Маркс и Энгельс видели в анабаптистах своих прямых предшественников, а в русской революции принимали активное участие сектанты сходного типа. Из крайнего эсхатологического протестантизма развился впоследствии политический проект европейского социализма и коммунизма.

Кальвинистская линия в религии сформировала совершенно иную политико-идеологическую программу. В этом случае это была матрица буржуазного либерализма, демократического капитализма. Кальвинизм ставил в центр общественной жизни теорию «договора», гражданское общество, свободу индивидуальных суждений, принцип демократического решения. Именно к кальвинистским истокам неизменно ведет всякое политическое буржуазное движение Европы. Эта форма протестантизма настаивала на отмене западно-христианского католико-феодалного строя в пользу демократического буржуазного общества с основными его политическими атрибутами – правом, парламентом, принципом избираемости вождей и разделением властей. Согласно теориям немецких социологов **Макса Вебера** и **Вернера Зомбарта**, политико-административные, экономические и социальные основы современного капитализма являются прямым следствием «протестантской этики», примененной ко всем уровням политической организации. Исчерпывающее исследование либеральной буржуазно-демократической идеологии осуществил Макс Вебер в своем классическом труде «Протестантская этика и рождение капитализма». В этой работе была убедительно доказана генетическая связь либеральной идеологии и социальных воззрений протестантских сект (пуритан, баптистов, квакеров, мормонов и т.д.).

В данном перед нами предстает первый в истории радикально антитрадиционный проект социально-политического устройства, где преобладает стремление не сакрализовать реальность в соответствии с иной альтернативной моделью, но именно радикаль-

но десакрализировать ее. Антикатолическая направленность в этом случае становится синонимом отвержения традиции как таковой. В кальвинизме мы имеем дело с политической матрицей современного мира, с религиозно-политическими основами «минимального гуманизма», с последовательным учением о десакрализации мира и человека.

Третья версия протестантизма – лютеранство – укрепились как идеология удельных германских князей, которые с самого начала оказывали Лютеру максимальную поддержку, а, начиная с **Филиппа Меланхтона**^{*}, стали основными гарантами Реформации. Собственно религиозный культовый элемент отходит в этой версии на второй план, уступая место модели военно-государственного социализма. Главным элементом в такой политической модели является именно государство как самоценность и высший критерий.

Таким образом, в трех направлениях Реформации лежат истоки трех основных политических моделей, характерных для XX века – анабаптисты являются предтечами коммунизма, кальвинисты – либерал-капитализма, лютеране – национально-государственных режимов.

Реформация потрясла западно-христианский мир, привнесла в него серьезный раскол. Постепенно контуры протестантизма и католицизма почти точно совпали с этнической картой Европы (за исключением германских земель Австрии и Баварии и славянских Польши и Хорватии, оставшихся в зоне влияния католичества). Католические страны Европы преимущественно были латинскими, протестантские – германскими.

На Востоке и Севере Европы происходит смена политической парадигмы католицизма, в основе которой лежит представление о непогрешимости папы, ограничение земного в пользу небесного, определенная релятивизация гражданского права в пользу церковного, надгосударственное «соборное» самосознание и схоластическая философия. Пришедшей ей на смену политической парадигме протестантизма (в ее кальвинистском, пуританском варианте) характерны: десакрализация власти (власть основана на «коллективном договоре», никакая инстанция не является носителем самодостаточной власти); моральное совершенствование и материальное преуспевание каждого отдельного члена; социально-политическое равенство третьего сословия, имущественная иерархия как зримое выражение «божественного достоинства», выборность властей; модифицированное римское право, где на первое место выходит священная частная собственность и система прав индивидуума; совокупность свободных и моральных индивидуумов; протестантская мораль, накопление, преуспеяние, процветание, накопительство.

Обратимся к идеям признанного лидера и отца Реформации – магистра философии и доктора богословия **Мартина Лютера** (1483-1546). Религиозно-философская гениальность Лютера состоит в том, что он освободил понятие веры от мистического содержания, он вообще раскрыл инородное Священному писанию происхождение мистики и провозгласил радикальный разрыв с ней. Именно освобождение от католической мистики и прорыв к исконному, собственному содержанию раннехристианского духа (к пророческому, евангельскому, библейскому Христу) явилось самым значительным деянием М. Лютера. Реформация началась с идеи, глубокого религиозной и консервативной по своей сути.

Реформация католической церкви проходила на фоне идеологической борьбы гуманистов (Эразм Роттердамский, Томас Мор) и реформаторов (Мартин Лютер, Уильям Тиндел и др.). Типичными представителями северного Возрождения являются два человека – Эразм и Томас Мор. Они были близкими друзьями и вообще имели много общего. Оба были эрудитами, оба презирали схоластическую философию, оба стремились к внутренней реформе церкви, но осудили протестантский раскол, когда он произошел.

^{*} Филипп Меланхтон (1497-1560) – немецкий теолог и педагог эпохи Реформации, основатель протестантской неосхоластики сохранял известное влияние вплоть до XVIII в. благодаря своему учению о праве и государстве. Будучи приверженцем гуманизма и под влиянием Лютера пытается осуществить синтез между гуманизмом и протестантизмом. Не найдя действительных оснований для его осуществления склоняется к гуманистическому аристотелизму. В духе Эразма Роттердамского и в противоположность Лютеру выступает за свободу воли. В этике, в качестве завершения своей философской системы, разрабатывает систему духовной и гражданской справедливости, которая с одной стороны, является этикой убеждения в божественном повиновении, а с другой – этикой закона десяти заповедей Ветхого завета. Благодаря своей академической преподавательской деятельности и участию в создании классической гимназии Меланхтон получил имя «учитель Германии».

Все реформаторы (Лютер, Цвингли, Кальвин) доктринально отрицают свободу воли. Перед лицом Бога у человека нет ни воли, ни достоинства, – доказывает Лютер в трактате «О рабстве воли» (1525), полемически заостренном против трактата Эразма Роттердамского «О свободе воли». Всякое действие человека изначально предопределено провидением, – категорически утверждает Кальвин в своем «Наставлении в христианской вере» (1536). Правомерно возникает вопрос: может ли на почве вероучения, содержащего подобные постулаты, сформироваться независимый, волевой и ответственный мирянин? Очевидно, что, сознавая себя существом, лишенным истинного достоинства, он будет легко мириться с подневольным, предписанным, рабским существованием. Т.к. сознание предопределенности всего им совершаемого делает мирянина фаталистом и квиетистом, безвольно капитулирующим перед обстоятельствами.

Однако для будущих приверженцев Лютера и Кальвина решающее значение имело представление о трансцендентном Боге, в которого можно только верить, и о принципиальном, непреодолимом разделении мира на посюсторонний и потусторонний. Поэтому из постулатов рабской воли и провиденциального предопределения ранний протестант с логической необходимостью делал выводы, далекие от квиетизма. Протестант мыслит себя рабом только перед Богом. Только перед Богом – через веру – полное смирение сердца, верноподданничество и безоговорочная покорность. Но именно поэтому добровольное рабство здесь, на земле, для него невозможно. В отношении мирской власти допустимо лишь ограниченное повиновение, соотнобразующееся с достоинством персональной веры и с требованиями юридической справедливости, так как порядок Божьего града не должен быть порядком града земного.

Складываются два различных подхода к проблемам церкви, но объективно и гуманисты и реформаторы содействовали ниспровержению духовной диктатуры церкви и ослаблению католицизма как господствующей идеологии феодального общества. В полемике Т. Мора против Лютера по поводу католических таинств по существу затрагивалась общая проблема, касавшаяся официальной доктрины и практики католической церкви, а именно проблема церковной традиции – ее источников и значения в жизни церкви. С проблемой традиции связывался вопрос о происхождении церковных законов, обязательных для всех христиан. Лютер в своем критическом отношении к церковной традиции и установленным церковью законам, которые он считал учрежденными людьми, а не Богом, признавал лишь авторитет Евангелия. Мор, напротив, исходил из признания божественного происхождения традиций и законов католической церкви. Мор считал, что традиция в жизни церкви фактически исполняет роль закона.

Понимание Мором авторитета в католической церкви, являющегося источником обрядов и законов, обязательных для всех христиан расходится с трактовкой данной проблемы у Лютера. Защищая традиционную церковь, санкционировавшую незыблемость существующего социально-политического строя, Мор исходил не только из феодальной идеологии, но также из гуманистической концепции закона как необходимого условия, предотвращающего произвол и деспотизм власти. При этом Мор не был апологетом законов, действовавших в тогдашнем обществе. В «Утопии» он четко выразил свое критическое отношение к ним. Однако Лютерово «*sola fides*», с точки зрения Мора, представляло реальную угрозу упразднения всех действующих законов и всеобщего хаоса. Как юрист общего права и гуманист Мор был убежден, что для общества нет ничего хуже, чем произвол и деспотизм, проповедуемый даже с лучшими намерениями. Как политик Мор скептически относился к замене несовершенных законов милосердием и любовью к ближнему, основанным на лютеранской проповеди веры.

В трактате «О вавилонском пленении церкви» Лютер высказывает убеждение в том, что если знание закона Божьего сопутствует природному благоразумию, совершенно излишне и даже вредно иметь писанные законы. Превыше всего милосердие и любовь к ближнему, которые не нуждаются в законах. Реформатор исходил из того, что для праведного образа жизни достаточно одного закона Евангелия, и если бы правители были праведными, человеческие законы стали бы бесполезны. Подчеркивая исключительное значение веры, Лютер отвергал значимость человеческого закона для внутренней жизни христианина. Здесь Лютер поднимает центральную проблему диалогов Платона о роли законов и искусства правителя в политической жизни общества. Должен ли правитель всецело опираться на закон либо управлять, полагаясь на свое искусство? Согласно диа-

логу «Политик», «прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках царственного мужа, обладающего разумом». Поэтому истинный политик, владеющий искусством управлять, выше всякого закона. Мор занимал иную позицию в решении платоновской дилеммы и выступал решительным противником попыток провозглашения правителя выше закона. Для Мора юриста и гуманиста пренебрежение к закону было неприемлемо и расценивалось им как потенциальная угроза деспотизма и тирании. Поэтому в теологическом споре с Лютером он выступал в качестве защитника правового начала как элементарной основы нормальной жизни общества.

Гуманистов Возрождения и представителей раннереформационной мысли роднила патетика свободной совести, идея возврата к истокам (в одном случае – к античным и евангельским, в другом – к евангельским и святоотеческим); стремление к нравственному толкованию Писания; глубокая неприязнь к схоластике, догматике и застывшим формулам церковного предания. Совпадения эти столь очевидны, что не раз рождали соблазн сочленить Ренессанс и Реформацию в одну социокультурную и духовную эпоху. Но не менее существенна и другая сторона проблемы. Реформация – не только продолжение Ренессанса, но и протест против него. Солидаризируясь с возрожденческим признанием индивидуального человеческого Я, ранние реформаторы категорически отвергали, однако, ренессансное родовое возвышение человека, возвеличение его как категории, как особого вида существа (или – на языке теологии – как особого вида твари). В возрожденческих гимнах человека они сумели расслышать тенденцию к обожествлению человека.

Между тем Лютер не только указывал на абсолютное различие между божественным и человеческим законом, законом веры и законом дел, но и утверждал, что человеческий закон не согласуется с божественным, поэтому является несправедливым и другим быть не может. По мнению реформатора, если христианин предан вере, живая вера побуждает его исповедовать любовь и милосердие, которые неизменно проявляются в мирской деятельности христианина. Это в глазах Лютера гораздо важнее, чем следовать мертвой букве закона. Мору концепция Лютера представлялась таким образом, что вера, провозглашенная реформатором в качестве верховного авторитета и единственного для христиан закона, якобы отрицала все прочие человеческие законы и установления. Мор настойчиво провозглашал позитивный смысл гражданского права, доказывая его необходимость в обществе. По его словам, именно человеческий закон, а не закон Бога конституирует существующий общественный порядок. Мор настаивает на приоритете закона перед судьями и должностными лицами и решительно отвергает лютеровскую концепцию о приоритете добрых судей над законами.

Здесь необходимо отметить, что различие взглядов Мора и Лютера на взаимоотношение между законом и должностным лицом, его исполняющим, указывает на противоположность концепции справедливости у обоих авторов. По Лютеру справедливый судья не должен затруднять себя, следуя писаным законам, поскольку процесс оправдания человека не нуждается ни в руководстве, ни в ограничении со стороны закона, но сам закон коренится в вере и осуществляется через любовь к Богу и ближнему. Лютер, в сущности, исходит из аристотелевского понимания справедливости. Лютер склонен рассматривать справедливость как функцию божественного вдохновения, которое праведный судья черпает в Евангелии. В дальнейшем Лютер приходит к признанию целесообразности строгих законов в обществе, что обусловлено обострением сословных конфликтов в период Реформации и Крестьянской войны в Германии. Понимание справедливости у Мора вполне соответствует духу римского права. Для Мора справедливость коренится в законе. Т.о. различным концепциям справедливости реформатора Лютера и гуманиста Мора соответствует два разных взгляда на политические отношения эпохи Реформации.

В протестантском варианте христианства человек оказывается существенным моментом в понятии Бога. В этом и состоит сущность человеческой свободы и существенное содержание Реформации: «человек сам себя предназначает к тому, чтобы быть свободным»⁴ и познавать Бога. Быть свободным, познавать Бога становится отныне высшим назначением человека. Такого назначения не знал Восток и христианская Церковь до Лютера. Для Лютера высшая цель человека заключается в его деятельности – в познании Бога

⁴ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Реформация. См.: Мартин Лютер. 95 тезисов – СПб., 2002. – С. 314-326.

как Откровения, совершающегося в самом человеческом духе. Противопоставив таинство веры внешней набожности «добрых дел», Лютер покусился на институт папской власти. В «Свободе христианина» (1520 г.) Лютер говорит, что нельзя спасти душу только телесными средствами, но только верою, лишь через веру происходит общение души с Богом.

Таким образом, немецкая Реформация преобразовала в корне понятие о «вере» «религии». Согласно учению Лютера, все внешнее должно быть устранено из абсолютно-го отношения человека к Богу. Нет более священников, святых и ангелов, решающих за человека о его истинном достоинстве и назначении. Сам Бог сообщает и освящает человеку эту свободу, исходя из которой он, в конечном счете, должен определять, что собой представляет его «религия» и «вера». Лишь свободная духовность субъекта может осуществлять поклонение Богу в духе. Таким образом, в отношении к Богу человек не исчезает, но находится у самого себя.

«Спасение только верой» (*sola fides*) – основной девиз теовиталистической, философской доктрины Лютера. «Во что верю, то имею», – утверждает Лютер. Из провозглашенного принципа свободы веры вытекала идея свободы совести, которая, по сути, явилась провозвестником всеобщего принципа правосознания. Социально-философская и гуманитарная мысль XVI-XVII вв. сделала его своим неоспоримым достижением. В трактате «О свободе христианина» (1520 г.) Лютер сформулировал идею о целесообразности существования в обществе двух порядков – духовного и светского, опирающихся на две самостоятельные системы права – божественного и естественного. При этом пока мир еще не совершенен, нельзя руководствоваться только божественным правом, но необходимы законы и светская власть, которая обеспечивает возможность христианской жизни те, что она основывается на естественном праве. Лютер учил, что христианскую свободу нужно понимать лишь как духовную, а не как телесную и не распространять понятие христианской свободы на практическую деятельность человека. Лютер осудил крестьян и плебейство Германии в эпоху крестьянской войны 1524-1525 гг. за злоупотребление евангельской свободой, истолкованной, по его мнению, слишком плотски, т.е. в прямом значении слова. В «Открытом увещании ко всем христианам воздержаться от мятежа и смуты» Лютер пишет: «Устраивать мятежи – не Божья забота. Исключив помощь [мятежной] толпе, Бог хочет, чтобы мы избегали ужасных горлохватов, [призывающих к мятежу], и обезопасили себя от них. Писание предрекает папе и его приспешникам не телесную смерть и мятеж, а совсем иной конец. В Дан. 8 сказано: «Он, [царь наглый и искусный в коварстве], будет сокрушен не рукою», т.е. не мечом и телесной силою»⁵.

Однако Лютер убежден в том, что светская власть и дворянство по долгу их законной службы должны способствовать Реформации «Ведь то, что совершается при посредстве законной власти, не должно расцениваться как мятеж»⁶. В обращении же к «Негг Omnis» и, указывая причины, почему следует воздерживаться от мятежа, Лютер заявляет: «Поэтому внимай властям. До тех пор пока они не прикажут и не начнут действовать, смирай руки, рот и сердце и ничего не предпринимай. *Однако если ты сможешь склонить власти к тому, чтобы взяться за дело и призвать под свои знамена других, то это тебе дозволено.* Если же ты не остановишься, то поступишь несправедливо, и будешь выглядеть намного хуже своих противников. ...мятеж запрещен Богом, Который изрек устами Моисея: «*Quod iustum est, iuste exequaris*» («Что законно, осуществляй при помощи права»)⁷.

В произведении «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» опубликованном в августе 1520 г. Лютер пишет: «И я настаиваю: так как светская власть учрежденная Богом для наказания злых и защиты благочестивых, то круг ее обязанностей должен свободно и беспрепятственно охватывать все Тело христианства, без всякого исключения, будь то папа, епископ, священник, монах, монахиня или кто-нибудь еще»⁸. И далее: «Поэтому светская христианская власть должна исполнять свою

⁵ Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520 – 1526 гг. / Пер. с нем., ист. Очерк, комментарии Ю.А. Голубкина / Открытое увещание ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа. – Харьков, 1994. – С. 98.

⁶ Лютер М. Указ соч. – С. 100.

⁷ Лютер М. Указ соч. – С. 101.

⁸ Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520 – 1526 гг. / Пер. с нем., ист. Очерк, комментарии Ю.А. Голубкина / К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства. – Харьков, 1994. – С. 17.

службу беспрепятственно, не опасаясь затронуть папу, епископа, священника: кто виноват, тот и отвечай. Возражения канонического права против этого – чистейшей воды самонадеянное римское измышление, ибо святой Павел провозгласил для всех христиан: «Всякая душа (я считаю и папы тоже) да будет покорна высшим властям; ибо они не напрасно нося меч, они Божьи слуги для наказания злых и поощрения благочестивых»... отныне светская власть становится членом христианского Тела и, занимаясь земными делами, она все же принадлежит к духовному сословию; поэтому сфера ее деятельности должна касаться всех членов Тела в целом: наказывать виновных и преследовать их в случае необходимости, не обращая внимания на пап, епископов, священников...»⁹.

В вопросе о том, как далеко должна простираться светская власть Лютер подчеркивает: как бы хороши и справедливы ни были законы, у них имеется один недостаток, который заключается в том, что их нельзя применять ко всем без исключения случаям. Властитель должен соизмерять закон со своим разумом, который, по мнению Лютера, стоит выше закона. «Светское правление имеет законы, которые простираются не далее тела и имущества»¹⁰, оставаясь внешними, ибо над душой власть принадлежит только Богу.

Таким образом, протестантизм способствовал утверждению светского начала и в политической жизни. Лютер отвергнул главенство церкви над государством и признал всякое вмешательство духовной власти в светские дела незаконным. Последствием этого должно было явиться освобождение государства из-под опеки церкви.

Лютер восстал именно против спекулирующей схоластической и авторитарного разума (а не вообще против разума, рациональности, логики). Собственно поэтому он устанавливает границу между верой и знанием (разумом). Теологические вопросы, по Лютеру, должны быть предметом веры, а нетеологические – предметом разума. Лютера называют Кантом XVI в., который в свое время также утверждал, что интерес к Богу должен быть морально-практическим, а не теоретическим. Бог – непознаваем. Он лишь настолько известен человеку, насколько сам пожелал открыться ему через Писание. Вера и понимание суть единственно возможные для человека способы отношения к творцу. Таким образом, то, что в Писании понятно, нужно понять; то, что непонятно, следует принять на веру.

Первосток господства схоластической философии Лютер видит в авторитаризации веры. Он пришел к выводу, что содержание и священное знание Писания оказалось заслонено сакральным авторитетом Папы и церкви. В результате на место веры в Бога как таковой была поставлена вера в тех, кто «достоверно знает Бога». Но познать Бога невозможно. В него достаточно верить, что может позволить надеяться на откровение Божье. Лютеровская религия – религия откровения; ортодоксально-католическая религия спасения. В этом религиозно-теологический контрапункт Реформации.

Позиция Лютера восходит к учению о «двойной истине», и мысль о несовместимости рационально-философских и богословских истин доводится им до крайней остроты: он настаивает не на взаимной терпимости веры к разуму, обосновывающему веру, а на категорической нетерпимости веры к такому разуму, и на категорической нетерпимости разума к вере, которая пытается ориентировать разум в его мирском исследовании. То есть лютеровская критика схоластики – это критика разума, утратившего сознание собственных границ и посягнувшего на не принадлежащее ему – на то, что «над нами», на обоснование своими средствами бытия Бога и других религиозно-католических положений. Поэтому прежде сего эта критика была направлена на рациональные доказательства существования Бога – либо ничего не доказывают, либо утверждают бытие такого божества, которое несовместимо с религией откровения; из природы и «естественного разума» нельзя вывести ничего более содержательного, чем безличный и абстрактный бог Аристотеля, в которого нельзя верить. Надо отметить, что Аристотель для Лютера – это «философ вообще», образцовый выразитель схоластической ограниченности и схоластического самомнения. Поэтому не случайно реформа университетского образования, которую предложил Лютер, имела лозунг – им самим данный – «Борьба против аристотелизма». Из курса Виттенбергского университета, где эта реформа действительно была

⁹ Лютер М. Указ соч. – С. 17.

¹⁰ Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520 – 1526 гг. / Пер. с нем., ист. очерк, комментарии Ю.А. Голубкина / О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться. – Харьков, 1994. – С. 132.

проведена, были исключены аристотелевская физика, психология и метафизика, – традиционная «школьная философия» («схоластика») заменялась новой ренессансной философией и филологией.

Развитие гуманизма и процесс Реформации были взаимосвязаны. Гуманизм в известном смысле идейно подготовил Реформацию, однако оба эти течения создали системы ценностей не совместимые друг с другом. Гуманизм вел к религиозному скептицизму, культу разума и духовному освобождению человека от церковного деспотизма, торжеству светского начала над церковным, опытного знания над схоластической ученостью. Реформация с самого начала была лишена широты гуманистического подхода, стремясь деспотически подчинить мирскую жизнь человека жестким религиозным нормам протестантской морали.

При более внимательном рассмотрении Реформация оказалась движением в высшей степени прогрессивным. Высокая задача того времени заключалась в освобождении людей от нравственного и умственного гнета католической церкви, мешавшего улучшению жизни во всех ее проявлениях. От этого гнета нужно было освободиться, прежде всего, ради дальнейшего движения жизни, и этому великому делу освобождения совести и мысли служила Реформация и в значительной степени осуществила его. Демократические и утопические теории, возникшие на почве свободного толкования Библии, заставили Лютера, а за ним и других реформаторов, отступить на практике от провозглашенного им принципа свободы исследования и объявить войну разуму, как противнику веры. Однако принцип свободы мысли является несомненным достижением протестантизма.

Предоставив дело спасения души «Одной вере», Лютер тем самым выдвинул разум на поприще мирской практической деятельности (ремесла, хозяйства, политики). Он критиковал спекулятивное природознание, но положительно воспринимал науку в качестве высшей разновидности опытного знания. Взгляды Лютера сыграли большую роль в признании научных и технических изобретений, практической значимости научных знаний.

Таким образом, можно выделить особенности политической парадигмы лютеранства. Во-первых, власть должна принадлежать светскому правителю (монарху) с опорой на демократические согласовательные органы (или без опоры). Во-вторых, социально-государственное служение, дисциплина, порядок, общественная нравственность, этика труда и иерархии, рационализация административной системы, общегосударственное процветание. В-третьих, государственно-чиновничий уклад. В-четвертых, государственное право. В-пятых, социальное государство, солидарность сословий, национальное единство. В-шестых, протестантское государство.

Либеральные идеи соединили в себе языческий антропоцентризм, пришедший в европейскую культуру в эпоху Возрождения, протестантское богословие и иудейскую философскую мысль. Эти идеи окончательно оформились на излете эпохи Просвещения в некий комплекс либеральных принципов. Французская революция явилась завершающим актом этой духовно-мировоззренческой революции, в основе которой лежит отказ от нормативного значения Традиции (Предания). Совершенно не случайно, что эта революция началась с Реформации, ибо именно Реформация отказалась от нормативного значения Предания в сфере христианского вероучения. Предание в протестантизме перестало быть критерием истины, таковым критерием стали личное разумение изучающего Священного Писания и личный религиозный опыт. Протестантизм, по сути, является либеральным прочтением христианства.

В первую очередь, это идеи Ренессанса, эпохи Возрождения. Речь идет о возрождении язычества, возрождение языческой философии с ее антропоцентризмом. Ведь языческая философия всегда поставляла в центр мироздания индивидуума. Даже высшие существа греко-римского пантеона имели богочеловеческую природу, и таким образом все человеческие страсти как бы получали божественную санкцию, оказывались обожествленными, включались в состав жизни божественных существ. Получается, что в рамках своих мифологических представлений язычники совершали поклонение человеческим страстям. Именно эта антропоцентрическая идея и была возрождена в XVI веке в эпоху Ренессанса.

То, что в Античности и в Средние века существовало само по себе – идеальное совершенство божественного порядка – эпоха Возрождения открыто поставила в связь с наличной природой антропоса. Иными словами, западный Ренессанс осознал либераль-

но-гуманистический диалог как порождающий принцип культуры, уводя тем самым ее далеко за пределы храма. «Делай, что хочешь» – лозунг одного из героев «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле; в прагматическом варианте та же мысль сформулирована Ф. Бэконом как «Знание – сила». Разумеется, деятели Ренессанса относились к своим интеллектуальным и художественным поискам как представители классической парадигмы: они не сомневались, что мировое бытие, с которым они искали свободной встречи, положено и упорядочено Богом, и потому бытийствует истинно и красиво. Они не знали еще того, что своим переходом в область самозаконного человеческого слова и поступка завершили превращение классически-консервативной по форме культуры – в культуру либерально-модернистскую. Европейское Возрождение и Реформация на глазах православного Востока двинулись в сторону человекобожия (антропоцентризма). Верность Истине стала возможной только на празднике критического разума. Именно благодаря переходу антропоцентризма на позицию мировоззренческого центра Новой Европы ключевым словом западной философии, науки и искусства стало сомнение: содержанием религии является вера и верность, тогда как сфера культуры растет из свободы и «внеаходимости».

Последнее обстоятельство знаменательно отразилось в учении И. Канта, провозгласившего красоту и нравственность всего лишь символами свободы. Если древние греки поклонялись Космосу, а средневековые католики служили Христу, то Новая – протестантская – Европа на место природы и божества поместила себя, свой собственный гордый гений. Колебания между метафизическим сомнением (Декарт, Кант) и человекобожеским абсолютизмом (Гегель) – типично новоевропейское дело. Если Бог есть Я, то и Я есть Бог – такова вершина германского философского идеализма, являющаяся в то же время вершиной западного человекопоклонничества. Приведя свою абсолютную идею к тождеству с собственным разумом (то есть, представив свои мысли как божьи), Гегель теоретически закрыл человеческую историю. Абсолют был схвачен, понят и ему указано место в цивилизованном государстве.

Отвергнув авторитет Церкви, и выведя культуру из-под сводов храма, Ренессанс и Реформация убили католического Бога, поставив на его место обожествленного человека. Последовавшие затем эпохи Барокко, Просвещения и Идеализма бытийный статус культуры заменили антропоцентрическим, мышление сущностями – мышлением отношениями. Духовный символизм – гуманистическим натурализмом.

Эсхатологическая модель либеральной концепции основывается на индивидуализме. Тезис софиста Протагора «Человек есть мера вещей» приобретает здесь редуцированный характер – «индивидуум есть мера вещей». Этот индивидуализм радикально отличает либеральное мировоззрение и от негуманистических концепций свойственных традиционным обществам.

Вторым источником внешнего влияния на западноевропейскую философскую мысль явилось, конечно, протестантское богословие. Ибо протестантизм – это либеральное прочтение христианства. Ведь с точки зрения основоположников и учителей протестантизма, всякий человек обладает правом не просто читать Священное Писание (это есть и в нашей православной традиции), но также и толковать его по своему разумению, причем толковать безошибочно. Протестантизм исходит из того, что в каждом человеке живет Святой Дух, и потому каждый имеет право толковать Священное Писание. Так рождается идея плюрализма – множественности законно существующих мнений. Поэтому в протестантизме отсутствует понятие ереси как таковое, есть просто частная точка зрения.

Третьим источником влияния на западноевропейскую христианскую традицию, после Ренессанса и протестантизма, стала еврейская философская мысль, как она сформировалась в Испании и позже реализовала себя в крупных университетских центрах (не следует путать с традиционным иудаизмом как религией).

В соединении этих трех источников западноевропейского либерализма родились такие явления, как либеральная философия и либеральная политическая мысль, которые получили свое развитие в эпоху Просвещения, а затем уже вошли в политическую практику через Великую французскую революцию. В центре этой идеи находится идея прав и свобод человека. Эта идея невероятно важна, прежде всего, потому что она коррелирует с некоторыми фундаментальными особенностями природы человека. Ведь Бог нас создал свободными по Своему образу, вложив частицу Своей свободы в человеческую природу.

Протестантская реформация XVI в. разрушила многие средневековые догматы католицизма, но очень скоро принесла свои собственные. Сам родоначальник реформации Мартин Лютер стал беспощадно нетерпимым ко всякому инакомыслию, как только добился впечатляющей победы над католическим догматизмом. Философский бунт Баруха Спинозы против этого новохристианского догматизма, равно как и против догматизма иудейского, лежал в истоках классического либерализма. Однако протест Спинозы против религиозного принуждения и даже его критика Библейских текстов не были проявлениями теофобии, так как в них не было компоненты агрессивного атеизма. Явные симптомы теофобии появились позже в работах французских материалистов и атеистов XVIII в. (например, Клод Адриан Гельвеций, Поль Анри Гольбах).

Таким образом, либеральная идеология коренится в социокультурном расколе Реформации и социально-религиозных воззрениях протестантизма. Философия М. Лютера как идейного вождя Реформации оказала самое серьезное влияние на развитие социально-критического мышления в противовес догматическому средневековому мышлению, положила начало философским теориям самосознания и знания, науки и техники, поставила классическую для европейской культуры и философии проблему свободы, проблему личности и ее новых ценностно-практических ориентаций в хозяйственной практике.

Антикатолицизм протестантов стал главным политическим содержанием Реформации. Серьезное расшатывание католической политической парадигмы в Европе открыло свободный путь тенденциям к секуляризации политики (отрыва ее от «сакральных корней»). Протестантизм, с его теологическими установками, философией, культурой в целом послужил важнейшим переходным этапом между католической формой традиционного общества и политическим (цивилизационным) устройством Нового времени. Таким образом, роль протестантизма в выработке основных парадигм Нового времени велика, а в ряде случаев приоритетна.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 208.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Реформация. См.: Мартин Лютер. 95 тезисов – СПб., 2002. – С. 314-326.
3. Шестая лекция профессора Александра Дугина, прочитанная на Социологическом факультете МГУ им. Ломоносова в рамках курса «Структурная социология». – Режим доступа к изд.: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/020409193214.xhtml> – Систем требования: IBM PC, Internet Explorer.
4. Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520 – 1526 гг. / Пер. с нем., ист. очерк, комментарии Ю.А. Голубкина / Открытое увещание ко всем христианам воздержаться от смуты и мятежа. – Харьков, 1994. – С. 98.

DESACRALISATION AND MYTHOLOGISATION OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE IN THE REFORMATION SOCIOCULTURAL SCHISM

L. A. Budyanskaya

Belgorod State University

e-mail:

Budyanskaya@bsu.edu.ru

The paper deals with the process of desacralisation and mythologisation of the philosophical discourse which took place in the Reformation era. The author observes the problem from the sociocultural approach.

Key words: myth, religion, Reformation, sacralisation.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 347.455.045

ВЗЫСКАНИЕ ПРИЧИТАЮЩИХСЯ ПРОЦЕНТОВ В ДОГОВОРАХ ЗАЙМА, ЗАКЛЮЧАЕМЫХ КРЕДИТНЫМИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМИ КООПЕРАТИВАМИ, И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

А. В. Степанюк

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
AStepanyuk@bsu.edu.ru*

В работе рассмотрен вопрос о проблеме определения правовой природы взыскания причитающихся процентов, уплачиваемых при расторжении договора займа, заключаемого кредитными потребительскими кооперативами. С точки зрения анализа признаков мер оперативного характера и мер гражданско-правовой ответственности формулируется вывод о правовой природе взыскания причитающихся процентов при расторжении договора займа.

Ключевые слова: договор займа; взыскание причитающихся процентов, расторжение договора займа; меры оперативного характера; гражданско-правовая ответственность.

Одним из видов финансовых организаций, активно развивающихся в последние годы, являются кредитные потребительские кооперативы, деятельность которых направлены на удовлетворение финансовых потребностей его членов. В соответствии со ст.4 Федерального закона «О кредитной кооперации» от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ кредитные кооперативы осуществляют свою деятельность путем привлечения займов от юридических лиц и предоставления займов своим членам. Исходя из смысла закона, эти договоры в деятельности кредитного кооператива являются основными. Однако, регламентация конструкции договора займа осуществляется не Законом о кредитной кооперации, а нормами ГК РФ. В гл. 42 «Заем и кредит» ГК РФ содержится ряд законоположений, согласно которым займодавцу предоставляется право досрочного расторжения договора займа в одностороннем порядке, которое сформулировано как право кредитора потребовать досрочного возврата суммы займа вместе с причитающимися процентами.

В частности, возможность воспользоваться указанным правомочием возникает у займодавца в случаях, когда: заемщиком допущено нарушение срока, установленного для возврата очередной части займа, если договором займа предусмотрено возвращение заемных средств по частям (в рассрочку) (п.2 ст.811ГК РФ); заемщиком не выполнены предусмотренные договором обязанности по обеспечению возврата суммы займа, либо произошла утрата обеспечения возврата суммы займа или ухудшение его условий по обстоятельствам, за которые займодавец не отвечает (ст.813 ГК РФ); заемщиком не выполнены условия договора займа о целевом использовании суммы займа, либо нарушена

обязанность по обеспечению возможности осуществления займодавцем контроля за целевым использованием суммы займа (п. 2 ст. 814 ГК РФ).

И здесь необходимо отметить то обстоятельство, что с момента появления первых работ, посвященных изучению правовых понятий, содержащихся в новом ГК РФ, такая категория как «причитающиеся проценты» обратила на себя внимание ряда авторитетных исследователей. Это неудивительно, поскольку «нормы нового ГК РФ, равно как и любых других законов, не в состоянии дать полностью исчерпывающие понятия и формулировки толкований на все случаи жизни при применении их на практике»¹. Таким образом, представляется очевидным, что они правомерно вызывают вопросы, дискуссии, различные оценки и предложения по совершенствованию. Вместе с тем практически единственной проблемой, затрагиваемой учеными в данном контексте, является вопрос определения размера причитающихся процентов – следует ли понимать под причитающимися процентами сумму процентов, начисленных за период фактического пользования заемными средствами или же это проценты за весь срок действия договора?

Представляется, что размер причитающихся процентов, в конечном итоге, будет зависеть от того, является ли их взыскание мерой негативного воздействия, применяемой к заемщику в связи с нарушением договора займа, или же на самом деле речь идет только об исполнении обязанности должника. Следовательно, рассуждения о размере процентов скрывают за собой проблему иного содержания, а именно: изучение правовой природы взыскания причитающихся процентов. Учитывая это, необходимо сделать вывод, что обоснованный ответ на вопрос – в какой сумме проценты должны быть уплачены займодавцу – возможно дать лишь после определения того места, которое занимает взыскание причитающихся процентов в системе институтов гражданского права. И, в частности, важно выяснить положение рассматриваемой категории среди мер правоохранительного характера.

Здесь следует отметить, что законодатель, упоминая в нормах ГК РФ термин «причитающиеся проценты», использует две отличные друг от друга формулировки. Так, в п.2 ст. 811 ГК РФ говорится о досрочном возврате суммы займа «вместе с причитающимися процентами», а в ст. 814 и п.2 ст. 813 ГК РФ указывается, что займодавец вправе требовать «уплаты причитающихся процентов». В связи с этим следует различать тесно связанные между собой понятия: «причитающиеся проценты» как таковые и «уплата причитающихся процентов». Представляется, что это две стороны одного и того же явления, причем, как справедливо указывает С.Л. Дегтярев, «первое определяется как статическое, а второе как динамическое проявление»². Статическая составляющая причитающихся процентов выражается в виде денежной суммы (суммы процентов), возможность получения которой для займодавца утрачивается при расторжении договора, обусловленного нарушением обязательства, допущенного заемщиком. Однако статическая сторона явления начинает интересоваться право, а значит, и регулироваться его нормами, только с момента предъявления займодавцем требования о взыскании причитающихся процентов.

Следовательно, во всех дефинициях, данных в цивилистической литературе и определяющих причитающиеся проценты в качестве одной из мер, направленных на защиту интересов кредитора, речь идет о выделяемом нами динамическом проявлении указанных процентов, то есть – о «взыскании причитающихся процентов». Динамическая составляющая проявляется в том, что участникам материального правоотношения необходимо совершить определенные действия. В соответствии с этим займодавец должен доказать размер подлежащих взысканию причитающихся процентов, а на заемщике лежит обязанность по компенсации утраченной кредитом возможности получения процентов.

Принимая во внимание сказанное, в контексте данной работы, представляется целесообразным и допустимым, имея в виду взыскание причитающихся процентов как гражданско-правовую санкцию, в настоящем исследовании использовать для ее обозначения в общем смысле термины «причитающиеся проценты», «уплата причитающихся процентов» равноценно с основной формулировкой – «взыскание причитающихся процентов».

¹ Андреев В.К. Гражданский кодекс Российской Федерации и новейшее законодательство // Государство и право. 1996. №4. С. 110.

² Дегтярев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: Учебно-практическое пособие. М.: Издательство БЕК, 2001. С. 4.

В цивилистической литературе мнения относительно размера, в котором должны взыскиваться причитающиеся проценты при расторжении договора займа, разделились на две группы. Сторонники первой точки зрения приводят аргументы в пользу того, что причитающиеся проценты есть проценты, которые должны взыскиваться лишь за период, предшествующий расторжению договора. Например, А.В. Аверьянов рассматривает вопрос о размере причитающихся процентов на примере расторжения договора вследствие просрочки возврата очередной части займа (п. 2 ст. 811 ГК РФ). Автор указывает, что «проценты – это вознаграждение или плата за пользование денежными средствами другого лица. Их начисление должно осуществляться за период пользования деньгами. Этот период ограничивается предъявлением к заемщику требования о досрочном возврате суммы займа. Поэтому целесообразно рассматривать «причитающиеся проценты», как проценты за фактическое пользование денежными средствами»³. Очевидно, что, вкладывая в содержание понятия «причитающиеся проценты» такую их сумму, которую займодавец обязан уплатить за период фактического пользования суммой займа, автор рассматривает их лишь в качестве платы, предназначенной займодавцу за предоставленную заемщику возможность пользоваться суммой займа. Указанную точку зрения о размере причитающихся процентов разделяет и А.Дубчинин. Он отмечает, что в случаях, предусмотренных п.2 ст.811, ст.813 и 814 ГК РФ проценты «должны взыскиваться лишь за срок фактического пользования деньгами, то есть до дня их досрочного возврата, поскольку только такая сумма процентов причитается кредитору. Основное назначение указанных норм – обеспечение прав займодавца, правомочного изъять сумму займа, не дожидаясь, когда должник окончательно утратит платежеспособность, а не наказание нерадивого заемщика. К тому же придание процентам функции санкции могло бы быть утверждено формулировкой не о «причитающихся процентах», а о «процентах, которые причитались бы займодавцу, если бы сумма займа не была досрочно истребована»⁴. Несомненным достоинством позиции указанного автора является то обстоятельство, что, в отличие от А.В. Аверьянова, он предпринимает попытку определить сущность изучаемого понятия.

Из приведенного отрывка, на наш взгляд, допустимо сделать вывод, что автор отрицает возможность признания указанных процентов в качестве гражданско-правовой санкции, применяемой к заемщику. Однако, рассмотрев точку зрения А.Дубчинина, представляется необходимым предположить, что взыскание причитающихся процентов относится им к числу так называемых мер оперативного характера. В подтверждение данного вывода следует привести следующие аргументы: во-первых, автор указывает, что при взыскании причитающихся процентов не преследуется цель наказания заемщика за нарушение условий договора. Следовательно, не требуется устанавливать наличие соответствующих условий, которые необходимы для возложения ответственности на нарушителя; во-вторых, по мнению А.Дубчинина, кредитору надлежит применять указанную меру в тот момент, когда должник еще в состоянии произвести действия по уплате долга, т.е. важным фактором здесь выступает фактор оперативности.

Указанной точки зрения придерживается М.В.Карпов. При этом немаловажным обстоятельством является то, что он прямо называет уплату причитающихся процентов оперативной мерой. Автор отмечает, что «к оперативным санкциям, применяемым при нарушении заемщиком обязанности использовать выделенные денежные средства в соответствии с целевым назначением, относится требование о возврате суммы займа и выплате причитающихся процентов до срока, предусмотренного договором»⁵. При этом М.В. Карпов использует термины «меры оперативного характера» и «оперативные санкции» как синонимы.

При ответе на вопрос – является ли «взыскание причитающихся процентов» мерой оперативного характера – следует отметить, что институт мер оперативного характера в отечественной цивилистике на протяжении десятилетий обращает на себя пристальное

³ Аверьянов А.В. Объем гражданско-правовой ответственности за нарушение отдельных видов обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 88.

⁴ Дубчинин А. Некоторые аспекты правового регулирования заемно-кредитных отношений в современных условиях // Хозяйство и право. 1998. №2. С. 87-88.

⁵ Карпов М.В. Кредитные договоры с участием юридических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 28.

внимание ученых-правоведов. Основная проблема, вызывающая активные дискуссии – это определение правовой природы мер оперативного характера. Точки зрения по этому вопросу, существующие в гражданско-правовой литературе, можно разделить на следующие группы:

- оперативные меры являются самостоятельным правовым институтом, относящимся к числу мер защиты субъективных гражданских прав⁶;
- рассматриваемые оперативные меры выступают в качестве разновидности гражданско-правовых санкций⁷;
- меры оперативного характера являются мерами имущественной ответственности⁸.

Не вступая в дискуссию относительно правовой природы мер оперативного характера, следует отметить, что в результате рассмотрения аргументов, приведенных сторонниками названных выше теорий, следует присоединиться к первой точке зрения. Безусловно, что и в настоящее время данный вопрос не утратил своей актуальности и представляет собой предмет самостоятельного диссертационного исследования.

Возрастание роли мер оперативного воздействия в регулировании имущественного оборота в современных условиях отмечается в работах ведущих ученых-цивилистов. Так, В.В. Витрянский подчеркивает, что эта тенденция «связана, прежде всего, с появлением в тексте ГК норм о встречном исполнении обязательств, предоставляющих беспрецедентные права субъекту встречного исполнения по применению мер оперативного воздействия к контрагенту, не предоставившему обусловленное договором исполнение обязательства»⁹.

Важный элемент института мер оперативного характера составляют его признаки. Эта категория в юридической литературе не оставалась без внимания, подобного тому, которое цивилисты уделяли изучению правовой природы оперативных мер. Практически каждое исследование сопровождалось рассмотрением их характерных черт. При этом в ходе научных изысканий мнения авторов по отдельным элементам системы признаков не редко существенно расходились. Представляется, что именно через рассмотрение признаков мер оперативного характера возможно дать ответ на вопрос – относится ли взыскание причитающихся процентов к их числу.

Меры оперативного характера имеют своей задачей охрану прав и интересов управомоченного лица и потому с полным основанием могут быть названы правоохранительными мерами. Этим обстоятельством обуславливается выделение первого признака – *правоохранительный характер мер оперативного воздействия*. Указанный признак находит свое выражение в том, что оперативные меры применяются управомоченным лицом лишь в случае, когда обязанная сторона допустила те или иные нарушения, например не выполнила обязательства в установленный срок, уклоняется от выполнения тех или иных работ, систематически задерживает платежи и т.п. Эта особенность мер правоохранительного порядка сближает их с гражданско-правовыми санкциями, которые применяются также в случаях нарушения тем или иным лицом своих обязанностей. Однако, в отличие от гражданско-правовых санкций, которые в гражданском праве имеют эквивалентно-возмездный характер (а в установленных случаях и штрафной), правоохрани-

⁶ См., например: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. С.127-128; Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М.: Знание, 1973. С.38-39; Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. С.143; Пугинский Б.И. Эффективность мер оперативного воздействия, применяемых социалистическими организациями // Эффективность гражданского законодательства / Под ред. В.П.Грибанова. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 80.

⁷ См., например: Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Имущественная ответственность и оперативные санкции в системе хозяйственного механизма // Правоведение. 1984. №3. С. 31; Жицинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1968. С. 71; Каудыров Т.Е. Гражданско-правовые оперативные санкции в хозяйственных отношениях: Дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1986. С. 178.

⁸ См., например: Бринных Е.В. Оперативные санкции – форма гражданско-правовой ответственности // Советское государство и право. 1969. №6. С.66; Садиков О.Н. Гражданское право в современных условиях // Советское гражданское право. 1967. №2. С. 81; Петров И.Н. Ответственность хозяйственных организаций за нарушения обязательств. М.: Юридическая литература, 1974. С. 10.

⁹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1998. С. 500.

тельные меры оперативного воздействия имеют в значительной мере превентивное, предупредительное значение. Применение их управомоченным лицом устраняет возникновение для него в будущем возможных убытков.

Данную позицию поддерживает Б.И. Пугинский, который указывает, что «средства оперативного воздействия обеспечивают предупреждение или пресечение совершаемого правонарушения. Они служат целям восстановления первоначального положения и позволяют добиваться фактического исполнения обязательства. В ряде случаев они предупреждают нарушение, когда его возможность вероятна»¹⁰.

В числе первых следует также назвать и такой признак, как *юридический характер воздействия оперативных мер*. Выделение этого признака мер оперативного воздействия преследует цель разграничения их и некоторых действий фактического порядка, применяемых гражданами и юридическими лицами и направленных на охрану личных и имущественных интересов. Эти меры достаточно подробно изучены с позиций науки гражданского права В.П. Грибановым. В этой связи он указывает: «В отличие от самозащиты гражданских прав, которая имеет своей целью охрану личности гражданина, права собственности и иных прав организаций и граждан, имеющих вещно-правовой характер, меры оперативного воздействия неразрывно связаны с обязательственными отношениями. Они представляют собой один из видов правовых гарантий, направленных на обеспечение обязательств путем предоставления управомоченной стороне права непосредственного оперативного воздействия на своего неисправного контрагента с целью получения надлежащего исполнения»¹¹.

К рассмотренному признаку тесно примыкает следующая важная особенность – *применение оперативных мер в рамках обязательственного правоотношения*. Итак, меры оперативного воздействия могут использоваться только в рамках обязательственного правоотношения. Это утверждение преследует цель – отмежевать их от некоторых вещно-правовых отношений. Выдвигаемый признак преследует и другую цель – отделение оперативных мер от мер имущественной ответственности, в особенности от оперативно применяемых. В связи с этим Б.И. Пугинский пишет: «Юридическая ответственность традиционно понимается как установление определенных дополнительных лишений для нарушителя обязательства в новом правоотношении. Между тем, применение оперативных мер не означает возникновения между сторонами нового, дополнительного к основному, правоотношения»¹². Эту точку зрения разделяет и Т.Е. Каудыров, который указывает, что «взыскание неустойки и убытков выходит за пределы основного обязательства и составляет дополнительное правоотношение»¹³. В числе оперативно применяемых мер ответственности, которые по характеру реализации сходны с некоторыми мерами оперативного воздействия, следует назвать взыскание штрафа в безакцептном порядке. Подобная санкция была широко распространена в условиях плановой экономики советского периода. В настоящее время в соответствии с п. 1 ст. 854 ГК РФ списание денежных средств со счета осуществляется банком на основании распоряжения клиента. Списание же денежных средств, находящихся на счете, без разрешения клиента допускается по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом (п. 2 ст. 854 ГК РФ). Таким образом, можно сделать вывод, что безакцептный порядок сближает взыскание штрафа с мерами оперативного характера. Тем не менее, несмотря на оперативный (неисковой) порядок применения, неустойка не перестает быть мерой имущественной ответственности, новым, дополнительным к первоначально возникшему, обязательством. Из факта правонарушения рождается новое правоотношение – охранительное, в рамках которого и реализуется право кредитора требовать и обязанность должника уплатить неустойку.

¹⁰ Пугинский Б.И. Указ. соч. С. 81.

¹¹ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Издательство МГУ, 1972. С. 187.

¹² Пугинский Б.И. Указ. соч. С. 80.

¹³ Каудыров Т.Е. Оперативные санкции в системе способов обеспечения гражданско-правовых обязательств // Совершенствование правовых средств борьбы с гражданскими правонарушениями. Сб. научных трудов. Алма-Ата, 1984. С. 55.

Следующий признак, рассматриваемого нами правового института – это *организационное содержание мер оперативного характера*. Сущность названного критерия состоит в том, что главная направленность мер оперативного характера – это создание таких неблагоприятных для правонарушителя условий его деятельности, которые бы соответствовали целям защиты нарушенных прав и интересов кредитора. Эта цель достигается постольку, поскольку в результате применения оперативной меры уполномоченным лицом обязательство подвергается воздействию, которое может выразиться как в преобразовании правоотношения, так и в отказе от определенных действий в интересах недобросовестного контрагента. В первом случае трансформация договорных условий может, например, выразиться в изменении формы расчетов, последовательности исполнения договора. Для второго случая характерны – отказ от договора, отказ от принятия ненадлежащего исполнения и отказ во встречном удовлетворении по причине ненадлежащего исполнения обязательства. Определяя свою позицию в понимании организационного признака, хотелось бы также обратить внимание на высказывание по этому поводу Ю.Г. Басина и А.Г. Диденко. По их мнению, «хотя различие между имущественными и организационными мерами весьма условно, ибо первые также осуществляются в организационных рамках, а вторые также затрагивают имущественные интересы участников правоотношения, привести намечаемое разграничение все же возможно, ориентируясь на то, какой элемент превалирует в конечном случае – имущественный или организационный»¹⁴. В связи с этим следует отметить, что не стоит противопоставлять организационное имущественному, так как нет в чистом виде ни тех, ни других мер. При применении таких мер имущественной ответственности, как взыскание убытков или уплаты неустойки, уполномоченная сторона производит ряд организационных мероприятий: обнаружение нарушений договорных условий, определение размера ущерба, письменное оформление претензионных и исковых требований и т.д. Вместе с тем, применив, например, такую меру оперативного воздействия, как отказ от договора купли-продажи, вследствие передачи некомплектного товара, уполномоченная сторона вынуждает нарушителя нести дополнительные расходы по обратной перевозке, хранению, реализации товаров. Следовательно, можно говорить лишь о преобладании организационных или имущественных моментов. В мерах оперативного воздействия преобладает организационный момент.

Большинством авторов для утверждения тезиса об организационном характере оперативных мер выделяется такой признак, как *неимущественное содержание мер оперативного характера*, получивший достаточное освещение в юридической литературе.

В пользу неимущественной направленности говорит, в частности, утверждение В.П. Грибанова о том, что меры оперативного воздействия, «как правило, не связаны с восстановлением имущественно сферы потерпевшего»¹⁵. В то же время В.Л. Слесарев, используя термин «организационные санкции», в целом поддерживает точку зрения об их неимущественном содержании и также отмечает наличие косвенной связи с отрицательными имущественными последствиями для правонарушителя. Он указывает следующее: «Санкции, пресекающие противоправную деятельность, лишают правонарушителя возможности иметь от ее осуществления определенную имущественную выгоду. Поскольку прекращаются или изменяются имущественные правоотношения, постольку косвенно затрагиваются и имущественные интересы правонарушителя, на удовлетворение которых они были направлены»¹⁶. Сходную позицию занимает и С.С. Алексеев, который отмечает, что оперативные санкции «могут определенным образом воздействовать на имущественную сферу правонарушителя – воздействовать тем, что либо ставят правонарушителя в невыгодное для него организационно-имущественное положение, либо возлагают на него дополнительные тяготы, связанные с ликвидацией последствий правонарушения»¹⁷. Применительно к рассматриваемому нами признаку, в гражданско-правовой литературе встречаются диаметрально противоположные точки зрения. Так, Ю.С. Жи-

¹⁴ Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Защита субъективных гражданских прав // Юридические науки. Выпуск 1. Алма-Ата, 1971. С. 5.

¹⁵ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 191.

¹⁶ Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. С. 26.

¹⁷ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 164-165.

цинский указывает, что «особенности предмета гражданско-правового регулирования проявляются, как специфическая черта делегированных санкций, заключающаяся в том, что эти санкции, как правило, должны быть имущественными, причем имущество, служащее предметом взыскания, не должно находиться во владении правонарушителя»¹⁸.

Рассмотренные выше признаки позволяют определить сущность мер оперативного характера. Следующая группа признаков определяет особенности применения оперативных мер.

И здесь, в качестве определяющей для целей настоящего исследования, следует назвать такую специфическую черту мер оперативного характера, как *односторонний характер применения*. Данный признак приводится практически во всех работах, посвященных проблемам рассматриваемого нами института. Вместе с тем, заметна и разница в понимании этого критерия. На наш взгляд, наиболее последовательно содержание указанного признака раскрыто В.П. Грибановым. Он указывал, что «особенность правоохранительных мер оперативного воздействия состоит в том, что меры эти имеют характер одностороннего действия управомоченного субъекта гражданского правоотношения. Это такие меры, которые применяются к правонарушителю непосредственно самим управомоченным лицом, но во всех без исключения случаях применение их является правом управомоченной стороны и происходит во внесудебном, внеарбитражном и т.п. порядке, т.е. без обращения к компетентным государственным или общественным органам. Именно это обстоятельство дает основание определить эти меры, как правоохранительные меры оперативного характера»¹⁹. Некоторые авторы связывают признак односторонности с наличием или отсутствием в оперативных мерах государственного принуждения. Например, Б.И. Пугинский полностью отрицает его присутствие. По его мнению, меры оперативного воздействия «нельзя определять как санкции, ибо хотя они и являются реакцией на правонарушение, но не требуют использования государственного принуждения. Оперативное воздействие оказывается контрагентами друг на друга непосредственно, без обращения к правоохранительным органам, тогда как применение санкций не может существовать вне деятельности таких органов»²⁰. Другим доводом автора является то, что «средства оперативного воздействия применяются субъектами не от имени государства, а от своего имени, в их действиях реализуются не государственные, а собственные хозяйственные интересы»²¹. Эту позицию разделяет и Т.Е. Каудыров, который для обозначения рассматриваемого нами признака, использует термин «самостоятельность применения». Он указывает, что данный признак означает «возможность применить оперативную санкцию стороной обязательства, как правило, самостоятельно, без обращения в арбитраж, своей властью без учета согласия стороны, к которой применяется мера»²².

Односторонний характер применения обуславливает и ряд особенностей, связанных с условиями применения оперативных мер. Эти особенности позволяют нам отличить меры оперативного воздействия от гражданско-правовых санкций, для применения которых, за сравнительно небольшим исключением, закон предусматривает общие, единые для всех случаев условия.

Во-первых, применение мер оперативного воздействия управомоченным лицом происходит без учета вины правонарушителя. Это обстоятельство, в качестве отличительного признака, первоначально называл Е.В. Бриных²³. В дальнейшем в юридической литературе этот признак получил поддержку у большинства авторов. Действительно, для выяснения вины нарушителя кредитор необходимо учитывать влияние большого числа самых различных факторов. Прежде всего, они связаны с деятельностью самого должника. Но кроме этого, на правомерность его действий может влиять и поведение третьих лиц (перевозчиков, кредитных организаций и т.д.). Следовательно, в момент нарушения и применения оперативной меры кредитор не имеет возможности полностью исследо-

¹⁸ Жицинский Ю.С. Указ. соч. С. 73.

¹⁹ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 189.

²⁰ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. С. 144.

²¹ Там же.

²² Каудыров Т.Е. Гражданско-правовые оперативные санкции в хозяйственных отношениях: Дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1986. С. 80.

²³ Бриных Е.В. Указ. соч. С. 67.

вать вину. При предварительном же ее выяснении меры оперативного воздействия потеряли бы одно из наиболее существенных своих преимуществ – оперативность применения. Напротив, для возложения ответственности вина должна служить необходимым условием, за исключением случаев, предусмотренных законом или договором.

Во-вторых, непеременимыми условиями наступления гражданско-правовой ответственности являются нарушение обязательства контрагентом, наличие убытков у потерпевшего и противоправность поведения должника. Наличие же указанных условий для применения мер оперативного воздействия не обязательно, поскольку они могут служить целям предупреждения вероятных, но еще не совершенных нарушений со стороны контрагента²⁴.

Рассмотренные выше особенности наиболее выгодно подчеркивают мобильность мер оперативного характера и малую подвижность мер имущественной ответственности. Применяя оперативные меры, удается избежать значительного разрыва во времени между правонарушением и моментом правового реагирования. С учетом рассмотренных признаков следует признать, что мерой оперативного характера, безусловно, является досрочное расторжение договора займодавцем в одностороннем порядке.

Говоря же о взыскании причитающихся процентов, можно отметить, что данная мера, как санкция, носит правоохранительный характер, и, кроме этого, полностью соответствует таким признакам, как юридический характер воздействия и применение в рамках обязательственного правоотношения. Однако представляется, что названная мера никоим образом не сочетается с организационным характером воздействия. Наоборот, при взыскании причитающихся процентов непосредственным образом затрагивается имущественная сфера должника, что указывает на преобладание имущественного элемента воздействия. *Таким образом, взыскание причитающихся процентов, по нашему мнению, не относится к числу мер оперативного характера.*

Продолжая исследование вопроса, необходимо отметить, что в противовес позиции, в соответствии с которой причитающиеся проценты взыскиваются за период фактического пользования суммой займа, сторонники противоположной точки зрения исходят из того, что под «причитающимися процентами» следует понимать сумму процентов, взыскиваемых за весь срок действия договора займа. Так, С.А. Хохлов указывает, что причитающимися процентами «следует считать проценты, начисленные за весь период, установленный договором для возврата суммы займа, а не только проценты, начисленные к моменту ее досрочного возврата»²⁵. В своих рассуждениях автор затрагивает лишь вопрос определения размера причитающихся процентов и при этом он оставляет без внимания проблему рассмотрения правовой природы их взыскания. Представляется, что С.А. Хохлов рассматривает взыскание причитающихся процентов лишь, как исполнение в полном объеме лежащей на заемщике обязанности, и не относит эту меру к числу гражданско-правовых санкций. С приведенным мнением в целом сходна и позиция Л.А. Новоселовой. Однако особенность ее подхода состоит в том, что автором предпринимается попытка определения юридической сущности причитающихся процентов. Л.А. Новоселовой критикуется точка зрения тех исследователей, которые считают, что причитающиеся проценты взыскиваются лишь за период пользования заемными средствами. В частности она пишет, что при толковании п. 2 ст. 811 ГК РФ «нельзя не учитывать, что для взыскания процентов за период фактического пользования займом не было необходимости специального указания об этом. Включение в текст статьи специального указания о праве досрочного возврата всей оставшейся суммы с причитающимися процентами, по нашему мнению, свидетельствует о наличии у кредитора права требовать уплаты процентов за весь срок, на который в соответствии с договором предоставлялся заем. Это исключение из общего правила. Взыскание процентов за весь срок можно в данном слу-

²⁴ Пугинский Б.И. Эффективность мер оперативного воздействия, применяемых социалистическими организациями // Эффективность гражданского законодательства / Под ред. В.П.Грибанова. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 81.

²⁵ Хохлов С.А. Заем и кредит (глава 42) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова; Исследовательский центр частного права. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 424; Хохлов С.А. Регулирование денежных отношений // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1975. № 8. С. 94.

чае рассматривать, как своеобразную санкцию, применяемую к допустившему нарушение должнику»²⁶. Указанный подход, выражающийся в рассмотрении причитающихся процентов в качестве санкции, применяемой к неисправному заемщику, нашел поддержку в работах Л.Г. Ефимовой²⁷ и Р.И. Каримуллина²⁸. Важно отметить, что в дальнейшем Л.А. Новоселова уточняет свою позицию, особо подчеркивая, что взыскание причитающихся процентов не является неустойкой²⁹. Это обстоятельство позволяет предположить, что автор, используя термин «санкция» склоняется к рассмотрению взыскания причитающихся процентов в качестве одной из мер гражданско-правовой ответственности.

В указанном контексте имеющей важное значение видится позиция Е.А. Павлодского, который прямо говорит, что взыскание причитающихся процентов носит характер гражданско-правовой ответственности³⁰.

Представляется, что возникшее разночтение в определении правовой природы причитающихся процентов обусловлено следующим обстоятельством: ни в работах по общей теории права, ни в работах, рассматривающих ответственность и связанные с нею смежные вопросы в гражданском праве, не достигнуто определенности в решении проблемы соотношения санкции и ответственности. При этом необходимо отметить, что рассмотрение точек зрения авторов, исследовавших этот вопрос, позволяет сделать следующий вывод – вопрос о соотношении санкции и ответственности, в результате сводится к индивидуальному пониманию санкции и ответственности тем или иным ученым. Это понимание, в свою очередь, зависит от того, какое из понятий – государственное принуждение, обязанность или правовые последствия правонарушения – берутся в качестве основного элемента, определяющего отнесение тех или иных правовых мер к санкциям и мерам ответственности. Таким образом, в настоящее время можно выделить два основных направления в рассмотрении проблемы соотношения санкции и гражданско-правовой ответственности. Первое исходит из того, что санкция и ответственность являются категориями тождественными, равнозначными понятиями³¹. Второе направление исходит из того, что санкция – понятие более широкое, нежели гражданско-правовая ответственность³². О.А. Красавчиков, исследовавший вопрос о соотношении санкций и ответственности, в одной из своих работ дает название рассматриваемой позиции – «концепция приоритета санкций»³³, которое представляется удачным и приемлемым. Данная точка зрения имеет самое большое количество сторонников и, по мнению ее приверженцев, санкция охватывает собой и меры ответственности и иные меры охранительного порядка. Принимая во внимание данную господствующую позицию, можно предположить, что те или иные исследователи, оперируя термином «санкция», рассматривают взыскание причитающихся процентов в качестве меры гражданско-правовой ответственности.

Здесь также необходимо обратить внимание еще на один существенный недостаток, присутствующий в работах большинства авторов, рассматривающих проблему причитающихся процентов. В частности ими не учитывается тот факт, что если под причитающимися процентами понимать проценты, взыскиваемые за весь срок действия договора займа, то их сумма в случае его досрочного расторжения будет неоднородна. Поэтому важным звеном в цепочке рассуждений о правовой природе причитающихся процен-

²⁶ Правовое регулирование банковской деятельности / Под ред. Е.А. Суханова. М.: ЮрИнфоР, 1997. С. 108.

²⁷ Ефимова Л.Г. Банковские сделки. Комментарий законодательства и арбитражной практики. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2000. С. 236.

²⁸ Каримуллин Р.И. Права и обязанности сторон кредитного договора по российскому и германскому праву. М.: Статут, 2001. С. 132.

²⁹ Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. М.: Статут, 2000. С. 120.

³⁰ Павлодский Е.А. Договоры организаций и граждан с банками. М.: Статут, 2000. С. 13.

³¹ См., например: Братусь С.Н. Указ. соч. С. 130-131; Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Издательство МГУ, 1981. С. 102.

³² См., например: Садиков О.Н. Имущественные санкции в хозяйственных договорах // Советское государство и право. 1957. №4. С. 51; Малейн Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968. С. 21; Малейн Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юридическая литература, 1985. С. 150-151.

³³ Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Сб. научных трудов. Вып. 27. Свердловск, 1973. С. 16.

тов, является вопрос структурирования суммы названных процентов. Нам представляется, что причитающиеся проценты включают в себя две составные части.

Первая часть – это проценты, начисленные за период реального использования заемных средств, которые являются соответствующей платой за предоставленную заемщику возможность использования денежных средств. Если под причитающимися процентами понимать эту часть, то будет справедливым предположить, что их упоминание в сочетании с термином «расторжение договора» не является оправданным с точки зрения юридической техники. Этот вывод обусловлен тем, что при условии возмездности заемного обязательства уплата процентов за период, когда заемщик имел фактическую возможность пользоваться денежными средствами до момента досрочного расторжения договора является фактом закономерным, основанным на общей презумпции возмездности гражданско-правовых договоров. Таким образом, в соответствующих статьях ГК РФ не было бы необходимости специально указывать на право требовать уплаты причитающихся процентов.

Вторая же часть – это проценты, начисленные за последующий период до дня, указанного в договоре. Именно в их отношении будет обоснованным говорить о том, что указанная сумма причиталась кредитору, но возможность ее получения была исключена вследствие досрочного прекращения заемного обязательства.

С учетом изложенного в дальнейшем при использовании термина «причитающиеся проценты» в его содержание будет вкладываться сумма процентов, составляющая разницу между процентами, начисленными за период предшествующий расторжению договора займа, то есть за время фактического пользования, и процентами в размере, предусмотренном соглашением участников заемного правоотношения.

Для ответа на вопрос – является ли взыскание причитающихся процентов мерой гражданско-правовой ответственности необходимо рассмотреть данную правовую категорию в соотношении с признаками гражданско-правовой ответственности.

Признаки гражданско-правовой ответственности, как и ее понятие, относятся к числу тех цивилистических институтов, которые на протяжении ряда десятилетий привлекают к себе пристальное внимание ученых-правоведов и вызывают дискуссии. Кроме этого данные признаки, безусловно, являются предметом самостоятельного исследования. В рамках настоящей диссертации не представляется возможным перечислить и рассмотреть все существующие точки зрения по этому вопросу. Однако задача существенно облегчается благодаря тому обстоятельству, что признаки гражданско-правовой ответственности исследовались в работах таких выдающихся правоведов, как С.Н. Братусь, В.П. Грибанов, О.С. Иоффе, И.Н. Петров и др.

В связи со сказанным представляется необходимым рассмотреть специфические особенности гражданско-правовой ответственности. Гражданско-правовая ответственность – это один из видов юридической ответственности, которому свойственны те же черты, что и юридической ответственности вообще. Здесь, прежде всего, следует назвать такой характерный и необходимый признак юридической ответственности, как государственное принуждение. По мнению Н.С. Малеина: «Государственное принуждение выражается в том, что меры ответственности устанавливаются государством в правовых нормах, реализация которых во всех случаях обеспечивается принудительной силой государства»³⁴. Кроме этого государственное принуждение характеризуется тем обстоятельством, что правовая ответственность может быть возложена на правонарушителя только компетентным государственным органом (судом) в пределах предоставленных ему полномочий. Указанным критериям соответствует и гражданско-правовая ответственность. Следовательно, будет правомерным сказать о том, что *гражданско-правовой ответственности присущ государственно-принудительный характер.*

Вместе с тем, как указывает О.С. Иоффе «особенность гражданско-правовой ответственности состоит в том, что и после совершения правонарушения его последствия могут быть устранены добровольно самим правонарушителем, без вмешательства судебных или иных государственных органов, в силу одной лишь возможности принуждения»³⁵.

³⁴ Малеин Н.С. Указ. соч. С. 134.

³⁵ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство ЛГУ, 1955. С. 9.

Действительно, гражданское законодательство не содержит никаких препятствий для добровольного исполнения обязанностей, составляющих содержание ответственности. Так, гражданин или юридическое лицо, виновные в нарушении договора, могут в добровольном порядке удовлетворить требование кредитора, о возмещении причиненного ущерба, возместив убытки или уплатив сумму неустойки. Однако и при добровольном исполнении обязанностей, являющихся содержанием ответственности, государственное принуждение остается ее необходимым характерным признаком. Таким образом, если добровольного исполнения со стороны должника не последует, ответственность будет реализована через судебные органы.

Государственное принуждение, безусловно, находит свое отражение и при уплате причитающихся процентов. Так, заемщик, не оспаривающий обоснованность требований, предъявляемых займодавцем, может добровольно уплатить причитающиеся проценты. Однако если он, по каким-либо обстоятельствам отказывается это сделать, то займодавец правомочен, требовать расторжения договора и взыскания причитающихся процентов в судебном порядке.

Ответственность по гражданскому праву характеризуется тем, что составляет ответственность одного участника гражданско-правовых отношений перед другим, ответственность правонарушителя перед потерпевшим. Это связано с тем, что гражданское право регулирует отношения, складывающиеся между равноправными и независимыми (автономными) субъектами. В имущественном обороте нарушение обязанностей одним участником всегда влечет за собой нарушение прав другого участника. Поэтому санкция, применяемая за допущенное нарушение, всегда имеет своей целью восстановление или компенсацию нарушенного права потерпевшего. Те же отдельные случаи, когда законодательство предусматривает обращение санкций в пользу государства, представляет собой исключение, подтверждающее общее правило, и свидетельствует о том, что допущенное правонарушение затрагивает интересы государства и общества (публичные интересы), что и предопределяет применение мер принуждения конфискационного характера.

Действительно, в случае, когда происходит расторжение договора займа, нет никаких объективных оснований для взыскания причитающихся процентов в доход государства, а не в пользу кредитора. Этот вывод косвенно подкрепляется также и тем обстоятельством, что возможность участия государства в заемном правоотношении в качестве займодавца законом практически исключена.

Один из основных признаков гражданско-правовой ответственности – это ее имущественный характер. Его выделение обусловлено предметом регулирования норм гражданского права. Как указывает В.П. Грибанов: «Поскольку гражданское законодательство регулирует, главным образом, имущественные отношения, связанные с использованием товарно-денежных форм в народном хозяйстве, то, очевидно, и гражданско-правовая ответственность должна соответствовать характеру регулируемых общественных отношений»³⁶. Уплата причитающихся процентов, взыскиваемых с должника в определенной сумме денежных средств, безусловно, отвечает указанному признаку, поскольку деньги, в соответствии со ст. 128 ГК РФ, являются имуществом.

Следующий признак – это компенсационный характер мер гражданско-правовой ответственности. Он обусловлен тем, что гражданско-правовая ответственность с целью стабилизации гражданского оборота призвана гарантировать его участникам защиту правомерных экономических интересов³⁷.

В литературе существует несколько трактовок названного признака. Так, по мнению И.Н.Петрова, компенсационный характер имущественной ответственности «должен гарантировать не только сохранение имущественной массы кредитора, но и обеспечивать ее увеличение, равное по сумме доходам, которые хозорган-кредитор, исходя из нормальных условий хозяйствования, получил бы при выполнении должником обязательств».

³⁶ Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М.: Знание, 1973. С. 44.

³⁷ Петров И.Н. Характерные черты гражданско-правовой ответственности // «Ученые записки ВНИИСЗ». Выпуск 20. М., 1970. С. 57-58.

ва»³⁸. В свою очередь К.В. Нам указывает, что «компенсационность подразумевает восстановление экономического положения потерпевшей стороны, как если бы договор нарушен не был»³⁹. Очевидно, что приведенные выше определения принципиальных отличий не имеют и только подчеркивают направленность применения мер гражданско-правовой ответственности на восстановление имущественного положения кредитора с учетом тех выгод, получение которых обусловлено надлежащим исполнением обязательства.

Указанный признак находит свое проявление и при взыскании причитающихся процентов. Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на тот очевидный факт, что среди участников заемного правоотношения наиболее уязвимым является положение займодавца. Этот вывод обуславливается присутствием в обязательственных, и в частности в заемных, отношениях элемента риска. При этом как подчеркнул Н.Г. Вавин, «передача имущества в заем является наиболее рискованной сделкой»⁴⁰.

Говоря о категории «риск», необходимо обратиться к мнению В.М.Танаева, который указывает, что наличие риска в окружающем мире – это объективный факт⁴¹, а экономический риск является «ядром свободного экономического развития»⁴². Далее на основе анализа норм ГК РФ автором делается вывод о существовании нескольких групп «рисков», различающихся по своему характеру. В их числе он выделяет и группу обязательственных рисков. Присоединяясь к мнению автора, следует особо обратить внимание на риск невозвращения денежных средств, под угрозой которого неизбежно находится займодавец. В случае же, когда заемщик нарушает условия договора займа, данный риск значительно увеличивается, угроза невозвращения заемной суммы принимает реальные очертания. Поэтому вполне оправданным является то обстоятельство, что законодатель, исходя из соображений защиты прав кредитора, предоставляет ему возможность расторгнуть договор в одностороннем порядке по своему усмотрению и потребовать уплаты причитающихся процентов. Однако, реализуя это право вследствие недобросовестного поведения заемщика и прекращая, таким образом, обязательство, займодавец утрачивает возможность получения процентов за весь срок договора. Следует заметить, что в этом случае кредитор не лишается своего наличного имущества. Поэтому здесь нельзя вести речь о восстановлении того положения, которое существовало до нарушения договора.

Как указывает Ю.С. Жицинский, «вступая в обязательство, кредитор заинтересован, прежде всего, в реализации той цели, ради которой возникло обязательственное правоотношение»⁴³. И в этой связи заслуживает быть отмеченной проблема интереса в гражданском праве, одной из основных проблем которого является взаимосвязь интереса и субъективного гражданского права. Так, по мнению ряда ученых интерес не входит в содержание субъективного гражданского права, и поэтому предоставление законом того или иного права и обусловлено наличием того или иного интереса⁴⁴. В свою очередь О.С. Иоффе, отмечая важнейшее значение интереса рассматривал, его как элемент содержания субъективного права, в котором заключается смысл закрепленного за кредитором права⁴⁵.

Рассмотрение приведенных мнений позволяет нам присоединиться к первой точке зрения. С этой позиции в договоре займа, заключенном на возмездной основе, основным интересом у займодавца, наряду с получением основной суммы заемных средств, является также получение соответствующего вознаграждения в виде процентов в разме-

³⁸ Петров И.Н. Ответственность хозяйственных органов за нарушение обязательств. М.: Юридическая литература, 1974. С. 132.

³⁹ Нам К.В. Основные направления развития института договорной ответственности в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 9.

⁴⁰ Вавин Н.Г. Договор займа по Гражданскому кодексу. Догматический очерк с приложением соответствующего законодательного материала. М.: Издательская секция ВСЕРОКОМПРОМа, 1923. С. 20.

⁴¹ Танаев В.М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе РФ // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С.С. Алексеева. Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Росийская школа частного права. Уральское отделение. М.: Статут, 2000. С. 19.

⁴² Там же. С. 8.

⁴³ Жицинский Ю.С. Указ. соч. С. 61.

⁴⁴ См., например: Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и прав. 1967. № 1. С.59-56; Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 133-141.

⁴⁵ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. С. 50.

ре, установленном соглашением сторон. Следовательно, при досрочном расторжении договора отрицательному воздействию подвергается этот имущественный интерес займодавца. Законодательство же предусматривает возможность удовлетворения правомерно-го интереса кредитора, предоставив ему право требовать взыскания причитающихся процентов. При их получении положение займодавца приводится в то состояние, которое имело бы место в случае, если его права не были бы нарушены. Поэтому в данном случае будет правомерным говорить именно о компенсации, которая обусловлена утратой для займодавца возможности удовлетворить соответствующий имущественный интерес.

Справедливость приведенного суждения можно проиллюстрировать, указав на факт существования в англо-американском праве определенной группы договорных интересов, подлежащих правовой защите. Среди них, прежде всего, заслуживает быть отмеченным так называемый «положительный договорной интерес» (*expectancy interest*). По мнению А.С. Комарова, он заключается в том, что «потерпевшая сторона должна быть поставлена при возмещении убытков в такое же положение (насколько это возможно с помощью денег), в каком она находилась бы, если бы договор был исполнен»⁴⁶.

Возложение имущественных последствий на лицо, нарушившее гражданские права и обязанности, будет иметь характер гражданско-правовой ответственности только в том случае, если должник безвозвратно лишится части своей собственности. Однако при этом названные последствия должны носить для него характер материальных потерь. Таким образом, *гражданско-правовая ответственность есть возложение невыгодных имущественных последствий на нарушителя гражданских прав и обязанностей*. Как указывает С.Н. Братусь невыгодные имущественные последствия для должника «возникают в том случае, когда возмещаемые им убытки или уплаченная неустойка превышают те выгоды, которые создаются для него вследствие неисполнения обязанности»⁴⁷.

Противником выделения данной характерной черты является В.А. Хохлов. Он считает, что «в действительности акт применения гражданско-правовой ответственности может не приводить ни к дополнительным обременениям, ни к наказанию»⁴⁸. Для примера приводится случай, когда должник, получивший средства в порядке предварительной оплаты, длительное время не поставляет товар, и в этом случае взысканные с него убытки могут быть как больше, так и меньше того блага, которое возникло у должника при удержании и использовании (например, реализации по более высокой цене) товара.

Однако нам представляется, что независимо от того, извлек должник выгоду из своего нарушения или нет, элемент «негативности последствий», «обременительности» для него сохраняется, поскольку расходы, связанные с возмещением убытков, должнику нежелательны и уплачиваются им за счет полученной прибыли. Помимо этого, согласно общему правилу п. 2 ст. 15 ГК РФ, за кредитором сохраняется право пересчитать взыскиваемые убытки до размера фактической выгоды кредитора. Таким образом, элемент невыгодности, отрицательный характер гражданско-правовой ответственности для должника будет присутствовать всегда.

В связи со сказанным обращает на себя внимание еще один аспект точки зрения В.А. Хохлова. Он заключается в том, что сущность предложенной им концепции гражданско-правовой ответственности раскрывается через фигуру кредитора и возникновение у него последствий правонарушения. «Суть такого акцента ясна – главной задачей является возмещение кредитору, а не изъятие у должника, к изменениям имущественной сферы которого закон индифферентен»⁴⁹.

С правомерностью подобного взгляда следует согласиться лишь отчасти. Действительно, конечный результат применения мер ответственности это компенсация потерь понесенных кредитором, восстановление нарушенного положения. Однако выделение негативных последствий, возникающих на стороне должника, необходимо, поскольку с учетом этого обстоятельства в определенной мере производится разграничение таких мер ответственности как убытки и неустойка. Кроме этого, утверждению о безразличии

⁴⁶ Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юридическая литература, 1991. С. 108.

⁴⁷ Братусь С.Н. Указ. соч. С. 91.

⁴⁸ Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 1998. С. 21.

⁴⁹ Хохлов В.А. Указ. соч. С. 24.

закона по отношению к положению должника можно противопоставить положение ст. 333 ГК РФ, допускающее снижение размера неустойки в случае ее явного несоответствия последствиям нарушения.

Говоря о взыскании причитающихся процентов, следует предположить, что сумма процентов, составляющая разницу между процентами, начисленными за период фактического действия договора займа, и процентами в размере, предусмотренном соглашением сторон, является для заемщика последствием отрицательного характера, поскольку их уплата не обусловлена пользованием заемными средствами. Очевиден тот факт, что в большинстве случаев заемщик, вследствие досрочного возврата суммы займа, будет лишен возможности достижения того результата, к которому он стремился в полном объеме. Поэтому должник будет вынужден уплачивать причитающиеся проценты не за счет тех доходов, которые были бы им получены в результате деятельности, для осуществления которой привлекались заемные средства, а за счет иных поступлений, связанных с заключением новых договоров с другими контрагентами (например, новых займов, средств, полученных от продажи имущества).

К рассмотренному признаку тесно примыкает и другая особенность гражданско-правовой ответственности, которая состоит в соответствии размера ответственности размеру причиненного вреда или убытков⁵⁰.

Несмотря на то, что к должнику применяются последствия в виде возложения на него дополнительного бремени гражданско-правовая ответственность должна носить характер эквивалентного возмещения причиненного вреда или убытков. Этот вывод предопределяется конечной целью ответственности – восстановлением имущественной сферы потерпевшей стороны. Данное правило направлено на недопущение неосновательного обогащения кредитора за счет должника. Вместе с тем, следует отметить, что в гражданском законодательстве имеются определенные положения, свидетельствующие о заведомо неэквивалентном по отношению к убыткам, причиненным в результате правонарушения, характере применяемых мер имущественной ответственности. Но данное обстоятельство носит исключительный характер и лишь подчеркивает действие общего принципа. Иллюстрацией к сказанному могут служить нормы о штрафной неустойке (абз. 2 п. 1 ст. 394 ГК РФ), когда убытки могут быть взысканы в полном объеме сверх законной или договорной неустойки.

Далее, гражданско-правовая ответственность характеризуется тем, что ее основания и размеры могут быть установлены соглашением участников правоотношения. Выделение этого признака обусловлено действием такого принципа гражданского права, как свобода договора, который вместе с равенством участников гражданских отношений и рядом иных принципов относится ст. 1 ГК РФ к числу основных начал гражданского законодательства. Толкование положений, содержащихся в ст. 813 ГК РФ и п. 2 ст. 814 ГК РФ и предусматривающих применение санкции в виде взыскания причитающихся процентов, позволяет сделать вывод о возможности изменения этого условия соглашением сторон. В частности, участники заемного правоотношения могут изменить размер процентов в сторону снижения, либо даже полностью исключить возможность их взыскания. По мнению Л.А. Новоселовой, в отличие от указанных выше норм, право кредитора на досрочное расторжение договора и взыскание причитающихся процентов, предусмотренное п. 2 ст. 811 ГК РФ, не может быть ограничено в договоре⁵¹. В связи с этим следует сделать вывод, что данное законоположение является императивным и, следовательно, стороны лишены возможности изменить своим соглашением условие о взыскании причитающихся процентов. Представляется, что подобное ограничение свободы усмотрения сторон в определении условий договора не является оправданным.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что взыскание причитающихся процентов отвечает в полной мере вышеперечисленным признакам гражданско-правовой ответственности. При этом наиболее полно и четко данная санкция раскрывается через такие специфические черты, как компенсационный характер мер ответственности и невыгодный характер имущественных последствий для должника. Таким обра-

⁵⁰ Ефимова Л.Г. Ответственность и распределение убытков в расчетных отношениях // Государство и право. 1995. №12. С. 27.

⁵¹ Новоселова Л.А. Указ. соч. С. 120.

зом, взыскание причитающихся процентов будет допустимым отнести к числу мер гражданско-правовой ответственности.

Противники подобного подхода могут возразить, что взыскание причитающихся процентов не укладывается в рамки известных определений гражданско-правовой ответственности. Конечно, для полного ответа на подобное замечание следовало бы осветить все точки зрения, высказанные в юридической литературе по указанному вопросу. Но поскольку названная проблема не составляет предмет настоящего исследования, представляется допустимым ограничиться определением, данным О.С. Иоффе, которое берется за основу в большинстве работ, посвященных ответственности в гражданском праве и в наибольшей степени отражает сущность рассматриваемого понятия. По мнению О.С. Иоффе, «гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей»⁵². Однако, сформулировав определение, безусловно, ставшее эталоном для отечественной цивилистики, автор достаточно скупо раскрывает сущность отрицательных последствий, составляющих необходимый элемент всякой меры правовой ответственности. Так, О.С. Иоффе пишет: «Ответственность же, являющаяся следствием неисполнения обязанности, должна выражаться либо в замене неисполненной обязанности новой обязанностью, как это, например, имеет место при возложении на лицо, причинившее вред, обязанности по его возмещению, либо в присоединении к нарушенной обязанности новой, дополнительной обязанности, как это, например, имеет место при возложении на хозорган, нарушивший договор, обязанности исполнить договор и возместить причиненные неисполнением убытки, либо в лишении права, из которого вытекала нарушенная обязанность, как это, например, имеет место при судебном изъятии в доход государства жилого строения собственника, не выполняющего обязанности по его ремонту»⁵³. Необходимо отметить, что названный О.С. Иоффе негативный результат в виде лишения права присутствует во всех формах имущественной ответственности. Так, при взыскании неустойки или возмещении убытков должник лишается права собственности на определенную часть своего имущества, которое передается кредитору. Однако в данном случае мы скорее сталкиваемся с тем общим итогом отрицательного воздействия, которому подвергается должник вследствие применения к нему мер гражданско-правовой ответственности. В связи с этим следует сделать вывод, что лишение права не должно рассматриваться в качестве отрицательного последствия характеризующего взыскание причитающихся процентов, как форму имущественной ответственности.

Взыскание причитающихся процентов, строго говоря, нельзя признать и новой обязанностью заемщика. Необходимая степень новизны отсутствует в силу того, что обязанность уплачивать проценты уже существовала, поскольку была предусмотрена соглашением сторон.

С другой стороны при досрочном возврате суммы займа, рассматриваемом в качестве одностороннего расторжения договора, заемное обязательство, а, следовательно, права и обязанности сторон, прекращается. Соответственно, прекращается и обязанность уплачивать проценты за период времени, когда заемщик суммой займа уже не пользуется. Но законодатель возлагает на заемщика бремя уплаты причитающихся процентов и, таким образом, устанавливается дополнительная обязанность, которую лишь условно и с определенной оговоркой следует рассматривать в качестве новой. Оговорка здесь заключается в том, что обязанность платить проценты за пользование суммой займа безусловно существовала, но не было обязанности платить проценты, не обусловленной возможностью заемщика использовать денежные средства в своих интересах. Взыскание причитающихся процентов дополняет обязанности заемщика по возврату суммы займа и уплате процентов за период ее фактического пользования.

С учетом сказанного можно сделать вывод, что взыскание причитающихся процентов допустимо рассматривать как меру гражданско-правовой ответственности, выражающейся в возложении на должника новой, дополнительной обязанности.

⁵² Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 97.

⁵³ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство ЛГУ, 1955. С. 14.

Список литературы

1. Андреев В.К. Гражданский кодекс Российской Федерации и новейшее законодательство // Государство и право. 1996. №4. С. 110.
2. Дяттерев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: Учебно-практическое пособие. М.: Издательство БЕК, 2001. С. 4.
3. Аверьянов А.В. Объем гражданско-правовой ответственности за нарушение отдельных видов обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 88.
4. Дубчинин А. Некоторые аспекты правового регулирования заемно-кредитных отношений в современных условиях // Хозяйство и право. 1998. №2. С. 87-88.
5. Карпов М.В. Кредитные договоры с участием юридических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 28.
6. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. С. 127-128.
7. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М.: Знание, 1973. С. 38-39.
8. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. С. 143.
9. Пугинский Б.И. Эффективность мер оперативного воздействия, применяемых социалистическими организациями // Эффективность гражданского законодательства / Под ред. В.П. Грибанова. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 80.
10. Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Имущественная ответственность и оперативные санкции в системе хозяйственного механизма // Правоведение. 1984. №3. С. 31.
11. Жищинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж: ВГУ, 1968. С. 71.
12. Каудыров Т.Е. Гражданско-правовые оперативные санкции в хозяйственных отношениях: Дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1986. С. 178.
13. Бриных Е.В. Оперативные санкции – форма гражданско-правовой ответственности // Советское государство и право. 1969. №6. С. 66.
14. Садиков О.Н. Гражданское право в современных условиях // Советское гражданское право. 1967. №2. С. 81.
15. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушения обязательств. М.: Юридическая литература, 1974. С. 10.
16. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1998. С. 500.
17. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: МГУ, 1972. С. 187.
18. Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Защита субъективных гражданских прав // Юридические науки. Выпуск 1. Алма-Ата, 1971. С. 5.
19. Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. С. 26.
20. Хохлов С.А. Регулирование денежных отношений // Вестник ВАС РФ. 1975. № 8. С. 94.
21. Ефимова Л.Г. Банковские сделки. Комментарий законодательства и арбитражной практики. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2000. С. 236.
22. Каримуллин Р.И. Права и обязанности сторон кредитного договора по российскому и германскому праву. М.: Статут, 2001. С. 132.
23. Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. М.: Статут, 2000. С. 120.
24. Павлодский Е.А. Договоры организаций и граждан с банками. М.: Статут, 2000. С. 13.
25. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: МГУ, 1981. С. 102.
26. Садиков О.Н. Имущественные санкции в хозяйственных договорах // Советское государство и право. 1957. №4. С. 51.
27. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, 1968. С. 21.
28. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: ЛГУ, 1955. С. 9.
29. Петров И.Н. Характерные черты гражданско-правовой ответственности // «Ученые записки ВНИИСЗ». Выпуск 20. М., 1970. С. 57-58.
30. Нам К.В. Основные направления развития института договорной ответственности в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 9.
31. Вавин Н.Г. Договор займа по Гражданскому кодексу. Догматический очерк с приложением соответствующего законодательного материала. М.: Издательская секция ВСЕРОКОМПРО-Ма, 1923. С. 20.
32. Танаев В.М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе РФ // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. С.С.Алексеева. Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение. М.: Статут, 2000. С. 19.

33. Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и прав. 1967. № 1. С. 59-56.
34. Крашенинников, Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 133-141.
35. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: ЛГУ, 1949. С. 50.
36. Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юридическая литература, 1991. С. 108.
37. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 1998. С. 21.
38. Ефимова Л.Г. Ответственность и распределение убытков в расчетных отношениях // Государство и право. 1995. №12. С. 27.
39. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 97.

COLLECTING OF DUE PERCENT IN THE CONTRACTS OF THE LOAN CONCLUDED BY CREDIT CONSUMER COOPERATIVE SOCIETIES, AND A PROBLEM OF DEFINITION OF HIS LEGAL NATURE

A. V. Stepanyuk

Belgorod State University

e-mail:

AStepanyuk@bsu.edu.ru

The work considers the problem of definition of the legal nature of collecting of the due percent paid at cancellation of the contract of the loan, concluded by credit consumer cooperative societies. From the point of view of the analysis of attributes of measures of operative character and measures of the civil-law responsibility the conclusion about the legal nature of collecting of due percent is formulated at cancellation of the contract of the loan.

Key words: the contract of the loan; collecting of due percent, cancellation of the contract of the loan; measures of operative character; the civil-law responsibility.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГРУЗОПОЛУЧАТЕЛЯ В ДОГОВОРЕ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА

С. В. Тычинин¹
А. В. Пересыпкин²

*Белгородский
государственный
университет*

¹*e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru*

²*e-mail: per-av@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме определения правового положения грузоперевозчика в договоре перевозки груза. Выводы и предложения, содержащиеся в статье, могут быть использованы при совершенствовании законодательства в сфере грузоперевозок.

Ключевые слова: договор перевозки грузов, правовое положение, грузополучатель, заключение договора, порядок оплаты, конструкция договора.

Эффективное регулирование отношений не возможно без определения правового положения лиц, участвующих в них. Однако конструкции далеко не всех существующих договоров позволяют сделать это достаточно чётко и однозначно, что порождает проблемы, как теоретического, так и практического характера.

Из содержания ч. 1 ст. 785 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ следует, что субъектами договора перевозки груза являются перевозчик груза, отправитель груза и «управомоченное на получение груза лицо (получатель)». Но если признание сторонами грузоотправителя и грузоперевозчика не подвергается сомнению, то относительно статуса грузополучателя единого подхода нет².

В.Т. Смирнов, рассматривая ситуацию, при которой грузополучатель, не выступающий в качестве грузоотправителя и тем самым не принимающий участия в заключении договора, несмотря на это приобретает права и несет перед перевозчиком определенные обязанности, приходит к выводу, что это договор в пользу третьего лица³. Как отмечается, недостатком данной точки зрения является то, что на третье лицо не могут быть возложены какие-либо обязанности, тогда как у грузополучателя они имеются⁴.

К.К. Яичков, анализируя этот же вопрос, разделял перевозочный процесс на две части. Первая – возникающая непосредственно из договора перевозки, вторая – обязательственное отношение между перевозчиком и получателем, вытекающее исключительно из закона. Тем самым делается вывод о том что, получатель груза – третье лицо находится «...вне правоотношений с участниками договора перевозки...», а договор стоит рассматривать с позиций договора об исполнении третьему лицу⁵. Действующий ГК РФ (ст. 785) предусматривает, что грузополучатель имеет определенные права и обязанности, основанные на договоре, а потому факт правоотношения с участниками договора на лицо и применение данного подхода видится весьма сомнительным.

Л.И. Рапопорт и М.К. Александров-Дольник высказывали мнение, что грузоотправитель и грузополучатель представляют одну сторону, а перевозчик – другую, т.к. грузополучатель вправе передавать грузоотправителю свои права по требованию к перевозчику, и что при полной утрате груза и переборе провозных платежей право требования в одинаковой мере принадлежит как грузоотправителю, так и грузополучателю, в зависимости от того, кто из них располагает необходимыми для его предъявления документа-

¹Гражданский кодекс РФ. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

²Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 4. М.: Статут., С. 433.

³См.: Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. II. С. 384 (авторы – В.Т. Смирнов и Д.А. Медведев); Гражданское право России. Ч. II. (автор – О.Н. Садиков). Обязательственное право. М., 1997. С. 378.

⁴Егиазаров В.А. Транспортное право: Учебное пособие. М., 1999. С. 43.

⁵Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. М., 1958. С. 144.

ми⁶. Но, рассматривая указанную позицию, В.А. Егиазаров справедливо отмечает, что данное утверждение не может быть принято в силу различия прав, обязанностей и ответственности грузоотправителя и грузополучателя⁷.

М.А. Тарасов приходит к выводу, что договор перевозки есть «договор особого рода, в котором грузополучатель является самостоятельным субъектом, наделённым определёнными правами и обязанностями, а не третьим лицом или единой с грузоотправителем стороной»⁸. Временем же вступления грузополучателя в договор будет момент принятия им транспортной квитанции (коносамента). Представляется, что при нормальном развитии отношений, вытекающих из договора перевозки, не возникает вопроса о требованиях к перевозчику, обусловленных предъявлением грузовой квитанции⁹. Кроме того, по нашему мнению, не совсем обосновано введение в оборот «особых субъектов» без раскрытия их специфики.

М.Г. Масевич, В.А. Егиазаров обосновывают позицию, по которой грузополучатель выступает в качестве самостоятельной стороны договора, указывая на то, что «...права и обязанности грузополучателя в этом соглашении основаны на его собственном волеизъявлении», которое выражается в принятии грузовой квитанции (коносамента)¹⁰. Хотя участие в заключении договора, определении его условий ставит под сомнение полноценность грузополучателя как стороны.

По нашему мнению существующий договор перевозки груза действительно ближе всего стоит к конструкции договора в пользу третьего лица, но вопрос в том, насколько обосновано её применение к грузоперевозкам в современной России.

Дискуссия по вопросу определения статуса грузополучателя была направлена лишь на объяснение и констатацию уже существующего определения договора перевозки груза и не ставила своей целью выработку его оптимальной конструкции. Хотя В.А. Егиазаров и замечал, что современная формулировка договора, которая содержится в ст. 785 ГК РФ полностью соответствует определению договора о перевозке грузов ст. 377 ГК РСФСР¹¹ и ст. 99 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик¹².

Парадокс заключается в том, что, несмотря на разгосударствление транспортной системы, один из основных договоров, опосредующий применение транспорта, остался неизменным. Но если в период существования административно-командной системы хозяйствования рассмотрение в качестве центральных фигур грузоотправителя и грузоперевозчика было обосновано и целесообразно, то в условиях рыночной экономики на первое место выходит грузополучатель, выступающий как потребитель соответствующих услуг. Следовательно провозглашение грузополучателя стороной договора уже перестаёт иметь исключительно теоретическое значение и необходимо для признания, учёта и соблюдения прав грузополучателя.

В связи с этим имеет смысл рассмотреть и соотнести правомочия грузоотправителя и грузополучателя с их целями участия в договоре в момент заключения договора грузоперевозки. Так грузоотправитель (если лицо не выступает одновременно и в качестве грузоотправителя и в качестве грузополучателя) заинтересован в том, чтобы выдать груз в срок и в надлежащем состоянии грузоперевозчику на погрузку. Желание полной реализации условий договора у грузоотправителя может и отсутствовать, а в тех же случаях когда оно всё-таки есть – юридически ни к чему не обязывает и не приводит. Дальнейшая судьба груза, грузоотправителя по большому счёту не интересует, так как ответственность за сохранность груза на момент выдачи, своевременную доставку и т.п. по общему правилу несёт уже грузоперевозчик.

⁶См.: Рапопорт Я.И. Правовое положение грузополучателя в договоре грузовой железнодорожной перевозки // Научные записки Харьковского института советской торговли. Вып. VI. Харьков. 1957. С. 171 – 173; Александров-Дольник М.К. Содержание договора грузовой перевозки // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 107.

⁷Егиазаров В.А. Транспортное право: учебник (издание четвертое, переработанное и дополненное). М., ЗАО Юстицинформ, 2007. С. 57.

⁸Тарасов М.А. Договор перевозки по советскому праву. М., 1954. С. 34.

⁹Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 4. М.: Статут, С. 442.

¹⁰Масевич М.Г. Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета. Алма-Ата., 1964. С. 172 – 174.

¹¹Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Свод законов РСФСР. т. 2. С. 7.

¹²Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

Что касается цели участия в договоре грузополучателя, то он как раз-то заинтересован в получении груза в установленном пункте назначения, в срок, в надлежащем состоянии, т.е. фактически его цель – полная реализация условий договора, а потому было бы логично и обосновано предусмотреть его участие в процессе заключения договора. Однако на настоящий момент договор с грузоперевозчиком заключает только грузоотправитель, по своему усмотрению выбирая контрагента, оговаривая условия договора, порядок оплаты предоставленной услуги. Получается, что договор заключает лицо, которое изначально имеет в договоре только «усечённый» интерес.

Необоснованно слабые позиции имеет грузополучатель и уже в самом процессе осуществления грузоперевозки. Грузоотправитель, который при заключении договора самостоятельно выбирал грузоперевозчика и, следовательно, имел для этого определённые основания (наличие опыта взаимного сотрудничества, хорошая репутация) помимо этого обладает таким действенным способом обеспечения своих интересов как оплата услуги по перевозке. Грузоперевозчик также имеет возможность обеспечения своих интересов, путём удержания груза в обеспечение причитающихся ему провозной платы и платежей согласно ч. 4 ст. 790 ГК РФ. У грузополучателя аналогичный инструмент воздействия на контрагентов для стимулирования их надлежащего поведения отсутствует.

Таким образом, на наш взгляд, конструкция договора, предусмотренная ст. 785 ГК РФ не отвечает современным жизненным реалиям, а потому необходимо предпринять ряд мер по совершенствованию договора, конкретнее – по «усилению» статуса грузополучателя. Для этого имеет смысл внести изменения в порядок заключения договора, оплату услуг по перевозке и в саму формулировку договора.

Во-первых, можно предложить легальное закрепление трёх возможных видов порядка заключения договора перевозки грузов в зависимости от того, по чьей инициативе заключается сделка. Первый, когда инициатором заключения договора выступает грузоотправитель. Второй – инициатор-грузополучатель. И третий вид, когда инициатором выступает грузоотправитель одновременно являющийся грузополучателем.

Важным является установление требования обязательности участия грузополучателя в заключении договора во всех случаях. Это может быть осуществлено следующим образом. Если договор заключается грузоотправителем, имеет смысл предусмотреть необходимость предварительного получения одобрения от грузополучателя заключения договора именно на этих условиях и с конкретным перевозчиком (что, во-первых, исключит дальнейшие рассуждения относительно наличия-отсутствия «молчаливого согласия грузополучателя с условиями данного договора»¹³, во-вторых, подтвердит согласие на приемку надлежащего груза). В случае же когда договор заключается по инициативе грузоперевозчика целесообразно предусмотреть необходимость предварительного уведомления грузоотправителя о заключенном договоре, благодаря чему последний сможет подготовиться к предоставлению груза в нужном объёме в положенные сроки.

Так же необходимо закрепить право сторон по своему усмотрению определять, кем и в каком порядке будет осуществляться оплата услуги по перевозке. Возможны следующие варианты: полная оплата производится грузоотправителем; полная оплата производится грузополучателем; или же – грузоотправителем и грузополучателем в долях. Последнее возможно, например, когда грузоотправитель авансирует часть суммы, а грузополучатель, по принятии груза, оплачивает оставшуюся долю платы.

Естественно, что внесение предложенных выше изменений невозможно без изменения самого определения договора перевозки грузов. Мы предлагаем изложить ч.1 ст. 785 ГК РФ следующим образом: «договор, по которому грузоперевозчик обязуется доставить переданный ему грузоотправителем груз в определяемый соглашением пункт назначения и выдать его грузополучателю, а грузоотправитель и/или грузополучатель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату».

Таким образом, существующая конструкция договора перевозки груза уже не отвечает потребностям времени, признание грузополучателя лишь третьим лицом в договоре не оправдано и не допустимо. Принимая во внимание современные экономические реалии, необходимо предпринять ряд последовательных шагов по пути реформирования договора перевозки груза, создав тем самым основу для достижения стабильности и конкурентоспособности данной сферы.

¹³Гражданское право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. II, полутом 2. М. 2000. С. 41.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 4. М.: Статут, С. 433.
3. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. II. С. 384 (гл. 38 о договоре перевозки написана В.Т. Смирновым и Д.А. Медведевым).
4. Гражданское право России. Ч. II. (глава написана О.Н. Садиковым). Обязательственное право. М., 1997. С. 378.
5. Егiazаров В.А. Транспортное право: Учебное пособие. М., 1999. С. 43.
6. Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. М., 1958. С. 144.
7. Рапопорт Я.И. Правовое положение грузополучателя в договоре грузовой железнодорожной перевозки // Научные записки Харьковского института советской торговли. Вып. VI. Харьков. 1957. С. 171 – 173.
8. Александров-Дольник М.К. Содержание договора грузовой перевозки // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 107.
9. Егiazаров В.А. Транспортное право: учебник (издание четвертое, переработанное и дополненное). М., ЗАО Юстицинформ, 2007. С. 57.
10. Тарасов М.А. Договор перевозки по советскому праву. М., 1954. С. 34.
11. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 4. М.: Статут., С. 442.
12. Масевич М.Г. Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета. Алма-Ата, 1964. С. 172-174.
13. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Свод законов РСФСР. т. 2. С. 7.
14. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
15. Гражданское право: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. II, полутом 2. М. 2000. С. 41.

FEATURES OF LEGAL STATE CARGO RECEIVER IN LOAD TRANSPORTATION CONTRACT

S. V. Tychinin¹
A. V. Peresyphkin²

¹*Belgorod State University*

e-mail:
Tychinin@bsu.edu.ru

²*Belgorod State University*

e-mail:
per-av@yandex.ru

The article is devoted to the freight forwarder's legal state determination in cargo transportation contract. Conclusions and suggestions, given in the article, can be used for the legislation improvement in the sphere of cargo transportation.

Key words: load transportation contract, legal state, cargo receiver, contract signing, way of payment, the construction of the contract.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Н. В. Бородаенко

*Белгородский
государственный
университет*

В данной статье проводится анализ такого явления как коррупция, рассматриваются причины ее возникновения. Дается характеристика антикоррупционных организаций, созданных с целью проведения деятельности по противодействию коррупции. Предлагаются возможные пути минимизации масштабов коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, злоупотребление должностными полномочиями, антикоррупционная политика.

Исторически понятие «коррупция» в русском языке связано с терминами «лихоимство» и «мздоимство». Так, в толковом словаре В.И. Даля¹ под термином «лихоимствовать» понимается – брать взятки, вымогать подарки, приношения, по исправлению службы, должности своей, пускаться в незаконные поборы, мздоимничать, быть подкупным служителем. Мздоимствовать означает брать подарки, приношения, взятки; быть продажным человеком. «В земле нашей мздоимствуется, по обычаю». Мзда – награда или возмездие, плата, вознаграждение, воздаянье; барыш, прибыль, корысть, добыча. «Не ради мзды, а ради правды. Мзда не лихва. Всяк труд мзды своей достоин».

Законодательно определение коррупции было закреплено в Федеральном Законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»².

Понятие «коррупция» определено в подп. «а» п. 1 статьи 1 Федерального Закона, как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, далее указывается признак коррупции – незаконное использование лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства, сопряженное с получением выгоды, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими лицами. Коррупцией согласно подп. «б» данного пункта также признается совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица.

Как видно, данное определение не носит понятийный характер, а всего лишь содержит перечисление наиболее общих действий, являющихся проявлениями

¹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е, испр. и знач. дополн., издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. Т. 1. СПб.: Товарищество М. О. Вольф, 1903. – с. 1345.

² Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (принят ГД ФС РФ 19.12.2008) // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 62287.

коррупции. А это значит, что Федеральный Закон, не смотря на множество проведенных исследований в данной сфере, так и не смог обозначить конкретное сущностное определение коррупции.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации коррупция названа одной из угроз национальной безопасности, а консолидация усилий, направленных на борьбу с коррупцией, рассматривается как одна из мер обеспечения национальной безопасности. Коррупция ставит под угрозу сам факт существования государства, выступает основным препятствием для повышения уровня жизни населения, развития экономики, становления гражданского общества, борьбы с организованной преступностью. Рост коррупции в России — один из основных барьеров на пути привлечения иностранных инвестиций и современных технологий в российскую промышленность. Коррупция негативно сказывается на внешнем имидже и инвестиционном рейтинге страны. Перечень отрицательных последствий коррупции достаточно велик, что позволяет с очевидностью говорить о необходимости борьбы с ней, причем борьба должна заключаться в осуществлении коренных преобразований не только в государстве, но и в социуме в целом³.

На сегодняшний день принято немало попыток снижения уровня коррупции.

Проводятся различные научные конференции в области противодействия коррупции для обмена опытом в указанной сфере. Например, 4-6 сентября 2009г. в Астраханском государственном университете проводилась V международная научная конференция Россия и Восток «Проблема коррупции: пути междисциплинарного исследования».

В последнее время также стали создаваться и различные антикоррупционные организации. Среди некоторых из них можно выделить:

- Контрольно-профилактические подразделения ГИБДД МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации;
- Общероссийская Общественная Организация «Комиссия по борьбе с коррупцией»;
- Российское Антикоррупционное Партнерство;
- Партнерство по противодействию коррупции в Самарской области;
- Межрегиональная Общественная Организация «Общественный Антикоррупционный Комитет»;
- Фонд «ИНДЕМ»;
- Межрегиональное Общественное Движение «Против коррупции»;
- Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Р»;
- Подкомиссия по проблемам противодействия коррупции в Российской Федерации;
- Комиссия Государственной Думы по Противодействию Коррупции;
- Межрегиональная общественная организация «Комитет по борьбе с коррупцией» и многие другие.

Если говорить о Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по противодействию коррупции, то она была образована в целях⁴:

- осуществления в пределах своих полномочий деятельности, направленной на противодействие коррупции в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления;
- анализа федерального законодательства в целях выявления положений, способствующих возникновению и распространению коррупции;
- подготовки предложений по совершенствованию федерального законодательства в области правового обеспечения противодействия.

14 июня 2005 года правопреемником «Национального Антикоррупционного Совета» и «Агентства по борьбе с коррупцией в Российской Федерации» стала

³ Вилисов М. В. Коррупция и теневая экономика: проблемный анализ / М. В. Вилисов, А. С. Сулакшина // Власть. – 2006. – №12. – С. 36 – 42.

⁴ Постановление ГД ФС РФ от 20.04.2004 № 412-IV ГД «О Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по противодействию коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 03.05.2004. – № 18. – ст. 1709.

Автономная некоммерческая организация «Агентство по борьбе с коррупцией в Российской Федерации» – «Национальный Антикоррупционный Совет РФ».

С целью популяризации материалов о деятельности Президента Российской Федерации, Совета по противодействию коррупции при Президенте Российской Федерации, пропаганды положительного опыта органов государственной власти в области совершенствования государственной антикоррупционной политики под эгидой Национального Антикоррупционного Совета РФ 13 ноября 2008 года в соответствии с законодательством Российской Федерации зарегистрировано специализированное информационно–аналитическое издание – «Антикоррупционный Совет РФ».

В Белгородской области также был создан специальный антикоррупционный орган – Совет при губернаторе области по противодействию коррупции. Первое заседание Совета состоялось 11 февраля 2009 года. На Совет было решено возложить обязанности по проведению следующих профилактических мер:

1. формирование общественного мнения в отношении коррупционных явлений. Один из методов – проведение анонимного анкетирования в учреждениях и организациях, с дальнейшим анализом вскрывшихся фактов и явлений.

2. определение возможных коррупционных полей в каждой государственной структуре, чтобы заранее пресечь саму возможность коррупционных действий. Для этого должны существовать административные регламенты по каждому виду услуг, четкие, однозначные и абсолютно прозрачные.

3. экспертиза законодательных актов на коррупциогенность, то есть на содержание формулировок типа «чиновник может, чиновник вправе», поскольку это и создает почву для взяточничества. Экспертизу проводит прокуратура, но подразумевается и ряд независимых экспертиз общественными институтами.

Еще в июле распоряжением руководителя аппарата губернатора области был утверждён график по изучению общественного мнения белгородцев о коррупционности органов исполнительной власти. Опрос населения будет проводиться в форме анкетирования. Главная цель документа – выяснить мнение получателей государственных услуг о коррупционности органов исполнительной власти региона. Изучением мнения жителей области о работе областных и федеральных органов власти займутся во второй половине 2009 года.

Однако, не смотря на все указанные антикоррупционные мероприятия, уровень коррупции в России не только не снижается, но, напротив, продолжает расти.

Так, по сообщениям Российского агентства международной информации «РИА Новости»⁵ в 2006 году в Белгородской области было возбуждено 115 уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, что на 40 больше, чем в 2005 году. «По результатам расследования, 51 дело в отношении 51 лица направлено в суды. Из них, в частности, 15 человек – сотрудники правоохранительных органов, 10 – медицинские работники, 8 – работники образовательных учреждений», – сообщил РИА Новости в четверг прокурор Белгородской области Вячеслав Волков. Он отметил, что 40 уголовных дел уже рассмотрено судами, по 35 из них вынесен обвинительный приговор.

В чем же причины неудач противодействия коррупции?

Первая причина – это отсутствие действительной политической воли. Коррупция носит тотальный характер и пронизывает все сферы человеческой жизни. Она стала привычным явлением, нормой жизни, а ряд экспертов придерживается позиции, что коррупция – это вообще единственный на сегодня реальный способ управления. Поэтому перед нами встает самый главный и самый сложный вопрос – как можно заставить власть принимать эффективные меры по борьбе с коррупцией, если она сама коррумпирована?

Вторая причина заключается в том, что большинство современных отечественных разработок по противодействию коррупции касается лишь отдельных направлений, аспектов, сфер такой борьбы, причем, как правило, в отрыве от решения проблем оздоровления экономики в целом⁶. Выделяются и другие причины.

⁵ РИА Новости – Центр – Происшествия – Прокуратура Белгородской области в 2006 году возбудила 115 уголовных дел по фактам коррупции [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://center.rian.ru/incidents/20070215/81579534.html>, свободный.

⁶ Сулакшин С.С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Материалы Всероссийской научной конференции. – М. – 2007. – С. 88.

Цель антикоррупционной политики заключается в активном и постоянном противодействии коррупции, в борьбе за государство, за те институты, которые призваны служить обществу, но которые сейчас в немалой степени используются в своих интересах организованной преступностью и иными теневыми структурами, «перекуплены» ими.

В этом вопросе трудно переоценить роль науки. Ведь именно с помощью исследований можно найти слабые, уязвимые места коррупции и предлагать системные меры по противодействию ей, найти противоядие от данной социальной «болезни», поразившей наш государственный организм, предвидеть тенденции ее протекания и необходимые рецепты для лечения. В большей степени именно наука дает возможности прогнозирования коррупционных ситуаций и принятия опережающих мер, связанных с предупреждением коррупционных отношений.

Важно разработать и принять следующие законы: «О парламентском расследовании», «О правовом регулировании лоббистской деятельности», «О борьбе с организованной преступностью», «О праве граждан на информацию» и др. Потребуется изменения и дополнения уголовного, административного, избирательного и иного законодательства⁷.

Таким образом, только при системных стратегически разработанных действиях государственных органов, общественных организаций и иных заинтересованных субъектов, при постоянном использовании разнообразных средств и технологий масштабы коррупции могут быть минимизированы.

Список литературы

1. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е, испр. и знач. дополн., издание / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1. СПб.: Товарищество М. О. Вольф, 1903. – с. 1345.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (принят ГД ФС РФ 19.12.2008) // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 62287.
3. Вилисов М. В. Коррупция и теневая экономика: проблемный анализ / М. В. Вилисов, А. С. Сулакшина // Власть. – 2006. – №12. – С. 36 – 42.
4. Постановление ГД ФС РФ от 20.04.2004 № 412-IV ГД «О Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по противодействию коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 03.05.2004. – № 18. – ст. 1709.
5. РИА Новости – Центр – Происшествия – Прокуратура Белгородской области в 2006 году возбудила 115 уголовных дел по фактам коррупции [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://center.rian.ru/incidents/20070215/81579534.html>, свободный.
6. Сулакшин С.С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Материалы Всероссийской научной конференции. – М. – 2007. – С. 88.
7. Гальченко В. Правительство – под парламентский контроль? // Парламентская газета. – 16.11.2002. – С. 3.

SOME PROBLEMS OF THE ANTICORRUPTION LEGISLATION'S REALIZATION IN THE GOVERNMENT SPHERE

N. V. Borodaenko

Belgorod State University

In the article the analysis of such phenomenon as a corruption is carried out. The reasons of its origin are considered. It's also given the anticorruption organizations' characteristic, which were created for the purpose of the counteraction against the corruption. Some different possible ways of corruption scales' minimization are offered.

Key words: corruption, counteraction against the corruption, abusing of the official powers, anticorruption policy.

⁷ Гальченко В. Правительство – под парламентский контроль? // Парламентская газета. – 16.11.2002. – С. 3.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Е. Е. Тонков
С. В. Масальгина

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

В статье обосновывается необходимость совершенствования контрольной функции государства в период экономического кризиса, рассматривается классификация различных форм контрольной деятельности, соотношение контроля и надзора, показана роль гражданского общества при осуществлении государством контрольных полномочий.

Ключевые слова: государство; кризис, контроль, управление, функция, правовое регулирование, гражданское общество.

По прогнозам независимых специалистов последствия мирового финансового кризиса в ближайшие несколько лет не только будут отражаться негативным образом на отечественной экономике, но и определять наши приоритеты в развитии общественных отношений. Совершенно очевидно, что кризис носит системный характер и достаточно быстро проник во все области человеческого бытия, включая и наше мышление, вследствие чего неожиданно обрел общефилософское звучание.

Разобраться в хитросплетениях системного кризиса можно, пожалуй, только с помощью системного подхода. Среди его принципов обычно выделяют структурность (система состоит из определенных элементов), рассмотрение структурных элементов в качестве самостоятельных систем (подсистем), целостность (несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов), взаимозависимость системы и среды, множественность описания¹.

При всем различии в осуществлении государственной деятельности в различных субъектах федерации и на федеральном уровне можно говорить об общих (системных) проблемах, обострившихся в период кризиса:

- узковедомственный и отраслевой подход в работе с населением;
- информационная недостаточность о федеральных и региональных проектах и программах государственной деятельности по выходу из кризиса в субъектах РФ;
- разобщенность и отсутствие общих подходов органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- нескоординированность деятельности различных федеральных ведомств;
- отсутствие государственно-национальной идеологии воспитания и социального развития молодежи;
- недостаточный фактический статус и полномочия депутатских комиссий по сравнению с органами исполнительной власти;
- отсутствие реальных государственных и муниципальных социальных нормативов и стандартов социальной поддержки населения в период кризиса;
- слабость государственного контроля за расходованием бюджетных ассигнований и фактической реализацией национальных программ и проектов в субъектах федерации.

Несовершенство осуществления контрольных полномочий со стороны государственных (федеральных и региональных) органов, муниципальных органов зависит от ряда факторов: поиска и создания оптимальной модели управления, интеллектуального и кадрового потенциала, информационного обеспечения, ресурсов бюджетного финансирования, материально-технической базы.

Обязательным условием эффективности государственной контрольной деятельности является активная фактическая поддержка руководством субъектов РФ и муниципальных образований федерального курса на стабилизацию и выход из кризиса.

¹ Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. – М., 1974. – С. 464.

Это тем более необходимо, что субъектность населения в реальной поддержке государственной воли противодействия кризису крайне низка.

Аргументы руководителей субъектов федерации о трудностях в связи с ограниченностью бюджетных возможностей нельзя признать состоятельными, ибо в нашей стране финансовых средств никогда не бывает достаточно. Следует поэтому приводить в движение имеющиеся ресурсы, комбинируя их применение с учетом приоритетов, осуществлять так называемый «бюджетный передел», тем более, что решать свои личные проблемы даже в период кризиса большинство глав субъектов федерации научились вполне успешно, о чем свидетельствуют публикации в средствах массовой информации. Десять майских (2009 г.) тезисов от Президента, изложенных в Бюджетном послании, помогут подготовить новый трехлетний бюджет на 2010-2012 гг.

На самом деле пока государству не удалось мобилизовать общество в интересах эффективного противодействия кризису. Организационно-штатные перемены в ряде федеральных ведомств и отдельных субъектах федерации, попытки минимизации коррупционных проявлений вовсе не означают действительного изменения ситуации. Социальные проблемы для большинства людей не только не разрешаются, но и нарастают.

Для любого общества, независимо от степени его развития, характерны разногласия, которые затрагивают принципиальные стороны, проблемы жизнедеятельности государства. Их конструктивное разрешение выводит общество на новый, более высокий и эффективный уровень развития, а при определенных условиях кризис в обществе может выполнять интегративную функцию, способствовать сплочению населения, стимулировать наиболее эффективный выход из проблемной ситуации.

Анализ теоретических проблем развития и совершенствования юридических форм государственной деятельности в условиях кризиса позволяет говорить о том, что сущность всех форм деятельности государства, в том числе и контрольной, основана на предписаниях права и всегда влечет наступление определенных правовых последствий.

Как справедливо обращает внимание И.Н. Барциц, «одно из важнейших направлений совершенствования системы и структуры исполнительной власти – развитие механизмов государственного контроля и надзора с акцентом на внедрение особых механизмов противодействия коррупции в органах исполнительной власти»².

Вопросам совершенствования государственного контроля уделено особое внимание в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2008 годах³.

Наибольшее распространение в юридической литературе получила классификация видов осуществления контрольной функции государства по субъекту контроля в зависимости от его природы, роли и места в системе управления.

Некоторые авторы различают следующие основные виды контроля по субъектам, осуществляющим контрольные функции⁴: государство, общественные организации (в том числе самодеятельные), трудовые коллективы, граждане как частные лица. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что по субъектам контроль подразделяется на такие основные виды, как *государственный* и *общественный*, которые относятся к разновидностям социального контроля (в широком его понимании).

В свою очередь, государственный контроль в зависимости от властных признаков субъекта контроля может дифференцироваться как контроль, осуществляемый соответственно органами законодательной (представительной), исполнительной и судебной властей.

Одновременно, в зависимости от особенностей субъекта, в более развернутом (узком) понимании, контроль можно разделить на следующие виды:

- государственный;
- муниципальный;
- общественный (гражданский);
- контроль негосударственных (частных) структур.

² Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект. – М., 2008. – С. 49.

³ Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006-2008 гг.: распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.

⁴ Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. – М., 1981. – С. 43.

А.И. Рябко рассматривает государственный контроль как разновидность социального контроля и определяет его следующие признаки: объективность, научность, оптимальность, непрерывность, оперативность и властность⁵.

Юридическая форма контрольной деятельности осуществляется субъектами (органы, их подразделения, должностные лица), относящимися к государственным органам, организациям, учреждениям, а также муниципальными органами представительной власти (дума совет, комитет) и исполнительной власти (глава администрации, мэр, староста).

Государственный контроль, как и контроль вообще, по объектам контроля, их положению в организационно-управленческой системе подразделяется на *внутренний* (ведомственный, внутриведомственный) и *внешний* (вневедомственный, надведомственный, межведомственный) виды контроля. Эффективность контроля зависит от его направленности, систематичности и объема.

Контроль включает в себя две группы отношений:

- Оценка соответствия или несоответствия определенного состояния контролируемого объекта требуемым показателям;
- Выявление ошибок в управленческой деятельности и подготовка предложений по их исправлению.

Общественному контролю⁶ отводится значимая роль в обеспечении законности в стране, в своевременном и должном рассмотрении обращений граждан, а также в обжаловании принятых государственными органами решений⁷.

В.С. Пронина выделяет следующие виды контроля:

- ведомственный контроль, являющийся функцией, частью самой межотраслевой управленческой деятельности госорганов;
- надведомственный контроль как межотраслевое инспектирование или государственный надзор за выполнением части функций министерств и ведомств с комплексом правоохранительных полномочий;
- внутриведомственный контроль как часть деятельности органа по управлению системой⁸.

Контрольная форма государственной деятельности предусматривает непосредственную и конечную цели. При этом непосредственной целью контроля является выявление, предупреждение и пресечение субъектами общественных отношений (контроля) установленных требований нормативных правовых актов (правил), стандартов по качеству изготавливаемой продукции или оказываемых услуг.

Конечная цель контроля, по мнению А.П. Гуляева, совпадает с теми целями, которые преследует само правовое и организационное регулирование деятельности, поведения и стандартов, которые призваны оградить личность, общество и государство от различных негативных последствий в результате той или иной деятельности обеспечить их безопасность, законные интересы, права и свободы субъектов общественных отношений⁹.

Достижение поставленной цели является содержанием управленческой деятельности вообще, включая и контрольную.

Контрольная форма корреспондируется с предложенной нами в предыдущих работах правоуправленческой формой государственной деятельности. Соотношение между ними – это не простое соотношение между целым и частью, поскольку контроль нередко рассматривается как часть (элемент) управления (управленческой деятельности). Однако контрольная форма является самостоятельной и обособленной формой осуществления государственных функций, так как опосредована иной целью и другими задачами.

⁵ См.: Рябко А.И. Социальный контроль и его правовые формы (Вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 66-69.

⁶ См.: Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930; О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148; О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁷ См.: Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: Закон РФ от 27 апреля 1993 г. // ВВС РФ. – 1993. – № 19. – Ст. 685.

⁸ См.: Пронина В. С. Конституционный статус органов межотраслевого управления. – М., 1981. – С. 104.

⁹ См.: Гуляев А. П. Контролирующие органы и организации России. – М., 2000. – С. 7.

Если целью управления является получение запланированного результата субъектом управления, то цель контроля – состояние и поведение субъекта управления и одновременно объекта контроля по реализации им требований нормативных правовых актов, принятых решений. Контрольная форма решает задачу контролируемости состояния и поведения объектов контроля (например, органов исполнительной власти) в соответствии с установленными требованиями нормативных правовых актов, принятых решений.

Принцип контроля можно определить как общепризнанное правило действия субъектов контроля в определенных контрольных ситуациях. Данное понятие воплощает экономические, социальные и другие закономерности сферы контроля и в то же время определяет строгие требования, согласно которым формируется и функционирует система государственного контроля в общей системе государственной власти.

Принцип контроля является конкретизацией характерных особенностей, места и роли контроля в системе управления, он основывается на закономерностях управления и контроля и служит предметным и индивидуальным выражением контрольного действия.

По мнению Е.А. Кочерина, принцип контроля может выражать действие всех или нескольких закономерностей, а также одной из них¹⁰. Это касается осуществления и государственного контроля.

Контрольная форма решает свои задачи исключительно в пределах и порядке, установленном законом или иным нормативно-правовым актом и на основе равенства контролеров и контролируемых перед законом. К субъектам ее осуществления относятся государственные органы, их подразделения, должностные лица, которые уполномочены нормативными правовыми актами осуществлять в своей деятельности контрольные полномочия.

Понятие «контролирующий орган» не имеет юридического (правового) определения. Понятие «контролирующие органы» в сжатой форме выражает и обозначает совокупность таких органов власти, которые наделены контрольными функциями. Вместе с тем в нормативных правовых актах и юридической литературе, наряду с понятием «контролирующие органы», употребляется понятие «контрольные органы»¹¹.

Наличие у субъекта контроля определенной контрольной функции или функций определяет его компетентность. Компетентность субъекта контроля устанавливается его административно-правовым статусом, наличием определенных функций, функциональных обязанностей у юридических и физических лиц. Полномочия, таким образом, составляют правовой инструмент, без которого невозможно осуществление контрольных функций.

В современной научной литературе к контролирующим органам (субъектам контроля) в ряде случаев относят правоохранительные органы. В части, касающейся отличия понятий «контрольные органы» и «правоохранительные органы», следует отметить, что правоохранительные органы нормативными правовыми актами наделены полномочиями и функциями, которые определяют их особый правовой статус и выделяют их в общей категории органов государственной власти.

Правоохранительные органы реализуют исполнительные функции и властные полномочия преимущественно юрисдикционные, в том числе по принудительному восстановлению прав, привлечению преступников и иных правонарушителей к установленным в законах видам ответственности. Деятельность правоохранительных органов направлена преимущественно на защиту от конкретных посягательств на права, свободы и законные интересы субъектов общественных отношений (личности, общества и государства), на восстановление их нарушенных прав.

Контрольные полномочия активно реализуются органами исполнительной власти, что обусловлено необходимостью проверки исполнения принимаемых решений. Контрольная функция Правительства РФ определена в статьях 4 и 12 Закона о Правительстве и предопределяет его возможности по отмене актов федеральных органов исполнительной власти.

Объект и предмет как категории контрольной формы государственной деятельности соотносятся между собой как общее и частное (особенное). На практике нижестоящий

¹⁰ Кочерин Е.А. Основы государственного и управленческого контроля. – М., 2000. – С. 14.

¹¹ См.: Тихомиров Ю.А. Административное судопроизводство в России: перспективы развития // Российская юстиция. – 1998. – № 8.

субъект управления есть одновременно объект контроля для вышестоящего. К тому же на один подконтрольный объект (субъект управления) чаще всего воздействуют несколько субъектов управления (контроля), имеющих между собой определенные взаимосвязи. Отсюда не редко на практике осуществляется дублирующее воздействие субъектов управления и контроля на объекты контроля, что может негативно сказываться на эффективности управленческой и контрольной деятельности, нерациональном использовании ресурсов, выделенных для осуществления управления и контрольной работы.

Объекты контроля, как и субъекты контроля, определяются нормативными правовыми актами.

Определение объектов контроля (направлений контрольной деятельности) связано непосредственно с целями контроля. В соответствии с целями контроля можно определить и основные объекты контрольной работы, под которыми следует понимать определенные общественные отношения, связанные с деятельностью по выполнению предписаний нормативных правовых актов, установленных правил, обязанностей (требований).

Выделяют три основных специфических объекта юридической контрольной формы государственной деятельности:

- соблюдение установленных нормативными правовыми актами требований и правил (порядка) осуществления того или иного вида деятельности.
- соблюдение установленных стандартов по качеству и свойствам товаров и услуг, а также соответствие товаров (услуг) объявленным (установленным) их свойствам.
- соблюдение физическими и юридическими лицами определенных обязанностей, возложенных на них нормативными правовыми актами.

Таким образом, юридическая форма государственного контроля – это способ осуществления контрольной деятельности, её практическая реализация, осуществляемая в пределах предоставленных государственным контрольным, органам полномочий, базирующаяся на соответствующих принципах и применяющаяся для достижения поставленных целей с наибольшей степенью результативности контрольной деятельности.

Методы и средства, применяемые при проведении контроля, могут быть различными. К ним относятся все виды проверок, а также контроль, осуществляемый в форме ревизии, инспектирования, надзора, аудита. У всех перечисленных форм контроля есть свои особенности, которые сказываются при проведении различных контрольных мероприятий.

Сущность контроля заключается в проверке соответствия результатов заданным параметрам, его целям, а содержание – в том, что уполномоченные органы и лица, используя организационно-правовые способы и средства, в рамках компетенции выясняют, соответствует ли деятельность подконтрольных объектов нормативным предписаниям и нормативно-правовым актам, поставленным перед ними задачам; анализируют результаты воздействия субъектов управления на управляемые объекты, степень отклонения от поставленных целей, запланированных способов и результатов и непосредственно принимают меры по их устранению и привлечению к ответственности виновных.

Для полноты рассмотрения контрольной юридической формы государственной деятельности необходимо отметить, что в законодательстве наряду с понятием «контроль» употребляется термин «надзор».

В.П. Беляев считает, что «надзор – это автономная форма юридической деятельности уполномоченных субъектов, заключающаяся в совершении ими в соответствии со своей компетенцией юридически значимых действий по разрешению на поднадзорных объектах в строгом соответствии с законом конкретных юридических дел, возникающих в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением законов государственными органами и должностными лицами в целях обеспечения и укрепления законности и правопорядка, предупреждения и пресечения правонарушений, обеспечения прав и свобод граждан и охраняемых законом прав и интересов общества и государства»¹².

Нормативно вопрос о разграничении этих понятий не решен. В классическом виде надзор как самостоятельный вид контрольной деятельности представлен в виде прокурорского надзора, который реализуется в деятельности специально уполномоченных

¹² Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 17.

должностных лиц – прокуроров по обеспечению точного исполнения и единообразного применения законов всеми государственными и общественными образованиями путем выявления и своевременного устранения нарушений законности, привлечения виновных к установленной законом ответственности.

Надзор прокуратуры за исполнением законодательства осуществляется в строгом соответствии с федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Другие же органы контроля, которые также именуется в законодательстве надзорными, помимо контрольной функции наделены полномочиями по выдаче соответствующих разрешений, установлению нормативов, правил, что на наш взгляд, ничем не отличает их от аналогичных органов государственного контроля.

В.П. Беляев считает, что в России прокуратура учреждалась исключительно как орган надзора, а «наделение ее другими функциями всегда происходило за счет уменьшения (сужения и т.п.) именно надзорных полномочий, что противоречит сущности надзорного органа и негативным образом сказывается на состоянии законности; в перспективе прокуратура должна быть освобождена от несвойственных ей полномочий и выполнять только надзорную функцию»¹³.

Мы полагаем, тем не менее, что будет логично соотносить понятия «контроль» и «надзор» как соотношение общего и частного. Сущность надзора заключается в обеспечении законности и правопорядка путем выявления и устранения допущенных нарушений закона, а также в их предупреждении. Содержание надзора составляет основанная на законе деятельность специально уполномоченных субъектов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений законов в целях обеспечения верховенства закона и единства законности, обеспечения конституционных прав и свобод граждан и охраняемых законом интересов общества и государства.

Поэтому надзор, на наш взгляд, по своему содержанию более узкое понятие, чем контроль и является его разновидностью. Контроль в виде надзора ведется специальными государственными органами, в чью компетенцию входит осуществление надзора. Надзор как способ обеспечения законности в деятельности органов исполнительной власти отличается от других видов контроля, например, проверки, инспектирования.

Надзор ведется постоянно специальными государственными органами за деятельностью не подчиненных им органов или лиц с целью выявления нарушений действующих норм права. При этом оценка деятельности поднадзорного объекта определяется с точки зрения законности, а не целесообразности или рациональности.

Прокурорский надзор и судебный контроль представляют собой две взаимосвязанные системы, входящие в контрольную форму деятельности государства. Органы прокуратуры реализуют свои контрольные функции в форме надзора за исполнением законов Российской Федерации, органы суда – контроля за судебными решениями. Правосудие при этом не подменяет прокурорский надзор за законностью, а судебная система не выполняет надзорные функции прокуратуры. К ведению прокуратуры законодательно отнесены полномочия по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина коммерческими и некоммерческими организациями, исполнением ими законов и законностью издаваемых ими актов.

Расширив правовые основания осуществления судебной власти в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны Конституции и законности, законодатель сохранил единую централизованную систему прокурорского надзора за исполнением законов органами власти, управления и контроля.

Различают два вида надзора: прокурорский и административный. Административный надзор, как уже отмечалось, широко применяется различными федеральными органами исполнительной власти, именуемыми федеральными службами. Такие службы в своих названиях содержат слово «надзор». Например, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития, Федеральная служба по надзору в сфере образования и др.

Прокурорский и административный надзор являются видами государственной надзорной деятельности, они направлены на обеспечение законности и дисциплины.

¹³ Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 17.

Административный надзор направлен на строгое и точное исполнение органами власти, коммерческими и некоммерческими организациями, а также гражданами нормативных правовых актов, общеобязательных правил, имеющих важное значение для личности, общества и государства.

Цель надзора – выявление нарушений законности, требований нормативных правовых актов. При этом оценка деятельности поднадзорного органа, как уже отмечалось, дается строго с точки зрения действующего законодательства, а не с точки зрения субъективных факторов, например, с точки зрения целесообразности, что допустимо для такой формы контроля, как проверка.

При осуществлении общенадзорной деятельности прокурор вправе проверять законность и обоснованность административного задержания граждан и применения соответствующими государственными органами и должностными лицами мер воздействия за административные правонарушения. В случае признания задержания незаконным или необоснованным прокурор своим постановлением освобождает задержанного несудебными органами. Если же прокурор признает незаконным административное задержание, произведенное судом, он вправе опротестовать решение суда.

Прокурор приносит протест на противоречащий закону либо нарушающий права человека и гражданина правовой акт в орган местного самоуправления или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган местного самоуправления данного муниципального образования, либо обращается в суд. При этом может быть опротестован как нормативный, так и индивидуальный правовой акт.

Понятие «контроль» является родовым или общим по отношению к таким его формам реализации (составным частям), как проверка, ревизия, аудит, инспектирование, а также по отношению к такой специальной форме, каковой является надзор. Такое понимание контроля, считаем, позволяет сформировать целостную упорядоченную внутреннюю структуру данного понятия, поэтому оно, на наш взгляд, обоснованно и достаточно логично.

Так, являясь самостоятельными направлениями одной осуществляемой государством контрольной деятельности, прокурорский надзор и судебный контроль имеют общие черты. Например, по объекту контрольной деятельности они рассматриваются как всеобъемлющие и осуществляются поэтому независимо от ведомственной принадлежности субъекта государственного управления. Объектами контрольной деятельности может быть деятельность органов законодательной и исполнительной властей, органов местного самоуправления, общественных организаций, в том числе, политических партий, религиозных организаций, предприятий и учреждений всех форм собственности и отдельных граждан.

Целесообразно отметить, что различные субъекты контроля используют присущие только им формы контрольной деятельности. Например, в ходе парламентского контроля применяются такие формы, как парламентские или депутатские запросы, а также «правительственные часы», на которых заслушиваются отчеты руководства Правительства РФ.

Таким образом, по нашему мнению, контроль является самостоятельной юридической формой осуществления государственных функций, в процессе реализации которой в рамках контрольного производства с целью получения юридически значимых результатов и обеспечения правового регулирования осуществляется аналитическое рассмотрение достоверных сведений о выполнении руководящих предписаний и соблюдении требований нормативных правовых актов, сопровождаемое мерами по предупреждению и пресечению допущенных нарушений в целях обеспечения охраны интересов общества и государства, защиты прав и свобод граждан.

Содержание контрольной формы продолжает совершенствоваться. По инициативе Президента РФ ч. 1 ст. 103 Конституции РФ дополнена новым пунктом «в», в соответствии с которым к ведению Государственной Думы относится «заслушивание ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой»¹⁴.

¹⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 2009. – 21 янв.

Одной из предусмотренных Законом «О прокуратуре Российской Федерации» мер реагирования прокурора на выявленные нарушения закона является обращение прокурора в суд за защитой государственных или общественных интересов, проявляющейся, как правило, в защите права конкретного субъекта (физического или юридического лица)¹⁵.

Из этого следует, что эффективность прокурорского надзора во многом зависит от судебной власти, так как при реализации полномочий общего надзора прокуратуры по результатам проверки нередко принимается промежуточное решение (протест), не обязательно подлежащее удовлетворению. Обязательный характер носит только судебное решение, что является характерной чертой судебного контроля и еще одним подтверждением приоритетности контрольной формы государственной деятельности, включающей в себя в качестве составного элемента и надзорные полномочия.

Кроме того, контрольная форма государственной деятельности предполагает, что все действия уполномоченных субъектов при разрешении юридических дел облакаются в соответствующую процессуальную документацию, регламентированную нормативными правовыми актами.

Активную, динамическую сторону контрольной деятельности составляют правовые действия и операции. Юридические действия и операции можно соотнести как целое и часть: первые из них представляют собой внешне выраженные, социально преобразующие и влекущие определенные правовые последствия акты субъектов, которые служат фундаментом, основанием любой юридической деятельности; вторые выглядят как совокупность взаимосвязанных между собой действий, объединенных локальной целью и направленных на решение какой-то обособленной в рамках юридического процесса задачи.

Поэтому содержанием контрольной формы государственной деятельности следует считать организационно-управленческие действия уполномоченных субъектов, связанные с совершением юридически значимых действий в порядке, определенном законом.

Вполне очевидно, что контрольная правовая форма, будучи объективно выраженным и устойчивым способом связи между составляющими право элементами, а также между правом и неправовыми явлениями, нуждающимися в правовой регламентации, является важным компонентом самого предмета теории государства и права.

Значительную роль в функционировании и развитии права играют его комплексные закономерные связи с психологическими феноменами – потребностями, ценностями, интересами, волей. Эти феномены являются необходимыми частями процесса формирования права, правоприменения и правореализации.

Ретроспективное исследование литературы показывает, что юридическая форма, в том числе и контрольная, представлена в теории права и как деятельность, и как структура права, и как совокупность источников права, и как процедура, что, на наш взгляд, является свидетельством нечеткого понимания и поверхностного отношения исследователей к философскому значению категорий «форма», «содержание» и «деятельность».

Звучит как тривиальная истина, что задачи и функции государственной деятельности реализуются в конкретных действиях органов и должностных лиц, ее осуществляющих. Никто не возражает, что эти действия находят внешнее выражение в определенных формах государственной деятельности.

Но из этого, безусловно, следует, что юридическая форма представляет собой объективированное выражение сущности деятельности органов и должностных лиц, которые осуществляют государственную деятельность. Так как посредством форм практически реализуются задачи и функции государства, то от использования тех или иных форм в значительной мере зависит успех государственной деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций государства. Многообразие задач и функций государства обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами.

Именно это дает нам основания рассматривать контрольную юридическую форму государственной деятельности как комплексную юридическую категорию, которая обеспечивает опосредование правом различных неправовых общественных явлений, нуждающихся в юридической регламентации, означающую способ существования и

¹⁵ См.: О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 17 июля 2009 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 20.02.1992. – № 8. – Ст. 366.

выражения содержания норм материального права, реализуемый в виде определенной деятельности субъектов правоотношений с соблюдением установленных законом правил и процедур.

Юридическая форма государственной деятельности таким образом соответствует способу правоприменения, виду юридического процесса и характеризует процессуальное урегулирование властной деятельности субъектов.

Юридическая деятельность – опосредованный правом процесс функционирования соответствующих субъектов, направленный на удовлетворение общественных потребностей, осуществляемый, как правило, на профессиональной основе, путем принятия государственно-властных решений общего и индивидуального характера и являющийся разновидностью социальной деятельности.

Наряду с расширением деятельности сферы деятельности государства, изменения его направленности в сторону обеспечения прав и свобод человека и гражданина, возникает необходимость в уточнении количественного и качественного состава форм государственной деятельности.

Мы попытались сформировать аргументированную позицию, которая заключается в том, что контрольная юридическая деятельность является составной частью механизма правового регулирования, носит процедурно-процессуальный характер, влечет обязательное наступление юридически значимых последствий.

Критерием разграничения контрольной от других юридических форм при их классификации, на наш взгляд, может служить только вид осуществляемой государственной деятельности, так как все остальные, предлагаемые для типологизации (субъекты, объекты и др.) являются менее значимыми и могут использоваться в качестве дополнительных.

Определяющее значение для обоснования представленной позиции имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права.

Контрольная деятельность в период кризиса – это не только и даже не столько строгая регламентация, но, в первую очередь, обеспечение соответствующей направленности развития гражданского общества на основе его собственной правовой активности. Новое понимание принципов взаимодействия теории с практикой социального управления, основанное на приоритете человеческих целей и ценностей, является одним из характерных признаков контрольной формы государственной деятельности в кризисной ситуации.

Не отрицая в связи с этим значимости совершенствования законодательства, мы полагаем возможным утверждать, что самые точные правовые нормы, как и самое обстоятельное правовое регулирование, не принесут успеха без эффективной государственной политики с участием институтов гражданского общества. Закон, выступая в виде правового символа власти, способен мобилизовать большей частью только государственные структуры, тогда как эффективное государственное управление является общественным и политическим делом.

Традиционная для нашей страны поддержка силовых структур и расширение практики репрессивных мер не могут служить адекватным ответом на опасность кризиса, приобретающего наравне со «свинным» гриппом характер эпидемии, несмотря на успокаивающие заверения сладкоголосых экономистов и политологов, кормящихся объедками властного пирога.

Обязанностью государства является обеспечение стабильности и последующей локализации кризисной ситуации в обществе. Оно регулирует устремления общества в целом, но, кроме того, в государственной деятельности отражаются базовые ценности и ожидания граждан, составляющие органическую основу поддержания режима равновесия в государстве. Об этом необходимо хорошо помнить представителям контролирующих ведомств, прежде чем стремиться выполнить премьерский план «по посадкам».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 2009. – 21 янв.

2. О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 17 июля 2009 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 20.02.1992. – N 8. – Ст. 366.
3. Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: Закон РФ от 27 апреля 1993 г. // ВВС РФ. – 1993. – № 19. – Ст. 685.
4. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
5. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 148.
6. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
7. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006-2008 гг.: распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.
8. Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект. – М., 2008.
9. Беляев В.П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006.
10. Гуляев А. П. Контролирующие органы и организации России. – М., 2000.
11. Кочерин Е.А. Основы государственного и управленческого контроля. – М., 2000.
12. Пронина В. С. Конституционный статус органов межотраслевого управления. – М., 1981.
13. Рябко А.И. Социальный контроль и его правовые формы (Вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.
14. Садовский В. Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. – М., 1974.
15. Тихомиров Ю.А. Административное судопроизводство в России: перспективы развития // Российская юстиция. – 1998. – № 8.
16. Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. – М., 1981.

IMPROVEMENT OF STATE CONTROL FUNCTION IN THE PERIOD OF ECONOMIC CRISIS

E. E. Tonkov
S. V. Masalytina

*Belgorod State
University*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

This article deals with the necessity of improvement of state control function in the period of economic crisis. The author of the article considers the classification of different forms of state activity and correlation of control and supervision. The role of civil society in realization of state supervisory powers is shown in this article.

Key words: state, crisis, control, governance, function, legal regulation, civil society.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ПОСТРАДАВШИХ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

В. И. Евтушенко

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: 77712@live.ru

В статье проведен сравнительный анализ федерального и регионального законодательства (на примере Белгородской области), посвященного правовому регулированию экологических прав человека, экологической безопасности и защиты лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях экологического характера, и сделан вывод о том, что законодательство Белгородской области является достаточно разработанным и довольно полным. Оно разработано и принято в соответствии с федеральным законодательством в данной области, детализирует его и ему не противоречит. Ряд нормативных актов, посвященных данной проблеме, являются новацией регионального законодательства.

Ключевые слова: окружающая среда, экологическая безопасность, чрезвычайная ситуация экологического характера, эвакуационные мероприятия.

Полномочиями в области правового регулирования экологических прав граждан, экологической безопасности, защиты лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях экологического характера, обладают, наряду с федеральным центром, региональные власти. Статья 72 Конституции Российской Федерации определяет круг вопросов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, в котором, в том числе, находятся:

- природопользование;
- охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности;
- особо охраняемые природные территории;
- охрана памятников истории и культуры¹.

Помимо 72 статьи Конституции Российской Федерации, полномочия субъектов федерации в области экологических правоотношений закрепляются в нормах федеральных законов. Так, статья 6 Федерального закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» устанавливает полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды.

К ним, в частности, относятся:

- осуществление государственного контроля в области охраны окружающей среды (государственного экологического контроля) на объектах хозяйственной и иной деятельности независимо от форм собственности, находящихся на территории субъекта Российской Федерации, за исключением объектов хозяйственной и иной деятельности, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю;
- установление нормативов качества окружающей среды, содержащих соответствующие требования и нормы не ниже требований и норм, установленных на федеральном уровне;
- обращение в суд с требованием об ограничении, о приостановлении и (или) запрещении в установленном порядке хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды;
- предъявление исков о возмещении вреда окружающей среде, причиненного в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды;
- ведение учета объектов и источников негативного воздействия на окружающую среду, государственный экологический контроль которых осуществляется субъектом Российской Федерации;

¹ Конституция Российской Федерации: Основной Закон Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

- участие в обеспечении населения информацией о состоянии окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации;
- право организации на проведение экономической оценки воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, осуществления экологической паспортизации территории².

Также полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций устанавливаются статьей 11 Федерального закона Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³, ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «О радиационной безопасности населения»⁴, ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁵ и т. д.

К компетенции региональных властей в области экологии относятся полномочия:

- устанавливать ответственность за правонарушения в экологической сфере;
- возможность устанавливать свои особо охраняемые территории на уровне региона;
- возможность социальной помощи лицам, пострадавшим от катастроф;
- защита традиционной среды обитания;
- составление региональной «Красной книги»;
- установление методик расчета и тарифов для определения размера вреда, причиненного окружающей среде нарушением законодательства в области охраны окружающей среды;
- осуществление мер по борьбе с техногенными катастрофами и другими экологическими бедствиями и т. д.

При этом законодательство субъектов федерации, принимаемое по предметам совместного ведения, должно соответствовать федеральному законодательству и не противоречить ему.

«Следует отметить, что основные задачи законодательного регулирования в сфере совместного ведения на уровне субъектов Российской Федерации в целом сводятся к конкретизации норм федерального законодательства в соответствии с условиями местной специфики, созданию механизма реализации общих положений федерального законодательства и повышению, исходя из возможностей субъекта Российской Федерации, уровня гарантий обеспечения и защиты прав человека и гражданина, минимальный уровень которых установлен федеральным законодательством»⁶.

На региональном уровне получают свою конкретизацию и развитие применительно к данной территории и к местным условиям как природного, так и социального характера, местным обычаям, многие правовые нормы, заложенные на федеральном уровне.

Так, более чем в половине субъектов Российской Федерации приняты свои, региональные, законы о защите окружающей среды, коррелирующие нормы Федерального закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» с особенностями региона.

Такие законы приняты, например, в Московской области⁷, в Свердловской области⁸, на Алтае⁹ и т. д.

² Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. Федерального закона от 14.03.2009 г. №32-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. №2. Ст. 133.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Федерального закона Российской Федерации от 07.05.2009 г. №84-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 09 января 1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» (в ред. Федерального закона Российской Федерации от 23.07.2008 г. №160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. Федерального закона Российской Федерации от 22.12.2008 г. №309-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

⁶ Чертков А.Н. Федеральное законодательство в сфере совместного ведения российской Федерации и ее субъектов: проблема соотношения и гармонизации // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 3. С. 9.

⁷ Закон Московской области от 22 декабря 2006 г. №240/2006-03 «Об охране окружающей среды в Московской области» (в ред. Законов МО от 12.12.2008 г. №200/2008-03) // Ежедневные новости. Подмосковье. 28.12.2006. №243.

Таким образом, конституционные экологические права граждан получают свое закрепление и развитие в специальном экологическом законодательстве как на федеральном, так и региональном уровне.

В рамках проводимого в данной монографии рассмотрения регионального экологического законодательства основной акцент делался на анализе нормативных актов, принятых в Белгородской области.

В настоящее время Белгородская область – один из самых динамично развивающихся регионов Российской Федерации. Экономический потенциал области огромен, социальная ситуация стабильна, и делается все, чтобы использовать уникальные возможности для создания комфортной, уютной и благоприятной среды обитания людей.

За последнее десятилетие на Белгородской земле обозначилась устойчивая тенденция приоритетности решения социально-экологических проблем, сохранения природных ресурсов, охраны окружающей среды и улучшения среды обитания. Намечились серьезные сдвиги в снижении объемов сбросов загрязненных сточных вод, сокращении удельных выбросов предприятий на единицу произведенной продукции. Значительно возросли требования к контролю за соблюдением предприятиями экологических норм.

Радиационная обстановка на территории Белгородской области не меняется в течение нескольких лет. По-прежнему наибольший вклад в дозу облучения населения области внесли природные источники ионизирующего излучения (80,9 процента) и медицинские рентгенорадиологические процедуры (19 процентов). На долю всех остальных источников, в том числе последствий аварии на ЧАЭС, приходится менее 0,1 процента годовой дозы.

В целях реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и обеспечение экологической безопасности в 2006 году контролирующими службами на территории области пресечено 20915 экологических правонарушений, по которым оформлено 7920 протоколов. К нарушителям экологического правопорядка применены меры административного воздействия в виде административных штрафов и исков, общая сумма которых составила 19674 тыс. руб., из которых взыскано 13000 тыс. руб.

По итогам конкурса Национальной Экологической Премии «ЭкоМир» 2004-2007 года Белгородская область неоднократно признавалась одним из самых экологически благополучных регионов Российской Федерации¹⁰.

Проводимая в области политика по поддержанию региона в экологически стабильном хорошем состоянии подкрепляется нормативными актами, принятыми в сфере защиты экологических прав человека и экологической безопасности.

Тем не менее, как показывает надзорная и судебная практика, нарушения требований Конституции Российской Федерации и основанных на ее положениях федеральных законов приобрели распространенный характер. Только по итогам 2001 г. прокурорами в органах представительной власти субъектов федерации выявлено 5421 нарушение закона и 1856 незаконных правовых актов, а в органах исполнительной власти – 12 019 нарушений и 2408 незаконных правовых актов¹¹. В 2008 г. по результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования в соответствие с федеральным законодательством приведено более 2 тыс. региональных нормативных правовых актов. В тоже время прокурорами субъектов федерации направлено свыше 4 тыс. заключений по законопроектам и нормативным правовым актам исполнительных органов государственной власти субъектов

⁸ Закон Свердловской области от 20 марта 2006 г. №12-03 «Об охране окружающей среды на территории Свердловской области» (в ред. Обл. закона 19.12.2008 г. №133-03) // Собрание законодательства Свердловской области. 2006. №3 (2006). Ст. 266.

⁹ Закон Алтайского края от 01 февраля 2007 г. №3-ЗС «Об охране окружающей среды в Алтайском крае» (в ред. Закона Алтайского края от 11.09.2008 г. №70-ЗС) // Сборник законодательства Алтайского края. 2007. №130, ч. 1. С. 10.

¹⁰ Данные по Белгородской области взяты из областной программы финансирования природоохранных мероприятий на 2008 – 2011 годы, утвержденной Постановлением правительства Белгородской области от 3 сентября 2007 г. № 198-пп (в ред. Постановления Правительства Белгородской области от 25.08.2008 г. №201-пп) // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2007. №113.

¹¹ Соколова И. Оценка соответствия региональных правовых актов Конституции РФ. // Законность. 2002. № 8. с.32

Российской Федерации с замечаниями и предложениями об устранении несоответствий федеральному законодательству, из них 96 % – приняты к исполнению¹².

Еще одна проблема, зачастую встречающаяся в нормативных правовых актах субъектов федерации – это дублирование правовых норм. «Накопление дублирующих норм неоправданно увеличивает объем правовой информации, мешает уяснению иерархии нормативных требований, в конечном счете, ведет к инфляции самого права».¹³

Рассмотрим с этих позиций законодательство Белгородской области в сфере экологических отношений.

В Белгородской области принято 315 актов, касающихся вопросов экологии. Основное большинство из них устанавливает особенности природопользования отдельными объектами, находящимися на территории Белгородской области и имеют подзаконный характер (Постановления Губернатора Белгородской области, Постановления правительства Белгородской области, Решения Белгородской областной Думы). Законов же, имеющих отраслевое значение и непосредственно касающийся прав человека в сфере экологии, принято только два.

Это закон Белгородской области «Об участии населения в охране общественного порядка и в охране окружающей среды на территории Белгородской области»¹⁴ и закон Белгородской области «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹⁵.

Закон Белгородской области «Об участии населения в охране общественного порядка и в охране окружающей среды на территории Белгородской области» является региональной новацией законодательства. На федеральном уровне подобных нормативных актов не существует. В законе предусмотрена возможность создания общественных формирований граждан по охране окружающей среды.

Ст. 1 Закона устанавливает возможность организации общественных формирований граждан по охране окружающей среды, т. е. образование организаций граждан по месту их жительства (работы, учебы) на части территории муниципального образования; территориях поселений, не являющихся муниципальными образованиями; микрорайонов; кварталов; улиц; дворов и других территориях для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах содействия органам государственной власти и органам местного самоуправления в охране окружающей среды.

Руководящими и координирующими органами выступают советы общественного формирования граждан по охране окружающей среды, которые создаются решением органов местного самоуправления в Белгородской области по инициативе общественных формирований граждан по охране окружающей среды для координации деятельности и оказания методической помощи общественным формированиям граждан по охране окружающей среды.

В частности, в городе Белгороде такой совет создан и действует.

Статья 7 рассматриваемого закона устанавливает виды общественных формирований:

- а) общественные комиссии по охране окружающей среды;
- б) дружины по охране окружающей среды;
- в) группы содействия государственным экологическим инспекторам Белгородской области.

¹² Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации <<http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-26>>

¹³ Рахманина Т.Н. Студенкина М.С. Нормотворчество субъектов Российской Федерации: Типология актов и законодательные программы // Законы области как субъекта Российской Федерации: Сборник. / Под ред. Ю.А.Тихомирова. – Воронеж, 1996. С. 42-43.

¹⁴ Закон Белгородской области от 19.01.2000 г. № 87 «Об участии населения в охране общественного порядка и в охране окружающей среды на территории Белгородской области» (в ред. от 04.06.2009 г. № 281) // Сборник законов, принятых Белгородской областной Думой в 1999 году, том 5. 2000.

¹⁵ Закон Белгородской области от 23.09.1998 г. № 41 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 16.11.2007 г. № 166) // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области, № 10. 1998.

Статья 10 закона закрепляет основные направления деятельности общественного формирования. К ним относятся:

а) содействие органам государственной власти Белгородской области и местного самоуправления, предприятиям, учреждениям и организациям в решении вопросов в области охраны окружающей среды;

б) разработка, пропаганда и реализация в установленном порядке программ в области охраны окружающей среды, воспроизводства природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности;

в) проведение воспитательной и профилактической работы с гражданами в области охраны окружающей среды;

г) обеспечение охраны окружающей среды непосредственно или совместно с государственной экологической инспекцией Белгородской области в сфере охраны окружающей среды на предприятиях, в учреждениях, организациях, на улицах, в жилых микрорайонах, общежитиях, на транспорте, в местах массового отдыха и других общественных местах.

В настоящее время во исполнение данного закона в области созданы дружины по охране окружающей среды, в которые, как правило, входят студенты ВУЗов. Дружины занимаются высадкой зеленых насаждений и очисткой территорий от мусора. Таким образом, данный закон можно признать реально действующим.

Второй закон Белгородской области в сфере экологических прав человека «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» состоит из 10 статей и конкретизирует положения Федерального закона Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Так, в нем круг полномочий, закрепленных за органами государственной власти субъекта Российской Федерации распределен между органами власти Белгородской области, в частности, между губернатором Белгородской области, Белгородской областной Думой и правительством области.

Так, согласно ст. ст. 3, 4, 5 указанного закона, губернатор Белгородской области вносит на рассмотрение Белгородской областной Думы законопроекты в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера и принимает решение о введении на территории области чрезвычайной ситуации при возникновении чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера.

Белгородская областная Дума принимает в соответствии с федеральными законами законы Белгородской области в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера и утверждает размер финансирования деятельности и мероприятий в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в составе областного бюджета.

Все остальные полномочия, закрепленные в федеральном законе, осуществляет правительство Белгородской области.

Статья 7 областного закона посвящена обучению населения области защите от чрезвычайных ситуаций. В ней предусмотрено, что подготовка руководителей и других работников органов государственной власти области, органов местного самоуправления осуществляется в учебных заведениях при органах, в полномочия которых входит решение вопросов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, и в образовательных учреждениях, имеющих соответствующую лицензию.

Аналогичные региональные акты приняты и во многих других субъектах Российской Федерации:

- в Приморском крае¹⁶,
- в Московской области¹⁷,

¹⁶ Закон Приморского края от 02 декабря 1999 г. №74-КЗ «О защите населения и территории Приморского края от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Законов Приморского края от 10.04.2009 г. №403-КЗ) // Ведомости Думы Приморского края. 1999. №50.

¹⁷ Закон Московской области от 04 мая 2005 г. №110/2005-03 «О защите населения и территории Московской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Законов МО от 27.12.2008 г. №237/2008-03) // Ежедневные новости. Подмосковье. 14.05.2005. №87.

– в Свердловской области¹⁸ и т. д.

Если сравнивать данные нормативные акты, то Закон Белгородской области отличается:

– большая компактность (Закон Белгородской области содержит всего 10 статей, в отличие, скажем, от Закона Свердловской области, насчитывающем 24 статьи, или Закона Приморского края – 23 статьи);

– отсутствие прямого копирования норм Федерального закона Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Этим грешат многие подобные региональные законы, в том числе Закон Свердловской области и Закон Приморского края;

– наличие отдельной статьи, регулирующей, учитывая приграничное положение региона, международное сотрудничество Белгородской области в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Также особенностью Закона Белгородской области является наличие в тексте закона большого количества отсылочных норм, предусматривающих принятие подзаконных нормативных актов.

Так, для организации обучения населения действиям при чрезвычайных ситуациях были приняты Постановление Губернатора Белгородской области «Об организации обучения населения в области гражданской обороны, защиты от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на 2006-2010 гг. в Белгородской области»¹⁹ и Постановление Правительства Белгородской области «О подготовке населения и аварийно-спасательных формирований области к действиям по обеспечению защиты от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»²⁰.

Согласно данным нормативным актам, обязательной подготовке в области гражданской обороны, защиты от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах подлежат как руководители организаций, так и их работники, неработающее население, лица, обучающиеся в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования.

Все жители Белгородской области подлежат обязательному обучению способам действий по защите от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Обучение организуется на предприятиях, в учреждениях (в том числе образовательных) и организациях независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, а также по месту жительства.

При возникновении чрезвычайных ситуаций экологического характера в области действует система оповещения населения. Порядок функционирования системы оповещения установлен Постановлением Правительства Белгородской области «Об утверждении положения о порядке оповещения и информирования населения области в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени»²¹.

¹⁸ Закон Свердловской области от 27 декабря 2004 г. №221-03 «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Свердловской области» (в ред. Обл. закона от 20.02.2009 г. №7-03) // Собрание законодательства Свердловской области. 2005. №12-1. Ст. 2159.

¹⁹ Постановление Губернатора Белгородской области от 22 февраля 2006 г. № 21 «Об организации обучения населения в области гражданской обороны, защиты от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на 2006 – 2010 гг. в Белгородской области» (в ред. Постановления Губернатора Белгородской области от 22.06.2009 г. № 56) // Консультант-Плюс.

²⁰ Постановление Правительства Белгородской области от 9 июня 2006 г. № 123-пп «О подготовке населения и аварийно-спасательных формирований области к действиям по обеспечению защиты от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

²¹ Постановление Правительства Белгородской области от 26 января 2007 г. № 11-пп «Об утверждении положения о порядке оповещения и информирования населения области в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени» (в ред. постановления Правительства Белгородской области от 24.12.2007 N 286-пп).

В соответствии с указанным положением, речевая информация передается населению при возникновении чрезвычайных ситуаций с перерывом программ вещания длительностью не более 5 минут.

Передача речевой информации должна осуществляться, как правило, профессиональными дикторами из студии вещания. В исключительных, не терпящих отлагательства случаях допускается передача кратких нестандартных речевых сообщений способом прямой передачи или в магнитной записи непосредственно с рабочих мест оперативных дежурных управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Белгородской области.

Указанное постановление фактически дублирует нормы приказа МЧС России, Мининформсвязи России и Минкультуры России «Об утверждении Положения о системах оповещения населения»²², что делает его принятие нецелесообразным.

В то же время, следует заметить, что отсутствуют какие-либо нормативные акты, касающиеся постоянного информирования населения об экологической обстановке на территории области, как, например, о том:

- какие районы области более благоприятны в экологическом плане, какие – менее;
- где превышаются нормативы выбросов вредных веществ;
- какие принимаются меры для их ликвидации.

Вся эта информация не утверждена законодательно. Представляется необходимым принять нормативный акт, в котором предусматривались бы обязанности органов государственной власти информировать население об экологической обстановке в области в штатном порядке, не реже чем раз в 2 недели, используя средства массовой информации, в то же время оповещая население о произошедших нарушениях экологического законодательства и об их возможных последствиях, таким образом экологическая информация в области должна быть общедоступной и открытой.

Постановление Правительства Белгородской области «Об областной территориальной подсистеме единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»²³ определяет порядок организации и функционирования областной территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций – РСЧС (далее – областная подсистема).

Областная подсистема, состоящая из функциональных и районных звеньев, действует на региональном, муниципальном и объектовом уровнях.

Постоянно действующими органами управления областной подсистемы являются: на региональном уровне – территориальный орган Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, МЧС России;

на муниципальном уровне – органы, специально уполномоченные на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и (или) гражданской обороны при органах местного самоуправления;

на объектовом уровне – структурные подразделения организаций, уполномоченных на решение задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и (или) гражданской обороны.

Информационное обеспечение в областной подсистеме осуществляется с использованием автоматизированной информационно-управляющей системы.

Рассматриваемым постановлением утверждается Перечень создаваемых органами исполнительной власти области функциональных подсистем областной территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В перечне подробно указаны все органы Белгородской области, которые занимаются предупреждением чрезвычайных экологических ситуаций и установлены функции, которые они осуществляют:

– Управление здравоохранения Белгородской области занимается организацией службы медицины катастроф, создает резервы медицинских ресурсов;

²² Совместный приказ МЧС России, Мининформсвязи России и Минкультуры России от 25 июля 2006 года N 422/90/376 «Об утверждении Положения о системах оповещения населения». // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 38.

²³ Постановление Правительства Белгородской области от 27 октября 2005 г. № 208-пп «Об областной территориальной подсистеме единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2006. № 78.

– Департамент здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области занимается социальной защитой населения, пострадавшего от чрезвычайных ситуаций;

– Отдел водных ресурсов по Белгородской области занимается противопожарными мероприятиями и безопасностью гидротехнических сооружений, находящихся в ведении Росводресурсов;

– Департамент агропромышленного комплекса Белгородской области осуществляет защиту сельскохозяйственных животных, защиту сельскохозяйственных растений, предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций в организациях (на объектах) агропромышленного комплекса;

– Департамент строительства, транспорта и жилищно-коммунального хозяйства Белгородской области осуществляет функции защиты городов, населенных пунктов от аварий, катастроф и стихийных бедствий, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в организациях (на объектах), находящихся в ведении и входящих в сферу деятельности Госстроя России;

– Департамент экономического развития Белгородской области занимается предупреждением и ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций в организациях (на объектах) нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, газовой промышленности, энергетики, а также создает государственный материальный резерв.

Постановление правительства Белгородской области «О проведении эвакуационных мероприятий при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций на территории области в мирное время»²⁴ определяет задачи, порядок планирования, организации и сроки проведения эвакуационных мероприятий на территории области при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций в мирное время. Это постановление детально регулирует проведение эвакуационных мероприятий в случае наступления чрезвычайных ситуаций. Оно является новацией регионального законодательства, поскольку на федеральном уровне нет актов, которые подробно регулировали бы отношения в этой сфере.

Постановлением предусматриваются следующие варианты эвакуации населения: упреждающая и экстренная.

Упреждающая эвакуация проводится при получении достоверных данных о возможности возникновения чрезвычайной ситуации на потенциально опасных объектах или стихийного бедствия на период от нескольких часов до нескольких суток.

Экстренная эвакуация проводится при возникновении чрезвычайной ситуации или при малом времени упреждения и в условиях воздействия на людей поражающих факторов источника ЧС.

В зависимости от масштабов чрезвычайной ситуации и численности выводимого из зоны чрезвычайной ситуации населения выделяются следующие варианты эвакуации:

– локальная, которая проводится в том случае, если зона возможного воздействия поражающих факторов источника чрезвычайной ситуации ограничена пределами отдельного района;

– местная эвакуация проводится в том случае, если в зону чрезвычайной ситуации попадают отдельные районы;

– региональная эвакуация осуществляется при условии распространения воздействия поражающих факторов на значительные площади, охватывающие территории одного или нескольких регионов с высокой плотностью населения, включающие крупные города.

В зависимости от масштабов распространения и характера опасности, охвата эвакуационными мероприятиями населения, оказавшегося в зоне чрезвычайной ситуации, выделяют варианты эвакуации:

– общая эвакуация;

– частичная эвакуация.

Общая эвакуация осуществляется при эвакуации всех категорий населения из зоны чрезвычайной ситуации. Частичная эвакуация проводится при необходимости вывода

²⁴ Постановление Правительства Белгородской области от 6 сентября 2006 г. № 187-пп «О проведении эвакуационных мероприятий при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций на территории области в мирное время» // Консультант-Плюс.

из зоны чрезвычайной ситуации нетрудоспособного населения, детей дошкольного возраста, учащихся школ, лицеев и профессионально-технических училищ.

Общее руководство эвакуацией населения осуществляется руководителями гражданской обороны области, городов и районов через комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности территориальных, ведомственных, объектовых органов управления.

Планы эвакуации населения при угрозе и возникновении чрезвычайной ситуации входят в состав планов действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в мирное время области, городского округа, муниципальных районов. В плане указывается:

- порядок оповещения населения о начале эвакуации;
- численность и состав населения, подлежащего эвакуации;
- районы размещения эвакуированного населения;
- маршруты вывода (вывоза) населения;
- пункты посадки населения на транспорт, пункты высадки в безопасных районах;
- организация защиты населения в местах сбора и на маршрутах эвакуации;
- порядок размещения эвакуантов в безопасных районах и его первоочередное жизнеобеспечение;
- санитарно-противоэпидемические и лечебно-эвакуационные мероприятия;
- порядок управления эвакуацией населения;
- организация информации и инструктирование населения в ходе эвакуации.

К плану эвакуации прилагаются приложения:

- расчет населения, подлежащего эвакуации;
- потребность и возможности транспорта (железнодорожного, автомобильного), его распределение по эвакуационным направлениям и маршрутам для вывоза населения;
- карта размещения эвакуантов в безопасных районах.

На все население, подлежащее эвакуации, по месту жительства, на предприятиях, в учреждениях и организациях составляются эвакуационные списки. Не занятые в производстве (не работающие) члены семей рабочих и служащих включаются в списки по месту работы главы семьи.

Особенности проведения эвакуации определяются в зависимости от вида чрезвычайной ситуации (радиационное загрязнение или химическое заражение, катастрофическое затопление и подтопление местности, наводнение, обильные паводки, сильный и ураганный ветер, оползни, обвалы), пространственно-временными характеристиками воздействия поражающих факторов вида чрезвычайной ситуации, численностью населения, попавшего в зону возможного заражения, затопления, временем и срочностью проведения эвакуационных мероприятий.

С целью создания необходимых условий для организованного проведения эвакуации планируются и предусматриваются мероприятия по следующим видам обеспечения: транспортному, медицинскому, охране общественного порядка и безопасности дорожного движения, инженерному, материально-техническому, связи и оповещения, разведки.

Воздушная разведка ведется экипажами самолетов, вертолетов гражданской авиации, заключается в определении в короткие сроки границ очагов поражения, характера разрушений и пожаров, состояния мостов, дорог, переправ объектов экономики, инженерных сооружений.

Наземная разведка ведется разведывательными формированиями и подразделениями, учреждениями сети наблюдения и лабораторного контроля, постами радиационной и химической разведки в целях получения более полных и достоверных данных о границах зон ЧС, уровнях радиации, характере разрушения, состоянии защитных сооружений, дорожной сети. При необходимости организуются специальные виды разведки:

- радиационная;
- химическая;
- пожарная;
- инженерная;
- медицинская;
- ветеринарная;
- фитопатологическая и другие.

Постановлением Губернатора Белгородской области «О заблаговременной подготовке безопасных районов к проведению эвакуационных мероприятий в военное время, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»²⁵ утвержден перечень безопасных районов, в которые будет эвакуировано население при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Для предотвращения возникновения чрезвычайных экологических ситуаций 14 декабря 2004 года правительством Белгородской области принято постановление «Об утверждении требований по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения области»²⁶.

Требования предусматривают осуществление комплекса мероприятий по уменьшению риска чрезвычайных ситуаций техногенного характера на потенциально опасных объектах, на которых используются, производятся, перерабатываются, хранятся и транспортируются пожаровзрывоопасные, опасные химические и биологические вещества, и объектах, обеспечивающих жизнедеятельность населения. Постановление содержит перечень требований на стадии разработки ходатайства о намерениях инвестирования в строительство и обоснования инвестиций в строительство предприятий, зданий и сооружений; требования на стадии разработки проекта строительства; требования на стадии строительства и ввода в эксплуатацию; требования на стадии эксплуатации; требования на стадии вывода из эксплуатации.

Для установления степени риска чрезвычайных ситуаций техногенного характера определяются:

- расчетные сценарии возможных крупных аварий, приводящих к чрезвычайным ситуациям (условия возникновения, поражающие факторы, продолжительность их воздействия и масштабы);
- частота или вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций по каждому из выбранных расчетных сценариев;
- границы зон, в пределах которых может осуществляться поражающее воздействие источника чрезвычайной ситуации;
- распределение людей (производственного персонала и населения) на территории, в пределах которой может осуществляться поражающее воздействие источника чрезвычайной ситуации.

По результатам прогнозирования чрезвычайных ситуаций техногенного характера потенциально опасные объекты и объекты жизнеобеспечения подразделяются по степени опасности в зависимости от масштабов возникающих чрезвычайных ситуаций на пять классов:

1 класс – потенциально опасные объекты и объекты жизнеобеспечения, аварии на которых могут являться источниками возникновения федеральных и (или) трансграничных чрезвычайных ситуаций;

2 класс – потенциально опасные объекты и объекты жизнеобеспечения, аварии на которых могут являться источниками возникновения региональных чрезвычайных ситуаций;

3 класс – потенциально опасные объекты и объекты жизнеобеспечения, аварии на которых могут являться источниками возникновения территориальных чрезвычайных ситуаций;

4 класс – потенциально опасные объекты и объекты жизнеобеспечения, аварии на которых могут являться источниками возникновения местных чрезвычайных ситуаций;

5 класс – потенциально опасные объекты и объекты жизнеобеспечения, аварии на которых могут являться источниками возникновения локальных чрезвычайных ситуаций.

Отнесение потенциально опасных объектов и объектов жизнеобеспечения к классам опасности осуществляется комиссией, образуемой правительством Белгородской области.

²⁵ Постановление Губернатора Белгородской области от 15 марта 2005 г. № 43 «О заблаговременной подготовке безопасных районов к проведению эвакуационных мероприятий в военное время, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. Постановления Губернатора Белгородской области от 04.12.2007 № 157) // Консультант-Плюс.

²⁶ Постановление Правительства Белгородской области 14 декабря 2004 г. № 191-пп «Об утверждении требований по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения области» // Консультант-Плюс.

Таким образом, анализ экологического законодательства Белгородской области позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, законодательство Белгородской области по экологическим правам человека и экологической безопасности является разработанным и достаточно полным. Оно разработано и принято в соответствии с федеральным законодательством в данной области, детализирует его и ему не противоречит.

Неоправданное дублирование норм федерального законодательства присутствует только в Постановлении правительства Белгородской области от 26 января 2007 г. № 11-пп «Об утверждении положения о порядке оповещения и информирования населения области в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени», что делает его принятие нецелесообразным.

Во-вторых, отсутствуют какие-либо нормативные акты, касающиеся информирования населения об экологической обстановке на территории области при отсутствии чрезвычайных ситуаций. Представляется необходимым принять нормативный акт, в котором предусматривались бы обязанности органов государственной власти информировать население об экологической обстановке в области в штатном порядке, не реже чем раз в 2 недели, используя средства массовой информации, в то же время оповещая население о произошедших нарушениях экологического законодательства и об их возможных последствиях

Список литературы

1. Чертков А.Н. Федеральное законодательство в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов: проблема соотношения и гармонизации // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 3. С.9
2. Соколова И. Оценка соответствия региональных правовых актов Конституции РФ. // Законность. 2002. № 8. с.32
3. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации <<http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-26>>
4. Рахманина Т.Н. Студенкина М.С. Нормотворчество субъектов Российской Федерации: Типология актов и законодательные программы // Законы области как субъекта Российской Федерации: Сборник. / Под ред. Ю. А. Тихомирова. – Воронеж, 1996. С. 42-43.

REGIONAL LEGISLATION TO REGULATION OF ECOLOGICAL SAFETY AND PROTECTION OF THE PERSONS INJURED AT EXTREME SITUATIONS OF ECOLOGICAL CHARACTER (BY THE EXAMPLE OF THE BELGOROD AREA)

V. I. Evtushenko

Belgorod State University

e-mail: 77712@live.ru

In clause the comparative analysis of the federal and regional legislation (is lead by the example of the Belgorod area), devoted to legal regulation of ecological human rights, ecological safety and protection of the persons injured at extreme situations of ecological character and the conclusion that the legislation of the Belgorod area is developed enough and rather full is made. It is developed and it is accepted according to the federal legislation in the given area, details it and to it does not contradict. A number of the statutory acts devoted to the given problem, are an innovation of the regional legislation.

Key words: an environment, ecological safety, an extreme situation of ecological character, action on resettlement.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК 340.155.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА В РОССИИ ПО РЕФОРМЕ 1864 ГОДА

Ю. С. Гусакова

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Gusakova@bsu.edu.ru

В статье исследуются некоторые вопросы относительно функций прокуратуры, которые имела последняя по судебной реформе 1864 года, а также ее структурные изменения. в результате получены данные, свидетельствующие о сокращении объема надзорных полномочий прокуратуры исследуемого периода и превращении ее в орган уголовного преследования, а также том, что следствие осуществлялось при содействии полиции, за которой, в свою очередь, надзирала прокуратура. производилось одним из членов судебной палаты при обязательном личном присутствии прокурора палаты или его товарища. Таким образом, прокуратура в пореформенной России была единственным государственным институтом, осуществляющим надзор за следственным производством.

Ключевые слова: прокуратура, органы расследования, суд, реформа, надзор.

Ст. 278 Устава уголовного судопроизводства было установлено, что «прокуроры и их товарищи по всем вопросам следствия дают предложения судебным следователям и постоянно наблюдают за производством следственных действий»¹. Примечательно, что процессуальные сомнения и затруднения следователь в первом случае должен был разрешать с помощью суда, во втором это было прерогативой прокуратуры.

На практике это порождало спорные отношения между судебным следствием и прокуратурой, что было редким явлением. Поэтому в 1896 году Министерство юстиции издало специальный Циркуляр, адресованный судебным и прокурорским инстанциям.

В Циркуляре министр юстиции как генерал-прокурор указывал: «Признать, что разногласия между судебным следствием и прокурорским надзором разрешаются судебной палатой»². Таким образом, разногласия между прокурорами и судебными следователями в губернии разрешались судебной палатой, в подчинении которой находились су-

¹ Высочайше учрежденная комиссия по пересмотру законоположений по судебной части // Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т.1. СПб., с. 175-176. Нельзя не заметить, что этот тезис актуален и для современной прокуратуры.

² Журнал Министерства юстиции, 1867, август, с. 182.

дебные и прокурорские инстанции окружного суда. Нетрудно заметить, что, издав специальный Циркуляр, министр юстиции как генерал-прокурор, в данном случае, выступил координатором взаимоотношений института судебных следователей с прокурорами³.

Так в чем же проявлялось взаимодействие судебных следователей и прокуроров? Так, статья 1 «Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» в редакции 1876 года определяла его следующим образом: производство уголовных дел состоит:

- 1) в следствии или изыскании всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление и собирания доказательств к открытию и обличению виновного;
- 2) в суде, который состоит в проверке следствия, в суждении, по силе доказательств и улик, о вине или невинности подсудимого и в постановлении приговора по закону;
- 3) в исполнении приговора»⁴.

Следовательно, из содержания данной нормы можно заключить, что следствие в лице судебных следователей и прокуратура процессуально оказались практически связаны между собой. Следствие осуществлялось при содействии полиции, за которой, в свою очередь, надзирала прокуратура. В то же время, как гласила ст. 312 Судебного устава, получив сообщение о преступлении, «в сомнительных случаях прокурор производит через полицию предварительное негласное разведывание»⁵.

Изложенное подтверждает также и следующее обстоятельство. Предварительное следствие производилось одним из членов судебной палаты при обязательном личном присутствии прокурора палаты или его товарища. Эти лица при производстве следствия обладали теми же правами, которые были предоставлены судебному следователю и прокурору окружного суда в общем порядке судопроизводства. Кроме того, прокурор судебной палаты имел право до начала следствия поручить производство дознания прокурору окружного суда, его товарищу или полиции.

Все материалы об окончании предварительного следствия поступали в прокуратуру. Если прокурор считал, что обвиняемого надо предать суду, то свое решение об этом он излагал в форме обвинительного акта. Составлять обвинительный акт и поддерживать обвинение в суде были вправе: прокуроры судебных палат, обер-прокуроры Сената, министр юстиции или его товарищ по делам о государственных преступлениях, а также военный прокурор по делам о военных преступлениях.

Таким образом, есть основание для вывода о том, что законодатель установил необходимую правовую основу для взаимодействия и обеспечения согласования в действиях различных по статусу органов предварительного расследования.

Также необходимо отметить, что принадлежащее прокуратуре право наблюдения за деятельностью следователей осуществлялось в двух формах:

1. Путем проверки непосредственно письменного производства хода следствия и различных письменных актов, получаемых прокурором от судебного следователя: закон обязывал следователя доводить до прокурора или его товарища сведения обо всех важнейших действиях следствия, о начале его производства, о применении мер пресечения и т.д. По окончании производства следствия дело доставлялось следователем прокурору для принятия по нему окончательного решения.

2. В форме личного присутствия прокурора при производстве следственных действий. Но, несмотря на действенность такой формы, как ознакомление с материалами дела, что давало прокурору возможность непосредственно и своевременно знакомиться с ними и непосредственно предлагать следователю производство каких-либо мероприятий, личное присутствие прокурора при производстве следственных действий было скорее исключением, чем правилом. Объяснялось это недостаточностью численного состава прокурорских работников и большой разбросанностью следственных участков; поэтому этот способ применялся лишь в крупных населенных пунктах⁶.

³ Журнал Министерства юстиции. 1867, август // ЦГИА, фонд 5, опись Ж-92, дело 3310, с. 168.

⁴ Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876, с. 1.

⁵ Зиннуров Р.Н. Взаимодействие органов уголовной юстиции в пореформенный период (1864-1917г.г.) // История государства и права, 2003, №1, с. 5.

⁶ Ст. 262-267 Устава Уголовного Судопроизводства.

Тем не менее, в связи с возрастающим объемом выполняемой прокурорами работы, встал вопрос об ее формально-штатных и материальных возможностях, который обсуждался в комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под руководством министра юстиции Н. В. Муравьева. Комиссия пришла к выводу, что «деятельность прокурорского надзора в настоящее время представляется более или менее удовлетворительной, и прокуратура не нуждается ни в каких организационных изменениях; замеченные же недостатки могут быть устранены увеличением ее личного состава, возвышением материального положения и находящимися в распоряжении министра юстиции административными мерами»⁷.

Анализ взаимодействия прокуратуры и судебных следователей позволяет сделать некоторые выводы.

Так, из права прокурора наблюдать за производством предварительного следствия вытекало соответствующее право обжалования действий судебного следователя и возбуждения вопроса о его дисциплинарной и судебной ответственности. При осуществлении этого полномочия прокурор, как уже отмечалось, действовал не как сторона, а как представитель закона, в связи с чем обращения его к суду имели форму предложений, а не жалоб и протестов⁸. При этом прокурор должен был с одинаковым беспристрастием стремиться к выяснению обстоятельств как уличающих обвиняемого, так и обстоятельств, его оправдывающих.

По этому поводу И.Я. Фойницкий писал: «Такое построение мыслимо только в идее, – настолько оно само по себе искусственно. Несомненно, что в существе прокурорской власти заключается функция охранения закона, но она принадлежит прокуратуре по отношению к власти правительственной, а не по отношению к власти судебной. В назначении быть стражем закона при правительстве прокуратура получает основание и силу своего существования; становясь стражем закона при суде, она раздвояется в своей деятельности, и, за массу непроизводительных забот по охране закона, имеющего гораздо лучшего охранителя в лице суда, становится менее пригодной для исполнения своей естественной функции защитника и представителя законных интересов правительства»⁹.

Далее отметим что, судебный следователь не мог своей властью прекратить производство предварительного следствия по какой бы то ни было причине. На это он должен был запросить через прокурора разрешение Округного суда, который в случае несогласия представлял дело на разрешение Судебной палаты¹⁰. Причем, любого рода пререкания между чинами прокуратуры и судебными следователями разрешались округным судом.

Итак, по судебным уставам 1864 года царская прокуратура была построена главным образом как орган судебного надзора. Последующие законодательства возложили на прокуратуру ряд административных функций. Так, например, прокурор принимал участие в присутствии по делам городского и земского самоуправления, по гражданским делам, по фабрично-заводским делам, по воинской повинности и т. д., но участвовал прокурор не как орган наблюдения за законностью. Он имел право решающего голоса, но права протеста на постановления присутствия не имел.

В области надзора за следствием прокуратура дореволюционной России имела значительные права. Требования и указания прокурора для следователей были обязательны. Только предложение прокурора о заключении обвиняемого под стражу следователь в случае несогласия мог оспаривать и перенести вопрос на разрешение суда. Таким образом, прокуратура в пореформенной России была единственным государственным институтом, осуществляющим надзор за следственным производством.

Список литературы

1. Высочайше учрежденная комиссия по пересмотру законоположений по судебной части // Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т.1. СПб., с.175-176.
2. Журнал Министерства юстиции, 1867, август, с. 182.

⁷ Ст. 493 Устава Уголовного Судопроизводства.

⁸ Фойницкий И.Я. курс уголовного судопроизводства, с. 621.

⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996г., т. 2, с. 288.

¹⁰ ЦГИА РБ, фонд 6/333, оп. 2, дело 28, с. 3.

3. Журнал Министерства юстиции. 1867, август // ЦГИА, фонд 5, опись Ж-92, дело 3310, с. 168.
4. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876, с. 1.
5. Зиннуров Р.Н. Взаимодействие органов уголовной юстиции в пореформенный период (1864-1917г.г.) // История государства и права, 2003, №1, с. 5.
6. Ст. 262-277 Устава уголовного судопроизводства.
7. Ст. 493 Устава Уголовного Судопроизводства.
8. Фойницкий И.Я. курс уголовного судопроизводства, с. 621.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996г., т. 2, с. 288.
10. ЦГИА РБ, фонд 6/333, оп.2, дело 28, с. 3.

INTERACTION BETWEEN INVESTIGATOR AND PUBLIC PROSECUTOR IN RUSSIA ACCORDING TO THE REFORM OF 1864

U. S. Gusakova

Belgorod State University

e-mail: Gusakova@bsu.edu.ru

This paper dwells on some problems of function of public prosecutor's office that it had according to the judicial reform of 1864 and its structural changes. As a result supervisory powers of the public prosecutor's office were shortened and transformed into prosecuting agency. The investigation was made with the assistance of police. Preliminary investigation was made by one of the chamber members at the obligatory presence of public prosecutor or his comrade. So, in 1864 in Russia, public prosecutor's office was the only state institution that made inspection after the investigation.

Key words: public prosecutor's office, reform preliminary investigator, inquiry, supervision.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

О. С. Степанюк

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Stepanyuk@bsu.edu.ru

В работе рассматривается проблематика уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации и участие в ее деятельности. Анализируются элементы состава указанного преступления. Особое внимание уделяется изучению особенностей специального основания освобождения от уголовной ответственности за участие в деятельности экстремистской организации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; организация деятельности экстремистской организации; участие в деятельности экстремистской организации; освобождение от уголовной ответственности.

В соответствии с п. 9 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации». Данная статья включает в себя две части. В части 1 предусматривается уголовная ответственность за организацию деятельности экстремистской организации, а в части 2 – ответственность за участие в деятельности экстремистской организации. Анализируя состав данного преступления, следует отметить, что родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие стабильность и нормальное функционирование государственной власти в целом, а также нормальное функционирование ее отдельных институтов и органов в частности. Видовой объект данного преступления можно представить как основы конституционного строя государства, его безопасность. Непосредственным объектом ст. 282.2 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие внутреннюю безопасность, стабильность государства, устойчивость государственной власти, отсутствие угроз целостности страны. Отличительным моментом является то, что основным дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ, как мы полагаем, выступает нормальная деятельность органов правосудия по обеспечению исполнения решения суда, а в целом по обеспечению положений Закона о противодействии экстремистской деятельности. Факультативным объектом ст. 282.2 УК РФ является совокупность общественных отношений, возникающих в связи с нормальной, законной деятельностью различного рода организаций, в том числе общественных и религиозных объединений, а также отдельных их представителей.

Объективная сторона деяния, предусмотренного в части 1 ст. 282.2 УК РФ, состоит в организации деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Прежде всего, в рассматриваемом законоположении обращает на себя внимание формулировка «*общественное или религиозное объединения либо иная организация*», которая, по нашему мнению, нуждается в толковании. В соответствии со статьями 7 и 9 Закона о противодействии экстремистской деятельности к числу экстремистских организаций относятся объединения двух видов.

Во-первых, общественные и религиозные объединения, а также иные организации, являющиеся юридическими лицами. Фактически это означает, что экстремистской организацией может быть признано любое юридическое лицо, как некоммерческая орга-

¹ Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3029.

низация, так и коммерческая, если в их деятельности содержатся признаки экстремистской деятельности, предусмотренные ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности. Так, например, если общество с ограниченной ответственностью, осуществляющее издательскую деятельность, тиражирует экстремистские материалы, то оно может быть признано экстремистской организацией, поскольку по смыслу Закона о противодействии экстремистской деятельности оказывает содействие экстремистской деятельности. Кроме этого, юридическое лицо может быть признано экстремистской организацией, если экстремистская деятельность осуществляется не организацией в целом, а также ее региональным или структурным подразделением. В юридической литературе также отмечается, что в качестве иных организаций могут выступать организации в структуре органов власти и управления².

Во-вторых, общественные и религиозные объединения, не являющиеся юридическими лицами. Так, в соответствии со статьями 6 и 7 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»³, религиозное объединение может создаваться в форме религиозной группы. Религиозной группой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. Помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляются в пользование группы ее участниками. Религиозные группы имеют право совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, а также осуществлять обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. В свою очередь в ст.3 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁴ предусматривается возможность создания гражданами общественного объединения, которое будет функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица.

Таким образом, в качестве экстремистской организации могут признаваться как правосубъектные организации (юридические лица), так и неправосубъектные объединения граждан.

Однако, в литературе отмечается, что перечень организаций, которые в соответствии со ст. 282.2 УК РФ признаются экстремистскими, слишком широк и нуждается в корректировке. Так, Б.Я. Гаврилов и А.В. Павлинов отмечают следующее: «Необходимо внести также законодательные изменения и в текст уголовно-правовых норм, включенных в ст. 282.2 УК РФ и в примечание к данной статье. В них после слов «общественное или религиозное объединение» следует, на наш взгляд, вставить словосочетание «некоммерческая организация» вместо «иная организация». Данная редакция сузит перечень экстремистских организаций и не позволит отнести к ним коммерческие предприятия, основной целью функционирования которых является получение прибыли»⁵.

С этой позицией нельзя согласиться по следующим причинам. Действительно, для коммерческой организации основной целью деятельности является систематическое извлечение прибыли. Однако данное обстоятельство не препятствует коммерческой организации в проведении мероприятий неприбыльного характера (например, оказание спонсорской поддержки, предоставление пожертвований). Кроме этого, процесс извлечения прибыли может быть непосредственно связан с деятельностью экстремистского характера (например, тиражирование и реализация экстремистских материалов, экстремистской символики и т.п.).

Другой важной составляющей объективной стороны организации деятельности экстремистской организации является принятие судом вступившего в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности организации в связи с осуществлением

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Юрайт-Издат, 2007.

³ Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

⁴ Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

⁵ Гаврилов Б.Я., Павлинов А.В. Некоторые вопросы законодательного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и насильственного экстремизма // Российский следователь. – 2006. – № 2. – С.33; Павлинов А.В. Обоснование к проекту Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в статьи 208, 278, 279, 282, 282¹, 282² // Российский следователь. – 2005. – № 12. – С. 33.

экстремистской деятельности. Религиозное или общественное объединение, либо иная организация подлежат ликвидации, а деятельность религиозного или общественного объединения запрету, в следующих случаях:

✓ соответствующему объединению или организации, при выявлении в ее деятельности признаков экстремизма, было вынесено письменное предупреждение, которое не было обжаловано в суд или не признано судом незаконным, а допущенные нарушения не были устранены в установленный в предупреждении срок (ч.4 ст.7 Закона о противодействии экстремистской деятельности);

✓ в течение двенадцати месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в деятельности религиозного или общественного объединения либо иной организации (ч. 4 ст. 7 и ч. 2 ст. 9 Закона о противодействии экстремистской деятельности);

✓ осуществления соответствующим объединением или организацией экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда (ч. 2 ст. 9 Закона о противодействии экстремистской деятельности).

Следовательно, только решением суда юридическое лицо, либо религиозное или общественное объединение, не являющееся юридическим лицом, может быть признано экстремистской организацией. В этом случае, лица, организовавшие деятельность указанной организации, подлежат уголовной ответственности. При этом возможны два варианта организационной деятельности. Во-первых, если организация осуществляла экстремистскую деятельность с момента своего создания, то к уголовной ответственности должны привлекаться ее учредители. Во-вторых, если организация первоначально создавалась для достижения правомерных целей, но в последующем стала осуществлять экстремистскую деятельность, то к уголовной ответственности должны привлекаться те лица, действия которых фактически привели к подобной переориентации. Примером здесь может служить ситуация, когда, например, новые члены религиозной организации, исповедовавшей традиционный ислам, стали насаждать идеи вахабизма и смогли таким образом привлечь на свою сторону значительную часть верующих.

Вместе с тем, в юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой уголовная ответственность наступает только «в случае *организации дальнейшей деятельности* (выделено мной – Д.В.) общественного или религиозного объединения либо иной организации после того, как в законную силу вступило решение суда о ликвидации или запрете деятельности данного сообщества в связи с тем, что его деятельность была признана экстремистской»⁶.

С подобной позицией, по нашему мнению, нельзя согласиться. С одной стороны, в самом УК РФ не говорится о том, что деятельность организации должны быть фактически продолжена после ее ликвидации или запрета. С другой стороны, лицо, создавшее экстремистскую организацию, может скрыться уже после получения соответствующего предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, однако деятельность будет продолжена другими участниками. Получается, что скрывшийся организатор уголовной ответственности не подлежит, поскольку в последующей организационной деятельности он участия не принимает. Кроме этого, организатор запрещенной экстремистской организации, зная о тонкостях законодательства, может воссоздать, стать инициатором воссоздания запрещенной организации, но уже под другим наименованием и в другой организационно-правовой форме.

На наш взгляд, общественная опасность состоит не только в том, что лицо может продолжить организовывать деятельность экстремистской организации после ее ликвидации или запрета, но и в том, что подобная организация была вообще создана и начала свою деятельность.

⁶ Кладков А.В. Посягательство на общественные отношения, обеспечивающие недопущение экстремистской деятельности // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. Изд. дополненное / Под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, проф. А.И. Рарога, проф. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2008. – С. 535.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, образует участие в деятельности общественного или религиозного объединения, либо иной организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Преступление является с оконченным с момента совершения участником организации любого действия, которое содержит в себе признаки экстремизма, установленные в Законе о противодействии экстремистской деятельности.

В связи с этим, следует отметить, что, по мнению Б.Д. Завидова, в том случае, когда судом принимается решение о ликвидации или запрете деятельности экстремистской организации, сам факт участия влечет уголовную ответственность⁷. Рассмотрение этой точки зрения показывает, что фактически автор говорит о членстве в организации.

Однако, по нашему мнению, участие должно быть активным, поэтому само по себе членство в экстремистской организации еще не образует состава преступления. Например, если из-за экстремистской деятельности одного регионального подразделения юридического лица вся организация в целом признается экстремистской, то участники подразделений, находящихся в других регионах, могли и не знать о подобных фактах.

В качестве примеров квалификации участия лиц в деятельности экстремистской организации приведем несколько приговоров, вынесенных в отношении членов организации «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами». Сначала необходимо пояснить, что эта организация, созданная в 1953 году Такиуддином аль Набахони в Палестине, решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Верховный Суд в данном решении дал ей следующую характеристику: «Партия исламского освобождения» («Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами») – организация, которая имеет целью устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Всемирного исламского Халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ⁸. Основные формы деятельности – воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям, активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская с мощным финансовым подкреплением). В ряде государств Ближнего Востока и СНГ (Узбекистан) организация «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами» запрещена законом.

1) Хусаинов Э.Х. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 282.2 УК РФ. Он, вступив в партию «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами» в период с 2000 по 2003 год при неустановленных следствием обстоятельствах, 20 ноября 2003 года узнал от сотрудников правоохранительных органов, что данная партия признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации, однако впоследствии участвовал в ее деятельности. Участие выразилось в том, что Хусаинов Э.Х. неоднократно передавал депутатам местного законодательного органа к корреспонденту местной телекомпании «Обращение партии «Хизб-ут-Тахрир» к общественности», содержащее программные положения данной партии, а также он дал интервью корреспонденту местной телекомпании, в котором рассказал о деятельности, программе, целях партии «Хизб-ут-Тахрир»⁹.

2) Гайнутдинов Ф.Х. также был осужден по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ. Как указал суд, Гайнутдинов Ф.Х., являющийся с 2003 года участником международной исламской политической партии. «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами», действуя в интересах данной организации, умышленно осуществлял скрытую антироссийскую, антиконституционную деятельность, не исключая насильственные способы изменения конституционного

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: Издательство «Экзамен», 2003. – С. 683; Завидов Б.Д. Комментарий преступлений экстремистской направленности (ст.280,282¹, 282² УК РФ) (уголовно-правовой анализ) // ИПС «КонсультантПлюс».

⁸ Рязанов Э. Расследование участия в деятельности экстремистской организации // Законность. – 2007. – № 2. – С. 23.

⁹ Архив суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, дело № 2-22/05 за 2005 год / Цит. по: Хлебущкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 118.

строю, выразившуюся в пропагандистской работе среди населения; в создании партийной ячейки путем склонения мусульман к участию в деятельности указанной организации, воздействуя на их убеждения, сознание и религиозные чувства; в получении от неустановленных лиц и концентрировании литературы, содержащей пропаганду идей запрещенной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами», экстремизма и сепаратизма, а также сведения, направленные на разжигание межнациональной и межконфессиональной розни, призывающие к изменению существующего в Российской Федерации государственного строя и построению теократического исламского государства в форме «Халифата» путем тотальной исламизации населения, не исключая насильственных способов изменения конституционного строя, использования террора как формы политической борьбы¹⁰.

3) Гаянов М.Г. и Гумеров И.Р. тоже были осуждены по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ. Данные лица, зная о том, что решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года организация «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами» была признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации, вступили в нее, и став ее членами, участвовали в ее деятельности: выполняли поручения по вербовке в ряды «Хизб-ут-Тахрир» граждан, распространяли литературу «Хизб-ут-Тахрир», вели активную пропаганду идей данной партии, отчитывались руководству о количестве проведенных бесед, лекций по распространению идеологии. Так, Гумеров И.Р., дав клятву, вступил в партию «Хизб-ут-Тахрир» осенью 2004 года. После этого он неоднократно распространял листовки партии; вел таблицы, в которых записывал, сколько человек он призвал к исламу; пытался получить разрешение на проведение лекций про ислам в одной из местных библиотек, утверждая, что не может провести их в мечети, так как их не понимают пожилые люди, но после требования заведующего библиотеки предоставить программу лекций больше в библиотеку не явился. Согласно протоколам обыска, у Гумерова И.Р. изъята литература партии «Хизб-ут-Тахрир». Гаянов М.Г., также вошедший в состав «Хизб-ут-Тахрир» путем дачи клятвы, впоследствии в мечети проповедовал идеи «Хизб-ут-Тахрир», читал лекции о данной партии¹¹.

4) В феврале 2005 г. отделом по расследованию особо важных дел прокуратуры Удмуртской Республики направлено в суд уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2 УК РФ: по обвинению Закирова и Галимзянова в участии в деятельности террористической организации «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»).

Закиров и Галимзянов, активно участвовали в пропагандистской деятельности, вербовке сторонников организации. 14 ноября 2004 г. они распространяли листовки «Партии исламского освобождения» в Соборной мечети Ижевска, а также в местах большого скопления людей. В результате следственно-оперативных мероприятий установили, что деятельность Закирова и Галимзянова координируется руководителями, находящимися в Уфе, а Галимзянов имеет своих агентов во всех городах Удмуртской Республики.

Закиров и Галимзянов, желая завербовать таких лиц, чтобы не только привлечь дополнительных участников в свою организацию, но и расширить финансовые возможности, входили в доверие к ним, а также к лидерам мусульман, имамам городов, в лице которых видели будущих агентов «Партии исламского освобождения».

У Закирова изъяли типографскую карту Ижевска, на которой отмечены все учебные заведения города; удостоверение корреспондента редакции газеты «Ислам и Мир» Республики Башкортостан; доверенность мусульманской религиозной организации «Аль-Иман». Используя эти документы, Закиров под видом проведения лекций по исламу искал его сторонников с целью ввести их в заблуждение относительно истинных намерений партии «Хизбут-Тахрир» и склонить к участию в деятельности террористической организации. Он регулярно писал пропагандистские статьи в газету «Ихлас».

¹⁰ Архив Промышленного районного суда г. Самары, дело № 1-680/05 за 2005 год / Цит. по: Хлебущкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 118-119.

¹¹ Архив Верховного суда Республики Башкортостан, дело № 2-54/05 за 2005 года / Цит. по: Хлебущкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 119-120.

Суд постановил обвинительный приговор: назначить наказание в виде одного года лишения свободы условно с испытательным сроком в один год¹².

Таким образом, как видно из указанных примеров, участие в основном выражается в распространении специфической литературы запрещенной организации и иных формах распространения ее идей; склонение лиц к участию в деятельности данной организации.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом. Умысел организатора состоит в том, что он осознает экстремистскую направленность создаваемой им организации¹³, либо он осознает, что предпринимаемые им действия приведут к переориентации деятельности уже существующей организации в экстремистское русло.

Как правило, в юридической литературе подчеркивается, что субъект рассматриваемого преступления – общий, т.е. физическое лицо, достигшее возраста 16 лет¹⁴. Однако, по нашему мнению, с подобной точкой зрения трудно согласиться. Нам представляется, что главная особенность субъекта рассматриваемого преступления заключается в том, что он специальный. В данном случае, специальный субъект, по классификации Г.Н. Борзенкова, определяется признаками, характеризующими социальную роль и правовое положение¹⁵.

В качестве субъекта преступления могут выступать следующие лица.

1) Создатель экстремистской организации. Применительно к экстремистской организации являющейся юридическим лицом в качестве создателей выступают учредители. Поскольку учредителями религиозной организации (п. 3 ст. 8 Закона о свободе совести и религиозных объединениях) и общественных объединений (ст. 19 Закона об общественных объединениях), являющихся юридическими лицами, могут быть только совершеннолетние граждане, то возраст, с которого указанное лицо подлежит уголовной ответственности, составляет 18 лет.

2) Руководитель организации, а также руководитель ее регионального или структурного подразделения¹⁶. Представляется, что руководящий пост может занимать только совершеннолетнее лицо. Поэтому возраст, с которого лицо подлежит уголовной ответственности, также составляет 18 лет.

3) Лицо, фактическое поведение которого привело к появлению в деятельности религиозного или общественного объединения, либо иной организации признаков экстремизма (например, новый участник, работник и т.п.). Здесь следует иметь в виду, что в соответствии с п. 5 ст. 3 Закона о свободе совести и религиозных организациях запрещается участие в религиозных организациях малолетних, т.е. лиц в возрасте до 14 лет (ст. 28 ГК РФ). Следовательно, в деятельности религиозной организации граждан может участвовать с 14 лет. Согласно ст. 19 Закона об общественных объединениях граждане, достигшие 14 лет, могут быть участниками молодежных общественных объединений. Таким образом, возраст, с которого подлежит уголовной ответственности участник, который повлиял на переориентацию деятельности религиозной или молодежной общественной организации в направлении экстремизма, составляет 16 лет. Для участников других общественных организаций указанный возраст составляет 18 лет.

Субъективная сторона участия в деятельности экстремистской организации характеризуется прямым умыслом. Умысел участника заключается в том, что он осознает свое участие именно в деятельности экстремистской организации и совершает в ее рамках действия, которые содержат признаки экстремизма.

¹² Рязанов Э. Расследование участия в деятельности экстремистской организации // Законность. – 2007. – № 2. – С. 23.

¹³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 3 особенная часть (главы XI–XXI). – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 341.

¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – М.: Проспект, 2008; Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Юрайт-Издат, 2007; Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н.А. Громова. М.: ГроссМедиа, 2007.

¹⁵ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – С. 292.

¹⁶ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2008. – С. 536.

Субъектом преступления является рядовой член экстремистской организации или ее работник. Если указанное лицо ранее участвовало в создании экстремистской организации, то уголовная ответственность наступает по части 1 ст. 282.2 УК РФ. Как уже было отмечено, в деятельности религиозной или молодежной общественной организации, лицо может участвовать с 14 лет, поэтому возраст, с которого лицо подлежит уголовной ответственности, составляет 16 лет. Для участников других общественных организаций указанный возраст составляет 18 лет.

Следует отметить, что молодежный экстремизм является одним из наиболее опасных явлений. Так, министр внутренних дел РФ Рашид Нургалиев на совещании в Санкт-Петербурге отметил, что за 2008 год в России выявлено 42 тысячи молодых людей, принимавших участие в экстремистских организациях¹⁷.

В связи с этим в научной литературе отмечается, что возраст уголовной ответственности за участие в деятельности экстремистской организации необходимо понизить до 14 лет. В частности, этой позиции придерживается Е.Е. Донника¹⁸. Однако, при этом аргументация подобного автором предложения не приводится. Следует отметить, что в последнее время в науке уголовного права высказываются мнения о существенном расширении перечня преступлений, ответственность за совершение которых наступает с 14 лет, и даже о снижении возрастного порога уголовной ответственности.

К позиции о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за участие в экстремистской организации, мы считаем возможным присоединиться по следующим причинам.

1. Прежде всего, участие в деятельности экстремистской организации – это преступление достаточной высокой степени общественной опасности, поскольку именно организованные формы экстремизма представляют собой наибольшую угрозу для общества и государства.

2. Другим критерием является форма вины. Участие в экстремистской организации совершается с прямым умыслом. Подростки же в возрасте от 14 до 16 лет не несут ответственности за неосторожные преступления. Ранее закон делал исключения для неосторожного убийства. Теперь и за лишение жизни по неосторожности ответственность наступает с 16 лет.

3. При дифференциации возраста уголовной ответственности учитывается и возможность несовершеннолетних по-разному воспринимать и оценивать различные правовые запреты. В перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, включены лишь такие деяния, общественная опасность которых доступна пониманию в этом возрасте. Подросток, по нашему мнению, прекрасно понимает, что использование нацистской символики, пропаганда розни и ненависти между людьми и т.п., не может являться правомерным, полезным поведением, принимаемым обществом

4. Существенную роль играет относительная распространенность данного преступления в подростковом возрасте. Как показывают данные МВД России, к сожалению, участие в экстремистских организациях среди молодежи становится все более широким и распространенным.

5. В настоящее время УК РФ предусматривает наступление уголовной ответственности с 14 лет за террористический акт (ч. 2 ст. 20 УК РФ). А, как было показано выше, террористическая деятельность входит в содержание понятия экстремистской деятельности.

Специальное основание освобождения от уголовной ответственности за участие в деятельности экстремистской организации. В соответствии с примечанием к статье 282.2 УК РФ «лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Примечания к статьям Особенной части УК РФ – это специфический технико-юридический прием, с помощью которого уточняется смысл уголовно-правовой нормы

¹⁷ <http://www.mvd.ru>.

¹⁸ Доника Е.Е. О некоторых проблемах противодействия экстремизму в России на современном этапе // Труды Академии управления МВД России. – 2008. – № 3. – С. 36.

либо определяются пределы ее действия. По поводу юридической природы таких примечаний учеными высказываются разные мнения. Одни считают их уголовно-правовыми нормами, другие – частью уголовно-правовой нормы, третьи – аутентическим толкованием оценочных признаков, четвертые – нетипичным нормативным предписанием, расположенным вне юридической нормы¹⁹.

Представляется, что по своей юридической природе примечания к статьям Особенной части УК – самостоятельные структурные элементы текста уголовного закона (статьи), уточняющие какой-либо из признаков состава, закрепленного в уголовно-правовой норме, или ограничивающие пределы действия этой нормы, или формулирующие основания освобождения от уголовной ответственности.

В примечаниях могут уточняться: предмет преступления (примечание к ст. 264 УК), признаки объективной стороны (примечания к ст.ст. 117, 127.1, 158, 205.1, 205.2), специальные признаки субъекта преступления (примечания к ст.ст. 189, 201, 285, 359), признаки субъективной стороны преступления (примечание к ст. 282.1).

По содержанию примечания к статьям Особенной части УК делятся на: примечания-дефиниции; примечания, определяющие количественные показатели оценочных признаков; примечания, ограничивающие сферу применения уголовно-правовых норм; примечания, устанавливающие специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

В УК РФ наиболее многочисленны примечания, устанавливающие специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Большинство из них в качестве такого основания предусматривают деятельное раскаяние в форме позитивных постпреступных действий виновного (примечания к ст. ст. 126, 127.1, 204, 205², 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 282.1, 307). Из содержания примечания к ст. 282² УК РФ следует, что оно посвящено исключительно установлению специального основания освобождения от уголовной ответственности. Здесь следует отметить точку зрения А.Г. Хлебушкина, который указывает следующее: «В данном случае предусмотрен специальный вид деятельного раскаяния, но, во-первых, участие в деятельности указанных общественных или религиозных объединений либо иных организаций относится к преступлениям небольшой тяжести, что позволяет применять положения ч.1 ст.75 УК РФ и не требует специального регулирования, то есть введения дублирующего основания в примечании к статье особенной части; во-вторых, в нем нет требований о явке с повинной, способствовании раскрытию преступления, возмещении причиненного ущерба или ином заглаживании вреда, причиненного в результате преступления, а также указания на то, что вследствие деятельного раскаяния лицо перестало быть общественно опасным, достаточно лишь фактического прекращения участия. Из этого можно сделать следующие выводы: здесь имеет место либо ненужное дублирование, либо качественно новое и специфическое основание освобождения от уголовной ответственности»²⁰.

Хотя А.Г. Хлебушкин, безусловно, затрагивает интересный вопрос, его позиция не вызывает ни поддержки, ни отрицания, а скорее недоумение. Автор подчеркивает, что «из этого можно сделать следующие выводы», но в итоге ставит новый вопрос, на который не дает ответа. Однако, рассматривая проблематику, которую затронул автор, в свою очередь, нам бы хотелось отметить следующее. В рассматриваемом случае как раз и не происходит дублирования. Законодатель, руководствуясь гуманистическими началами, предусматривает не просто специальное, а льготное основание освобождения участника экстремистской организации от уголовной ответственности, поскольку каких-то иных дополнительных действий, характерных для деятельного раскаяния, от него не требуется.

Изучая содержание примечания к ст. 282.2 УК РФ, представляется необходимым выделить и рассмотреть особенности применения данного основания освобождения от уголовной ответственности.

Во-первых, поощрительная норма, предусмотренная в примечании к ст. 282.2 УК РФ, ориентирована исключительно на рядовых участников экстремистской организации, ее организаторы освобождению от уголовной ответственности не подлежат. На данное об-

¹⁹: Войтович А., Рарог А. Примечания в уголовном законе // Законность. – 2008. – 2. – С. 32.

²⁰ Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 120-121.

стоятельство в теории уголовного права, например, справедливо указывает А.В. Кладков²¹. В связи с этим обращает на себя внимание позиция А. Войтовича и А. Рарога. Указанные авторы, анализируя проблематику содержания примечания к ст. 282.1 УК РФ, указывают, что положения уголовного закона предписывают обязательное освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно прекративших участие в экстремистском сообществе. По смыслу закона, это основание освобождения распространяется только на рядовых участников названного преступного сообщества и не относится к их организаторам и руководителям. Между тем, в учебниках по уголовному праву и комментариях к УК этот вопрос либо остается без внимания, либо сводится к пересказу текста примечаний. В редких случаях авторы подчеркивают, что соответствующие примечания не распространяются на создателей и руководителей названных преступных сообществ. Но высказывается и мнение, что примечание к указанным статьям распространяется на всех соучастников. Для конкретизации содержания примечания к ст. 282.1 УК РФ в их тексте следует прямо указать на то, что они не распространяются на создателей и руководителей упомянутых в названных статьях сообществ²². Представляется, что указанный вывод авторов в полной мере распространяется и на примечание к ст. 282.2 УК РФ. По нашему мнению, с подобной позицией трудно согласиться. Если единственным аргументом для подобного предложения является «пересказ» нормативного материала в учебниках и комментариях по уголовному праву, то это не недостаток закона, а недостаток учебников и комментариев. Из текста примечаний к ст.ст.282.1 и 282.2 УК РФ прямо следует, что освобождение от уголовной ответственности связано с прекращением участия в деятельности экстремистской организации, а не с прекращением организационно-руководящей деятельности в рамках данной организации. Поэтому с точки зрения, юридической техники и принципа законодательной экономии необходимость указанного дополнения отсутствует.

Во-вторых, уголовный закон требует, чтобы действия виновного были добровольными. Добровольность означает, что решение о прекращении участия принимается лицом по собственной воле при сознании того обстоятельства, что преступление может быть продолжено²³. Не имеет значение то обстоятельство, что прекращение участия было обусловлено самостоятельным решением участника экстремистской организации, либо убеждением в необходимости подобного шага со стороны третьих лиц (родителей, иных членов семьи, друзей и др.). Мотивы прекращения (политическая, религиозная, идеологическая или иная переориентация, неприемлемость насильственных методов деятельности, учет мнения окружающих) значения не имеют, однако могут судить о добровольности волеизъявления.

В-третьих, в соответствии с содержанием примечания к ст. 282.2 УК РФ для освобождения от уголовной ответственности лицу достаточно только добровольно прекратить свое участие в экстремистской организации. Следует отметить, что в рассматриваемом случае речь должна идти только о фактическом прекращении участия в деятельности экстремистской организации, т.е. лицо не принимает участия ни в каких мероприятиях экстремистской направленности. Однако, при этом бывший участник экстремистской организации формально может сохранить свое членство (например, он не был исключен из организации в установленном ее уставом порядке). Поэтому работники правоохранительных органов при пресечении деятельности экстремистской организации могут определять ее участников по формальному критерию – лица являются зарегистрированными членами организации. Представляется, что данное обстоятельство не может являться основанием для привлечения к уголовной ответственности, если фактически участие ранее уже было добровольно прекращено.

Специальное основание освобождения от уголовной ответственности, установленное ст. 282.2 УК РФ, является частным случаем деятельного раскаяния, как основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 75 УК РФ.

²¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чугаева. – М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2008. – С. 537.

²² См.: Войтович А., Рарог А. Примечания в уголовном законе // Законность. – 2008. – 2. – С. 32.

²³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – М.: Проспект, 2008. – С. 456.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления:

- ✓ добровольно явилось с повинной;
- ✓ способствовало раскрытию преступления;
- ✓ возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления;
- ✓ вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

Таким образом, по общему правилу законодатель требует от правонарушителя не просто активного, но и определенного, целенаправленного поведения, которое должно подтвердить деятельность его раскаяния, желание по возможности исправить последствия произошедшего. В отличие это, законодатель не требует от участника экстремистской организации каких-либо активных действий – таких как обращение в правоохранительные органы; сообщение сведений о других участниках экстремистской организации, о намерениях и планах экстремистского характера, о правонарушениях, уже совершенных экстремистской организацией. Фактически для освобождения от уголовной ответственности от участника экстремистской организации требуется пассивное поведение – это прекращение участия. Данное обстоятельство отличает поощрительную норму, содержащуюся в примечании к ст. 282.2 УК РФ, от некоторых подобных норм в примечаниях к другим статьям Особенной части УК РФ.

Для сравнения, например, возьмем ст. 205 УК РФ предусматривающую уголовную ответственность за террористический акт, поскольку террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности. В соответствии с примечанием к ст. 205 УК РФ лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления. Конструкция примечания к ст. 205 УК РФ делает применение, содержащейся в нем нормы, весьма затруднительным. Во-первых, если участник подготовительных действий к акту терроризма, с риском для своей жизни и жизни своих близких, своевременно сообщил в правоохранительные органы о готовящемся преступлении, однако по независящим от него обстоятельствам указанные органы не смогли предотвратить террористический акт, то указанное лицо освобождению от уголовной ответственности не подлежит. Во-вторых, использование в тексте примечания оценочного понятия «своевременное предупреждение» порождает проблему определения границ такой своевременности. В связи с этим предлагается изменить содержания примечания к ст. 205 УК РФ. В частности, следует предусмотреть возможность освобождения лица, участвовавшего в подготовке акта терроризма, от уголовной ответственности, если оно предприняло все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления, либо наступление его тяжких последствий.

Таким образом, основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное примечанием к ст. 282.2 УК РФ, является более льготным по сравнению с аналогичным основанием, установленным в примечании к ст. 205 УК РФ. Это обстоятельство представляется нам не логичным, поскольку любая террористическая деятельность, в том числе террористический акт, является одним из видов экстремистской деятельности.

Завершая рассмотрение данного условия, необходимо отметить следующее. В науке уголовного права высказывается позиция, что все-таки примечание к ст. 282.2 УК РФ подразумевает деятельное раскаяние. В этой связи, следует быть отмеченной точка зрения В.К. Коломейца, который указывает, что в соответствии с приложением к ст. 282.2 УК РФ действия участника экстремистской организации, прекратившего свое участие в ней, понимаются как явкой с повинной²⁴. С этой позицией нельзя согласиться, поскольку явка с повинной предполагает активные действия, в то время как прекращение участия – это пример пассивного поведения и сообщать об этом правоохранительным органам не требуется.

²⁴ Коломеец В.К. Положения о явке с повинной в российском законодательстве (1845-2005 гг.) // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 23.

В-четвертых, по смыслу уголовного закона освобождение участника экстремистской организации от уголовной ответственности за подобное участие является для правоприменителя, осуществляющего привлечение виновного к уголовной ответственности, обязательным. Этот вывод, обусловлен буквальным толкованием формулировок примечания к ст. 282.2 УК РФ в котором говорится, что участник «освобождается от уголовной ответственности», а не «может быть освобожден от уголовной ответственности». Это обстоятельство также отличает специальное основание освобождения от уголовной ответственности по ст. 282.2 УК РФ, от общей нормы деятельном раскаянии, установленной в ч.1 ст. 75 УК РФ. Поскольку. Согласно общему правилу, лицо «может быть освобождено от уголовной ответственности».

В-пятых, условием освобождения от ответственности виновного является также отсутствие в его действиях иного состава преступления. В литературе отмечается, что участник экстремистской организации будет нести ответственность за иные преступления, но будет освобожден от ответственности по рассматриваемой статье²⁵. С одной стороны такая трактовка противоречит смыслу рассматриваемой нормы. Так, буквальное толкование позволяет сделать вывод, что участник экстремистской организации освобождается от уголовной ответственности только в случае, если участвуя в деятельности экстремистской организации, он не совершил никакого другого преступления. Однако, если он добровольно покинул экстремистскую организацию, но до этого совершил преступление, то ответственность должна наступать и за участие в экстремистской организации и за совершение данного преступления.

Но в теории уголовного права в этой связи существует и другая позиция. Так, В.С. Егоров отмечает, что «буквально толкуя нормы, предусматривающие специальные виды деятельного раскаяния, можно прийти к выводу о том, что необходимым условием освобождения от уголовной ответственности является в этих случаях не только совершение виновным полезных действий, но и несовершение иного преступления. Вместе с тем, теория и практика применения рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности традиционно не признают указанный признак обязательным»²⁶. В связи с этим автор считает целесообразным построение всех норм Особенной части УК РФ, регулирующих освобождения от уголовной ответственности в силу деятельного раскаяния, по образцу примечания к ст. 228 УК РФ, то есть указанием освобождение от наказания именно за данное преступление.

С этой позицией следует согласиться, поскольку поощрительная норма, содержащаяся в ст. 282.2 УК РФ, призвана не только решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности, но и стимулировать лиц, вовлеченных в деятельность экстремистской организации, к отказу от дальнейшего участия, что в итоге ослабляет экстремистскую организацию. Однако, если участник экстремистской организации, уже, к сожалению, совершивший преступление в составе этой структуры, будет знать, что в случае добровольного прекращения участия он понесет ответственность и за само участие в экстремистской организации и за совершенное в результате этого преступление, то никакого смысла добровольно прекращать своего участия у него не будет. В этом случае стимулирующее воздействие примечания к ст. 282.2 УК РФ полностью исключается. В случае же, когда участник экстремистской организации будет осознавать, что добровольный выход из экстремистской структуры полностью освобождает его от уголовной ответственности за такое участие, и поэтому он будет отвечать только за те правонарушения, которые совершил в составе экстремистской организации, то это будет дополнительным аргументом к прекращению преступной деятельности. Кроме этого, данное обстоятельство может оказать стимулирующее воздействие и на других рядовых участников экстремистской организации.

В заключение, представляется необходимым отметить, что специальное основание освобождения от уголовной ответственности за участие в экстремистской организации, предусмотренное в примечании к ст. 282.2 УК РФ, является более льготным положением по сравнению с общим правилом о деятельном раскаянии, установленным ч.1 ст.75 УК РФ.

²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – М.: Проспект, 2008. – С. 456.

²⁶ Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. – С. 131.

Поскольку данное положение призвано стимулировать рядовых членов экстремистской организации к прекращению подобного участия, примечание к ст. 282.2 УК РФ в предлагаемых в теории уголовного права корректировках, по нашему мнению, не нуждается.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Юрайт-Издат, 2007.
2. Гаврилов Б.Я., Павлинов А.В. Некоторые вопросы законодательного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и насильственного экстремизма // Российский следователь. – 2006. – № 2. – С. 33.
3. Павлинов А.В. Обоснование к проекту Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в статьи 208, 278, 279, 282, 282¹, 282² // Российский следователь. – 2005. – № 12. – С. 33.
4. Кладков А.В. Посягательство на общественные отношения, обеспечивающие недопущение экстремистской деятельности // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. Изд. дополненное / Под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, проф. А.И. Рарога, проф. А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2008. – С. 535.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М.: Издательство «Экзамен», 2003. – С. 683.
6. Завидов Б.Д. Комментарий преступлений экстремистской направленности (ст.280,282¹, 282² УК РФ) (уголовно-правовой анализ) // ИПС «КонсультантПлюс».
7. Рязанов Э. Расследование участия в деятельности экстремистской организации // Законность. – Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
8. Рязанов Э. Расследование участия в деятельности экстремистской организации // Законность. – 2007. – № 2. – С. 23.
9. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т.3 особенная часть (главы XI-XXI). – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 341.
10. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – М.: Проспект, 2008.
11. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н.А. Громова. М.: ГроссМедиа, 2007.
12. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – С. 292.
13. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М, КОНТРАКТ, 2008. – С. 536.
14. Доника Е.Е. О некоторых проблемах противодействия экстремизму в России на современном этапе // Труды Академии управления МВД России. – 2008. – № 3. – С. 36.
15. Войтович А., Рарог А. Примечания в уголовном законе // Законность. – 2008. – 2. – С. 32.
16. Коломеец В.К. Положения о явке с повинной в российском законодательстве (1845-2005 гг.) // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 23.
17. Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. – С. 131.

SOME QUESTIONS OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR THE ORGANIZATION ACTIVITY OF THE EXTREMIST ORGANIZATION

O. S. Stepanyuk

Belgorod State University

e-mail: Stepanyuk@bsu.edu.ru

In work the problematics of the criminal liability for the organization of activity of the extremist organization and participation in its activity is considered. Elements of structure of the specified crime are analyzed. The special attention is given studying of features of the special basis of clearing of the criminal liability for participation in activity of the extremist organization.

Key words: the criminal liability; the organization of activity of the extremist organization; participation in activity of the extremist organization; clearing of the criminal liability.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ПРОИЗВОДСТВО ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

С. Ф. Шумилин

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Shumilin@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы понятия «иные процессуальные действия» и реализации полномочий следователя на получение доказательственной информации путем производства таких действий.

Ключевые слова: доказательственная информация; получение документов и предметов; внесение запросов об оказании правовой помощи.

Одним из основных направлений уголовно-процессуальной деятельности следователя является собирание доказательств в целях установления наличия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, следователь вправе собирать доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий. Однако в УПК РФ нет определения иных процессуальных действий как способов получения информации, которая после её проверки и оценки может быть использована в качестве доказательства по уголовному делу. Более того, полномочия следователя на производство иных процессуальных действий в ряде случаев носят «латентный» характер. Это означает, что эти полномочия не имеют вербальной формы, а их наличие можно обнаружить только путем системного толкования уголовно-процессуальных норм, закрепленных в ч. 2 ст. 86 и ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 86 УПК отдельные участники уголовного судопроизводства наделены правами представлять предметы (документы) для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. По смыслу ч. 1 ст. 11 УПК РФ указанным правам соответствуют обязанности лиц, в производстве которых находится уголовное дело, получать представляемые предметы (документы) и принимать решение об относимости их к уголовному делу и допустимости использования в качестве доказательств.

В ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР 1960 г. также было закреплено положение, согласно которому участники уголовного процесса, а также любые граждане, предприятия, учреждения и организации могли представлять предметы и документы.

Общей чертой, присущей как УПК РСФСР 1960 г., так и УПК РФ 2001 г., является отсутствие норм, регламентирующих порядок получения должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, представляемых им предметов (документов).

В свое время положение ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР, которое в несколько измененном виде было реципировано УПК РФ 2001 г., Р.С. Белкин очень точно назвал «бессодержательной процессуальной ловушкой», поскольку закрепленному в ней праву не соответствовала ничья обязанность обеспечить возможность его реализации¹.

Автор настоящей работы также обращал внимание на негативные последствия такого положения: необоснованные отказы в принятии представляемых документов и предметов, неправильное оформление факта представления документов или предметов и, как следствие, утрата доказательственного значения представленных документов или предметов, нарушение прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций².

По сути ничего не изменилось и с принятием УПК РФ 2001 г., поскольку ни в ст. 86 УПК, ни в других статьях УПК не установлены процедурные предписания, образующие механизм реализации обязанности следователя получать представляемые документы и предметы и принимать решения о приобщении их к уголовному делу.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 217-218.

² Шумилин С.Ф., Ключников Ю.А. Правовое регулирование на предварительном следствии: предмет, механизм, способы. Гомель, 1999. С. 119-122.

Отсутствие в УПК норм, устанавливающих порядок получения следователем представляемых документов и предметов, послужило основанием для разработки научно-практических рекомендаций по процессуальному закреплению представляемых документов и предметов и предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Такие рекомендации разрабатывались в период действия УПК РСФСР 1960 г.³; продолжается их разработка и после принятия УПК РФ 2001 г.

Почти ни у кого не вызывает сомнения то, что в случае представления документов и предметов следователь должен составлять протокол, в котором должны быть зафиксированы содержание ходатайства о приобщении документа или предмета, цель представления, содержание документа, результаты осмотра предмета, его индивидуальные признаки и др.⁴.

Однако дискуссионным оказался вопрос о том, как должен называться протокол, удостоверяющий факт представления следователю документа или предмета.

В частности, в процессуальной литературе было высказано предложение называть протокол, удостоверяющий факт представления следователю предмета и документа, протоколом принятия доказательств⁵. Кроме того, в процессуальной литературе предлагается дополнить УПК статьей с названием «Принятие доказательств», в которой должен быть урегулирован порядок получения следователем или судом представленных предметов и документов⁶.

По мнению С.А. Шейфера, действия лица, доставившего документ или предмет, и возникающие в связи с этим правоотношения неминуемо остаются в тени, если протокол будет именоваться протоколом принятия доказательств. Кроме того, С.А. Шейфер считает, что данный процессуальный акт не может называться протоколом принятия доказательств и потому, что далеко не каждое ходатайство о приобщении к делу предмета или документа подлежит удовлетворению: найдя объект не относящимся к делу, следователь возвращает его владельцу. В таком случае наименование протокола не соответствует его содержанию⁷. Возникающие в этой связи трудности можно преодолеть, как считает С.А. Шейфер, если именовать данный процессуальный акт «протоколом представления доказательств»⁸.

На наш взгляд, ни то, ни другое название не соответствует реальной действительности, так как в момент представления документы и предметы еще не являются доказательствами. Как правильно отмечается в литературе, статус доказательства представленный документ или предмет получает лишь после его оценки следователем с точки зрения достоверности, относимости и допустимости⁹. Поэтому в данном случае можно говорить о составлении протокола получения письменных документов и предметов. Однако это спор о терминах, который не имеет практического значения. Законность введения полученных документов и предметов в уголовное судопроизводство определяется не наименованием процессуального акта, удостоверяющего факт получения следователем представляемых документов и предметов, а способом удостоверения данного факта.

Автор настоящей работы уже высказывал соображения по поводу процессуального закрепления представленных следователю документов или предметов¹⁰, и эта позиция с тех пор не претерпела изменений.

³ Фуфыгин Б.В. Представление доказательств в советском уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Калинин, 1982. С. 28-37; Шейфер С.А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986, С. 120-127; и др.

⁴ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 53.

⁵ Фуфыгин Б.В. Указ. соч. С. 35; и др.

⁶ Плетнев В. Проблемные вопросы собирания доказательств по новому УПК // Российская юстиция. 2002. №9. С. 49.

⁷ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 123.

⁸ Там же. С. 124.

⁹ Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32; Быков В. Подозреваемый как участник уголовного процесса со стороны защиты // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 44 и др.

¹⁰ Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М., 1997. С. 60.

На наш взгляд, действия следователя в случае представление участниками уголовного судопроизводства документов или предметов в ходе предварительного следствия регламентируются Инструкцией о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами от 18 октября 1989 г. № 314/15 (Утверждена Генеральным прокурором СССР, Министром внутренних дел СССР, Министром юстиции СССР, Председателем Верховного Суда СССР, Первым заместителем Председателя КГБ СССР. Согласована с Министерством финансов СССР, Сберегательным банком СССР, Государственным банком СССР, Министерством торговли СССР, Министерством здравоохранения СССР, Министерством медицинской промышленности СССР, Постоянным комитетом по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения СССР).

В §6 названной Инструкции закреплено следующее правило: «В случае представления свидетелем, потерпевшим, обвиняемым (подозреваемым), другими лицами, а также представителями организаций и учреждений предметов, документов, ценностей или иного имущества, имеющего значение вещественного доказательства либо изъятого из свободного обращения, а равно подлежащего конфискации или аресту для обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, или исполнения приговора суда о конфискации, составляется протокол в соответствии со ст. 70 и 141 УПК РСФСР (ст. 86 и 166 УПК РФ. – *С.Ш.*) ... При этом следователь, работник органа дознания, прокурор, суд обязаны допросить лицо, представившее названные объекты, о времени, месте и других обстоятельствах их обнаружения, приобретения и хранения»¹¹.

В протоколе получения документа или предмета должно быть указано лицо, представившее документ или предмет, а также индивидуальные признаки представленного документа или предмета. Копия протокола должна быть вручена под расписку лицу, доставившему документ или предмет.

Если документ или предмет представлен в ходе производства следственного действия, то этот факт достаточно зафиксировать в протоколе следственного действия. Кроме того, в протокол могут быть занесены пояснения об обстоятельствах, при которых у лица, появившаяся представляемый документ или предмет, а также сведения о лицах, которые могут подтвердить излагаемые сведения.

В юридической науке высказано предложение о том, что для составления протокола получения (представления, доставления) документа или предмета необходимо пригласить понятых¹². Представляется, что в этом нет необходимости. Дело в том, что следователь приглашает понятых уже после того, как к нему доставлен документ или предмет, и поэтому понятые удостоверяют лишь то, что в определенный момент тот или иной объект находился в кабинете следователя. Разумеется, следователь может предложить лицу, доставившему документ или предмет, пояснить в присутствии понятых, где и при каких обстоятельствах был обнаружен документ или предмет, и занести полученный ответ в протокол. Тем не менее, в последующем такой протокол может утратить доказательственное значение, если сторона защиты поставит под сомнение достоверность изложенных в нем сведений, а лицо, доставившее следователю документ или предмет, по каким-либо причинам будет отрицать данное обстоятельство. Приведенная ситуация на первый взгляд может показаться гипотетической, что не соответствует реалиям следственной и судебной практики, где даже отказ свидетелей от ранее данных показаний не такая уж и редкость.

Доказательственное значение доставленного документа или предмета определяется не составленным в этой связи протоколом и не участием при этом понятых, а такими его свойствами, как достоверность, относимость и допустимость.

Наибольшую сложность представляет установление достоверности доставленного документа или предмета. Для этого необходимо выяснить, при каких обстоятельствах документ или предмет попал к данному лицу. С этой целью лицо, представляющее документ или предмет, должно быть допрошено об обстоятельствах появления у него документа или предмета, а полученные при этом сведения проверены путем производства

¹¹ Справочная правовая система «КонсультантПлюс» ИБ: Версия Проф.

¹² Федоров В.И. Значение истребования и представления доказательства для обоснования процессуальных решений по уголовному делу: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 1990. С. 7.

следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку достоверности полученных сведений. Такими действиями могут быть, в частности, осмотр предмета или документа и места его обнаружения, назначение экспертизы, допросы лиц, которые могут подтвердить показания лица, доставившего предмет или документ и т.д.

Такой порядок может применяться в случае представления документов и предметов участниками уголовного судопроизводства, перечисленными в ч. 2 ст. 86 УПК. Получение документов и предметов, представляемых защитником подозреваемого или обвиняемого, должно осуществляться с учетом того, что в ч. 3 ст. 86 УПК закреплено положение, согласно которому «защитник вправе собирать доказательства путем:

- 1) получения предметов, документов и иных сведений;
- 2) опроса лиц с их согласия;
- 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии».

В данной ситуации следователь должен ограничиться составлением протокола, удостоверяющего факт представления защитником документа или предмета.

По мнению Н.П. Царевой, если из содержания документа следует, что объект имеет отношение к расследуемому делу, следователь выносит мотивированное постановление о приобщении его к материалам дела, в противном случае – об отказе в этом. С данным постановлением следователь должен ознакомить всех заинтересованных лиц и разъяснить им порядок и сроки обжалования его действий¹³.

На наш взгляд, нет необходимости в момент представления документа составлять постановление о приобщении его к материалам дела, а тем более вручать его заинтересованным лицам. В то же время заслуживает поддержки предложение о необходимости составления следователем мотивированного постановления об отказе в получении представленного документа, впрочем, так же как и предмета, поскольку тем самым обеспечивается право на обжалование его действий участниками уголовного судопроизводства.

По смыслу ч.1 ст.453 УПК РФ к иным процессуальным действиям, как средствам получения доказательственной информации относится внесение следователем запроса о производстве компетентными органами иностранных государств допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий.

Закрепленное в ч. 1 ст. 453 УПК полномочие следователя конкретизируется в уголовно-процессуальных нормах, устанавливающих:

- центральные органы уголовной юстиции, через которые направляется запрос о производстве процессуальных действий (ч. 3 ст. 453 УПК);
- требование о том, что запрос и прилагаемые к нему документы должны быть переведены на официальный язык того иностранного государства, в который они направляются (ч. 4 ст. 453 УПК);
- содержание и форму запроса (ст. 454 УПК); г) порядок вызова свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, находящихся за пределами Российской Федерации (ст. 456 УПК).

В приведенных выше уголовно-процессуальных нормах по объективным причинам не нашли своего отражения отдельные нормы международного права, которые в значительной степени влияют на реализацию следователем полномочия по внесению запросов о производстве компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, следственных и иных процессуальных действий.

Прежде всего, следует обратить внимание на различия в объеме правовой помощи, которую следователь может запросить в соответствии с ч. 1 ст. 453 УПК и в соответствии с договорами об оказании правовой помощи между Российской Федерацией (СССР) и другими государствами.

В частности, в некоторых договорах не предусмотрено производство по запросу органов уголовной юстиции договаривающихся сторон таких следственных действий, как обыск и выемка¹⁴.

¹³ Царева Н.П. Представление письменных документов и предметов в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2003. № 9. С. 56.

¹⁴ См., например: ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи.

В УПК отсутствует упоминание о том, что в правовой помощи может быть отказано. Между тем в ст. 2 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. закреплено положение, согласно которому «в помощи может быть отказано:

а) если просьба касается преступления, которое запрашиваемая Страна считает политическим преступлением, преступлением, связанным с политическим преступлением, или финансовым преступлением;

б) если запрашиваемая Страна считает, что выполнение просьбы может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам ее страны».

В ст. 19 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. в редакции Протокола от 28 марта 1997 г. закреплено положение, согласно которому «в просьбе об оказании правовой помощи может быть отказано полностью или частично, если оказание такой помощи может нанести ущерб суверенитету или безопасности либо противоречит законодательству запрашиваемой Договаривающейся Страны. В случае отказа в просьбе об оказании правовой помощи запрашивающая Договаривающаяся Страна незамедлительно уведомляется о причинах отказа».

Приведенные положения с различной степенью детализации воспроизводятся в двухсторонних договорах. Кроме того, в некоторых договорах установлены также дополнительные основания, при наличии которых может быть отказано в правовой помощи:

– если запрос не соответствует требованиям Договора¹⁵; если оказание правовой помощи противоречит основным принципам законодательства запрашиваемой Договаривающейся Страны (публичному порядку)¹⁶;

– если оказание правовой помощи противоречит международным обязательствам запрашиваемой Договаривающейся Страны¹⁷;

– если деяние, указанное в поручении, по законодательству запрашиваемой Договаривающейся Страны не является преступлением либо подозреваемый или преступник, указанный в поручении, является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Страны и не находится на территории запрашивающей Договаривающейся Страны¹⁸;

– если запрос относится к правонарушению, предусмотренному военным законодательством и не являющемуся преступлением по общеуголовному праву¹⁹;

– если имеются существенные основания, позволяющие предполагать, что запрос о правовой помощи был сделан с целью преследования или наказания лица в связи с его расовой, половой, религиозной, национальной принадлежностью или политическими убеждениями либо что положение этого лица может быть ущемлено по любому из этих мотивов;²⁰ и др.

М., 1996. С. 62-80; ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Республикой Албания о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 30 октября 1995 г. // Там же. С. 102-121; и др.

¹⁵ См.: п. 3 п. 1 ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17 июня 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 47. Ст. 4635.

¹⁶ См., например: ст. 18 Договора между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 05 марта 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 47. Ст. 4579.

¹⁷ См., например, ст. 17 Договора между Российской Федерацией и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 14 декабря 2000 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» ИБ: Международные правовые акты.

¹⁸ См., например: ст. 8 Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 272-279.

¹⁹ См., например: п. 1 п. 1 ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17 июня 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 47. Ст. 4635; и др.

²⁰ См., например: п. «в» п. 1 ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 28 мая 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2103.

Излишне императивным представляется предписание направлять запрос и прилагаемые к нему документы в переводе на официальный язык того иностранного государства, в которое они направляются. Это предписание соответствует положению, закрепленному в большинстве договоров о правовой помощи по уголовным делам, заключенных Российской Федерацией (СССР) с другими государствами. Однако в договорах о правовой помощи, заключенных Российской Федерацией с Китайской Народной Республикой, Республикой Индией, Республикой Корея и Социалистической Республикой Вьетнам, закреплено положение о том, что запрос и прилагаемые к нему документы составляются на официальном языке запрашивающей Стороны с приложением перевода на официальный язык запрашиваемой Стороны или на английский язык²¹. В соответствии со ст. 18 Договора между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам 20 октября 1997 г.²² и п. 1 ст. 33 Договора между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам от 15 декабря 1997 г.²³ запросы, а также прилагаемые к ним материалы сопровождаются заверенным переводом на язык запрашиваемой Договаривающейся Стороны либо на французский или английский язык.

Приведенные положения имеют существенное значение в тех случаях, когда следователь испытывает затруднения с обеспечением перевода запроса и прилагаемых к нему документов на язык запрашиваемой Стороны.

Вместе с тем в некоторых договорах о правовой помощи установлено положение, согласно которому перевод запроса и прилагаемых к нему документов удостоверяется запрашивающим учреждением юстиции, официальным переводчиком, нотариусом или дипломатическим представителем либо консульским учреждением (сотрудником консульства) одной из Договаривающихся Сторон²⁴.

Установленные в ст. 454 УПК содержание и форма запроса о производстве процессуальных действий в целом соответствуют содержанию и форме запросов (поручений) об оказании правовой помощи, закрепленных в большинстве договоров об оказании правовой помощи, в которых должно быть указано: наименование запрашивающего учреждения; наименование запрашиваемого учреждения; наименование дела, по которому запрашивается правовая помощь; имена и фамилии сторон, обвиняемых, подсудимых или осужденных, потерпевших, их гражданство, занятие и постоянное местожительство или местопребывание, место и дата рождения (в некоторых договорах аналогичный пункт изложен без указания процессуального положения лиц, имеющих отношение к делу. – *С. III*)²⁵; фамилии и адреса их уполномоченных; б) содержание поручения, а по уголовным делам также описание фактических обстоятельств совершенного преступления и его юридическую квалификацию.

Однако в некоторых договорах о взаимной правовой помощи по уголовным делам закреплено правило, в соответствии с которым во всех случаях запрос об оказании правовой помощи должен содержать следующую информацию:

- наименование компетентного органа, осуществляющего расследование или производство по делу (включая уголовное преследование), в отношении которого направлен запрос;
- изложение существа расследования или производства по делу (включая уголовное преследование) с приложением копии или краткого содержания уголовного дела и текста соответствующего закона;

²¹ См., например: ст. 18 Договора между Российской Федерацией и Республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 21 декабря 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 28. Ст. 2884; и др.

²² Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 788.

²³ Справочная правовая система «КонсультантПлюс» ИБ: Международные правовые акты.

²⁴ См., например: п. 2 ст. 11 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Греческой Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 21 мая 1981 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 196-209; и др.

²⁵ См., например: п. «d» п. 1 ст. 5 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 12 августа 1982 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 500-522.

- цель направления запроса и характер запрашиваемой помощи;
- срок, в течение которого запрос желательно исполнить.

Запрос об оказании правовой помощи должен также содержать следующую информацию:

- по возможности – данные о личности, гражданстве и местонахождении лица или лиц, в отношении которых ведется расследование или производство по делу;
- при необходимости – подробности любого отдельного процессуального действия или требования, соблюдения которых просит запрашивающая Сторона, с указанием причин на то;
- в случае направления запроса о получении показаний или проведении обыска и изъятия – заявление с указанием имеющихся оснований полагать, что доказательства могут быть получены в пределах юрисдикции запрашиваемой Стороны;
- в случае направления запроса о получении свидетельских показаний от лица – информацию о том, требуется ли, чтобы достоверность свидетельских показаний подтверждалась присягой, торжественным заявлением или каким-либо иным способом, предусмотренным законодательством запрашиваемой Стороны, а также описание предмета дела, в отношении которого требуются свидетельские показания;
- в случае представления вещественных доказательств – указание на лицо или категорию лиц, которые будут отвечать за хранение вещественных доказательств, место, куда вещественные доказательства будут доставлены, указание на экспертизы, которые будут проводиться, и дату, к которой эти доказательства будут возвращены;
- в случае обеспечения явки лица, содержащегося под стражей, – указание на лицо или категорию лиц, которые будут нести ответственность за него в период передачи, место, в котором будет находиться это лицо, и дату его возвращения;
- при необходимости – указание на необходимость соблюдения конфиденциальности с указанием причин на то;
- любую другую информацию, которая необходима для исполнения запроса²⁶.

Иногда в содержание просьбы (поручения) о правовой помощи включаются также: имена, фамилии и адреса законных представителей лиц, имеющих отношение к просьбе (при этом процессуальное положение этих лиц не уточняется)²⁷, а в случае необходимости изложение подлежащих выяснению фактов, а также перечень требуемых документов и других доказательств²⁸.

Результаты проведенного исследования не являются исчерпывающими, однако дают основание для вывода о том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство нельзя признать совершенным, особенно с точки зрения наличия в нем механизма реализации полномочий следователя, в том числе на производство иных процессуальных действий. Отсутствие процедурных предписаний как таковых или их неполнота приводит к тому, что результаты реализации полномочий следователя на производство их процессуальных действий могут быть признаны юридически ничтожными, что не позволит правильно разрешить уголовное дело. Отсюда следует, что исследование таких полномочий следователя и механизма их реализации должны продолжаться с целью разработки научно-практических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 217-218.
2. Шумилин С.Ф., Ключников Ю.А. Правовое регулирование на предварительном следствии: предмет, механизм, способы. Гомель, 1999. С. 119-122.

²⁶ См., например: ст. 13 Договора между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 октября 1997 г. и др.

²⁷ См.: п. 5 п. 1 ст. 5 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 303-321.

²⁸ См.: п. 6 п. 1 ст. 5 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г.

3. Фуфыгин Б.В. Представление доказательств в советском уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Калинин, 1982. С. 28-37; Шейфер С.А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986, С. 120-127.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 53.
5. Фуфыгин Б.В. Представление доказательств в советском уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Калинин, 1982. С. 35.
6. Плетнев В. Проблемные вопросы собирания доказательств по новому УПК // Российская юстиция. 2002. №9. С. 49.
7. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 123.
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 124.
9. Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32; Быков В. Подозреваемый как участник уголовного процесса со стороны защиты // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 44.
10. Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М., 1997. С. 60.
11. Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами от 18 октября 1989 г. № 314/15 (Утверждена Генеральным прокурором СССР, Министром внутренних дел СССР, Министром юстиции СССР, Председателем Верховного Суда СССР, Первым заместителем Председателя КГБ СССР. Согласована с Министерством финансов СССР, Сберегательным банком СССР, Государственным банком СССР, Министерством торговли СССР, Министерством здравоохранения СССР, Министерством медицинской промышленности СССР, Постоянным комитетом по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения СССР) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» ИБ: Версия Проф.
12. Федоров В.И. Значение истребования и представления доказательств для обоснования процессуальных решений по уголовному делу: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 1990. С. 7.
13. Царева Н.П. Представление письменных документов и предметов в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2003. № 9. С. 56.
14. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 62-80; Договор между Российской Федерацией и Республикой Албания о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 30 октября 1995 г. // Там же. С. 102-121.
15. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17 июня 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 47. Ст. 4635.
16. Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 05 марта 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 47. Ст. 4579.
17. Договор между Российской Федерацией и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 14 декабря 2000 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» ИБ: Международные правовые акты.
18. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 272-279.
19. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17 июня 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 47. Ст. 4635; и др.
20. Договор между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 28 мая 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2103.
21. Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 21 декабря 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 28. Ст. 2884.
22. Договор между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам 20 октября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 788.
23. Договор между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам 20 октября 1997 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» ИБ: Международные правовые акты.

24. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Греческой Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 21 мая 1981 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 196-209.

25. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 12 августа 1982 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 500-522.

26. Договор между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 октября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 788.

27. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г. // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 303-321.

28. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» ИБ: Международные правовые акты.

PROBLEMS OF REALIZATION OF POWERS OF THE INSPECTOR ON MANUFACTURE OF OTHER REMEDIAL ACTIONS AS WAYS OF RECEPTION OF THE EVIDENTIARY INFORMATION

S.F. Shumilin

Belgorod State University

*e-mail:
Shumilin@bsu.edu.ru*

The article considers the problem questions of concept «other remedial actions» and realizations of powers of the inspector on reception of the evidentiary information by manufacture of such actions.

Key words: evidentiary information; reception of documents and subjects; entering of inquiries about legal aid rendering.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316.4

ОТНОШЕНИЯ К ЦЕННОСТЯМ СПОРТА В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

В. А. Кадушина

*Саратовский
государственный
социально-экономический
университет*

*e-mail:
ka_vika@mail.ru*

Автором исследуется отношение к спорту, как важному общественному явлению. Выделяются основные типы взаимосвязей между спортом и людьми. Проводится социологический анализ ценностей спорта. Выявляются, что у социальных поколений отношение к ценностям спорта меняется на протяжении жизни.

Ключевые слова: ценности спорта, типы взаимосвязей между спортом и людьми, поколения, социологический опрос.

Спорт как ценное общественное явление связан с каждым членом социума. Под действием спорта у индивида развиваются не только физические качества, он позитивно воздействует на духовную сферу и интеллект. Спорт является важнейшим фактором и областью расширения социокультурного потенциала общества. В нем могут быть актуализированы значительные, но очень разные части этого потенциала: физические, творческие и ментальные способности человека, личностно-нравственные качества (низкие и высокие), эстетические дарования. Важнейшим социальным аспектом функционирования спорта является его способность осуществлять социально-психологическую стабилизацию индивида. С другой стороны, спорт стимулирует и миролюбие, и агрессию. На протяжении всей жизни, каждому члену социума необходимо постоянно соответствовать развитию общества, приспосабливаться к непрерывно меняющейся общественной обстановке, требованиям, ценностям. Спорт помогает человеку на всех стадиях его развития получить навыки коммуникации, ознакомиться с социальными ролями, т.е. влиться в современную социальную жизнь.

Социальные ценности обобщают взгляды на какое-либо объективно существующее явление и оценки его положительного значения. В зависимости от занимаемых позиций в пространстве и времени разные люди могут дать разные оценки одному и тому же явлению. Это свидетельствует о том, что концепция ценности отнюдь не статична. Ее формирование у отдельной личности во многом происходит под влиянием других членов общества.

Эффект спорта является закономерной реакцией или закономерным результатом, производимым спортом как социальным явлением в определенном обществе, в определенной природной среде по отношению к субъектам – людям, занимающимся спортом. Эффект спорта отражает его сущность. Спорт обладает биологическим эффектом: с телом каждого занимающегося физическими упражнениями человека может произойти ряд изменений. Например, убыстряются пульс и частота дыхания, ускоряется метаболизм. При частых занятиях спортом в результате стимулирования физической нагрузкой наращивается мускулатура, увеличивается соединительная и уменьшается жировая ткань, возрастает плотность костей и объем сердечной полости. Скорость реакции, ловкость,

двигательная способность, адаптивность, иммунитет – все это достигает максимального роста, производя видимое улучшение, как во внешнем облике, так и на уровне функционирования организма человека. Спорт обладает также социальным эффектом, поскольку каждый участник может испытывать чувство радости и удовлетворения, которые помогают воспитывать и закалить настрой и волю человека, укрепить поведенческие, эстетические и ценностные установки. Биологический эффект спорта называется также первым эффектом, а социальный эффект – вторым, так как последний развивается на основе первого. Указанный эффект спорта обязательно существует в любое время в любом месте.

Спорт обладает оздоровительной, развлекательной, образовательной, политической функциями, а также функциями содействия межличностному общению и социализации человека. По мере дальнейшего прогресса спорта и увеличения рациональных знаний о спорте возможно выявление его новых функций. Основой для возникновения и расширения всех функций служит эффект спорта; для них характерны выращенные временные особенности. Несмотря на то, что функции объективно существуют, их обнаружение либо степень проявления зависят от особенностей конкретного социума в данный период времени.

Ценностные характеристики представляют собой совокупность оценок по отношению к спорту со стороны конкретного социума. Существуют различные оценки значения одного и того же спортивного события или явления со стороны отдельных социальных групп или индивидов (как представителей этих групп). Такие различия часто связаны с временными (возрастными) особенностями. Ценностные характеристики не только непосредственно отражают взгляды людей на существующую ситуацию, но и опосредованно могут выражать их требования к содержанию и тенденциям развития спорта. Их изучение важно для различных спортивных наук.

Как и функции, ценностные характеристики существуют на основе эффекта спорта. Первые представляют собой возможные проявления влияния и действия спорта на общество, вторые – отбор представлений о спорте и его полезности со стороны конкретного социума. Обе стороны формировались в процессе развития, имеют как точки соприкосновения, так и различия.

В качестве общественного явления спорт имеет взаимосвязи с каждым членом общества. Все имеющиеся взаимосвязи между людьми и спортом мы разделяем на четыре основных типа: – связи тренировки; – связи закалки; – связи наслаждения; – связи ограничения. Наиболее тесные связи, существующие между человеком и спортом, – это связи тренировки, затем по порядку идут связи закалки и наслаждения. В каждом из типов связей люди желают достигнуть определенных целей, которые можно разделить на отдельные пункты (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение интенсивности типов взаимосвязей
между людьми и спортом как социальным явлением**

Категория ¹	Степень интенсивности связи со спортом (+)	Тип связей	Цели
А	+++	Тренировки	а – повысить спортивные качества и технику, получить награды; а ₁ – повысить качество и возможности собственного тела в соответствии с требованиями специальности
В	++	Закалки	б – укрепить тело и дух, сформировать свое тело, улучшить внешний облик; б ₁ – удовлетворить потребности в развлечениях и общении; б ₂ – профилактика и лечение заболеваний
С	++	Наслаждения	с – наслаждаться физкультурой и спортом с помощью органов чувств
Д	–	Ограничения	–

¹ Категории А, В, С, Д применялись в статье и далее для исследовательского анализа.

Воздействие спорта на организм проявляется в его телесном облике; его материальные изменения достаточно наглядны и поддаются различного рода измерениям. Поэтому, прежде всего мы воспринимаем материально-телесный аспект ценностей спорта. Кроме того, в течение своей жизни человек может с помощью спорта значительно повысить свои производственные показатели, справляться с большим объемом работы, за счет чего получить немалую выгоду. Этот аспект также углубляет и укрепляет наше представление о материальной ценности спорта.

В 1969-1979 гг. советские социологи проводили комплексное исследование на Красноярском алюминиевом заводе. Одна из задач состояла в том, чтобы выяснить, существуют ли тесные связи между усталостью, которую испытывают рабочие на производстве, и занятиями спортом. Выяснилось, что меньше других уставали рабочие, имевшие второй спортивный разряд, из них не испытывали усталость 47,9%; затем следовали работники с третьим спортивным разрядом (из них не испытывали усталость 39,2%). Наибольшую усталость испытывали работники, не имевшие спортивных разрядов. Соответственно труд рабочих-разрядников отличался более высокой производительностью².

Саратовский ветеран спорта К. Ликолгин вспоминал, что когда он в 1970 г. Только пришел на завод, то «хотя и было желание работать за станком, но сил не хватало». В течении 20 лет постоянных тренировок в беге на длинные дистанции он настолько укрепил организм, что увеличил количество обслуживаемых станков с одного до шести. Ежедневное расстояние, которое он преодолевал, двигаясь между станками, составляло 10 км. Таким образом, человек выполнял работу шестерых.

Советские ученые, произведя необходимые замеры, выяснили, что у людей, постоянно занимающихся спортом, производительность труда на 0,6 -10% выше по сравнению с теми, кто занимается спортом нерегулярно.

В качестве примера проанализируем выборку данных по народному хозяйству СССР за 1979 г. Число работников, регулярно занимавшихся спортом, составляло 30% общего числа лиц, занятых в производстве. Вследствие более высокого уровня полезной деятельности они дополнительно увеличивали ВВП на 4 млрд. руб. К тому же количество рабочего времени, потерянного по причине болезней и травм на производстве, у трудящихся, часто занимающихся спортом, в 4,5 раза меньше (потери рабочего времени из-за травм и болезней у людей, не занимающихся спортом, составляют 4,3% годового уровня). Таким образом, постоянно занимающиеся спортом рабочие и служащие только по коэффициенту выхода на работу увеличили стоимость валового производства на 5,7 млрд. руб., а с учетом повышенной производительности труда эта цифра увеличивается на 9,7 млрд. руб. (или 2,2 % всего ВВП). Данная закономерность (которая прослеживается и по другим годам) служит объективным подтверждением экономического значения спорта и физической культуры. Поэтому многие ученые придерживаются концепции, которая трактует спорт как одну из производительных сил общества.

Под действием спорта (его биологического эффекта) организм человека укрепляется, в нем происходят очевидные материальные изменения. Одновременно обогащается и развивается духовная сфера³. Развиваются такие качества, как оптимизм и бодрость; укрепляется воля, настойчивость и целеустремленность. Особо следует отметить роль спорта в улучшении межличностных отношений, которые являются чрезвычайно важной составляющей духовной жизни человека. Доверие, понимание, поддержка, помощь, сотрудничество и т. п. – все то, на что надеется и что ищет каждый человек в социуме, воспитывается в процессе занятий спортом.

Рассмотрим пример из практики средней школы, где из-за разного уровня психологического развития отмечается четко обозначенный рубеж между мальчиками и девочками. Противоположный пол вызывает у большинства 13-14-летних учеников почти аллергическую реакцию, между мальчиками и девочками легко возникают конфликты, отмечается ограниченное общение между полами⁴. Однако во время проведения школь-

² См.: Теория и практика физической культуры. 1985. №4.

³ Фомин Ю.А. Влияние российского спорта на формирование личности // Социс. 2008. № 10. С. 143-146.

⁴ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

ных соревнований подростки легко ломают рамки, казалось бы, жесткого поведения, проявляют внимание, выступают сплоченным коллективом, демонстрируют отношение гармонии и согласия.

Во время совместных утренних занятий физкультурой или просмотра международных спортивных матчей никто не обращает внимания на возрастные и социальные границы, все разделяют общие заботы и переживания. Трудно найти средство, более эффективное, чем спорт, позволяющий налаживать отношения между людьми, устранять барьеры «психологической защиты», быстро включаться в дела, которые объединяют всех. Проигрыш любимой команды может вызвать и отрицательные эмоции у болельщиков, но сила и глубина этих переживаний служат своеобразным доказательством мощного воздействия спорта на духовную сферу.

Исходя из огромного воздействия спорта на духовную жизнь людей, некоторые ученые считают его одним из видов духовной культуры. На наш взгляд, ценность спорта соединяет материальный и идеальный аспекты. По существу, это две составляющие целостного взгляда на ценность спорта. Не существует только материального или только духовного аспекта ценности спорта для людей. Неразделимые, как два полюса магнита, оба этих аспекта, хотя и по-разному, оказывают активное влияние на людей.

Первые знания о спорте дети получают в процессе игры. Формирование индивидуального отношения к ценности спорта представляет собой длительный процесс, на который оказывают воздействие многие факторы. Эта позиция может изменяться вслед за изменениями общественных условий⁵.

В исследованиях по социологии спорта очень значимо изучение перемен в концепциях ценности спорта и в индивидуальных взглядах на этот вопрос. Для проведения изучения представлений о ценности спорта нами был проведен опрос 402 саратовцев в 2008 году. Среди них – 202 студента неспортивных вузов г. Саратова (социально-экономического университета и технического университета), а также 200 саратовцев старше 45 лет. Выборка была стихийная.

В ходе проведенного нами социологического исследования ценности спорта методом опроса 200 респондентов старше 45 лет, установлено, что наибольшее их число относится к категории С, представители которой считают, что ценность спорта в получении визуального наслаждения. Они составляют 44,5% от общего количества опрошенных. К категории В относятся те, кто ценят спорт как способ закалки, они составляют 33,9%. Представители категории D (13%) считают, что спорт имеет небольшое значение или вообще не имеет. Люди, относящиеся к самой малочисленной категории А (8,5%) полагают, что ценность спорта состоит в тренировке тела.

Только 144 человека вспомнили и оценили свое отношение к ценности спорта в середине 1980-х годов. На основе их ответов была составлена таблица, реконструирующая ситуацию в советское время. Наибольшее число людей (71,5%) ретроспективно отнесли себя к категории D; далее идет категория В – 13,3%; затем А и С, насчитывающие примерно одинаковое количество людей (по 7,6%).

Проведенное обследование показывает изменение отношения людей к ценности спорта за последние, примерно, 25 лет. За период середины 1980 гг. – по 2008г. численность категорий А, В и С увеличилась, соответственно численность категории D уменьшилась. Очевидно, что увеличение численности категорий А, В и С способствовало развитию спорта, поэтому можно предположить, что за эти три десятилетия произошли значительные перемены в концепции ценности спорта для нашего народа.

Наибольший интерес вызывают мнения, произошедшие в категории D. В середине 1980гг. к этой категории относились 71,5% (из числа опрошенных), а к 2008г. этот показатель сократился до 13%. Если спроецировать эти цифры на население страны, то получается, что за прошедшие три десятилетия более половины населения (около 59%) в той или иной степени пришли к пониманию ценности спорта.

По собственным предположениям опрошенных, на изменение их отношения повлияли следующие факторы:

⁵ Кравчик, З. Спорт и современные образцы культуры / З. Кравчик // Спорт, духовные ценности, культура. – М., 1997. – Вып. 2.

1. Относительный рост материального благосостояния и благополучие в семье;
2. Появление свободного времени для досуга;
3. Большое количество разноплановой пропаганды спорта;
4. Мода на спорт в обществе;
5. Потребности лечения и профилактики заболеваний;
6. Развитие культуры, расширение возможностей для получения образования и рост числа получивших образование.

Многие респонденты считали, что цены на товары в городах в середине 1980гг. держались низкими и стабильными, но люди не могли откладывать деньги на спортивные расходы. Сейчас ситуация изменилась, семьи с обычными доходами могут купить спортивную одежду, спортивную обувь, принадлежности. С улучшением жизненных условий в семьях появилось свободное время, в том числе и для спорта.

Большинство приписывает заслуги по формированию у них концепции ценности спорта активной пропаганде в средствах массовой информации. Разъясняя содержание тех ли иных видов спортивных состязаний, предоставляя материал, СМИ сформировали мотивированный и устойчивый интерес общества к спорту⁶. Эта тема становится престижной (модной), о ней «все говорят», поэтому элементарные знания и интерес к спорту становится частью «культурного минимума».

Телевидение считается наиболее эффективным средством для осуществления спортивной агитации. Значительно увеличилось количество спортивных передач, что, несомненно, сыграло свою роль в утверждении концепции ценности спорта. В несколько раз возрастает количество наименований специализированной спортивной периодики. Увеличивается объем публикаций на тему спорта на страницах центральных и местных газет.

Таким образом, конкретные данные подтверждают вполне очевидное предположение о том, что общественная пропаганда способствует признанию ценности спорта.

Одновременно с этим выясняется факт о закрытии телеканала «Спорт»⁷ из-за дорогостоящих трансляций. Миллионы зрителей не смогут бесплатно смотреть трансляции крупнейших соревнований, болеть за своих кумиров. Хотя параллельно с этим сообщением премьер-министр РФ В.В. Путин на встрече со своими соратниками еще раз подчеркнул особую важность физического развития молодежи, ее оздоровления, пропаганды физической культуры и спорта. Президент страны Д.В. Медведев недавно говорил, что «во многом благодаря работе этого телеканала в России возрождается интерес к физической культуре, развивается массовый и детский спорт». Доля граждан страны, регулярно занимающихся физической культурой и спортом, к 2015 году должна достигнуть 30%. Со всем неясно как будет решаться эта задача, если у людей исчезнет возможность следить за состязаниями, радоваться победам российских атлетов, брать живой пример со звезд мирового уровня.

Некоторые респонденты полагали, что развитие культуры и образования – основная причина изменений их оценки роли спорта. Поскольку занятия физкультурой являются важной составляющей учебных занятий в школах и в вузах, практически в каждой семье имеются получающие ли получившие образования люди, которые «ассимилировали спорт».

Обобщая приведенные нами данные, можно отметить существование системы эффективных условий для формирования концепции ценности спорта. К их числу относятся: рост материального благосостояния, появление свободного времени и воздействие спортивных агитации. Среди указанных условий основным является уровень жизни. Именно этот фактор определяет количество свободного времени у людей, а также условия реализации воздействия спортивной агитации (возможность приобретать носители информации, а также тратить достаточное количество на усвоение получаемой информации).

Изменения, произошедшие в концепции ценности спорта у одних и тех же людей в нашей стране за период с середины 1980-х по 2008г., проявились в увеличении численности категории С и значительном сокращении категории D. Что касается нового поколения, то у него формирование концепции ценности спорта происходило в иной обстановке, в условиях роста культурного и материального уровня жизни.

⁶ Зверева В. Телевизионный спорт // Логос № 3. 2006. С. 63-75.

⁷ Аргументы и факты. «Спорт проиграл» От 7 – 13 октября 2009, № 41 (1510).

Проведем сравнение данных об отношении к ценности и целям спорта 202 студентов обычных (не специализированных спортивных) вузов г. Саратова и людей старше 45 лет. Это позволит получить соотношение показателей для двух поколений в один и тот же период времени. Так людей старше 45 лет ценности спорта таковы: А – 7%, В – 36%, С – 45%, D – 13%. А у студентов следующие: А – 6,9%, В – 53,7%, С – 27,3%, D – 11,6%. Как видно из сравнения большие различия категорий А и D отсутствуют. Особенности проявляются в категориях В и С: по сравнению со старшим поколением у студентов уменьшилась численность категории С и существенно (на 20,2%) увеличилась численность категории В. На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что у современной молодежи по сравнению со старшим поколением связь со спортом более сильная, поэтому численность категории В со временем увеличивается, а категории С и D соответственно уменьшается.

Таким образом, формирование концепции ценности спорта на уровне личности относится к реалиям своевременного этапа развития общества, способствует еще большему расцвету спортивной деятельности. Среди объективных факторов, способствующих формированию ценностной концепции, ведущую роль играет рост материального благосостояния, появление свободного времени и действие пропаганда спорта.

Концепция ценности спорта непосредственно воздействует на тенденции его развития, определяет его будущее.

При общем признании ценности спорта существуют определенные различия в мотивации у старшего поколения и молодежи. Например, молодое поколение выбирает категорию В из-за стремления к развлечениям и общению. Выбор категории В старшим поколением, как правило, обусловлен решением проводить профилактику и лечение заболеваний. Эти изменения в целостной концепции ценности спорта, помимо воздействия на физиологию и психологию двух поколений, приобрели значение «общественной моды». мода на спорт поставила его на первое место в списке приоритетов в личной жизни молодых людей.

Мы показали, что общественная мода оказала значительное влияние на изменение концепции ценности спорта. Именно мода способствовала, например, широкому распространению танцев диско как оздоровительных упражнений для людей старшего возраста, вопреки известному консерватизму, присущему старикам. В то же время выполнение радиозарядки практически прекратилось, несмотря на большую пользу таких занятий для здоровья.

По мере повышения материального благосостояния основной мотивацией для занятий спортом становятся развлечения и общение. Однако при долгосрочном планировании необходимо учитывать также иные аспекты ценности спорта, добиваясь его комплексного развития.

Человека, который хочет стать спортсменом, общество избирает задолго до того, как он им становится. В самую прекрасную пору детства и юности он вынужден тратить огромную часть времени на тренировки, причем без адекватного материального вознаграждения. Так средний возраст начала тренировок по различным видам спорта следующий: волейбол – 12 лет, плавание – 13 лет, баскетбол – 14 лет.

В последние годы международные требования к результатам спортсменов возрастают, поэтому возраст начала тренировок снижается. В некоторых видах спорта, требующих особой гибкости и силы, таких как спортивная гимнастика, прыжки в воду, возраст начала регулярных занятий снизился до дошкольного. Поскольку спортсмены в том возрасте, когда их ровесники получают всестороннее образование, все свое время тратят на тренировки, с годами у них может появиться неудовлетворенность собственными познаниями, культурным уровнем, социальными возможностями. Кроме того, при выполнении своей общественно деятельности спортсмены испытывают такие моральные и физические нагрузки, с которыми редко встречаются обычные люди.

Общество привыкло считать спортсменов самыми здоровыми людьми, что на самом деле не верно. Правильнее считать, что спортсмены – это люди с самыми сильными физическими данными, но отнюдь не с самым крепким здоровьем. Спортсмены сознательно идут на множество жертв, таких как отдых, личная жизнь, успехи в учебе, занятия другими видами спортивной деятельности. Труд спортсмена требует большой самоотверженности и самопожертвования.

Анализ концепции ценности в спорте приводит к следующим выводам: В условиях роста культурного и материального уровня жизни отмечены положительные изменения в концепции ценности спорта у современной молодежи по сравнению со старшим поколением. В основном цель студенческой молодежи акцентирована на удовлетворении потребности в развлечениях и общении в спорте, ориентируясь на «общественную моду». Мода на спорт поставила его на главное место среди приоритетов в жизни современного общества, как школу характера, мужества и воли. Согласно результатам опросов у разных социальных групп свое отношение к ценностям спорта меняется на протяжении жизни в силу многих условий и факторов: это и различия в мотивации у старшего поколения и молодежи; улучшение материального благосостояния; развитие культуры и образования; влияние пропаганды в средствах массовой информации; меняющаяся общественная мода на спорт и развитие общества в целом.

Список литературы

1. Теория и практика физической культуры. 1985. №4.
2. Фомин Ю.А. Влияние российского спорта на формирование личности // Социс. 2008. № 10. С. 143-146.
3. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
4. Кравчик, З. Спорт и современные образцы культуры / З. Кравчик // Спорт, духовные ценности, культура. – М., 1997. – Вып. 2.
5. Зверева В. Телевизионный спорт // Логос № 3. 2006. С. 63-75.
6. Аргументы и факты. «Спорт проиграл» От 7 – 13 октября 2009, № 41 (1510).

RELATIONS TO VALUES OF SPORTS IN THE RUSSIAN SOCIETY

V. A. Kadushina

*Saratov state social
and economic university*

*e-mail:
ka_vika@mail.ru*

The author investigates the relation to sports as the important public phenomenon. The basic types of interrelations between sports and people are allocated. The sociological analysis of values of sports is carried out. It is shown that at social generations the relation to values of sports varies throughout a life.

Key words: Values of sports, types of interrelations between sports and people, generations, sociological interrogation.

ДИАЛОГ ЧЕЛОВЕКА И МИРА В МЕНТАЛИТЕТАХ ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ «ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ»

Г. Н. Калинина

*Белгородский
государственный институ-
т культуры и искусств
e-mail: Ralinina@belnet.ru*

Радикальный поворот к новому типу цивилизационного развития актуализирует выработку новых мировоззренческих ориентиров и норм жизнедеятельности. Это, в свою очередь, предполагает утверждение нового общечеловеческого планетарного мышления, основанного на биосферной этике и сопряженного с кардинально иным пониманием перспектив самого человека, смысловой взаимосвязи с миром. Исторический вызов времени делает необходимым переход от «классической» трактовки рационального сознания как специфического типа ориентации человека в мире при помощи свободного мышления, подавляющего и критически относящегося ко всем другим формам миропостижения, – к *более гибким, нетрадиционным моделям понимания рациональности* как содружества, живого равнозначного диалога человека с открытым миром – *в сопряженности с идеалом открытости сознания к разнообразию подходов*, к коммуникации индивидуальных сознаний и менталитетов разных культур.

Ключевые слова: менталитеты техногенной культуры, научная рациональность, коммуникативный разум, альтернативная наука, ценность, отчуждение, парадокс человеческой субъективности, нетрадиционные стратегии жизнедеятельности, демифологизация, трансформация, «двухмерный человек», экзистенциальность, научный дискурс, демаркация, аномальное знание, религиозные представления, диалог, новое содружество, человек, жизненный мир.

Проблемы выживания человечества, современные культурно-цивилизационные кризисы и отнюдь не «скромный» «букет» (скорее – многоцветие) иных негативных издержек/»грехов» техногенной цивилизации поставили под сомнение тип прогресса, реализованный в предшествующем техногенном развитии. Есть основания предположить, что, по-видимому, в третьем тысячелетии человечество должно осуществить радикальный поворот к каким-то новым формам цивилизационного прогресса на пути коренной трансформации ранее принятых стратегий человеческой жизнедеятельности¹. И поскольку любой новый тип цивилизационного развития предполагает изменение жизненных стратегий человечества, постольку требуется выработка новых ценностей, ориентиров, идеалов и норм человеческой деятельности, наконец, нового понимания перспектив самого человека и, соответственно, нового планетарного мышления в целом. В этих «пограничных» социальных, культурных и духовных реалиях *проблема диалога человека и мира, представителей разной культуры рационального сознания в менталитетах техногенной культуры осмысливается нами как исторический «вызов времени»*, и с учетом этой данности будет рассмотрена под таким «углом зрения».

Новый этап в определении нетрадиционных жизненных установок, стратегий научного поиска мы не просто определяем как «смену вех», а связываем его с цепочкой мировоззренческих универсалий культуры, «работающих» как на внутри-, так и на межкультурном поле: диалогизм комплементарность, т.е. взаимодополнительность, содружество, взаимодействие, согласие, познавательный синтез. Крайне важную для общего контекста статьи мысль о необходимости «именно *сопряжения* классических, неклассических и постнеклассических философско-методологических моделей познания, ситуации диалога современности и постсовременности, индустриализма и постиндустриализма, тоталитаризма и посттоталитаризма, модерна и постмодерна»² обнаруживаем

¹ Степин В.С. Философия науки / В.С. Степин. – М: Гардарики, 2006. – С. 104.

² Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П.Римского: Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 6.

у В.П. Римского. Мы, в свою очередь, считаем, что великая культурная трансформация, происходящая в нашу эпоху, условия модернизации современного типа развития расширяя пространство социокультурных процессов, процессов познания, ориентируют на утверждение парадигмы, допускающей существенную трансформацию рационального сознания (при сохранении его принципиальной реалистической установки), на организацию конструктивного взаимодействия, выявления форм взаимосвязей с носителями разной культуры рационального самосознания, диалогизм, синтез различных позиций между рациональным и нерациональным партнером. Можно сказать, что само время, новые реалии в обществе и его культуре расставили приоритеты в пользу гибких, синтетических моделей мышления.

Потребности поиска нетрадиционных стратегий легко проецируются на духовный климат современного мира и резонируют на глобальный кризис культуры и кризис человека. Показательно, что последний в наиболее явном виде выражается в «беспочвенности человека», когда не только окружающий мир, но и сам субъект становится чуждым себе, не находя себя в своей среде и «в своем жилище». Более того, человек столкнулся с потерей «домашнего очага» и обретает одиночество конституции бытия, причем в небывалых размерах. Здесь уместно сослаться на А.Ф.Зотова, указывавшего на угрозу, которой подвергается свободная человеческая субъективность как одна из базовых ценностей современного общества «западного типа» и которая (угроза) выступает сегодня в качестве новой формы отчуждения³. В свое время на парадоксальность человеческой субъективности указывал Э. Гуссерль, отмечая фундаментальную раздвоенность человека в его отношении к бытию физического космоса и к бытию самого себя, сформулировав его как «парадокс человеческой субъективности»: быть субъектом для мира и в то же время быть объектом для мира. С одной стороны, говорил он, имеет место направленность сознания на вещи мира, сопровождающаяся верой в реальность этих вещей в смысле из существования «самих по себе». Вторая, феноменологическая установка сознания, направлена на происхождение вещей, их смысла, предназначения в той форме, как они явлены человеческому сознанию, которое способно ставить вопрос о существовании некоего основания, исходящего от неких конституирующих сил, укорененных либо в самом человеческом мышлении, либо в «Божественном разуме», его Логосе, силой и произволением которого все существует и может быть познано⁴. Он же одним из первых в свете экзистенциальной феноменологии обозначил проблему парадокса человеческой субъективности в корреляции связи с принципом научности, поставив вопрос о возможности науки, находящейся на стадии критической саморефлексии обнаружить скрытые в себе намеки на то, что базовые условия ее функционирования нуждаются в осмыслении, выходящем за рамки естественной установки и указать тем самым на конечный источник ее происхождения в человеческом сознании, которое, в свою очередь, связывает ее теории в их коррелятивное содержание с истоком сознания как присутствующего в мире в воплощенном состоянии и по воле Бога?⁵

В настоящее время на почве менталитетов техногенной культуры все более отчетливо формируются контуры «нового взгляда на мир», в становление которого существенный вклад вносит научная картина мира. Новые, адекватные реалиям третьего тысячелетия мировоззренческие идеи и смысловые универсалии возникают в качестве своеобразного резонанса современной науки и создаваемых ею картин исследуемой реальности с другими областями культурного творчества и духовного производства. Именно позиция такого взаимовлияния и взаимозависимости ускоряет процесс формирования новой системы ценностных приоритетов, которые, включаясь в систему философско-мировоззренческих оснований постнеклассической науки, делают возможным процесс радикальной трансформации ее прежнего облика, смещая вектор познавательного дви-

³ Зотов А.Ф. Современная западная философия / А.Ф. Зотов. М.: Высшая школа». 2001. – С. 186.

⁴ См.: Человенко Т.Г. Философия Э. Гуссерля как источник феноменологических исследований в религиоведении / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П.Римского: Белгород: Изд-во БелГУ., 2007. – с. 258.

⁵ См.: Человенко Т.Г. Философия Э. Гуссерля как источник феноменологических исследований в религиоведении / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр. / под ред. проф. В.П. Римского: Белгород: Изд-во БелГУ., 2007. – с. 258.

жения в сторону иных, нетрадиционных стратегий жизнедеятельности. Таких, которые, во-первых, вытекают из установки о соразмерности человека миру, и, соответственно, *базируются на представлениях научной картины мира об органичной включенности человека как результата космической эволюции в целостный космос*. И во-вторых, *ориентируются на синтез как на выражение жизни, на сходство познавательного синтеза* (принцип комплементарности – И. Кант) *и жизни как синтеза биологического*, что дает возможность «вычитывать» из «книги природы» живую истину с такими же параметрами всеобщности и необходимости, как и из книги Библии, и что согласуется с ритмами пульсации, жизненности, самодвижения, самополагания Бога, мира и человеческого сознания...⁶ То есть человек, взятый в сопряженности своих многоликих образов (от рационально-гносеологических до нонкомформистских) превращается в «общую проблему всей науки в целом...»⁷

Новые тенденции осмысления роли науки как наиболее «чистой» формы рациональности, связаны с отходом от жестких позитивистских критериев демаркации науки и не-науки, *с расшатыванием перегородок между наукой и другими сферами духовной деятельности и мироотношения в направлении последующего **слома** этих барьеров*. Осознается значимость иных форм осмысления мира при росте интереса ко всему, отличному от науки, что отражается в дискуссиях по проблеме поиска и формирования нового идеала научности, реального образца научного знания. *Сама внутритеоретическая ситуация, реальное изменение научных знаний, изменений в системе самой научной деятельности и в ее взаимодействии с другими сферами культуры привели к ослаблению требований к жестким нормативам научного дискурса, к допущению включения в принятую языковую парадигму и ненаучных компонентов* (паранормального знания как постоянного спутника науки, религиозных представлений). В свою очередь, идут и «обратные» процессы – например, в содержании, характере религиозных концепций, в деятельности церкви как социального института, во взаимоотношениях с наукой. Религиозные концепции и постулаты, мировоззренческие взгляды модифицируются, модернизируются в направлении отказа от наиболее одиозных, негуманных позиций клерикальной культуры, поворота к земным проблемам человечества, понимаемого в качестве метасистемной целостности. Обозначились и ведущие направления этого движения с общей доминантой – стремление / желание соответствовать сегодняшнему «вызову времени». Вот только одно характерное высказывание, иллюстрирующее нашу мысль: «религия должна освободиться от архаического миропонимания и рассматривать современный мир как живое органическое целое, находящееся в процессе непрерывного обновления и созидания...необходимо создать новое отношение церкви к миру, ее нужно демифологизировать и связать с научными и общественными вопросами современности»⁸. По всей вероятности, речь идет о возможности использования (в теоретической и практической деятельности) метода приспособления / «аджорнаменто» как соответствия вызову времени – прогрессу, культуре, жизни в целом. Отсюда становится вполне резонной концепция «двухмерного человека» и «двухмерной культуры», подразумевающая сочетание в духовном мире человека рациональных и религиозных идей и взглядов. Имеются веские основания и для активизации связей с наукой (церковь поддерживает особо ответственный диалог с учеными гуманитариями), и для поиска новых подходов и артикуляции решений, касающихся масштабных проблем, переполняющих нашу вселенную и различимых «невооруженным взглядом». Церковь стремится держать под контролем выводы естествознания, с учетом которого утвердилась особая (религиозная) целостная картина мира, разработанная на основе синтеза библейских идей, элементов античной философии, космологических и естественнонаучных представлений древности. Но, с другой стороны, она остается достаточно «чувствительной» к пересмотру тех или иных

⁶ См.: К проблеме генезиса науки как феномена европейской культуры (по работам М.К. Петрова и А.Ф. Лосева / Г.Ф. Перетятыкин / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр. / под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 49.

⁷ А.М.Страхов. Предметно-категориальная и методологическая специфика антропологии пола и любви / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П.Римского: Белгород: Изд-во БелГУ., 2007. – с. 283.

⁸ Семенов В.С. Наука и религия: взаимоотношение, противоборство, перспективы / В.С.Семенов // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 78.

естественно-научных положений, ставших символами, специфическим языком ее учения и выполняющих значимую роль в общей доктрине. Тот факт, что в орбиту проблемы выбора жизненных стратегий человечества вовлечена, в первую очередь, наука являющаяся ядерным элементом в системе общества, служит «питательной почвой» для такого рода суждений, как-то: «напрасный труд» искать черты сходства религии с наукой и «пророчить» их неизбежное слияние – сходства нет ни в целях, ни в методах»; «попытки рационализировать религиозную веру, сблизить научное знание и религиозное сознание не выдерживают испытания» – с последующим выводом, прогнозирующим тенденцию сохранения религией своих определенных позиций в развитии цивилизации при факте неослабевающего (в ближайшем будущем) противостояния обоих феноменов⁹. Нам предпочтительнее модель взаимоотношений, в основу которой положен принцип взаимодополнительности, когда наука и религия с присущей каждой из них логикой развития будут двигаться /развиваться в направлении конструктивного взаимодействия, согласованности, плодотворного влияния друг на друга, синтезируя богатейший ценностный потенциал «во благо» Человека. В ретроспективном взгляде на историю человечества зримо прослеживается стремление человека отыскать окончательную «вечную» истину, подобрав «заветный» ключ ко всем загадкам и тайнам мироздания. В идеале познание человека стремится найти простые, элементарные (при данных условиях и для данного уровня знаний) формы внешнего мира (природы), с помощью которых можно объяснить (понять) остальные явления природы¹⁰. Можно сказать и так: и наука, и религия, апеллируя к человеку (каждая в своих пределах), осуществляют одинаково важную деятельность по обоснованию и распространению духовных ценностей, хотя, опять-таки каждая сторона стремится к сохранению своих основополагающих позиций, «не уступая» по мере возможностей друг другу как две полевые позиции и парадигмально направленных друг против друга истины. В данном отношении, вероятно, у научных истин больший спектр возможностей для приближения к рациональной истине о смысле жизни, бытия, бессмертия и вечном, нежели у «истин веры».

С нашей точки зрения деструктивным фактором, «сдерживающим» процессы равнозначного диалога выступает «мировоззренческая презумпция» науки как самоорганизующейся системы в ее онтологическом статусе, и которая оказалась весьма агрессивной по отношению к иным формам мироощущения, миропостижения. Разумеется, наука не существует в неких чисто духовных сферах, она не витает над миром, она – дело вполне человеческое и касается огромного множества человеческих интересов»¹¹. Тем не менее, вряд ли кто из нас отважится оспорить М. Вэбера и «отказать» ему в правоте суждения о том, что на данный момент «одна только наука со всеми своими средствами и методами не может справиться со всеми сферами жизни, разрешить серьезные жизненные проблемы, – здесь слово уже за «иными силами», такими, как мораль, религия»¹². Не более «неправ» оказался и великий Гете, говоря о факте самоутверждения и конструкторского высокомерия «святая святых этого мира», то есть, науки, – «высокомерия, исходящего из некой иллюзорной посылки абсолютной автономности научного разума, отчуждающей и устраняющей от себя личность и миротворческую волю индивида как некую помеху на пути научного познания модели мироустройства»¹³. Ведь, с одной стороны, многотрудная наука в поисках продуктивных путей и средств максимального приближения к Абсолютной истине в своем неуклонном стремлении к новому, в процессе постоянного самообновления («слава» науки и состоит в возможности ее обновления) достигла, казалось бы, недостижимых вершин в познании законов мироздания, строгого порядка мироустройства. В самом деле, среди относительности и текучести мирового многообразия именно наука «зримо» вооружает человека аргументацией в пользу разумности мира, наделяя его бесценным даром внутренней свободы и утверждая независимость его духа. При этом

⁹ Семенов В.С. Наука и религия: взаимоотношение, противоборство, перспективы / В.С.Семенов // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 78.

¹⁰ Кедров Б.М. Классификация наук. – М.: Мысль, 1985. – С. 202.

¹¹ Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фахти Т.Б. Философия для аспирантов. – Ростов н/Дону. – 2002. – С. 416.

¹² Вебер М. Образ общества / М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Бег, 1990. – С. 220.

¹³ Свасьян К.А. Гете / К.А.Свасьян. – М.: Мысль, 1989. – С. 119.

центром, своего рода абсолютным отсчетом процессов мироздания в науке выступают Принцип, Закономерность, которые придают целостность и единство всему миру, направляют ход мировой истории и, в конечном итоге, устанавливают нравственную санкцию человеческих поступков.

Подходя же к очерченной проблеме с несколько иной стороны и обнажая остроту ситуации, мы, к сожалению, увидим и другое: современная наука разрушила барьеры, отделявшие небо от Земли, объединила и унифицировала Вселенную, «отредактировала» этот мир по всем правилам редакторского искусства. Но, *опрокидывая барьеры, наука подменила мир, в котором мы живем, любим и умираем, другим миром, – миром, в котором, хотя он и вмещает в себя все, практически нет места для человека.* Мир науки – реальный мир, становится все более удаленным от живой природы, отчужденным и полнотью оторванным от мира жизни. Выполняя наряду с другими феноменами культуры и формами культурного творчества общую задачу смысловой организации действительности, наука решает ее специфическим образом – путем чрезмерной рационализации», «забывая» нередко о том, что *творчество человека, руководимое разумом «без берегов» и «дистиллированное» от «жизненного мира» человека, не соответствует изначальному замыслу и тонет в мире окаменевших созидательных порывов.* В конечном же счете, наука, сведенная к чисто инструментальной способности человека, оказывается не способной концептуально осмыслить фундаментальные проблемы бытия, ответить на важнейшие вопросы мироустройства.

Констатируя наличие тенденции роста абстрактности современных теоретических построений и отмечая изначально присущую науке ограниченность, невозможность полностью избежать негативных последствий технического воплощения ее результатов ряд отечественных и зарубежных ученых приходит к суждению об «исчерпании культуросо-зидающих возможностей науки»¹⁴ и выводу о необходимости «новой альтернативной науки», которая сумеет, наконец-таки, решить вопрос о преодолении отчуждения науки от жизненного мира людей, разрешит проблему ее совместимости с идеалами и ценностями гуманизма. Посмотрите, говорят ученые, знания, генерируемые современной наукой, в значительной мере отчуждены от возможности осмыслить их как значимые для человеческого восприятия, а понятийный арсенал, «язык» науки труднодоступен для обыденного восприятия. Поэтому включение иррациональных мотивов в науку может рассматриваться как попытка преодоления такого интеллектуального разрыва: нерациональные компоненты делают более наглядной реальность, скрытую, скажем, за математическим аппаратом физических теорий. Нам представляется, что дискутирование этой спорной идеи, равно как и «открытость вопроса» находятся в орбите проблемной напряженности, связанной так или иначе с поиском нового реального образца научного знания, идеала научности, когда буквально все (!) в науке нового типа будет соотноситься и рассматриваться через призму общечеловеческих ценностей, приоритетов гуманистических ориентиров в познавательном движении. Ведь не случайно же в состав новой европейской гуманистической культуры «реставрированный» рационализм мог войти только при условии его обращения, поворота к «жизненному миру» человека, к значимости его эмоционально-чувственной жизни, предложив своего рода программу «сосуществования с эмоционально-чувственной жизнью, плюралистичной в плане эстетических и этических ценностей, в едином с нею пространстве человеческого бытия»¹⁵. В таком контексте идея «альтернативной науки» не кажется нам утопичной.

Воздействие на науку различных феноменов культуры может быть представлено как включение тех или иных различных социокультурных факторов в процессе генерации собственно научного знания или «высокой науки». В сферу исследования науки вовлечен мир реально существующих феноменов жизни и сознания человека (деятельность, психика, культура). Но, наука, выделяя в человеческой деятельности только предметную структуру, рассматривает все сквозь призму этой структуры, – как предмет, кото-

¹⁴ Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки. Ростов н/Д.: «МарТ». – 2006. – С. 201.

¹⁵ Человенко Т.Г. Философия Э. Гуссерля как источник феноменологических исследований в религиозии / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П. Римского: Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – с. 246.

рый живет, функционирует, развивается по объективным законам. При этом субъектная структура деятельности и ее компоненты – цели, ценности, состояния сознания и пр. исследуются наукой как особые объекты, которые опять-таки подчиняются объективным законам. Но там, где наука не может сконструировать предмет и представить его «естественную жизнь», определяемую его сущностными связями, там и кончаются ее (науки) притязания. То есть, область влияния науки очерчена особым ракурсом предметности, который одновременно выражает как безграничность, так и ограниченность науки¹⁶. И поскольку человек изначально определен (и является) в качестве объекта и субъекта деятельности, постольку в его субъектном бытии присутствуют состояния, которые, разумеется, не исчерпываются рациональным, научным знанием, пусть даже при условном допущении получения такого всеобъемлющего научного знания о человеке, а компенсаторскую функцию выполняют в данном случае другие формы познавательной деятельности.

Конечно, будучи внутренне плюралистичной, наука «не навязывает» одну единственную модель понимания действительности в ее бытии и становлении во времени. И если современная наука обретает сейчас свое новое человеческое качество, если ведет к новому диалогу человека с человеком, к гармоничному «сотрудничеству» человека с природой (природа человекна, она – «внешний человек», как называл ее Парацельс) с целью обеспечить предпосылки выживания на прекрасной и хрупкой планете Земля, то тем самым современная наука совершает фундаментальный пересмотр взглядов на свою собственную познавательную-ценностную роль, на свое место в системе менталитетов культуры, наконец, на свои внутренние потенциальные возможности и скрытые резервы успешно развиваться в данном направлении.

Таким образом, есть основания полагать, что мировоззренческие ориентиры, основанные на новой этике, приведут к кардинальному изменению традиционных для техногенной цивилизации представлений о предназначении человека и его деятельности, о смысловой взаимосвязи с миром. И тем самым будут способствовать утверждению понимания рациональности как коммуникативного разума, как нового содружества, живого равнозначного диалога человека с открытым миром *в соответствии с идеалом открытости сознания к разнообразию подходов, к коммуникации индивидуальных сознаний, менталитетов разных культур*, – понимания, адекватного реалиям третьего тысячелетия и сопряженного с судьбоносным «вызовом времени».

Список литературы

1. Степин В.С. Философия науки. / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2006.
2. Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П.Римского: Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
- 3.Зотов А.Ф. Современная западная философия / А.Ф. Зотов. М.: Высшая школа». 2001.
4. Человенко Т.Г. Э.Гуссерль: феноменологические исследования в религиоведении / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П.Римского: Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
5. Там же.
6. К проблеме генезиса науки как феномена европейской культуры (по работам М.К. Петрова и А.Ф. Лосева / Г.Ф. Перетягкин /Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр. /под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
7. Страхов М.А. Предметно-категориальная и методологическая специфика антропологии пола и любви / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П. Римского: Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – с.283.
8. Семенов В.С. Наука и религия: взаимоотношение, противоборство, перспективы / В.С. Семенов // Вопросы философии. 2006. № 6.
9. Там же.
10. Кедров Б.М. Классификация наук. – М.: Мысль, 1985.
11. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фахти Т.Б. / Философия для аспирантов. – Ростов н/Дону. – 2002.
12. Вебер М. Образ общества / М. Вебер. Избранные произведения.- М.: Бег, 1990.
13. Свасьян К.А. Гете / К.А. Свасьян. – М.: Мысль, 1989.

¹⁶ Степин В.С. Философия науки. / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – С. 110.

14. Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки. Ростов Н/Д.: «МарТ». – 2006.
15. Человенко Т.Г. Философия Э. Гуссерля как источник феноменологических исследований в религиоведении / Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: моногр./под ред. проф. В.П.Римского: Белгород: Изд-во БелГУ., 2007.
16. Степин В.С. Философия науки. / В.С. Степин. – М: Гардарики, 2006.

DIALOGUE OF HUMAN BEING AND WORLD IN MENTALITIES OF THE TECHNOGENIC CULTURE AS A HISTORICAL «CHALLENGE OF THE EPOCH»

Radical turn to the new type of the civilisation development actualizes the production of new ideological orientators and standards of vital activity. This, in turn, assumes the assertion of the new general human planetary thinking based on the biospheric ethics and combined with other radically understanding of the prospects of person and semantic interrelation with the world. The historical challenge of the epoch makes necessary passage from the treatment of rational consciousness as the specific type of the orientation of man in the world with the aid of the free thinking, which suppresses and critically relates to all other forms of world-understanding, to the more flexible, nontraditional models of understanding the rationality as collaboration, living the equivalent dialogue of the man with the open world and the ideal of the openness of consciousness to the variety of approaches, to the communication of individual consciousness and mentalities of different cultures.

G. N. Kalinina

*Belgorod State Institute
of Culture and Arts*

e-mail: Kalinina@belnet.ru

Key words: mentalities of technogenic culture, scientific rationality, communicative reason, value, alienation, paradox of human subjectivity, nontraditional strategies of vital activity, de-mythologization, transformation, «two-dimensional person», existentiality, scientific discourse, demarkation, abnormal knowledge, religious ideas, dialogue, new collaboration, man, vital world.

ДЕМОКРАТИЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

В. П. Касаткин
С. Ханнаши

*Белгородский
государственный
университет*

В данной работе демократия рассматривается в государственно-правовом аспекте, анализируются компоненты и институты демократии, процессуальное измерение демократии, выявляются общие закономерности перехода общества от авторитарного (тоталитарного) режима к демократическому правлению.

Авторы показывают проблемы процесса демократизации в Арабском Мире, которые состоят в следующем: отсутствие гражданского общества и его институтов, гарантии прав человека и гражданина, независимость судебной власти и свободного выбора на президентских или парламентских выборах.

Ключевые слова: демократия, демократизация, демократический транзит, принципы демократии, институты демократии, права человека и гражданина, Арабский Мир.

1. Понятийный строй проблемы

Термин «демократия» сложился в связи со становлением государственной организации и задействовался для обозначения одной из форм организации власти в государстве. Он использовался в прошлом наряду с другими, известными как «теократия», «аристократия», «охлократия», «олигархия», «тимократия», «монархия», «тирания» и означал по древнегреческой терминологии власть народа («demos», «kratos»). «Демократией» нужно считать такой строй, когда свободорожденные и неимущие, составляя большинство, будут иметь верховную власть в своих руках» (Аристотель)¹. Представления о демократии менялись вместе с изменением общества, в том числе способа производства материальных благ, характера распределительных отношений, социальной структуры и классовых предпочтений.

В новой и новейшей истории есть повод говорить о все более полном использовании потенциала демократии, обеспечивающей раскрепощение энергии большинства населения страны, умножение силы государственной власти через ее поддержку большинством, реализующим свои интересы через государство. Правильно отмечается в современной литературе, что без демократии нет развития², что демократия становится фактором модернизации, повышения темпов социально-экономического движения общества к прогрессу.

В связи с осознанием общецивилизационного значения и роли демократии в жизни общества, отмечают три волны демократизации. Первая берет свое начало от времен французской революции и американской войны за независимость. Она охватила северо-американские страны, ряд стран европейского континента, в их числе Великобританию, скандинавские страны и др. Вторая связана с итогами Второй мировой войны и вовлечения в процесс демократизации Германии, Италии, Японии и ряда государств Латинской Америки. Новая волна демократизации начинается после 70-х годов прошлого столетия, продолжается и сейчас. Основным ее театром становятся государства юга и востока Европы, Латинской Америки, государства на постсоветском пространстве, страны Азии, арабского мира (Северной Африки, ближнего и среднего Востока).

Накопление опыта демократического развития позволяет сегодня говорить о демократизации как главенствующей тенденции развития современного мира. Вместе с тем, нельзя сказать, что в многочисленных источниках (философия, история, социология, политология и др.) можно отыскать более или менее завершенные характеристики демократии, что в конечном счете порождает спекуляции, даже неприятие действительной роли и назначения осуществляемых демократических преобразований.

¹ История политических и правовых учений. Хрестоматия [Текст] / Сост. и ред. Демиденко Г.Г. и Борисов Г.А. – Белгород, 1999. – С. 45.

² Хермет, Г. Культура и демократия [Текст] / Хермет Г. – Париж, 1993. – С. 10.

В частности, общая характеристика демократии исчезает из юридических наследований и даже учебных пособий по теории государства и права³. Складывается поэтому дефицит представлений о демократии как государстве, об институциональных ее компонентах, в особенности основных правах и свободах человека и гражданина, о праве и законности как условиях становления демократических институтов, о формировании гражданского общества (экономических, социально-политических, личностных предпосылок), на базе которого возможно произрастание демократии и др. Государственно-правовые грани общей теории демократии становятся во главу угла, особенно в государствах, только вступающих на путь демократического развития.

Исходными для характеристики демократии являются ответы на ключевые вопросы: на каких принципах и нормах возвышается государственная власть, как оформлена эта власть, в каком режиме она функционирует⁴. Такой подход создает предпосылки для уточнения понятийного строя проблемы, устранения всего того, что затрудняет ее понимание. Демократия как явление государственно-правовой жизни нуждается в отработке ее модели, сосредотачивающей в себе соответствующие грани представлений.

Во-первых, демократия – это феномен, соотносимый с государством, это способ оформления государственной власти. Если в народовласти (ст. 3 Конституции РФ) проявляется сама сущность государства, то демократия показывает, как и в каком порядке оформляется государственная власть (ст. 1 Конституции РФ). Буквальный перевод термина («demos», «kratos»), не всегда может отразить действительный смысл феномена демократии, поскольку во многих случаях в обществах, основанных на классовых приоритетах, народовластие и демократия рассогласованы, поскольку при формально действующих демократических институтах и процедурах о народовластии говорить не приходится. Государство обеспечивает здесь господство меньшинства над большинством населения и в силу этого является неразвитым⁵. В условиях преодоления классовых приоритетов на базе построения гражданского общества народовластие и демократия приходят к согласованию. Государство становится социально-демократическим.

Во-вторых, подчеркивая соотносимость демократии с государством, отметим, что за пределами государства демократия преобразуется в самоуправление. Отсюда «партийная демократия», «профсоюзная демократия» и др. стали в свое время факторами огосударствления институтов общества в определенном режиме осуществления власти. В современном российском государстве и развитой политической системе это не может иметь место даже в терминологии. Только в оговорке уместно признание элементов политической демократии в функционировании политических партий, поскольку политические партии в соответствии с законодательством имеют целью представлять интересы сторонников соответствующей политической программы в органах государственной власти (ст. 3 ФЗ «О политических партиях»). Но это касается только политических партий.

В-третьих, демократия – это такое оформление государственной власти, при котором отсутствует единый центр власти. Организация государственной власти основывается на системе ее разделения на относительно самостоятельные законодательную, исполнительную и судебную власти. Правовой порядок их взаимодействия (система «сдержек» и «противовесов») позволяет в государственной работе искать пути к компромиссам (на основе права), складывающемуся на этой основе согласию и равновесию в обществе.

В-четвертых, демократия – это порядок осуществления прав и свобод человека и гражданина в сочетании с обязанностями и ответственностью, обеспечивающий приоритет личности над всеми другими интересами и ценностями. Иными словами, это стабильный и предсказуемый правопорядок, формирующийся в русле реализации принципа законности.

В-пятых, демократия – это свобода делать все, что не запрещено законом. С этой стороны граждане действуют в общедозволительном режиме правового регулирования. С

³ Отметим сохранение главы о демократии в учебном пособии под ред. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права [Текст] / М.Н. Марченко. – М., 2001. – С. 285 – 313.

⁴ В литературе встречается указание на названные три аспекта демократии. См.: Загальна теорія держави і права [Текст]. – Харків. – 2002. – С. 99.

⁵ Четвернин, В.А. Демократическое конституционное государство. Введение в теорию [Текст] / В.А. Четвернин. – М. 1993. – 140 с.

другой стороны, носители публичной власти (властных полномочий) действуют в режиме правовых ограничений, в разрешительном режиме правового регулирования. Речь еще об одной грани соотношения демократии, законности и правопорядка.

В-шестых, демократия – это государство, которое признает и уважает права и законные интересы меньшинства. Демократия не может быть основана на условиях и факторах, порождающих социальные, национальные и др. напряжения. Демократическое государство всегда их преодолевает, снимает, осуществляет поиск согласия, равновесия.

В-седьмых, демократия – системное образование, обусловленное единством лежащих в ее основе ценностей. Она характеризуется непротиворечивостью там, где нет глубокого материального, ценностного и иного разрыва между слоями и группами населения страны. В условиях раскола общества, наличия несопоставимых материальных различий, разночтений в интересах и восприятии ценностей, единая система демократии сложиться не может. Наличные условия жизни порождают различные представления о демократии и лежащих в ее основе ценностей, а стало быть, различные ее системы⁶.

Демократия – это такая форма организации государственной власти и порядок властеотношений, при которой последовательно осуществляются основные права и свободы человека и гражданина, реализуется правовой порядок взаимоотношения личности и государства на началах взаимной ответственности, реально утверждается режим правовых ограничений и законности в деятельности носителей публичной власти, обеспечивается приведение общества к равновесию и благополучию.

Приведенная характеристика демократии не исключает других подходов к обобщенной ее оценке, в том числе, сквозь призму исторических, социологических, политологических граней представлений. В частности, демократия как форма правления восходит к греческой философии, она определялась тогда как источник власти правительства, обозначая также цели, которые оно преследовало и процедуры его создания, но в новое время это определение было отвергнуто особенно в работах Шампетера, который объяснил минусы «классической теории демократии», определив ее в терминах воли народа и общего блага. По его мнению демократический метод это институциональная система, приводящая к политическим решениям, в которой индивиды приобретают власть, чтобы настаивать на своих решениях на исходе конкурентной борьбы в соответствии с голосованием народа⁷.

Против тех, кто утверждает, что демократия является окончательным этапом построения общества, ставшего совершенным и против тех, которые считают возможно уничтожение политики упразднением гражданского общества, Алэн Турен говорит, что «демократия не является общественным типом, но более ограниченно, типом политической системы...»⁸.

Что касается Сэмюэля П. Хантингтона, он определяет демократию как политический режим. По его мнению демократия существует в условиях, когда основные лидеры политической системы отобраны посредством конкурентных выборов, в которых имеет возможность принимать участие основная часть населения⁹. В соответствии с этим определением демократический режим является синонимом выборности и многопартийности.

Но данное определение не учитывает многих очень важных элементов переходного периода, таких как реальное соперничество между партиями, их автономия относительно власти, возможность обмана, эффективность свободы и право граждан свергнуть или изменить режим мирным путем.

Именно в этом смысле Дж. Линц и Р. Даль настаивают на элитарном характере любой представительной системы власти. Что касается Линца, он считает, что правительство тогда можно считать демократическим, когда оно предлагает соответствующие конституционные возможности в мирном соревновании, имея целью победу политической

⁶ Отметим сохранение главы о демократии в учебном пособии под ред. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права [Текст] / М. Н. Марченко. – М., 2001. – С. 285 – 313.

⁷ Шампетр Джозев, А. Капитализм, социализм и демократия: Нью-Йорк Харпер [Текст] / А. Джозев Шампетр. – 1947(2-е издание), печатание глава 21. – С. 269.

⁸ По поводу спора, см. Тальмон, Ж. Происхождение тоталитарной демократии Париж [Текст] / Ж. Тальмон. – Кальман Леви. – 1966.

⁹ Хантингтон, Сэмюэл и Мур, С. Н. Авторитарная политика в современном обществе [Текст] / Сэмюэл Хантингтон и С. Н. Мур. – Нью-Йорк, 1970. – С. 509.

власти различных групп, неисключая фактор применения силы какой-либо значимого политического сектора¹⁰.

Р. Даль утверждает, что современный демократический режим – это совокупность различного рода организаций и ассоциаций, которые являются относительно независимыми относительно правительства, также и по отношению друг к другу¹¹. В данном случае Р. Даль отмечает другое качество избранного демократического режима, а именно реальную состязательность в политической игре, отсутствие сговора внутри соревнующимися группами и между ними и правительством. Для Р. Даля даже простое существование этих явлений является достаточным условием для установления демократического режима.

Все это подчеркивает многогранность и многоплановость современных интерпретаций феномена демократии.

2. Состав компонентов демократии

Представления о демократии не могут стать полными без установления компонентов этого феномена, т. е. структурно-организационной характеристики. Среди компонентов, обуславливающих жизнеспособность демократии (государства) нельзя не назвать **нормативно-организационную** базу. Прежде всего это принципы, лежащие в основе организации и функционирования государственной власти, отражающие общие закономерности властеотношений. Среди них общецивилизационные принципы – персонцентризм, свобода, народовластие, юридическое равенство, справедливость, законность. Они содержат требования восприимчивости современной государственности и позитивного права к общечеловеческим ценностям, обеспечивают приоритет личности над всеми другими интересами и ценностями. В согласовании с названными фундаментальными принципами действуют более конкретные, раскрывающие сущность правового государства. Это принципы верховенства правового закона в системе законодательства, правового самоограничения государственной власти, взаимной ответственности гражданина перед государством и государства перед своими гражданами. Нормативная база демократической государственности представлена не только названными и другими принципами, но и основными правами и свободами человека и гражданина, признанными международным сообществом – личностными, интеллектуально-культурными, экономическими, политическими. Уважение демократических принципов, основных прав и свобод вменяется в обязанность государству (п. 4 ст. 15 Конституции РФ), устанавливает юридические пределы усмотрения государства в целом, властвующих структур и должностных лиц.

Нормативно-организационный компонент демократии дополняется структурно-организационным, выражающимся в формах участия населения страны в решении вопросов общегосударственного и регионального значения. Речь о формах демократии – внешне выраженных способах формирования и реализации государственной воли. Традиционно различают формы представительной демократии, непосредственной демократии, консультативной демократии.

Представительная демократия имеет место там, где население страны (избиратели) осуществляют государственную власть через своих представителей. Формами народовластия здесь являются представительные органы власти, а также производные от них структуры (ветви) власти. Институт президента в России также относим к представительной форме демократии, равно как институт президента национальных республик и губернатора территориальных субъектов федерации.

Непосредственная демократия имеет место в случаях прямого волеизъявления населения страны – избирателей, прямого участия в решении общегосударственных дел. К форме непосредственной демократии здесь относят выборы представительных органов власти, референдум, всенародный опрос.

Консультативная демократия связана с формированием общенародного волеизъявления при всенародных (региональных) обсуждениях проектов важнейших законов, при народной (региональной) законодательной инициативе и др.

¹⁰ Линз, Дж. Кливаж. Идеологии, партийные системы [Текст] / Дж. Кливаж Линз. – Хельсинки. Книжная Академия. –1964, С. 295.

¹¹ Даль, Р. Энциклопедия Блакуела о политических институтах [Текст] / Р. Даль.– Оксфорд, ссылка Блакуела, 1987. – С. 167.

Формы демократии складываются (материализуются) как ре компоненты, оформляются в институты демократии, образующие в совокупности систему. Институт демократии – это структурно-нормативное и функциональное образование в организации государственной власти, обеспечивающее во взаимодействии с другими определенным порядком взаимовлияния общества и государства на пути к прогрессу.

Институты демократии характеризуют саму демократию в системе. Уместно поэтому относить такие институты к сфере экономики (экономические корпорации и т.п.), к организации власти (народного представительства, разделения властей, правосудия и т.п.), к формированию структур публичной власти (выборы, назначения и др.), к осуществлению контроля и надзора за законностью и т. п.

Среди разновидностей форм непосредственной демократии называют петиции, собрания, сходы, ассоциации и др. Представляется, что последние названные и другие формы реализации инициативы граждан призваны и имеют целью выразить групповое волеизъявление и интерес определенных социальных общностей. Здесь поэтому уместно вести речь о функционировании самоуправления. В отличие от институтов демократии, ориентированных на аккумуляцию общегосударственных, либо региональных (в субъектах федерации) интересов и соответствующего волеизъявления, воля и интерес членов ассоциаций, местных территориальных образований и самодельных организаций исходят из потребностей, вызревающих в соответствующих институтах самоуправления. В своей совокупности они образуют систему самоуправления – общественного образования, в котором имеет место совместное под свою ответственность и риск принятие решений и совместное их осуществление в интересах самоуправляемого сообщества людей.

Конечно, демократия и самоуправление имеют общие черты. Это участие людей в решении общих дел, ответственность, деятельность, основанные на законе, ориентация на общественный интерес, достижение согласия. Обнаруживаются также параллели в организованных формах конкретной работы.

Не менее важными в процессе демократизации современного общества являются другие компоненты, связанные с условиями, при которых движение к демократии находит отклик в сознании и конкретных действиях людей, в связи с их решающим участием в решении государственных дел. Это самоидентификация населения через установление и выражение коренных интересов социальных слоев общностей, это развитость политического и правового сознания и мышления, это восприимчивость к ценностям политической и правовой культуры. Интеллектуально-культурный компонент демократии в ряде случаев образует предпосылки и почву для процесса демократизации в положительном или отрицательном смысле.

Демократия, наконец, характеризуется как государственно-правовой режим формирования и функционирования институтов власти. Он противоположен любой разновидности тоталитаризма как по основным, так и по дополнительным характеристикам.

Главными, конечно, являются различия в приоритетах. Для демократического режима осуществления государственной власти исходным является приоритет личности, основных прав и свобод человека и гражданина над всеми другими интересами и ценностями. Далее, в условиях демократизма возобладает плюрализм – в экономической жизни (множественность форм собственности и хозяйственной деятельности), политической (прежде всего многопартийность), властно-организационной (система разделения властей), идеологической (плюрализм мнений). В правовой жизни демократизация проявляется в возвышении роли частного права и общедозволительного режима правового регулирования, складывание системы правовых пределов в деятельности властвующих лиц.

3. Проблемы становления демократических принципов и институтов в странах, ставших на путь демократизации

В странах, ставших или становящихся на путь демократических преобразований наблюдаются однопорядковые процессы. Это относится как к успехам, так и к трудностям, с которыми сталкиваются народы, принимающие или принявшие демократические ценности.

Прежде всего демократизация может предшествовать либо идти параллельно процессу либерализации. Он охватывает экономическую жизнь и обуславливает здесь постепенную минимизацию роли государства. Укрепление принципов либерализма – свободной конкуренции, движения капитала, улучшения инвестиционного климата, создания

свободных зон в торговле и т. п. подрывает монополию государственного влияния в экономике, открывает простор действию рыночных механизмов. Государство в этих условиях идет на признание и юридическое оформление абсолютных общечеловеческих ценностей – свободы, равенства, справедливости, их перевод на язык права, закладывает в формы и институты государственной организации. Принимается при этом концепция и практика формирования правового государства, системы разделения властей, парламентаризма, конституционности, основных прав и свобод человека и гражданина и др.

В этих условиях принципиально меняется соотношение общества и государства. Последнее уступает бремя многочисленных прежде забот разрешать межклассовые противостояния и конфликты в пользу общества, его институтов, оставляет за собой тот минимум, в пределах которого государство определяет внешние условия действия рыночных механизмов и объективных закономерностей.

В других условиях государство начинает выполнять общесоциальную роль, определяет большую или меньшую степень социальной ориентированности экономики, придает динамизм развитию всех сторон жизни через реализацию основных прав и свобод человека и гражданина. Одним из факторов этого является неизменная поддержка государством малого и среднего бизнеса, берущая начало от «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, придающая ускорение экономическим и социальным процессам.

Большая или меньшая степень социальной оториентированности политики и практики государств характеризует различия феноменов либеральной демократии и социальной демократии¹². Обществу здесь приходится выбирать между пределами минимизации роли государства («ночного сторожа») и пределами его вмешательства, прежде всего в экономическую и социальную жизнь, между режимом либеральной демократии и государством социальной демократии. Современные развитые государства (старой демократии) отдают предпочтение последнему.

Демократизация проявляется здесь как закономерность, вырастает в подготовленных к ней условиях, привычных для населения отношений собственности и экономического мышления; в условиях стабильного законодательства, законности и надежности юридических механизмов защиты прав; в условиях давно сформировавшейся правокультурной среды. Демократизация протекает как эволюционный процесс без серьезных социальных конфликтов и потрясений.

Наряду с успехами демократических преобразований в странах с устоявшейся базой и традициями демократии, обнаруживаются издержки, противоречия, а то и неудачи предпринимаемых попыток. Это обуславливается наличием ряда факторов, сдерживающих процесс демократизации, возводящих препятствия и завалы на пути реализации демократических принципов и ценностей. Ряд из них имеют общий характер, обусловленный трудностями роста молодых демократий. На другие накладывает отпечаток национальная, конфессиональная, континентально-географическая и другая специфика. Среди общих трудностей следует видеть.

А. Отсутствие развитого гражданского общества и его инфраструктуры (форм, институтов), способного, с одной стороны, формировать конкурентно способную рыночную экономическую среду, а также социальную основу и опору (средний класс) государства, демократии; с другой – выразить и защитить перед лицом государства консолидированную волю и интересы социальных слоев и групп интересов населения страны. В этом своем качестве гражданское общество способно создать условия для исполнения государством своего главного назначения – приводить общество к согласию, равновесию, прогрессу через использование многоплановых правовых средств. Не случайно термины гражданское и правовое общество используются как синонимы.

Б. Незрелость либо отсутствие политической системности. Даже если складывается многопартийность в политической системе переходного общества, то действующие политические партии возникают при отсутствии соответствующей социальной основы и действуют без видимых попыток представить реальную структуру потребностей и социальных интересов. Всякое стремление сформировать двухпартийную систему западного образца наталкивается на неготовность политического спектра придти к согласию,

¹² См.: Проблемы общей теории права и государства [Текст]/ под ред. В. С. Нерсесянца, М. Нор-ма», 2002. – С. 705.

компромиссам, (блок правых партий), придать социально-демократическую направленность программам блока левых партий, преодолеть корпоративно-бюрократический контекст в деятельности партии власти. Почти отсутствует в этих условиях ориентация на принципы парламентаризма и конституционности и, наоборот, возобладает личностно-ориентированный подход. Это может сказаться на предстоящих выборах в органы высшей власти Российской Федерации.

В. Бюрократическая система власти при возобладании в системе разделения властей исполнительных ее структур. Тенденция бюрократизации берет начало от перераспределения собственности и власти в начале 90-х годов между партийно-государственной номенклатурой и молодым слоем аппаратчиков, пришедших на волне идеологии и практики переустройства общества. Амбициозность и радикализм последних нередко выливались в конфликты на грани гражданской войны (ваучеризация, обвальная либерализация рынка, танковая атака Белого дома и др.). В свою очередь, старая номенклатура предпринимает ряд попыток реставрации советского строя вплоть до насильственного отстранения от власти законно избранного Президента СССР и развязывания путча.

Противоречия между старой и новой бюрократией с течением времени стали преодолеваются в рамках парламентской работы, в связи с безусловно высоким авторитетом действующего Президента РФ и пропрезидентской позицией большинства политических сил. Остается тем не менее актуальным вопрос о связи государственной деятельности и бизнеса, связи бюрократических и криминальных структур, коррумпированности государственного аппарата. Все это создает препятствия и завалы на пути демократизации, с преодолением которых связаны сегодня успехи или неудачи в освоении демократических ценностей. В большей или меньшей степени это относится ко всем странам, ставшим на путь демократизации, но есть и специфические трудности и препятствия на этом пути в странах на постсоветском пространстве, в странах арабского мира и др.

Проблемы демократии в странах арабского мира мы предлагаем рассматривать в следующем контексте:

1. Исторический фактор, который обостряет двойственное отношение арабского мира к проблеме демократии и тесно связывает ее с западным колониализмом. Переходный характер развития демократии.

Это тот неудачный опыт парламентаризма западного типа, который пережили в ряде арабских стран, начиная с периода после первой мировой войны и кончая 50-ми годами 20-го века. Нужно напомнить, что в этот период такие страны, как Египет, Сирия и Ирак усвоили себе западный парламентаризм как норму политической жизни.

Сегодня большинство арабо-мусульманских стран Ближнего Востока переживают переходный, индустриализующийся характер развития. Это предполагает создание не столько демократических режимов, сколько государства, ориентированного на модернизацию экономики и социальное развитие. Очевидно, идет процесс восприятия универсальных демократических ценностей в большинстве стран региона.

Вместе с тем, без достижения в обществе национального согласия и единства элит в поддержке целей социально-экономической модернизации, наличия у них возможностей осуществить их справиться с указанными трудностями, вряд ли удастся. А это предполагает определенную либерализацию действующей политической системы. К тому же, ощущается дефицит современных технологий и новых знаний, без которых невозможно провести экономическую модернизацию. Исторический опыт развития Европы, других регионов мира свидетельствует, что устойчивая демократическая система складывается как итог длительного социально-экономического развития. Тем более на Ближнем Востоке, где уровень политической культуры и развития общественного сознания в большинстве стран региона дает основания предположить, что демократия должна скорее являться итогом социально-ориентированных экономических преобразований, а не опережать их. Поэтому на данном переходном этапе развития арабских стран в обществе существует неотложная потребность в эффективном руководстве со стороны государства как за ходом реформ, так и процессом демократизации. Без сильного государства, избежав при этом серьезных внутренних потрясений.

2. Глубокие противоречия, продолжающие существовать между различными политическими системами¹³.

Весь XX век арабские идеологи и политики пытались найти выход из кризиса, возникшего в связи с замедленными темпами цивилизационных процессов в арабском мире. Очень широко во многих арабских странах до сих пор рассматриваются различные проблемы демократии, которую представляют как естественную политическую систему, которая основана на свободе людей, их равенстве перед законом, выборности властей, представляющих интересы всех социальных слоев¹⁴.

Однако, современные арабские политики чаще всего используют это понятие в идеологическом плане, отрицая его конкретное, практическое применение. Идет осмысление своеобразной модели демократизма в специфических условиях арабского мира, где во многих странах налицо бедность, безработица, отсутствуют реальные права и свободы граждан. Следует также иметь в виду тот факт, что западные страны последнее время усиливают пропаганду исламской угрозы, заявляют об опасности, исходящей из этого региона мира, о непредсказуемых последствиях в случае, если исламисты придут к власти посредством демократических выборов в своих странах.

3. Неготовность традиционных лидеров осуществлять системные социально-экономические и политические преобразования.

Набирающий темпы процесс смены правящих элит вполне закономерно ставит вопрос о способности нового поколения арабских лидеров в условиях обострения борьбы за власть и внешней нестабильности в регионе. К переоценке прежнего курса приоритетности демократических преобразований перед решением задач экономической модернизации, социального развития и ближневосточного урегулирования, принятого еще несколько лет назад, лидеры многих ближневосточных государств относятся весьма скептически. Между тем, установление в их странах демократии по западным образцам обязательно обеспечит экономический прогресс, будет способствовать справедливому решению арабо-израильского конфликта и поможет укрепить национальный суверенитет и территориальную целостность государства. На этом фоне особо ярко проявляют себя неудачи в демократических преобразованиях внутригосударственного уровня. Среди них:

• **Отсутствие гражданского общества и его институтов.**

Таковыми являются институты, защищающие интересы индивида и группы, всевозможной деятельности государства (через ассоциации, профсоюзы). В данном случае гражданское общество, которое является гарантией демократии жестко контролируется государством.

• **Отсутствие прав человека и гражданина.**

В большинстве стран Арабского Мира не соблюдаются эти права, отсутствует свобода слова и выражения, ограничиваются действия элиты, не учитываются доказательства совершения правонарушения и приговор суда, вступивший в силу. К примеру, в конституциях Сирии и Ирака жестко зафиксированы пределы личных свобод и мн. др.

• **Отсутствие гарантий независимости судебной власти.**

Будучи записанным в конституциях Арабских стран как конституционная и юридическая гарантия, независимость судебной власти нарушается (вмешательство исполнительной власти в действия судей, практикуется контроль над приговором и т. п.).

• **Отсутствие суверенитета народа на президентских или парламентских выборах.**

Зачастую выборы базируются на идеологии, либо на феодальной монархии (Саудовская Аравия).

4. Выбор дальнейшего пути развития.

Проблемы принятия верного решения и выработки оптимального политического курса у стран Ближнего Востока сегодня осложняются масштабностью, комплексностью и

¹³ Каннах, А. Проблемы демократии в современном арабском мире [Электронный ресурс]/ А. Каннах// The Black Sea Area Research Group / of Defense Academies and Security Studies Institutes. – Istanbul, Turkey, 1998-2006. – Режим доступа: <http://www.bsarg.crimeainfo.com/o8%20Kanakh.doc>The Information and Analytical Center «Zlato Chemomoria», Pfp Consortium.

¹⁴ Джавад, аль-Хамад. Демократия в Арабском Мире: ее перспективы [Текст]/ аль-Хамад Джавад. – Амман. 2002. – С. 24.

неотложностью задач, которые приходится решать руководителям этих государств в условиях весьма непростой региональной ситуации, отличающейся наличием нескольких зон нестабильности на востоке (Ирак, Афганистан) и на западе (Палестина, Израиль, Ливан) региона. Действительно, за всю свою новейшую историю Ближний Восток не переживал столь опасного периода. В большинстве стран региона зреют внутренние конфликты, которые не только чреваты подрывом существующей системы власти, но и угрожают в перспективе суверенитету и территориальной целостности самих этих государств. Подобное развитие событий во многом определяется общей отсталостью региона, последствиями войн в Ираке и Ливане, неурегулированностью арабо-израильского конфликта. Таким образом, в общественной жизни многих арабских стран постоянно идет поиск путей дальнейшего развития, используется положительный опыт различных стран от либерально-демократического направления до революционно-радикального. В этом плане большой интерес представляет в качестве альтернативы буржуазному либерализму и марксистскому социализму уникальная «третья мировая теория» лидера Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (официальное наименование Ливии) Муаммара Каддафи.

Нельзя не отметить, что арабский мир все же воспринял важность влияния демократии на стабилизацию и развитие государства и общества. Принципы демократии были сразу же заложены в конституциях арабских государств, в разделах, касающихся демократии, воплотивших в себе понятия свободы и правового государства и их институтов. Среди ярких примеров успешной демократизации следующие:

• **Укрепление демократии в политической сфере.**

Например, в Тунисе впервые после внесения поправок в Конституцию 12 июля 1988 года, был установлен плюрализм мнений и многопартийность в стране, активизировалась роль гражданского общества, гарантирующего права человека и взаимодействие государства и общества в установлении демократии¹⁵.

• **Сфера экономики.**

Роль демократии в экономической сфере в последние годы проявилась в укреплении принципов либерализма, гибкости законов, отмене монополии государства в экономической сфере, расширении инвестиций, создании свободных зон торговли в Тунисе, Египте, Иордании.

Как мы видим, в итоге, государство тогда выполняет свое предназначение приводить общество к равновесию, благополучию и прогрессу, когда его формы и институты действуют в условиях демократии. Вопрос о демократии и государстве, основанном на ее ценностях, становятся критерием зрелости общества, ее способности использовать государственную организацию в интересах всех людей. В свою очередь развитость государства оценивается сквозь призму его миссии уравнивать интересы социальных слоев и групп населения, т. е. действовать, опираясь на принципы и ценности демократии.

Список литературы

1. Конституция Туниса. Документ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/4323169>.
2. Даль, Р. Энциклопедия Блакуела о политических институтах [Текст]/ Р. Даль.– Оксфорд, ссылка Блакуела, 1987. – С. 167.
3. Джавад, аль-Хамад. Демократия в Арабском Мире: ее перспективы [Текст]/ аль-Хамад Джавад. – Амман. 2002. – С. 24.¹
4. В литературе встречается указание на названные три аспекта демократии. См.: Загальна теорія держави і права [Текст]. – Харків. – 2002. – С. 99.
5. История политических и правовых учений. Хрестоматия [Текст] / Сост. и ред. Демиденко Г.Г. и Борисов Г. А. – Белгород, 1999. – С. 45.
6. Каннах, А. Проблемы демократии в современном арабском мире [Электронный ресурс] / А. Каннах// The Black Sea Area Research Group / of Defense Academies and Security Studies Institutes. – Istanbul, Turkey, 1998-2006. – Режим доступа: <http://www.bsarg.crimeainfo.com/o8%20Kanakh.doc>The Information and Analytical Center «Zlato Chemomoria», Pfp Consortium.

¹⁵ Конституция Туниса. Документ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/4323169>.

7. Линз, Дж. Кливаж. Идеологии, партийные системы [Текст] / Дж. Кливаж Линз. – Хельсинки. Книжная Академия. –1964, С. 295.
8. Отметим сохранение главы о демократии в учебном пособии под ред. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права [Текст] / М. Н. Марченко. – М., 2001. – С. 285 – 313.
9. См.: Проблемы общей теории права и государства [Текст] / под ред. В. С. Нерсесянца, М. Норма», 2002. – С. 705.
10. По поводу спора, см. Тальмон, Ж. Происхождение тоталитарной демократии Париж [Текст] / Ж. Тальмон. – Кальман Леви. –1966.
11. Хантингтон, Сэмюэл и Мур, С. Н. Авторитарная политика в современном обществе [Текст] / Сэмюэл Хантингтон и С. Н. Мур. – Нью-Йорк, 1970. – С. 509.
12. Хермет, Г. Культура и демократия [Текст] / Хермет Г. – Париж, 1993. – С. 10.
13. Четвернин, В.А. Демократическое конституционное государство. Введение в теорию [Текст] / В.А. Четвернин. – М. 1993. – 140 с.
14. Шампетр Джозев, А. Капитализм, социализм и демократия: Нью-Йорк Харпер [Текст]/ А. Джозев Шампетр. –1947 (2-е издание), печатание глава 21. – С. 269.

DEMOCRACY AS A STATE LEGAL PHENOMENON: ISSUES OF ESTABLISHING IN TRANSITION SOCIETY

The paper interpretes democracy in the state legal aspect, analyses components and institutes of democracy and its processual dimension, and reveals general regularities of society transition from authority (totalitarian) to democratic type of governing.

Authors describe the issues of democratization processes in Arab world: deficiency of civil society and its institutions, guarantees of personal and civil rights, independence of judiciary, and free choice in presidential and parliamentary elections.

Key words: democracy, democratization, democratic transit, democracy principles, institutions of democracy, personal and civil rights, Arab world.

V. P. Kasatkin
S. Khannashi

Belgorod State University

ЛЕВ ШЕСТОВ И НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

В. В. Лашов

*Московский
государственный
университет*

e-mail: l_vv@me.com

В статье дается экспозиция отношения Л. Шестова к творчеству Н. Гоголя. Показано, что Шестов предлагает интерпретацию облика писателя, отличающуюся от тех образов, которые были созданы радикально-демократической и символистской критикой. Шестов дает объяснение творчества и трагедии Гоголя через идею поиска писателем путей к подлинности посредством погружения в мир, который страшит и отвращает нормального человека. Именно за пределами обыденного и привычного Гоголь искал истину, подвергая себя мучительным погружениям в темные бездны собственного внутреннего мира. Шестов, по мнению автора статьи, находит Гоголя на грани реального и ирреального, бытия и ничто, где возникает возможность прозреть истинную и подлинную действительность.

Ключевые слова: Шестов, Гоголь, творчество, трагедия, реализм, символизм, внутренний мир, тайна, прозрение.

Из всей плеяды русских писателей, творчество которых привлекало внимание Льва Шестова, Николай Васильевич Гоголь является, пожалуй, наиболее загадочным. Судьба Н.В. Гоголя, с одной стороны, исключительна, а с другой – символизирует трагичность жизни творца, вдохновение которого неизменно сопряжено с творческой мукой, тоской и отчаянием. Нескрываемый интерес писателя к запредельному и потустороннему миру указывает на него как на обладателя «второго» зрения, дарованного таинственным ангелом смерти. Шестов почувствовал в Гоголе – его судьбе и творчестве – прикосновение страшного ангела: «Его сверкающие остроумием и несравненным юмором произведения – самая потрясающая из мировых трагедий, как и его личная жизненная судьба. И его посетил грозный ангел и наделил проклятым даром второго видения. Или этот дар не проклятие, а благословение? Если бы хоть на этот вопрос можно было ответить! Но весь смысл второго видения в том, чтоб задавать вопросы, на которые нет ответов, потому что они так настоятельно требуют ответов», Это «невыразимо страшное чувство перехода в инобытийное существование» сумели потрясающе выразить многие русские писатели, но первее всех в этом отношении был, с точки зрения Шестова, Николай Гоголь.

В оценке личности и творчества Гоголя Шестов сохраняет присущее ему своеобразие и независимость взглядов и суждений. Он оставляет фактически без внимания солидный пласт демократической литературной критики, увидевшей в творчестве Гоголя те идейно-эстетические принципы, которые полагались первостепенными в критическом реализме. Говоря о Гоголе, Шестов не придаёт значения ни критике, ни сатире, которыми, казалось бы, изобилует гоголевское творчество. Не ощущает он в творчестве Гоголя и пафоса обречённости самодержавно-крепостнического строя, что было особенно ценно в Гоголе для В.Г. Белинского. Как известно, его концепция творчества Гоголя стала причиной того, что на протяжении всего XIX столетия писатель воспринимался как реалист, глава нового направления – натуральной школы, а основным пафосом его произведений провозглашалась критика современной действительности. В трансляции «энергии негодования», как выразился впоследствии Г.Р. Чернышевский, радикально-демократическая критика видела себя продолжательницей дела Гоголя: неслучайно Чернышевский провозгласил о «гоголевском периоде русской литературы». Не только демократическая критика, но и молодые писатели-реалисты признавали себя последователями Гоголя: недаром широко известна знаменитая фраза, приписываемая Достоевскому: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”». Менее известно суждение И.С. Тургенева о том, что Гоголь был больше, чем просто писатель: он раскрыл нам нас самих.

Поэтому кажется странным на первый взгляд убеждение многих представителей русского символизма о том, что их предтечей также является Гоголь, тот, кого традиционно уже привыкли считать одним из основоположников отечественного реализма. В ис-

следованиях В. Розанова («Гоголь»), Д. Мережковского («Гоголь и чёрт»), А. Белого («Гоголь»), А. Блока («Дитя Гоголя») родился «новый» Гоголь – мистик, романтик, символист. Символисты усмотрели в Гоголе основателя нереалистической эстетической системы и ценили в нём писателя-мистика, мастера фантазмагорической псевдореальности, абсурда и условности.

Лев Шестов занимает своеобразное положение в выше обозначенной литературе о Гоголе. В суждениях о Гоголе, как ни о каком другом писателе, ярко прослеживаются особенности Шестова-мыслителя и его творческого метода блуждания по душам, определяемого нами как экзистенциально-психологический. Если, обращаясь к творчеству А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Лев Шестов обильно цитирует отдельные фрагменты их сочинений, при этом, однако, не являясь обычным историком литературы или литературным критиком, то, говоря о Гоголе, он и вовсе не обращается к текстам писателя. Он непосредственно погружает читателя во внутренний мир писателя, полагая, что в случае с Гоголем мы можем говорить о фактически абсолютном тождестве между писателем и его произведениями. С одной стороны, он видит в Гоголе великого реалиста, беспощадно обрисовавшего русскую действительность, с другой – идёт в общем русле литературно-философской критики начала XX столетия. Но в оценке реалистических картин в творчестве Гоголя он не склонен, как это делало большинство, прислушиваться к пушкинскому восклицанию «Боже, какая грустная Россия». Для Шестова важны собственно гоголевские позднейшие признания и откровения из «Выбранных мест из переписки с друзьями» 1847 г., настоящие записки сумасшедшего, как определяет их Шестов, где автор открыто говорит, что гоголевские типы имели целью преследовать всё дурное, что есть в человеке, и, прежде всего, отрицательные свойства, обнаруженные писателем в самом себе. «Я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка», – пишет Н. Гоголь. До Шестова, этого великого охотника до душ самих писателей, мыслителя всегда свободного от какой бы то ни было тенденции, литературная критика, увлечённая каким-то своим направлением – в случае с Гоголем, реалистическим или мистическим – игнорирует или не замечает этот очевидный, казалось бы, факт. Между тем сам Шестов настаивает, что «книги Гоголя до тех пор останутся для людей запечатанными семью печатями, пока они не согласятся принять это гоголевское признание». Шестов, понимая логику развития литературного процесса в России, отмечает, что Гоголь должен быть признан предшественником Ф.М. Достоевского. «...В русской литературе Достоевский не стоит одиноко, – пишет он. – Впереди него и даже над ним должен быть поставлен Гоголь. Все произведения Гоголя... одни непрерывные записки из подполья». Он ценит в творчестве Гоголя экзистенциально-философскую компоненту его творчества, предчувствуя в нём те темы, которые впоследствии так неотступно станут преследовать Достоевского. И главная из них – борьба с властью Необходимости и протест против «всемства».

Отдельно Шестов не посвящает Гоголю ни одной из своих работ. В архиве Шестова сведений о Гоголе мы находим также чрезвычайно мало. Лишь в письме к Б. Ф. Шлецеру от 21 декабря 1932 года в связи с его книгой о Гоголе, которую автор пожелал посвятить Льву Шестову, мы встречаем беглое упоминание о Гоголе и его втором томе «Мёртвых душ». Между тем корпус главных работ Шестова содержит в себе довольно пространственные суждения о писателе, позволяющие передать шестовскую интерпретацию загадочной личности Гоголя, его беспокойного духа и мятущейся души. Особенно важной для нас в этом отношении является работа «На весах Иова» (1929), в которой содержатся наиболее ценные суждения мыслителя о писателе.

Впервые же Л. Шестов обращается к имени Николая Гоголя в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» (1900), когда вместе с Ф. Ницше он пытается осуществить психологическое проникновение в тайны великих людей, судьба которых обычным людям кажется исключительной и завидной. У Ницше Гоголь оказывается в одном ряду с Мюссе, По, Леопарди, Клейстом, Байроном. Исходя из мотивов их творчества, Ницше, в передаче Шестова, даёт следующую зарисовку их внутреннего облика: «Эти великие поэты... люди мгновения, восторженные, чувственные, ребячески наивные, легкомысленные и непрочные в своей подозрительности и доверчивости; принужденные скрывать какую-нибудь брешь в своей душе; часто своими сочинениями ищущие отомстить за пе-

режитый позор (innere Besudelung); в своем парении стремящиеся освободиться от напоминаний слишком хорошей памяти; топчущиеся в грязи, почти влюбленные в нее – до тех пор, пока они не уподобляются блуждающим у болота огонькам и не притворяются звездами – народ их тогда называет идеалистами; часто борющиеся с вечным отворачиванием к жизни, с постоянно вновь возвращающимся к ним привидением неверия, которое охлаждает человека и научает его желать «gloria» и жрать «веру в себя» из рук опьяненных льстецов: какое мучение эти великие художники и вообще эти великие люди для того, кто однажды разгадал их (выделено мною – В.Л.)».

Лев Шестов, как и Ницше, заражается этой мукой, болеет этой разгадкой, разделяет утверждение Ницше о том, что каждый глубокий мыслитель на самом деле больше боится быть понятым, чем не понятым. Для обывателя или классического литературного критика, действительно, было бы безопаснее пройти мимо пороков и ошибок великих людей, их боли, и, как пишет Шестов, «великой неудачи, великого несчастья, великого безобразия». Но Шестов, полагающий, что «философия есть философия трагедии», вчитываясь в книги и сочинения Ф. Ницше, как и Н.В. Гоголя, понимает, отчего они говорили «о “безобразнейших” людях и их вопросах»: «Ницше и Достоевский, как и Гоголь, сами были безобразнейшими людьми, не имевших обыденных надежд. Они пытались найти своё там, где никто никогда не ищет, где по общему убеждению нет и не может быть ничего, кроме вечной тьмы и хаоса...».

Между тем, среди этих великих художников, внутренний мир которых так блестяще, суггестивно и психологически достоверно, описали Ницше и Шестов, Гоголь как никто другой был вырван из тисков эмпирического мира и тем самым, по мнению Шестова, приближен «к чему-то столь необычному и столь новому, что ему должно казаться, что он вышел из области действительности и подошёл к вечному, изначальному бытию». Фантастический мир его мистических персонажей – ведьм, чертей, колдунов и утопленников – был для Гоголя, полагает Шестов, даже большей реальностью, нежели мир его реалистических героев – Чичикова, Собакевича и Плюшкина: «И колдуны, и ведьмы, и черти, так неподражаемо ими описанные, и все ужасы и очарования, пробуждающиеся в человеческой душе при соприкосновении с запредельными тайнами, непреодолимо влекли к себе Гоголя. Если бы вы пожелали ответить на вопрос, что было сущностью Гоголя, его природой, и что в нём было внешнего, наносного, – иначе говоря, где можно найти настоящего Гоголя, там ли, где отвела ему место “история” культуры, или там, где парила его безудержная фантазия, вы бы не имели никаких данных для ответа».

Как видим, Шестов остаётся верен себе, его интересует прежде всего душа Гоголя. Именно поэтому Шестов считает ошибочным видеть в нём обычного писателя. По его мнению, он не был сторонним наблюдателем и «бытоописателем» народной жизни, «он сам был пьян жутью сказки и мифа – жил в сфере фантастического не меньше, чем признанном всеми реальном мире». Область загадочного не казалась Гоголю слишком опасным развлечением. Уже в ранних своих произведениях, отмечает Шестов, Гоголь «стал подходить к той заветной черте, которая отделяет обычную, всем доступную действительность от скрытого для смертного вечной тайны». Однако, как выяснилось уже к концу жизни, эти экзистенциальные опыты с потусторонним оказались не столь уж безобидными для психики самого писателя, о чем свидетельствуют и «Мёртвые души» и «Избранные места из переписки с друзьями» – настоящие «записки сумасшедшего». В этих произведениях, считает Шестов, в совершенно иной форме «вырываются вновь на поверхность скрытые чаяния народной души. Тот же Вий, те же колдуны, те же ведьмы...».

Гадая о судьбе народной и всего человечества, Гоголь гадал, прежде всего, о своей собственной судьбе: «...Не других, а себя самого описывал и осмеивал он в героях «Ревизора» и «Мёртвых душ»... Не худшие из нас, а лучшие – живые автоматы, заведённые таинственной рукой и не дерзающие нигде и ни в чём проявить свой собственный почин, вою личную волю». Однако попытки Гоголя вырваться к подлинному существованию и прозреть своё будущее, как и будущее России («Русь, куда же несёшься ты? дай ответ. Не даёт ответа») оказались безуспешными: «Бесчисленный сонм чертей и иных могучих духов не мог приподнять веки Вию. Не может открыть глаза и Гоголь...». Ещё в ранней работе «Пушкин» Шестов отмечает это гоголевское бессилие «открыть глаза»: преодолеть ужас безобразной и удушающей реальности: «Все знают страшную судьбу Гоголя. Он был реалистом, он описал нам все ужасы действительной жизни с её Хлестаковыми,

Сквозник-Дмухановскими, Собакевичами, Маниловыми и т.д., но сам не вынес ужасов реализма и пал жертвой своего творчества. Он не разрешил загадки сфинкса, и сфинкс – сожрал его». И именно поэтому, считает Шестов, Гоголю суждено было уступить место Пушкину, сумевшему более полно постичь тайну жизни.

Одним из самых труднообъяснимых и мучительных поступков, как для самого Гоголя, так и для всех, кто соприкасался с его творчеством, стало сожжение писателем рукописи второго тома «Мёртвых душ». Впоследствии трудно найти такого мыслителя, критика или исследователя-гоголеведа, который оставил бы этот факт без внимания и попыток объяснения. Не мог не коснуться этой темы и Шестов. В работе «Начала и концы» он пытается объяснить этот таинственный поступок Гоголя, прибегнув к одной из постоянно поднимаемой и развиваемой им теме истинного и ложного богоизбранничества. Если поэт или мистик, «ничтожнейший среди ничтожных мира», в момент откровения и состояния экстаза, «когда Бог приложил свою десницу», является проводником божественного смысла, и сам Бог говорит его устами, то пророк, полный сознания своего божественного величия или величия возложенной, как он полагает, на него божественной миссии, напротив, закрывает для своих последователей всякие пути к спасению. Потому Шестов в целом не одобрял явления пророчества ни в философии, ни в религии вообще, ни в русской литературе в частности. Он мог восхищаться творчеством Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого – писателей, по общепризнанному мнению отмеченных пророческим даром, – только в период их мучительнейших сомнений и исканий, когда они действительно чувствовали себя ничтожнейшими среди людей. Громогласно проповедующих и провозглашающих истину – метафизическую или политическую – он их не выносил, разоблачал и уличал в духовном бессилии и неизбежной фальши, полагая проповедь самым ярким и опасным выражением срыва, интеллектуального и духовного крушения. Но как бы то ни было, просветительская вера во всеислие слова, облагораживающее воздействие искусства и тем самым мессианскую избранность писателя была чрезвычайно характерна для русской литературы в целом и для Гоголя в частности. В ходе «блужданий» Шестова по душам великих русских писателей им было подмечено это одно из их сильнейших метафизических искушений, которое вынесли немногие. Однако уверенность в том, что писатель может находиться у Бога на виду и быть избранным им для особых поручений, неизбежно рассеивается с годами и приводит к горькому разочарованию. Не сумасшествие Гоголя, как это принято считать, и не его творческие неудачи, а именно болезненное преодоление иллюзии богоизбранничества, по мнению Шестова, и стало причиной того, что Гоголь сжигает рукопись второго тома «Мёртвых душ». Уничтожение произведения Гоголем есть выражение его прозрения и высшей честности перед читателем. В подтверждение правомерности шестовского объяснения той неслыханной трагедии, которую пережил Гоголь, приведём слова самого писателя из статьи «Что такое слово»: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними; иначе они вдруг обратятся в общие места... Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели бога...<...> Все великие воспитатели людей налагали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пощеголять словом и рвалась душа сказать даже много полезного людям».

Ни Достоевский, ни Толстой, склонные к проповеди, пророчествам и избличениям, не слышали у Гоголя того, что стало в конечном итоге важнейшей темой творчества Льва Шестова: «Чем выше истины, тем нужно быть осторожнее с ними». Не оттого ли любил Шестов творчество Чехова, что этот «тишайший писатель» из всех русских писателей внял Гоголю, никогда не учил, не проповедовал, говорил почти шёпотом, а его герои произносили самое главное, когда замолкали вовсе? В творческом развитии Гоголя и Чехова обнаруживается удивительный параллелизм, вскрыть который нам неожиданно помогает философия Шестова. Гоголевская и чеховская резвость и весёлость раннего творчества в зрелый период внезапно переходит в грусть и уныние и заканчивается безответным молчанием на мучительнейшие вопросы, груз которых не в силах облегчить самые мудрые слова. Но, безусловно, Гоголь и Чехов, несомненно, разные писатели, их эстетические системы, при внутреннем тяготении друг к другу, существенно различаются. Гоголь замолкает в жизни, сжигает рукопись оттого, что ещё не мог постигнуть искусство молчания, пауз и недомолвок в искусстве слова. Это станет возможным позднее лишь в

искусстве Чехова, когда им будут найдены эстетические средства, выражения невыразимого. Чехов уже умеет «молча» показать явление жизни, каким бы безобразным оно ни было, Гоголю это ещё не доступно. Вот как пишет о преимуществах «литературы молчания» Лев Шестов: «...Гоголь в Плюшкине...создал для скупости страшный образ. ...Не следовало бы Гоголю учить людей сохранять в старости идеалы юности. Коли есть старость – нечего её исправлять и ещё меньше извиняться за неё. Нужно принять её и стараться подсмотреть, в чём её сущность. Плюшкин... нам противен, но, кто знает, может быть, он делает своё, возложенное на него природой серьёзное и важное дело... К чему направлены его силы? Об этом никому нет времени подумать... Люди, конечно, правы: Плюшкины, гноящиеся богатства, очень вредны. И общественная точка зрения почти всегда уместна. Но только – почти. Иногда не мешает морали и общественным соображениям умолкнуть – авось удастся разгадать загадку скупости, безобразия, старости...».

Книги Гоголя Лев Шестов считал столь же загадочными, как и личность самого писателя. Они, по его мнению, за семью печатями скрывают мироощущение великого писателя. Гоголю весь мир представлялся замороженным царством, погружённым в лицемерное смирение перед лицом необходимости. С точки зрения Шестова, Гоголь даже мучительней, чем гениальный Достоевский, ощущал принуждающую силу чистого разума. Чувствуя над собою и «всем миром страшную власть... тех идей, которые создал «нормальный», непосредственный человек и которые выявила и прославила теоретическая философия, принявшая наследие Аристотеля». он также, как и Достоевский, стремился вырваться из власти всемства и преодолеть власть необходимости и других самоочевидностей, при помощи которых Аристотель заморозил мир, хотя, как предполагает Шестов, сам писатель никогда и не подозревал об этом. Но, наделённый даром второго видения, он мог лишь «терзать себя и безумствовать – отдать себя в руки духовному палачу отцу Матвею, уничтожать свои лучшие рукописи, писать дикие письма друзьям своим. И, по-видимому, в каком-то смысле эти беспощадные самоистязания, этот неслыханный духовный аскетизм «нужнее», чем его дивные литературные произведения».

Эта мука, это терзание было спасением и живительным источником для его души, воспротивившейся омертвляющему превращению живого и человеческого в Чичиковых и Ноздрёвых. «Едят, пьют, гадят, размножаются, произносят отяжелевшими языками бессмысленные слова. Нигде ни следа «свободной воли», ни одной искры сознания, никакой потребности пробудиться от вечного сна», – пишет о замороженном царстве мёртвых душ Шестов. Философ, следуя позднейшим признаниям писателя, полагает, что не Россию, как это понял Пушкин, изображает Гоголь в этих страшных образах, а самого себя. Оттого так тщательно он выписывает «все мелкие подробности хаотического состояния потерявшей равновесие души», стремится к хаосу, безумию, устремляется в дикий полет сумасшедшей фантазии. «Некоторые, очень немногие, чувствуют, что их жизнь есть не жизнь, а смерть. Но и их хватает только на то, чтоб подобно гоголевским мертвецам, в глухие ночные часы, вырваться из своих могил и тревожить оцепеневших соседей страшными, душу раздирающими криками: душно нам, душно!», – описывает Шестов существо гоголевской муки его же, гоголевскими, словами.

Это была та самая мука, которая заставляла писателя стремиться к безумию Поприщина, останавливаться на его жалких и бессмысленных переживаниях. Гоголь не боялся головокружения и очень близко, когда серьёзно, а когда, играя, подходил к той черте, к которой не осмеливались подходить другие, скажем, Лев Толстой. «Ему нравилось на мгновение склонить голову над пропастью и испытать жуть головокружения: он был уверен, что, когда захочет, отведёт глаза от пропасти». – так играл Гоголь со скрытой от глаз смертной действительностью, в которой пребывают отнюдь не люди, а безвольные и безжизненные лунатики.

Культура начала XX в. отразила растерянность человека перед миром и страдание его, часто самим им не сознаваемое, но лишь вырывающееся наружу в образах, которые несут в себе порой неощутимую неприязнь к жизни, уныние, отчаяние, уход от реальности, мистическое познание бытийственных тайн. Истоки такой интуиции – загадочности и ирреальности всего происходящего в России – Д.Мережковский, А. Белый. А. Блок видели в творчестве Гоголя. Литературно-философская критика начала XX века оставила в наследство яркий и полный загадок портрет писателя. Она отвергла «Гоголя Белинского» – основателя натуральной школы, гражданина, «социального поэта» – и создала свой

образ Гоголя-художника. В результате был нарисован образ человека, живущего на грани, а может, и за гранью реальности, прятывшегося от действительности «в странный мир своего болезненного воображения», отчаявшегося и погибшего от невозможности подарить людям шедевр, «где блеск красоты и добра должен был эстетически торжествовать над чернотой порока...». Писатели символистского круга, с которым Шестов входил в общение, показали, как Гоголь-натуралист уступил место миссионеру, боровшемуся в своих творениях с дьяволом, воплощенным в пошлости, заполнившей страницы его произведений.

В заключение отметим, что интерпретация личности Николая Гоголя Львом Шестовым в целом углубляет рождённый русскими писателями-символистами образ Гоголя-фантаста, Гоголя-мистика, писателя, ставшем жертвой своего таланта, поддерживает миф об авторе, чье творческое наследие не допускает жёстких и однозначных оценок. Дело, правда, в том, что Шестов преодолевает литературоведческий подход к писателю и видит в нем человека, мятущегося между реальным и ирреальным, бытием и ничто. И это преодоление Шестовым эстетического ведет его – и нас вместе с ним – к глубинам человеческой души великого гения русской культуры, каким является Н.В. Гоголь.

Список литературы

1. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. В 2-х тт., т. 2. Париж, 1983.
2. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Гоголь Н.В. Собр. соч. в восьми томах. М.: «Правда», 1984, т. 7.
3. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: «АСТ», 2000.
4. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. / Шестов Лев, Избранные сочинения, М.: Ренессанс, 1993
5. Шестов Л. Достоевский и Ницше, т.1. М.: «АСТ», 2007.
6. Шестов Л. На весах Иова. Странствование по душам. / Шестов Л. Собр. соч. в 2 тт. М.: «Наука». Т.2.
7. Шестов Л. Начала и концы / Шестов Л.И. Собр. соч.: В 2 тт. М.: «Наука», 1993.
8. Шестов Л. А.С. Пушкин / В сб.: Пушкин в русской философской критике, конец XIX-XX век. М.-СПб: «Университетская книга», 1999.

LEV SHESTOV AND NIKOLAI GOGOL'

The paper is an exposition of the Lev Shestov's understanding of the Nikolai Gogol's writings. Shestov offers the interpretation, which opposes both democratic literary critique and symbolist's approach. Shestov insists that we are able to penetrate into Gogol's creativity if his writings will be seen as a tragic effort to transcend of the superficial reality through the jump into the dark side of the world and inner dimension of the human spirit. Gogol, Shestov thinks, find himself on the edge on the real and unreal, being and nothingness. Only here is a chance to grasp true and authentic world.

Key words: Shestov, Gogol', Creativity, tragedy, realism, symbolism, the inner world, mystery, revelation.

V. V. Lashov

Moscow State University

e-mail: l_vv@me.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ РЕЛИГИЙ В «СЕМИРАМИДЕ» А.С. ХОМЯКОВА (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ РЕЛИГИЙ)

Н. Н. Михайлюкова

*Тулский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

В статье рассматриваются оригинальные взгляды А. Хомякова на происхождение и сущность западных религий. В своей историософской концепции Хомяков развивает типологию религий, основанную на двух культурно-этических принципах: «иранство» и «кушитство», которые характеризуются соответственно идеями моральной свободы и естественной необходимости. Важно, что Хомяков относит религии Индии и Китая к «кушитскому» типу. Единственным исключением является древняя «ведическая» религия – брахманизм. В то же время Хомяков полагает, что религии развиваются вследствие постоянной борьбы и взаимодействия между элементами «иранства» и «кушитства». Буддизм трактуется Хомяковым наиболее оригинальным образом. Парадоксально, что буддизм, будучи духовно-моральной религией, понимается Хомяковым как типичный пример «кушитства». Однако в своих трудах Хомяков пишет о двух типах буддизма: «древний» буддизм («прото-буддизм») и реформированный или индийский буддизм. В этой связи Хомяков выдвигает странную гипотезу об африканском происхождении буддизма. Он показывает также буддизм и «шиваизм» как две стороны ранее единого африканского культа некоторых египетских и эфиопских религий. Несмотря на то, что по Хомякову буддизм являлся тайной верой шивантских священников, реформа Шакьямуни открыла дух «иранства», возвращение к моральным принципам веры.

Ключевые слова: сущность восточных религий, историософская концепция, типология религий, «иранство», «кушитство», «шиваизм», брахманизм, буддизм.

А.С. Хомяков является автором оригинальной типологии религий, которая, по его словам, «определяется не числом богов, не обрядами богослужения, не категориями ума, но исключительно категориями воли», главными из которых являются понятия свободы и необходимости. На основании данного критерия Хомяков выделяет два основных типа религий, которые он обозначает понятиями «иранства» и «кушитства». Первый тип, базирующийся на племенном начале иранства, характеризуется свободой божественного творения и соответственно, свободой веры; второй тип, основанный на племенном начале «кушитства» (от библейского обозначения древнеэфиопского царства Куш), отличается необходимостью богопоклонения и фетишизмом веры. Различие между «иранством» и «кушитством» обнаруживается:

- а) на уровне первичного принципа бытия: свобода творения в «иранстве» и необходимость рождения в «кушитстве»;
- б) на уровне материальных культур («земледельческий» тип культуры «иранства» и «завоевательный» тип культуры «кушитства»);
- в) на уровне духовных культур («изящные» искусства «иранства» – литература и музыка, и «материальные» искусства «кушитства» – зодчество и живопись;
- г) на уровне метода знания: интуитивно-художественный и синтетический метод познания в «иранстве» и рационально-аналитический метод в «кушитстве»;
- д) на уровне культурной символики: символ «змеи» в «кушитстве» и символика змеборчества в «иранстве»;
- е) на уровне вероучения: свободный, нравственный дух «иранства» и догматический дух «кушитства».

На основании данных признаков Хомяков классифицирует различные религии мира, относя их соответственно к типу «иранства» или к типу «кушитства». Следует сразу же подчеркнуть, что почти все восточные религии (религии Индии, Китая и Японии) Хомяков относит к «кушитскому» началу. Исключение составляет только исконно «ведиче-

ская» религия – брахманизм. По Хомякову, Брахма есть «свободно творящий дух», в котором «всебожие» не уничтожает личного самосознания, и «заклучая в себе всю полноту бытия, он не перестает быть живым и вольным творцом и началом добра»¹.

При этом следует учитывать, что Хомяков рассматривает развитие религий как постоянное противоборство и взаимодействие элементов «иранства» и «кушитства». «Несмотря на неизбежное торжество учения кушитского и на постоянное падение иранства, – пишет он, – чувство нравственное никогда не могло утратить свои права на человеческую душу, и во всех народах восставали богоизбранные люди, повсеместно призывающие своих братьев к сознанию коренной свободы и проистекающего из нее понятие о добре. От их появления зависели эпохи религиозных реформ»².

Наиболее оригинальной интерпретации Хомяков подвергает буддийскую религию. На первый взгляд, кажется парадоксальным, что буддизм, не смотря на то, что он пронизан принципами духовной и нравственной свободы, выступает у Хомякова непосредственным и типичным выражением «кушитства». Однако в концепции Хомякова речь идет фактически о двух видах буддизма: «первобытном» буддизме («протобуддизме») и реформированном, или собственно индийском буддизме. В связи с этим Хомяков выдвигает удивительную гипотезу об *африканском происхождении* буддизма. Характерно, что он рассматривает при этом буддизм в паре с «шиваизмом», предполагая, что они являются двумя сторонами некогда единого африканского культа некой эзотерической религии Египта и Эфиопии. Думается, что эту гипотезу вполне бы поддержали теософы, которые в лице Е.П. Блаватской и А.П. Синнета, пытались сделать буддизм эзотерической основой единой религии. Обращает на себя внимание и тот факт, что, согласно эзотерической традиции, именно на территории Эфиопии располагалась некогда метрополия черной расы³. В этой связи можно сделать предположение о том, что Хомяков, глубоко завуалировавший и зашифровавший библиографические источники своего историсофского труда, опирался на оккультно-эзотерическую традицию знаний.

Следует подчеркнуть, что во времена Хомякова еще не были открыты цивилизации Харатты и Мохенджо-Даро, что во многом побудило его искать расовые корни буддизма в черной Африке. Но именно в Харатте была найдена фигура божества, сидящего в характерной «позе совершенства» (сиддхасана) и названного Протошивой⁴.

Склонность буддизма переходить в самую грубую вещественность, отмечает Хомяков, приводит к предположению, что буддизм явился основанием той тайной мудрости Египта и Эфиопии, о которой древние так много говорили. Шиваизм же, по мысли Хомякова, был своего рода законом народа, экзотерическим культом. В том же порядке и с тем же значением они появились и в Индустане, но при встрече с брахманизмом возникло противоборство, следствием которого стало привитие шиваизма к брахманизму и изгнание буддизма. После долгой борьбы, полагает Хомяков, вещественность и духовность могли бы слиться, но два учения, в равной мере отвлеченные и столь же гордые своей отвлеченностью, равно принадлежащие высшим сословиям, но совершенно противоположные по своим коренным началам, не могли ужиться рядом.

Согласно Хомякову, те фактические признаки, которые явно указывают на африканское происхождение шиваизма, относятся и к буддизму; таковы: «пещерное служение, при отсутствии троглодитского быта в Индустане; постепенное развитие зодчества от берегов внутрь земли, присутствие на памятниках эмблем и изображений чуждых южному Индустану и принадлежащих по преимуществу Африке; совершенное разногласие типа религиозного, высказанного памятниками зодческими, с типом, выраженным памятниками словесности санскритской, и, наконец, коренное различие между умственными и телесными физиономиями двух племен, северного и южного, из которых одно увековечило свою страну трудом словесным и письменным, другое торжеством над твердостью гранита и порфира»⁵.

Весьма любопытным представляется «физиогномический» аргумент Хомякова. Вся наружность буддических кумиров, замечает он, (слегка приплюснутый нос, толстые

¹ Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историсофии. – М, 1994. С. 200.

² Там же. С. 278.

³ См.: Д Альвейдер Сент-Ив, Генон Р. Оракулы Великой Тайны. Между Шамбалой и Агартой. – М, 2005. С. 18.

⁴ См.: Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – 4-е изд. СПб, 2005. С. 262.

⁵ Хомяков А.С. Указ.соч. С. 182-183.

губы и добродушный вид, оттопыренные и оттянутые уши, курчавые и плотно к голове прилежшие волосы и т.п.), напоминает, а иногда живо представляет тип негритянский, хотя и не в уродливой резкости, но в какой-то «общечеловеческой идеализации».

Заслуживает внимания наблюдение Хомякова, согласно которому египетский Сфинкс являет нам те же черты, тот же оклад лица, толстые губы, приплюснутый нос, что и Будда, а особенно тот же кротко добродушный вид и то же неподражаемое выражение любви или, по крайней мере, благоволения ко всем. Взглянув на Будду или Сфинкса, иронизирует Хомяков, вспоминаешь «праведных эфиопов Гомера и Садика, праведного брата Мизраима».

Вместе с тем Хомяков подчеркивает, что «индийский» буддизм не представляет того чисто африканского характера, который так явен в шиваизме и что он не связан с Африкою, подобно шиваизму, непрерывною цепью имен племен, областей или городов. Однако Хомяков, как блестящий знаток экзотических языков (известно, например, что он составлял один из первых санскритско-русских словарей), подметил, что в эфиопском языке встречается несомненное доказательство древнего служения Будде в имени колдунов (*буда* на языке амгара).

Хотя буддизм, по мысли Хомякова, являлся таинственною верою шиваитских жрецов и истекал из одного источника с поклонением Шиве, то есть природе вещественной, фактически эра буддизма или реформа Шакья-Муни должна считаться явлением *духа иранского*. Хомяков полагает, что реформированный буддизм, подобно христианскому протестантизму, связан, с одной стороны, с буддизмом «первобытным», а, с другой, существенно отличается от него, поскольку разорвал свой союз с шиваизмом, хотя и не мог расторгнуть коренной логической связи. Реформированный буддизм сохранил первое основание кушитского начала: признание всемогущей необходимости; но он в то же время объявил ему войну, приняв от иранства поклонение духу. «Таким образом, – подытоживает Хомяков, – составила чудная религия: служение духу, признанному за бессильного, служение ему в самом его бессилии. Жалкая вера, без смысла и основания, но великолепно свидетельствующая о достоинстве души человеческой и о высоконравственном величии реформатора, Шакья-Муни»⁶.

Данный вывод Хомякова в целом находится в русле оценок современных исследователей буддизма, которые считают, что буддизм освободил фундаментальные ценности индийской духовной культуры от ритуалистически-обрядовых напластований. «Именно из буддизма, – пишет Е.А. Торчинов, – новые ценности возвращаются в зачавшее их лоно, трансформируя и преображая его. Поэтому как бы не сопротивлялась брахманская ортодоксия влиянию буддизма, постбуддийский индуизм в аспекте его ценностных ориентаций и морально-нравственных норм – наполовину (или даже более) буддизм. Конечно, влияние было обоюдным, взаимным, но влияние буддизма на индуизм оказалось более действенным и в значительной степени трансформировало сам этос и тип индийской цивилизации, сделав ее более интровертивной, созерцательной и психологически ориентированной»⁷.

Это суждение вполне коррелирует с хомяковской идеей взаимовлияния и взаимодействия «иранства» и «кушитства» и с признанием морально-реформаторского духа «индийского» буддизма.

Таким образом, А.С. Хомяков является создателем оригинальной религиозно-этической системы, в основе которой лежит получивший широкую известность дихотомический принцип «иранство – кушитство», позволяющий классифицировать различные виды религии с точки зрения проявления в них «духовного поклонения свободно творящему духу», что ведет ведущего к «первобытному, высокому единобожию» («иранство»), или «поклонения царствующему веществу» и «рабствующему духу» («кушитство»), чреватого, как правило, многобожием. Данная классификация не является жесткой и одномерной. Фактически действующие религии представляют собой смешение и симбиоз двух начал и порождены их столкновением, противоборством и синкретизмом.

Однако, несмотря на это смешение, коренная основа веры («иранство» или «кушитство») доминирует в той или иной конкретной религии. Основными признаками этой доминанты, как мы показали выше, являются поклонение свободе или необходимости; косвенные же выражаются в общем характере просвещения. Согласно Хомякову, с

⁶ Там же. С. 280.

⁷ Торчинов Е.А. Указ соч. С. 267.

одной стороны, это словесность культуры, «гласовость» письменности, общинность жизни, духовность молитвы и «бестелестность» обряда погребения (например, предание тела огню) в иранстве; с другой – вещественность культуры, символичность письменности, государственность, магичность молитвы и телесность обряда погребения (например, мумификация тел) в кушитстве. Еще одним существенным символически-образным признаком является культ змеи или дракона (змеепоклонство) в религиях кушитского типа и змееборство в иранских религиях. В рамках данной типологии Хомяков попытался выявить, описать и проанализировать различные виды религий, начиная с архаических культов и религий древних культур и заканчивая национальными и мировыми религиями.

Весьма важное место в системе религий мира Хомяков отводит древнекитайскому типу религиозности. Характерно, что Хомяков предпочитает говорить не столько о конкретных религиях Китая, сколько о китайском типе религиозности в целом. Причины этого станут ясны ниже. Причины данного явления мы постараемся прояснить ниже. В нашем докладе мы ставим задачу Задача данного исследования – рассмотреть концепцию древнекитайской религиозности, а также метод ее реконструкции (описания и анализа) в религиозно-исторических построениях Хомякова.

Следует заметить, что Хомяков работал над «Семирамидой» в 1830 – 1850-е гг. XIX века, в период, когда европейская культура была знакома с древнекитайской религиозностью в основном по миссионерским отчетам. Будучи знатоком ряда европейских и восточных языков (в том числе, санскрита), Хомяков не владел китайским и вынужден был опираться в своих исследованиях в основном на переводные источники, филологический уровень которых явно не соответствовал тем герменевтико-лингвистическим задачам, которые он ставил перед собой Хомяков. Исключение здесь составляли труды известного отечественного миссионера и китаеведа о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Так, в переводе о. Иакинфа на русском языке вышло «Сань-цзы-цзин, или Троесловие с китайским текстом» (1829) т. е. поучения из трех слов, написанные в Китае в XIII в., своего рода энциклопедия для юношества, содержащая нравоучения официального конфуцианского толка. К нему изданию прилагались предисловие и комментарии автора перевода, а также литографированный китайский текст, выполненный П.Л. Шиллингом. По всей вероятности, Хомякову были известны труды о. Иакинфа по общей истории и культуре Китая⁸.

Сравнивая тексты, мы пришли к выводу, что Хомяков вряд ли пользовался другими русскими переводными изданиями с китайского и маньчжурского языков, вышедшими к тому времени⁹. Очевидно, что он опирался на английские и французские переводы с китайского. К настоящему времени, по мнению хомяковедов исследователей, занимающихся изучением творчества Хомякова, библиографическая составляющая его историко-религиозного труда Хомякова не поддается расшифровке¹⁰. Это относится и к его китайским источникам. Случайно, в самом тексте «Семирамиды» Хомяков ссылается лишь на одну из работ, причем в урезанную виде¹¹.

В связи с этим в своем понимании древнекитайской религиозности Хомяков вынужден был основываться на общекультурных характеристиках древнекитайской духовности, но главным образом – на декларируемом им методе *художественной интуиции* или «поэтическом инстинкте», суть которого заключается в целостном духовном видении конкретных религиозных фактов, «внутреннем чутье религиозной истины».

В целом метод поэтико-инстинктивного воссоздания веры является своеобразной разновидностью *герменевтического подхода к религии*, предполагающего искусство понимания чужого типа религиозности и вживания в него. Вот как сам Хомяков образно характеризует свой метод¹². Если это цитата, оформите соответствующим образом и по-

⁸ См.: о. Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842; о. Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. I. СПб. 1848.

⁹ См., например: Китайские мысли. Пер. с манчж. на рус. яз. А. Леонтьев. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1775; Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе. С кит на англ., потом на фр., а с сего на рос. яз. пер. В. Рубан. СПб., 1773; Сы Шу Геи, то есть [Четыре книги с толкованиями]. Пер. с кит. и манч. А. Леонтьев. СПб., При Имп. Акад. Наук: Кн. 1. Философа Конфуциуса (Да хю, то есть Учение великое), 1780; Кн. 2. Джун юн, то есть Закон непреложный. Из преданий китайского философа Дун Дзы, 1784.

¹⁰ См.: Кошелев В. А. Парадоксы Хомякова // Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. I. Работы по историософии. М., 1994. С. 14.

¹¹ Pauthier, Confucius. 67, 5. Без выходных данных.

¹² См.: Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. I. С. 42.

ставьте ссылку. В лицах людей сходство проявляется не чертами, рассмотренными порознь, но общим характером и внутренним духом: не похожи ни глаза, ни нос, а сходство разительно. Так и в религиях. Не стоит вдаваться в детальный анализ культа, вероучения и т. п.; следует воспринимать религиозность на уровне характера, общего духа народа.

Такое восприятие, полагает Хомяков, нередко ясное для художника и вообще для человека, «живущего в простоте истины», ускользает от кропотливого ученого, «натрудившего рассудок над мелочным трудом сравнительной критики». Так, например, в синкретизме индийских религий, «в этом чудном смешении детской фантазии и старческой мудрости», трудно полагать границы, отыскивать начальные стихии или исследовать каждый элемент обрядности в отдельности. Однако художественная интуиция говорит нам о том, что «разумный характер Брахмы, его бестелесное поклонение, его высоконравственный образ свидетельствуют ясно о пришествии с северо-востока, от высоких равнин Бактрии, точно также как в изображении Шивы, в его неистовой религии дышат все бешеное сладострастие и кровожадность Африки, и все буйство восторженного наслаждения вещественною жизнью, переходящего иногда в одурение созерцательной смерти»¹³.

Данный подход Хомяков применяет в целом и для описания древнекитайской религиозности. Выводы, к которым он приходит, можно суммировать в следующих тезисах.

1) Изначально китайская религия была монотеистической (идея прамонотеизма)¹⁴, и, следовательно, чисто «иранской». Объектом поклонения было Небо («Тианг» в транскрипции Хомякова) в его духовно-космической целостности. При этом Хомяков настолько высоко ценит (и во многом переоценивает) китайский прамонотеизм, что считает его самым чистым, беспримесным, лишенным каких-либо элементов «вещественной» веры. Он считает, что «Зендавеста, пишет он, признает уже в Иране другую религию, религию, поклоняющуюся Дэвам. Моздаизм возрастает против современного ему идолопоклонства. Древнейшая редакция Вед, бесспорно, не древнее храмов многобожия. Один Китай не представляет в своих преданиях никакого ясного показания о вере грубой и унижительной для достоинства человеческого. «Тианг» (небо) представляется в них единственным предметом обожания. Если бы колосс Восточной Азии не имел никакого другого достоинства, он уже, поэтому заслужил бы свою сорокавековую древность»¹⁵.

Современные европейские (и отечественные) интерпретации китайского понятия-символа «Тянь» (неба) несколько отличаются от «хомяковских». Принято считать, что культ Неба, как некоего высшего начала, руководящего всем, что происходит на земле, постепенно складывается в Древнем Китае в эпоху Чжоу (XI – III вв. до н. э.). При этом вначале (что нашло отражение в этимологии иероглифа «тянь», восходящего к рисунку небосвода) формируется естественное представление о Небе как небесной тверди; а затем уже как о верховном духе, высочайшем правителе, стоящем во главе иерархически организованного сонма духов¹⁶. Кроме того, небо рассматривается в неразрывном поляризованном единстве с землей, что в значительной степени придает древнекитайскому монотеизму «вещественность» и «государственность» веры.

Однако этот момент Хомяков вполне учитывал, рассматривая его как «мнимый дуализм». «Дуализм полярный в Китае есть только дуализм мнимый. Земля перед Небом совершенно ничтожна, и это доказывается бесспорно тем, что издревле император одному себе предоставляет право жертвоприношения Небу. Владыка всех людей, он один достоин поклоняться владыке мира. Китаец, – делает отсюда вывод Хомяков, – есть древний однобожник, так же как иранец»¹⁷.

Но, пожалуй, наиболее ценным прозрением Хомякова, подтверждающим действенность его метода «поэтического инстинкта», явилась мысль о том, что духовность древнекитайского представления о Небе имеет северо-западные, «иранские» корни. Как считают современные синологи, не исключено, что представление о Небе как высшей и единой божественной силе сначала возникло среди северных и северо-западных кочев-

¹³ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 42.

¹⁴ Кажется, никто еще не обратил внимания, что Хомяков, в известной мере следуя за Шеллингом, был провозвестником идеи прамонотеизма в европейском религиоведении, опередив на полвека Э. Лэнга и В. Шмидта. «Нет ни малейшего повода предполагать, писал он, что понятия о вере шли, совершенствуясь постоянно, и, следовательно, нет ни малейшего права считать, что древнейшие формы были в то же время самыми грубыми». Хомяков А. С. Там же. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ См.: Кучера С. Тянь // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 541.

¹⁷ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 141.

ников, обитавших севернее и северо-западнее Китая, – предков тюркских народностей, и примерно со II тыс. второго тысячелетия до н. э. проникло в Китай¹⁸.

Идея синкретизма и контаминации религиозных представлений в Древнем Китае, помогает Хомякову объяснить и еще один парадокс. Известно, что китайская религиозность имеет под собой глубинный культ змеи или дракона. Как же соотносятся между собой чистый «иранский» культ Неба и чистый «кушитский» культ дракона? Змей или дракон, отмечает Хомяков, должны обратить особое внимание историков на характер религиозного развития Восточной Азии, «начиная от Индустанских и Тибетских гор до Тихого океана». К сожалению, подчеркивает он, мы не имеем никаких данных насчет верований племен, населяющих южный и юго-западный Китай. Но нам известно с достоверностью, что у китайцев дракон есть символ высшей мудрости и силы. «Мифические их герои и полубоги весьма часто изображаются с туловищем, переходящем в форму змеиного хвоста, и даже с человеческими головами и змеиным телом: очевидно, что не буддизм ввел с собой такой странный вымысел; последний есть только реформа или возобновление старого, почти забытого учения»¹⁹. Упоминание буддизма, который Хомяков считает синкретичной религией с доминантной кушитской стихией²⁰, отнюдь не случайно. Это позволяет ему сделать предположение, что змеепоклонство имеет в Китае «эфиопские и абиссинские» корни, которые впоследствии обнаружили и в буддизме. Тем самым Хомяков дает весьма недвусмысленный ответ на вопрос о том, какой же характер носили верования племен, населяющих Южный и Юго-Западный Китай.

Таким образом, Хомяков считает, что на первой ступени развития древнекитайская религиозность складывается на основании законов синкретизма как единство двух религиозных идей (культов), имеющих разные племенные, культурные и духовные корни, однако не вступающих в открытую вражду.

2) На второй ступени, связанной с реформой Лао-цзы, Небо как объект поклонения, было переосмыслено в понятии Дао, как нравственный закон всего сущего. Согласно Хомякову, это ознаменовало победу и прояснение истинного смысла китайского промотеизма. «Иранское» поклонение Небу оказалось выше «кушитского» поклонения змее. «Слово Тианг, – пишет Хомяков, – или небо как сила, параллельная силе земли, менее ясно высказывает внутреннее убеждение древнего китайца до появления учения Лао-тсеу, или поклонения чистому разуму (Тао). Но смысл Тианг (неба) определяется нравственным направлением всех его предполагаемых действий, постоянною подчиненностью земли, святостью высокого человеческого служения и особенно легкостью перехода от Тианга к Тао, которой более носит характер пояснения старой идеи Тианг, чем нововведенного понятия»²¹.

3) Однако, нравственное понимание закона Неба как пути добродетели привело, по мысли Хомякова, к этизации и вырождению древнекитайской религиозности, что выразилось в этико-политической реформе конфуцианства, которую Хомяков характеризует как «атеистическое учение великого Конг-фу-тсеу». В данном случае точка зрения Хомякова во многом совпадает с выводами современных синологов о мнимой религиозности конфуцианства. Например, по мнению, Е.А. Торчинова, конфуцианство не является религией и представляет собой своеобразное этико-политическое учение²².

В своем труде Хомяков дает развернутую характеристику конфуцианства, указывая в качестве главных «нерелигиозных» признаки этого учения следующие:

- одобренное законами равнодушие ко всякому религиозному чувству и духовному представлению Высшего начала;
- желание осуществить в государстве полное и гармоничное изображение видимого и разумного мира;
- строгая формальность, закованная в логические законы и враждебная всякой свободе²³.

¹⁸ См.: Кучера С. Там же. С. 541.

¹⁹ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 192.

²⁰ См. нашу статью: Михайлюкова Н. Н. Особенности интерпретации восточных религий в ирано-кушитской концепции Хомякова // Третьи Торчиновские Чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции. СПб., 15 – 18 февраля 2006. СПб., 2006. С. 71 – 75.

²¹ Хомяков А. С. Ук. соч. С. 138.

²² См.: Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 2005. С. 107.

²³ См.: Хомяков А. С. Ук. соч. С. 195.

Отрицай конфуцианство как религию, Хомяков, тем не менее, наделяет его чертами, присущими именно «кушитскому» типу религиозности. Это и «угнетение всякого свободного порыва», и «холодная сухость форм», и «упрямое почтение к преданию», и «бедность поэзии», и «изуродование души человеческой и возвеличивание общественной жизни» и т. д.²⁴. Впрочем, это не парадокс и не противоречие, так как, по мысли Хомякова, безличный пантеизм кушитства всегда вырождается в атеизм и философию.

Характерно, что Хомяков нигде напрямую не определяет конфуцианство как разновидность «кушитства». Однако он считает его той почвой, на которой и стало возможно произрастание в Китае буддизма. При этом Хомяков рассматривает китайский буддизм как шаг в сторону «иранства», поскольку в нем сохраняется элемент «поклонения духовному началу», отсутствующий в конфуцианстве.

Список литературы

1. Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историософии. – М, 1994. С. 200.
2. Д Альвейдер Сент-Ив, Генон Р. Оракулы Великой Тайны. Между Шамбалой и Агартой. – М., 2005.
3. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – 4-е изд. СПб., 2005.
4. Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842.
5. Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. I. СПб. 1848.
6. Кошелев В. А. Парадоксы Хомякова // Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. I. Работы по историософии. М., 1994. С. 14.
7. Кучера С. Тянь // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. М., 1988. Т. 2.
8. Михайлюкова Н.Н. Особенности интерпретации восточных религий в ирано-кушитской концепции Хомякова // Третьи Торчиновские Чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции. СПб, 15 – 18 февраля 2006. СПб., 2006.

THE METHODOLOGICAL RESEARCH OF THE ANCIENT RELIGION IN “SEMIRAMIDA” BY A.S. KHOMYAKOV (ON THE BASIS OF ANCIENT CHINESE RELIGION)

N. N. Mikhaylyukova

*Tula State
L. Tolstoy Pedagogical
University*

The report covers the original A. Khomyakov's view of the origin and the essence of the oriental religions. In his historiosophic conception Khomyakov develops the distinctive typology of religions, based on the two cultural and ethnic principles: «Iranity» and «Kushity», which are characterized by the ideas of moral freedom and natural necessity respectively. The important thing is that Khomyakov treats the religions of India and China as «Kushity» type. The only exception is the old-age «vedic» religion – Brahmanism. At the same time Khomyakov considers the development of the religions as constant struggle and interrelation of the elements of the «Iranity» and «Kushity». Buddhism is explained by Khomyakov in the most original way. It seems paradoxical, that Buddhism, being a spiritual and moral religion, is depicted by Khomyakov as a typical example of «Kushity». But Khomyakov in his conception writes about the two types of Buddhism: the «ancient» Buddhism («proto-Buddhism») and the reformed or Indian Buddhism. Khomyakov in this connection makes a strange hypothesis about *the African origin* of Buddhism. He also shows Buddhism and «Shivaism» as two sides of the formerly common African cult of some esoteric Egypt and Ethiopia religion. Despite the fact that, according to Khomyakov, Buddhism was the secret faith of the shivaist priests, the reform of Shakyamuni revealed the spirit of «Iranity», the return to the moral principles of the faith.

Key words: essence of the oriental religions, historiosophic conception, typology of religions, «Iranity», «Kushity», «Shivaism», Brahmanism, Buddhism.

²⁴ Там же. С. 196.

ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ¹

С. А. Муравьёв

*Курский государственный
университет*

*e-mail:
muravevsergey@rambler.ru*

Вопрос об идеале воспитания является одним из самых важных в философии, поскольку определяющим образом влияет на формирование представлений о человеке, механизмах и факторах его социализации, понимании результатов социального воспитания. Российские философы-эмигранты, оказавшиеся после революции за рубежом, размышляли об идеале воспитания человека, пытались найти конкретное воплощение такого идеального образа, выявить те качества, которыми должен обладать идеальный человек. У многих из них такие искания органично связывались с духовно-нравственными качествами личности. Эти качества в большей степени формируются в детстве. Философы-эмигранты подчёркивали, что именно в этот период следует учить ребёнка слышать голос совести, создавать опыт нравственного самосовершенствования индивида. Воспитательный идеал человека у философов-эмигрантов совпадал с этическим идеалом. Характеристика нравственного идеала давалась преимущественно с позиций христианства; цель воспитания соотносилась с представлениями о высоконравственном совершенном человеке.

Ключевые слова: смысл жизни, идеал, воспитание, нравственность, духовность, совесть.

После событий октября 1917 года и высылки группы выдающихся учёных в 1922 году философская традиция продолжилась не только в Советской России, но и в среде эмигрантской диаспоры. Одним из важнейших оснований, фундаментов философских построений стала проблема духовно-нравственного воспитания человека, поиск его идеала. Важность данной проблемы в то время была ясно осознана эмигрантской философской мыслью. Но что же такое идеал, каковы его философские корни, как он проявляется в теории и практике воспитания, – эти вопросы, полагаем, требуют пристального внимания.

Вопрос об идеале воспитания является частью философского вопроса о смысле жизни человека, его назначении. Будущее того или иного народа зависит в значительной степени от того, на что будет ориентировано воспитание, какой нравственный и духовный «фундамент» получит подрастающее поколение. Эта проблема занимала всегда особое место в комплексе наук о человеке, особенно в педагогике и философии. Поэтому возникает необходимость рассмотреть понятие «идеал», прежде всего, в философском контексте и проследить его происхождение.

На постижение смысла и цели своего существования направлена вся история человечества. Каждое поколение об этом формировало оригинальные представления и передавало их своим потомкам. Поэтому здесь, на наш взгляд, уместно говорить о связи времён, благодаря которой история предстаёт целостной, имеющей смысл. Из многочисленных представлений всегда отбирались самые значимые, они становились смыслом жизни, целями существования, из которых выбиралась одна, подчиняющая себе другие. Человек стремится к достижению этой цели, которую и можно назвать исходным положением формирования идеала². Окружающий мир в сознании индивида предстаёт в том качестве, в каком он наиболее подходит убеждениям человека о высшей цели. Другими словами, можно сказать, что идеал – это высшая, порой трудно достижимая степень совершенства человека. Это то, на что способен мыслительный потенциал в представлениях о высочайшей цели деятельности. Поэтому, конечно, идеал представляет собой продукт, прежде всего, сознания человека и, следовательно, представляет собой некое духов-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-03-72305 а/ц.

² Давидович В. Е. Теория идеала. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1983. – С. 48.

ное образование. Из этого следует, что духовный процесс заключает в себе ключ к пониманию всего, что происходит в человеке. Формирование идеала в качестве его закономерного результата представляет собой определенный план, перспективу развития и совершенствования человека, раскрытия его внутренних возможностей. Воспитательный идеал представляет собой нормативный образец личности, принципиально не достижимый в реальной воспитательной практике и в силу своей недостижимости задающий ориентиры в виде системы ценностных координат. На основе воспитательного идеала теория и практика предъявляют определенные социально значимые требования к человеку с учетом потребностей и возможностей общества. Идеал является фундаментальной основой для формирования целей и задач воспитания.

Ещё в XIX веке К.Д. Ушинский писал, что каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Воспитательный идеал представлен не только в педагогических и философских теориях, концепциях, доктринах, но и в реальной воспитательной практике, так как идеальные образы аккумулируют опыт каждого отдельного человека и определенного микро- и макросоциума. Воспитательные цели и идеалы столь часто и последовательно сопровождают человеческую деятельность именно потому, что главной задачей воспитания всегда была и остается подготовка человека к жизни среди других людей и к взаимодействию с ними. Но эта подготовка, на наш взгляд, невозможна без идеала как цели, задачи, смысла жизни, даже если представление об идеале до конца не понятно. Как считает К. Ясперс: «Человек не может вообще перестать быть человеком. Он может погрузиться в сон, отсутствовать, забыть о себе. Но человек не может в ходе исторической эволюции превратиться в обезьяну или муравья, или в нашу эпоху – в механизм рефлексов, разве только в том страшном состоянии, которое подводит его к границе, от которой, однако он вновь возвращается к самому себе, если не гибнет как индивидуум»³.

Идеал в своём общеупотребительном значении – высшая степень чего-то ценного для человека, завершённое состояние какого-либо явления. Идеал в гносеологическом смысле – истина, в эстетическом – прекрасное, в этическом – совершенство. Под совершенством понимается идея высшего образца, с которой соотносятся цели и результаты предпринимаемых человеком усилий⁴. Отсюда сразу вытекает вопрос о происхождении идеалов, то есть об источнике возникновения идей высшего образца. Человеку присуща способность анализировать свои поступки, деятельность, и на этой основе делать выводы, так как от этого во многом зависит его дальнейшая жизнь. Желание подвергать рефлексии события и следует, с нашей точки зрения, назвать отправной точкой происхождения идеалов. Изначально идеальные образы формируются, имея под собой основу практического отношения человека к окружающей его действительности, с опорой на формы, созданные предыдущими поколениями людей. Здесь прослеживается определённая закономерность: каждое последующее поколение людей выдвигает собственные идеалы, полностью или частично отрицая идеалы ушедших поколений. Однако даже при условии полного отрицания предыдущих идеалов последние всё же представляют собой социальный опыт, который передаётся от старших поколений к младшим на протяжении всего исторического развития человеческого общества⁵. Поэтому наша задача – сохранить связь времён в трудные переломные моменты нашей истории, изучив и преобразовав опыт мыслителей, оказавшихся волею судьбы за рубежом после революции 1917 года, так как они довольно далеко продвинулись в постижении идеала человека, его воспитания.

С нашей точки зрения, очень точно охарактеризовал представителей Русского Зарубежья Ф.А. Степун: «Духовный и культурный уровень эмиграции очень высок. Не может быть спора о том, что пребывание эмиграции в Европе оставит о себе весьма заметный след. Религиозно-философская и научно-исследовательская мысль немногочисленного эмигрантского народа, равно как и эмигрантское искусство, могут с успехом конкурировать с культурными достижениями целого ряда благополучно здравствующих европейских стран»⁶.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994 – С. 162.

⁴ Новая философская энциклопедия в четырёх томах. – М.: Мысль, 2001 – Т. 2. – С. 71.

⁵ Рувинский Л. И. Сознательная вера и духовное совершенствование. – М.: Педагогический вестник, 2002. – С. 64.

⁶ Степун Ф. А. Чаемая Россия / Сост. и послесловие А.А. Ермичева – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 149.

Находясь в изгнании, русские мыслители продолжили решать задачи, связанные с воспитанием и совершенствованием личности, но единым для них стало понимание фундаментального значения высших духовно-нравственных ценностей и идеалов, а также их религиозное обоснование. Рассматривая и анализируя современную им эпоху, философы Русского Зарубежья заметили что идеал, как высшая цель совершенствования человека, отсутствует, а в личной и общественной жизни стали преобладать стремления приобрести материальные богатства, причём именно это стало выступать как цель жизни человека. С большим негодованием отзывались они об общественном идеале, который, по их мнению, необходим как источник развития. «Если господствующий доньше общественный идеал привел, или хотя бы не мог предотвратить страшного, небывалого в человеческой истории кровопролития и разрушения народного благосостояния, то тем самым он уже обречен на гибель», – писал И.В. Гессен⁷.

Многие философы-эмигранты, оказавшиеся после революции за границей, размышляли об идеале человека. Кроме этого они пытались найти некое конкретное воплощение такого идеального образа, выявить те качества, которыми должен обладать идеальный человек и дать практические рекомендации по приближению идеала к современной им действительности. Причём в их размышлениях идеальное совершенство человека традиционно признавалось фактически равным совершенству нравственному, а качества человека и его личностная значимость оценивались, прежде всего, с этической точки зрения⁸. Достижение такого идеала – это конечная цель нравственного воспитания. Следует отметить, что идеал в трудах русских мыслителей-эмигрантов рассматривался как нечто высшее и определяющее по отношению к области фактов и событий человеческой жизни. Человек развивается только тогда, когда ставит перед собой задачу стать похожим на определённый образ, содержащий высшие моральные требования, что позволяет ему приблизиться к совершенству. Особенно точно это подмечено у В.В. Зеньковского, который говорил, что «душа просит больше, чем дает жизнь; в ней есть огонь, ... в ней есть одаренность, которая тянет ее найти настоящие идеалы»⁹.

Получается, что человек, как духовное существо, постоянно стремится к чему-то совершенному, идеальному. По словам Н.О. Лосского, это стремление человека делает его более благородным, старающимся избежать в жизни пороков и сделать как можно больше добра. Поэтому мы можем высказать утверждение о том, что если воспитательная система лишена идеала и ограничивается лишь технической стороной воспитания, то в сущности своей она будет несостоятельной.

Несмотря на то, что идеал имеет общие основы для многих людей, он, по мнению ряда мыслителей Русского Зарубежья, может приобретать и индивидуальные черты. Так, например, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен и И.А. Ильин считали, что у каждого человека должен быть свой особый идеальный образ, к которому необходимо стремиться в силу своих возможностей и духовного совершенства. Н.О. Лосский полагал, что каждый человек стремится реализовать в своей жизни некоторую идею, выражающую его личностное и незаменимое назначение. Но, по его же мнению, человек должен прибавлять к этому и некоторые абсолютные ценности, которые помогут, в свою очередь, сохранить свой особый и неповторимый идеальный смысл. Поэтому многообразие идеальных форм совсем не означает, что нет общих начал в сфере ценностей, что в своих трудах, анализируя сущность абсолютных ценностей, доказывал Н.О. Лосский.

Для православной религиозной культуры, в рамках которой и развивалась по большей части философско-педагогическая мысль русского эмигрантского зарубежья, актуальным был вопрос: как жизнь человека и соборного человечества связать, привести в согласие с требованиями христианского идеала? Конечно, идеалом в этом случае, высшим совершенством, абсолютным добром является Бог. Стремление же человека к подобному совершенству – и есть то идеальное состояние, которое может удовлетворить душу, находящуюся в вечном поиске¹⁰. Такое стремление всегда было спутником религи-

⁷ Гессен И. В. Искания общественного идеала. – Берлин, 1922. – С. 14.

⁸ См.: Баркова Н. Н. проблема нравственного идеала в теории и практике воспитания в России во второй половине XIX – начале XX века.: Дис. ...к.п.н. – М., 1996. – С. 35.

⁹ Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов: Сб. документов. – М.: ИНПО, 1996. – С. 58.

¹⁰ Бердяев Н.А. Христианство и активность человека. – Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1926. – С. 6.

озности народа, возникало с приобретением веры. Святость – вот та идеальная основа для совершенствования человека. Всё это соответствовало русскому православному представлению о нравственном, добром человеке.

Особо подчёркивалось мыслителями то, что человек социален по своей сущности, и ему свойственно желание помогать своим близким, окружающим его людям – это некое стремление к служению, что подчёркивал в своих трудах И.А. Ильин. Он говорил, что подготавливать человека с «обновлённым» сердцем, духовно богатого, готового к служению – это одна из главных задач воспитания.

Воспитать человека – значит заложить в нём основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания. Всё это закладывается ещё в детстве, и родители, которые приняли эту задачу и творчески разрешили её, подарили своему народу и своей Родине новый духовный очаг; они осуществили своё духовное призвание, оправдали свою взаимную любовь и укрепили, обогатили жизнь своего народа на земле. Ребёнок, когда рождается, вступает как бы в доисторическую эпоху своей личности, и, если его окружают вздорные и недружные родители – не может расцвести здоровая детская душа, стремящаяся к идеалу, к служению народу. «Ребёнок, – по Ильину, – может приобрести чутьё и вкус к духу только у духовно осмысленного семейного очага; он может органически почувствовать всенародное единение и единство, только испытав это единство в своей семье; а не почувствовав этого всенародного единства, он не станет живым органом своего народа и верным сыном своей Родины. Только духовное пламя здорового семейного очага может дать человеческому сердцу накалённый уголь духовности, который будет и греть его, и светить ему в течение всей его дальнейшей жизни»¹¹.

Похожую позицию мы можем найти и у Н. А. Бердяева. Идеал человека – это всесторонне развитая, самобытная личность, способная приносить в мир творчески новые идеи. И здесь на первое место должно стать призвание человека.

Некоторые мыслители, приверженцы религиозной философии достаточно много размышляли, например, В.В. Зеньковский о соотношении идеала и реальной нравственной жизни человека. Здесь на первое место мыслителями выдвигалась совесть как регулятор нравственного поведения и совершенствования. Именно она должна прислушиваться к требованиям идеала. И чтобы требования идеала выполнялись, человека следует воспитать в соответствующем духе, иначе моральные нормы могут быть нарушены и вообще не осуществлены. Поэтому в философском поиске учёных-эмигрантов важное место отводилось поискам воспитательного идеала человека и вообще всей системы воспитания, цели воспитания, как главной определяющей категории образовательного процесса.

На первое место выводилось духовное возрастание человека на основе нравственного воспитания, как фундамента для формирования дальнейших способностей человека. Но что мы видим в школьной системе? На первое место она выводит обучение различным наукам без нравственной оболочки. Воспитывать она берётся постольку, поскольку это нужно для целей обучения: «тема воспитания всё время остаётся в истории школы темой вторичной, дополнительной, так сказать, навязанной»¹². Поэтому наша цель в современном образовании главной сделать задачу воспитания, а вопрос обучения должен занять место вторичное. Интеллект, конечно, не маловажная часть, но он в формировании личности стоит на втором месте. Как заметил В.В. Зеньковский: «Здоровье души независимо от развития интеллекта. Мало этого: развитие и деятельность интеллекта связаны с влиянием других сфер души, преимущественно сферы эмоциональной. Творчество и сила интеллекта проявляются лишь при том подъёме, который создаётся одушевлённым отношением к задаче, стоящей перед интеллектом»¹³. И это действительно так, только воодушевлённый человек может творить и изобретать, из эмоциональной сферы он черпает энергию, находит стимул творчества. Свои воспитательные идеалы В.В. Зеньковский выстраивает на основе христианской антропологии, в основании которой лежит учение о человеке как образе Божьем. Основой же этого образа и главным компонентом идеала человека является, по мнению философа, духовность: «Духовное начало в человеке не только не выводимо из природной эволюции, не только предпола-

¹¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 204-205.

¹² Алексеев П. В. Педагогическое наследие русского зарубежья. – М.: Республика, 1993. – С. 155.

¹³ Там же. – С. 156.

гает надындивидуальный, супернатуральный его корень, но в самой своей сущности свидетельствует о том, что оно связано с Абсолютом. Духовная жизнь есть непрестанное, неутомимое искание бесконечности, и как раз этой его чертой оно сообщает человеку тот духовный потенциал, который движет человека к Богу. Будучи непросто, невыводи-мой «снизу» силой, духовное начало в то же время пронизывает («сверху») всю сущность человека, его эмпирический «характер», его психофизическую жизнь»¹⁴. Поэтому чело-веческая жизнь, по мнению исследователя, только тогда имеет смысл, когда она устрем-лена к Богу, к духовному и нравственному источнику бытия. По его мнению, получается, что воспитание идеала человека должно заключаться в обретении личностью нравствен-ного здоровья и, в итоге, духовной целостности. Цель воспитания он сформулировал сле-дующим образом: «Помочь молодёжи обрести самих себя, овладеть теми силами, какими располагает наше время, воодушевить тем идеалом, во имя которого должно преобра-жать жизнь»¹⁵. Таким образом, личность признавалась основной ценностью воспитания и становилась его целью.

Такой подход к воспитанию можно обнаружить у многих мыслителей Русского Зарубежья. Открыть ребёнку доступ ко всем сферам духовного опыта и обеспечить на этой основе развитие его творческой индивидуальности – цель идеального воспитания, например, по Ильину. Он видел основную задачу воспитания в том, чтобы развить в ре-бёнке «духовность его инстинкта»¹⁶.

Таким образом, становится понятно, что основной целью воспитания в исканиях философов-эмигрантов становится нравственное воспитание, подразумевающее под со-бой формирование свободной, творческой, целостной личности, стремящейся к постоян-ному совершенствованию. Закладывание же таких качеств происходит в детстве. Своеоб-разие данного периода жизни человека особо подчёркивалось мыслителями, так как «детская духовная жизнь, духовная организация, как тип, ближе стоит к идеалу»¹⁷. Именно в этот период необходимо человека учить слышать голос совести, потому что пе-реживания совестного акта становятся началом нравственного самосовершенствования. Согласитесь, что в современном мире содействие пробуждению совести отодвинуто на дальний план, или вообще в этом направлении никаких сдвигов не происходит. Ведь формированию системы нравственных представлений, понятий должно способствовать нравственное просвещение. И.А. Ильин по этому поводу заметил, что спасение России – в просвещении и укреплении русского национального характера. В этом всё: идея, про-грамма и путь борьбы. Это единственно верное и единственно нужное. Всё остальное есть проявление, развитие и последствие этого¹⁸. Поэтому цель воспитания он видел в пере-даче основ национального духа, без которых невозможно будет сформировать духовные идеалы личности, которые в своём соединении составят «совершенного» человека. И в начале двадцатого века мыслители уже высказывали мнения о способах нравственного просвещения, а именно, дополнять воспитание нравственной активностью, то есть давать ребёнку возможность накапливать опыт нравственного поведения, так как ребёнок толь-ко через опыт поймёт нравственность поведения. Следовательно, воспитательный идеал человека у философов-эмигрантов совпадает с этическим идеалом. Ими фактически раз-работана модель совершенного человека. В характеристике нравственного идеала почти все мыслители стояли на позициях религиозности. Цель воспитания соотносилась с представлениями о высоконравственном совершенном человеке.

Каково же сегодняшнее понимание молодым поколением духовных ценностей и нравственного воспитания личности? Ответить на этот вопрос однозначно очень сложно. Современное российское общество имеет возможность изучать труды русских философов начала XX века. Полагаем, что их представления об идеале воспитания актуальны и в на-стоящее время. Но делает это лишь небольшая часть исследователей. А ведь как считал

¹⁴ Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Издатель-ство Свято-Владимирского Братства, 1993. – С. 150.

¹⁵ Зеньковский В. В. Проблема школьного воспитания в эмиграции // Русская школа за рube-жом. – Прага, 1929, – Кн. 32. – С. 170-171.

¹⁶ Ильин И. А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 145.

¹⁷ Зеньковский В. В. Психология детства. М.: Академия, 1996. – С. 158.

¹⁸ Ильин И. А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – С. 140.

ещё В. О. Ключевский, в условиях постоянно меняющейся России после крутых поворотов истории необходимо сохранять убеждение, что «мы идём своей старой исторической дорогой, несём с собой средства, выработанные вековым народным трудом, недостатки, воспитанные в нас былыми народными несчастьями, задачи, поставленные нам условиями нашего прошлого»¹⁹. С этими убеждениями хорошо было бы шагать и в XXI веке.

Для того чтобы понять, что думает о нравственном идеале воспитания большинство молодых людей в современном обществе, мы провели социологическое исследование среди студентов курских вузов. Им было дано задание написать сочинение на тему «Идеалы моего поколения». Обработав с помощью контент-анализа эти сочинения, мы получили следующие данные. Почти все опрошенные студенты правильно понимают сущность понятия идеала как нравственного образца, к которому необходимо стремиться. Но вот какие идеалы доминируют в современном обществе – это довольно интересно, так как мнения различны. Если в начале XX века авторитет родителей был неоспорим, и для многих детей отец или мать были образцами для подражания, то сейчас мы этого не увидим: лишь 3,1 % респондентов отвечают, что родители могут выступить для них идеалом во всех отношениях. Подавляющее число опрошенных (35,1 %) считают, что пример следует брать только с тех людей, которые добились определённого успеха в жизни, связанного с материальным богатством. Для этих респондентов идеалом является тот человек, который не боится переступить через нравственные и моральные нормы ради успеха. Кроме того, многие студенты считают, что именно родители воспитывают в детях чёрствость, безразличие к социальным бедам и трагедиям людей, мотивируя это тем, что мир жесток и в нём выживает только сильный. А 25,5 % опрошенных считают, что обществу не хватает духовного начала, ответственности, оно лишь является обществом потребления, где человеком руководят только инстинкты. Нет чувств, например, таких как любовь (11,1 %), есть только выгода, корысть в отношениях между индивидами. И очень жаль, что 18,5 % респондентов полагают: «Никаких идеалов вообще не существует, человек ни к чему не должен стремиться, а просто проживать свою жизнь».

Как это ни печально, но всего лишь 5,6 % респондентов посчитали, что идеалом воспитания для них является человек, который воспитан на традиционных духовно-нравственных ценностях – таких, как совесть, добро, чувство долга красота и др., которые и должны определять его поведение в жизни. А ведь это как раз то, о чём так много писали мыслители Российской эмиграции.

Список литературы

1. Давидович В. Е. Теория идеала. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1983.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994.
3. Новая философская энциклопедия в четырёх томах. – М.: Мысль, 2001 – Т. 2.
4. Рувинский Л. И. Сознательная вера и духовное совершенствование. – М.: Педагогический вестник, 2002.
5. Степун Ф. А. Чаемая Россия/Сост. и послесловие А.А. Ермичева – СПб.: РХГИ, 1999.
6. Гессен И. В. Искания общественного идеала. – Берлин, 1922.
7. См.: Баркова Н. Н. Проблема нравственного идеала в теории и практике воспитания в России во второй половине XIX – начале XX века.: Дис. ...к.п.н. – М., 1996.
8. Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов: Сб. документов. – М.: ИНПО, 1996.
9. Бердяев Н. А. Христианство и активность человека. – Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1926.
10. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993.
11. Алексеев П. В. Педагогическое наследие русского зарубежья. – М.: Республика, 1993.
12. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1993.
13. Зеньковский В. В. Проблема школьного воспитания в эмиграции // Русская школа за рубежом. – Прага, 1929, – Кн. 32.
14. Зеньковский В. В. Психология детства. М.: Академия, 1996.
15. Ключевский В. О. Исторические портреты. – М.: Правда, 1990.

¹⁹ Ключевский В. О. Исторические портреты. – М.: Правда, 1990. – С. 19.

EDUCATION IDEAL IN PHILOSOPHICAL PEDAGOGICAL THOUGHTS OF RUSSIAN EMIGRATION

S. A. Murav'yov

Kursk State University

e-mail:

muravevsergey@rambler.ru

The question on an education ideal is one of the most important in philosophy as the defining image influences formation of representations about the person, mechanisms and factors of its socialization, understanding of results of social education. The Russian philosophers-emigrants who have appeared after revolution abroad, reflected on an ideal of education of the person, trying to find a concrete embodiment of such ideal image to reveal those qualities which the ideal person should possess. At many of them such searches organically contacted spiritually-moral qualities of the person. These qualities are formed in the childhood. Philosophers-emigrants underlined, what exactly during this period it is necessary to learn the child to hear a conscience voice, to create experience of moral self-improvement of the individual. The educational ideal of the person at philosophers-emigrants coincided with an ethical ideal. The characteristic of a moral ideal was given mainly from Christianity positions; the education purpose corresponded with representations about the highly moral perfect person.

Key words: meaning of life, ideal, education, morals, spirituality, conscience.

ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА НАУКИ

И. О. Надточий

*Воронежская
государственная
лесотехническая академия*

*e-mail:
inad@yandex.ru*

В статье рассматривается историко-философский контекст становления науки, выявляются критерии подлинного научного знания, отделяющего его как от таких форм духовной культуры как философия и религия, а так же от псевдо-науки, получившей чрезвычайно широкое распространение в последние десятилетия XX века.

Ключевые слова: наука, религия, философия, знание, вера, истина.

Превращение науки в доминирующий принцип бытия окончательно произошло во второй половине XX века. И как социальный институт, и как мировоззрение, и как способ организации жизни наука стала ведущим, определяющим явлением во многих областях культуры. Крупный немецкий физик XX века Макс Борн говорил: «На моих глазах наука превратилась в дело государственной важности... Наука стала неотъемлемой и наиболее важной частью нашей цивилизации, а научная деятельность непосредственно влияет на развитие цивилизации».

Не только ученые отмечают большое значение науки в жизни человека. Еще в начале XX века русский писатель Андрей Платонов сказал, что «в науке поместилось ведущее начало Истории», тем самым, угадав ведущую тенденцию современной цивилизации, всецело определяемую наукой. Русский философ Лев Шестов также говорил о «неслыханном доколе торжестве науки»¹.

То, что заметили Шестов и Платонов в начале XX века спустя столетие только усилилось, и наука невероятными темпами покорила все мыслимые и немыслимые пространства человеческого бытия, оставив далеко позади все остальные формы духовной культуры. Современный исследователь науки В.Н. Порус говорит о настоящем положении науки в жизни человека и общества: «Наука пронизывает социальную реальность от ее повседневных мелочей до гигантских процессов, направляющих и изменяющих ход истории. От науки ждут решений, от которых зависит, будет ли вообще продолжаться человеческий род. От ученых требуют не только прогнозов, но и гарантий будущего»².

Критерий научности стал мерилом истинности, практически вся человеческая деятельность получает свою легализацию в науке. Наука является таким значимым явлением, поскольку лежит в основании рациональной, то есть индустриальной, научно-технической, промышленной цивилизации, к которой принадлежит современный мир. Наука организует природный и социальный мир на рациональных началах, стимулируя развитие новых технологий, и именно это делает ее основой повседневного существования человека.

Однако, есть и теневая сторона этого процесса. Всемогущество науки стало восприниматься как религиозное чудо. Наука стала превращаться в религию, постепенно вытесняя все остальные формы духовности, цензурируя их на критерий научности. Что не научно, то не имеет право на существование. А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» показал, развернуто и убедительно, механизм превращения «чистой науки» в «реальную науку», в результате которого наука превращается в богословие. Чистая наука, наука как таковая нуждается лишь в гипотезе и замене одной гипотезы на другую. Реальная наука, которая «... всегда несет на себе многочисленные свойства, зависящие от данной исторической эпохи, от лиц, реально ее создающих, от всей фактической обстановки»³, в конечном счете, гипостазирует свои категории, подменяя живую, таинственную и непостижимую реальность своей научной схемой. В результате мы имеем дело не с реальностью как таковой, а с реальностью, отраженной в научном сознании, отфильтрованной через сито

¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – М. : Фолио, 2001. – С. 323.

² Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. – М. : 2002. – С. 328.

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. – М. : Правда. 1990. – С. 413.

априорно-апостериорных постулатов, чей коэффициент искажения прямо пропорционален неустрашимому субъективизму научного мышления.

Такой гипертрофированный сцинтизм привел к прямо противоположным результатам: наука, как и вообще рациональный стиль мышления стал терять авторитет, открывая дорогу различным иррациональным, оккультным, псевдонаучным течениям, которые прячутся за маской науки и научности.

Сегодня ситуация к сожалению не выглядит отрадной. В последние десятилетия появилось столько новых «наук», столько новых направлений, называющих себя научными, что уже трудно в этой эклектике отличить истинное от неистинного. Представляется необходимым рассмотреть философско-культурный контекст появления классической науки, для того чтобы определить подлинные критерии научного знания и отличить их от псевдо-научных.

Если рассматривать исторический контекст, то очевидно, что господствующее положение науки в жизни общества и культуры по сравнению с религией, философией, искусством связано с изменением картины мира, произошедшей в Новое Время. Доминирующий мировоззренческий принцип этого периода принято называть секуляризацией. Это, по своей сути внутрицерковное явление, связанное с ослаблением влияния религии на жизнь человека, привело со временем, к интенсивным социально-экономическим преобразованиям общества. Это время отмечено бурным развитием городов, открытием Нового Света, становлением капитализма как новой формы хозяйствования, и самое главное, появлением науки, основанной на экспериментально-математическом естествознании.

Наука предложила модель мира, в основании которой лежало устранение принципа иерархичности бытия, предполагающего онтологическое разделение мира на «духовное» и «материальное», земное и небесное, постороннее и потустороннее. Известный историк науки А. Койре связывает появление новой науки с «разрушением Космоса», то есть той картины мира, которая была определяющей в сознании людей тысячелетия: «Распад Космоса означал крушение идеи иерархически упорядоченного, наделенного конечной структурой мира, – мира, качественно дифференцированного с онтологической точки зрения; она была заменена идеей открытой, безграничной и даже бесконечной Вселенной, объединенной и управляемой одними и теми же законами; Вселенной, в которой все вещи принадлежат одному и тому же уровню бытия, в противовес традиционной концепции, различавшей и противопоставлявшей друг другу два мира – земной и небесный. Земные и небесные законы отныне были слиты воедино»⁴.

С тех пор научное мировоззрение стало определяющим, по сути дела, оттеснив все остальные формы мировосприятия на периферию духовной жизни. Власть науки стала господствующей. Картина мира, которую рисовала наука, в общем, соответствовала психологическим и духовным умонастроениям большинства людей, которые стали уже характеризоваться религиозной индифферентностью. Наука Нового Времени провозгласила единое, монистическое мировоззрение на основе естественнонаучного похода к миру. Дуализм двух миров, которым характеризовалось Средневековье («Град Божий» и «Град земной») сменился монизмом одного естественного, чувственно воспринимаемого мира.

Дуализм Средневековья основывался на глубоком взаимодействии науки и религии, которые в этот период характеризовались общей устремленностью к духовным целям – познание мира как Божьего творения. Поэтому и наука, и религия, и философия этого времени носили в большей степени трансцендентный характер устремленности в потусторонний мир. И наука, и религия стояли на страже того мира, обслуживали его цели и интересы. Средневековая культура христианского Запада обнаружила сущностное тождество между библейским откровением и возможностью человеческого разумом, то есть рационально, постигать это откровение. Западный исследователь Р. Тарнас говорит, что «научное исследование подтверждало Евангельскую истину и наоборот. ...А сам факт упорядоченности природы позволяет человеку развивать рациональную науку, которая, в конце концов приведет его разум к Богу»⁵.

Знаменитый теолог Бонавентура в своем «Путеводителе души к Богу» дает методологию восхождения человека к Богу, которая осуществляется посредством «шести спо-

⁴ Койре А. Галилей и Платон // Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс, 1985. – С. 130.

⁵ Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – С. 152-153.

собностей души», которые суть следующие: «... ощущение, воображение, смысл, понимание, ум и вершина души или светоч синдерезы»⁶. Видно, какое большое место в Богопостижении занимает сфера рациональных способностей.

Р. Тарнас весьма красноречиво описывает становление научной картины мира в Новое время: «Все традиционные источники знания о Вселенной целиком вытеснил независимый человеческий разум, определив, в свой черед, собственные границы рамками и методами эмпирической науки»⁷. Прежние религиозные представления о независимом божественном мире не получают подтверждения в научных исследованиях, и постепенно исчезают. На первый план выдвигается «зримый мир», то есть эмпирическая реальность, противостоящая и божественной реальности и миру трансцендентных платоновских Идей. Исчезает противопоставление земного и небесного и утверждается материальное единство мира. Вселенная не имеет личностного характера, ее законы, толкуемые исключительно в понятиях физики и математики, естественны, а не сверхъестественны.

В целом эпоху характеризует воодушевленное «приятие этого мира и этой жизни как той сцены, на которой во всей полноте разворачивается захватывающее действие человеческой жизни». С этим связаны огромные надежды на науку и вера во всеислие разума: «уже явился свет новой веры – веры в то, что естественный разум и достижения науки, шаг за шагом приблизят «золотой век», где воцарится мир и мудрость, наступит всеобщее благоденствие и человек окончательно покорит природу»⁸.

Таким образом, видно, что научное мировоззрение ограничено сферой «этого мира», «зримой реальности», то есть наличной, эмпирической действительности; соответственно и научное познание связано с познанием этого мира, и с его возможным улучшением. Для более сильного эффекта наука полностью концентрируется на данном материальном мире, сознательно отсекая все метафизические (религиозные, философские) данные и трактовки, как не относящиеся к научному методу. И в плане познания и изменения этого внешнего мира наука действительно добилась значительных результатов.

Гармоническое равновесие веры и разума, науки и откровения, придававшее значительный оттенок научности религии, и наделявшее сакральным статусом саму науку, в Новое время нарушается. Здесь формируется совершенно иная (по сравнению со средневековой) модель научного, то есть принципиально а-религиозного и поэтому научного знания. То, что служило подтверждением истинности религиозного откровения, становится орудием разрушения религии как таковой. Фейербах, поставивший себе цель решить «загадку христианской религии» путем выявления «естественных» истин сверхъестественного в «Лекциях о сущности религии» выразил точку зрения, ставшую впоследствии столь распространенной в научной среде, что поистине может считаться кредо науки: «Мы знаем или, по крайней мере можем доподлинно знать только то, что, как мы теперь происходим и сохраняем нашу жизнь естественным путем, точно так же мы и произошли некогда естественным путем, что все теологические объяснения ничего не дают»⁹.

Водораздел между наукой и религией отныне становится классической нормой научного мышления и атрибутом этоса научного сообщества. Ученый может быть верующим человеком в частном порядке, но наука, как социальный институт культуры по определению должна дистанцироваться от религии и онтологически, и гносеологически, и методологически и аксиологически.

Особенно сильное расхождение между научной и иными областями культуры проявилось в антропологии. Макс Шелер писал в своей известной работе «Положение человека в космосе», что «у нас есть естественнонаучная, философская и теологическая антропология, которым нет друг до друга никакого дела»¹⁰. Действительно, эти три модели антропологии существуют по принципу разбегающихся концентрических кругов, дистанция между которыми только увеличивается со временем. Во многом это связано с тем, что наука перестала нуждаться в объяснительных теориях философско-богословского характера и стяжала себе право выступать гарантом объективности познания, а значит и гарантом истины.

⁶ Бонавентура. Путеводитель души к Богу. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993. – С. 55.

⁷ Тарнас Р. Там же, с. 239.

⁸ Тарнас Р. Там же, с. 244.

⁹ Фейербах Л. Лекции о сущности религии. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. – Т. 2. – С. 636.

¹⁰ Шелер М. Положение человека в космосе. – М.: Гнозис, 1994. – С. 133.

Почему же теологические объяснения перестали что-либо давать в миропонимании, как полагал Фейербах? Да потому что миропониманием стала заниматься наука, перестав быть «измерительным прибором» эмпирического слоя бытия и превратившись в базовую интерпретационную систему всего мироздания.

В Средние века наука не могла сконструировать автономной картины мира, отличной от теоцентричной модели мироздания. Ее эвристический потенциал ограничивался вспомогательной функцией логико-рационального исследования уже существующего мира, к проблемам происхождения, сущности и судьбы которого наука не могла иметь никакого отношения. Наука не имела автономного метафизического потенциала, но была лишь эмпирическим инструментарием, пригодным для изучения тварного бытия.

В Новое время наука создает эту картину вопреки традиционной религиозной. Наука из вспомогательного инструмента в познании тварной, то есть созданной разумным Творцом реальности, становится самостоятельной метафизической силой, по собственному образу и подобию создающей мир, истолковывающей его, исходя из постулатов «естественного света разума».

Таким образом, наука Нового Времени автономизировалась и дистанцировалась от религии. С точки зрения науки все духовные проявления имеют материальный и естественный характер и не выходят за пределы наличного чувственно воспринимаемого мира. Тем самым был проведен водораздел между наукой и религией, за которыми закрепились соответствующие миры – потусторонний и посюсторонней, «тот мир» и «этот мир». Современный исследователь П. П. Гайденко, изучая проблему христианского генезиса естествознания, заключает, что «прежний водораздел между надлунным и подлунным физическими мирами устранен; новый водораздел проходит в XVII в. между трансфизическим, трансцендентным, внемирным Богом и тварным миром»¹¹.

Отделившись от религии, наука целиком и полностью сконцентрировала свои усилия на этом мире, на его изучении и улучшении. Наука оказалась изъятая из религиозно-философского контекста. Так Б. Рассел в своей знаменитой «Истории западной философии» довольно категорично утверждает, что опубликование теории Коперника, а также усовершенствование этой теории Кеплером и Галилеем, стало «началом длительной войны между наукой и догмой, в которой традиционалисты вели безнадежную борьбу против нового знания»¹².

Сотериология и гносеология – вот линии расхождения религии и науки, чье различие определил С. Н. Булгаков, показав, что науке свойствен «метод неверия» (то есть холодной, рассудочно-вопрошающей критики), в то время как религии присущ «метод благоговения», несовместимый с этой холодной и рассудочной критикой, так как наука может не видеть того, что существует для религии.

М. Хайдеггер писал, что «Метафизические понятия для внутренне равнодушной и необязывающей остроты научного ума остаются вечно на замке». Тем самым чистый этос науки отстраняется не только от религиозной метафизики, но и от философии. Философия с ее «заедающей» рефлексией, религия с ее «вечной жизнью» и посмертным судом – очень плохие спутники науки, от которых она естественно пытается избавиться.

Необходимо сказать, что автономизация чистого разума, и соответственно, дистанцирование науки от религии и философии имело первоначально свои основания именно в философии. Один из основоположников современного научного знания Ф. Бэкон в своем труде «О достоинстве и приумножении наук» способствует становлению науки, выделяя ее из сферы философии. Называя «первую философию» «общей матерью наук», он классифицирует виды научного знания, отделяя физику от метафизики: «физика изучает то, что материально и изменчиво, метафизика же – главным образом то, что абстрактно и неизменно». Этот водораздел станет определяющим в дальнейшем отделении чистой науки от чистой философии: «физика – это науки, исследующая действующую причину и материю, метафизика – это наука о форме и конечной причине»¹³.

¹¹ Гайденко П. П. Христианство и генезис естествознания // Философско-религиозные истоки науки. – М. : Мартис, 1997. – С. 69.

¹² Рассел Б. История западной философии: В 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. – С. 8.

¹³ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения. В 2-х томах. Т. I. – М. : Мысль, 1971. – С. 220.

У Бэкона формируется вполне определенная идея двух миров, каждый из которых имеет свой образ, запечатленной в соответствующих книгах – «книге Писания», в которой раскрывается воля Божья и «книге природы». Бэкон говорит, что «из этих двух книг вторая является как бы ключом к первой, не только подготавливая наш разум к восприятию на основе общих законов мышления и речи истинного смысла Писания, но и главным образом развивая нашу веру, заставляя нас обратиться к серьезному размышлению о божественном всемогуществе, знаки которого четко запечатлены на камне его творений»¹⁴.

Тем самым открывается пространство для изучения этого мира, который, хотя и является творением Божиим, но достоин самостоятельного научного изучения: «Здание этого нашего Мира и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорожек, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы»¹⁵. Поскольку путь к истине лежит через ошибочность человеческих мнений, основанных на «неверном свете чувств», Бэкон предлагает не доверять построениям человеческого ума, а обратиться непосредственно к самим вещам, к природе – не искать «высокомерно науки в кельях человеческого ума, а смиренно обращаться за ними к великому миру».

Таким образом, наблюдение и эксперимент, согласно Бэкону, – источник научного знания, наука способна значительно изменить материальные условия существования человека, наука может дать власть и могущество над природой.

Наука формировалась, таким образом, как антитеза метафизике. Исследователь З. А. Сокулер отмечает, что «в образованных кругах разных стран Европы было распространено убеждение, что только опыты и наблюдения способны положить конец бесконечным философским и теологическим распрям. С этим было связано критическое отношение к философским и теологическим традициям и превознесение опытного знания»¹⁶. Это со временем привело к полному исключению всякого опыта или знания, не связанного с эмпирическим миром: «в современной научной картине мира объект познания уже не указывает ни на что трансцендентное»¹⁷.

Деление философии на метафизику и физику присуще и Р. Декарту, основоположнику новой философии, в основании которой дуализм, точнее психофизический параллелизм. В своей работе «Первоначала философии» он говорит, что первой частью подлинной философии является метафизика, «где содержатся начала познания; среди них – объяснение главных атрибутов Бога, нематериальности нашей души, а равно и всех остальных ясных и простых понятий, какими мы обладаем. Вторая часть – физика; в ней, после того как найдены истинные начала материальных вещей, рассматриваются главным образом, как образован весь универсум; затем, особо, какова природа Земли и всех остальных тел, находящихся около Земли, как, например, воздуха, воды, огня, магнита и иных минералов»¹⁸.

Двумирность мироздания утверждается и другим классиком философии Лейбницем. Он определяет наличный мир как собрание (aggregatum) конечных вещей, которыми правит Единое Существо (Unum Dominans): «Это Единое Существо, владыка универсума, не только управляет миром, но и создает его и устрояет; оно выше мира и, так сказать, сверхмира и в силу именно этого составляет последнюю причину вещей»¹⁹. Философ считает, что «основание мира надо искать вне мира», полгая Бога «сверхмировым основанием вещей». Таков главный принцип мироздания, состоящего из двух миров: «основания мира заключается в чем-то внемировом, отличном от связи состояний или ряда вещей, совокупность которых образует мир»²⁰.

О. Конт дал максимально полное выражение сути позитивной науки, в которой разум дает «точную оценку внешнего реального мира». Отказ от объяснений (то есть раз-

¹⁴ Бэкон Ф. Там же, с. 128.

¹⁵ Бэкон Ф. Там же, с. 71.

¹⁶ Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 37.

¹⁷ Сокулер З.А. Там же, с. 167.

¹⁸ Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1989.

¹⁹ Лейбниц. О глубинном происхождении вещей // Сочинения в четырех томах. Т.1. – М.: Мысль, 1982. – С. 282.

²⁰ Лейбниц. Там же, с. 283.

мышлением над смыслом мира) в пользу описаний причинно-следственных явлений – таково истинное предназначение науки. «Настоящая наука, – как отмечает З. А. Сокулер, – устанавливает точную корреляцию наблюдаемых явлений, но не пытается объяснить скрытые сущности или силы, порождающие ее»²¹. Позитивная наука ограничивается реальным, то есть доступным для познания и полезным. Научное познание для Конта, отмечает исследователь, имеет чисто функциональный характер, имеющее четко определенную функцию способствовать материальному благополучию человечества и стабильности социальной системы.

И «экспериментальная философия» Нового времени и «позитивная наука» О. Конта сходны в главном – предметом их исследования является этот мир. И неважно, что является наиболее важным компонентом научного знания – теория или опыт, это различные методологии постижения одной и той же реальности – эмпирического мира. Также является не важным, ищет или не ищет наука объяснения, или только описывает явления, главное, что наука и описывает и объясняет только наблюдаемые явления (по Конту – «внешний реальный мир»).

Уже в XX веке, обозревая историю западноевропейской философии и строя определенную систему философии, основатель экспериментальной психологии Вильгельм Вундт подытоживает, ставшее уже фактом, разделение областей религии и философии, произошедшее в расцвете схоластики: «Религии, догме было отведено более высшее знание, познание сверхчувственного мира и божественного порядка, через который устанавливается связь чувственного и сверхчувственного миров; науке же – чувственный мир со всем тем, что может быть познано без помощи откровения через естественную силу разума»²².

Таким образом, сущность науки сводится к утверждению наличного, то есть чувственно воспринимаемого и логически доказуемого мира, основная задача по отношению к которому – объективное его познание. Наука постулирует один мир, мир посюсторонний, тем самым, отделяя свою область от другого иного мира как мира нереального, принадлежащего к духовной сфере религии или творческой фантазии искусства.

Вопрос о критериях научного знания в философии науки проработан достаточно основательно. Эти критерии должны опираться на некие инвариантные основы научной эпистемологии, вне которых научный опыт не имел бы никакой достоверности и значимости. Французский философ Г. Башляр в книге «Формирование научного духа» говорит о трех больших стадиях (конкретная стадия, конкретно-абстрактная стадия, абстрактная стадия), которые проходит научный дух в своем становлении и развитии. Общим во всех этих стадиях является соотносительность с разумом с природой, первичной реальностью, чувственным миром, по поводу которого он строит свои теории различной степени абстрактности.

В этом смысле наличие и уверенность в существовании чувственно воспринимаемой реальности является необходимой предпосылкой именно научного опыта, который в отличие от эстетического, религиозного, философского не имеет априорных положений в качестве исходных предпосылок.

По мнению Р. Тарнаса, Галилей изобрел новый способ анализа явления, и новое основание для опытной проверки знаний. Вынесение четких и правильных суждений о природе возможно лишь на основе «объективных», поддающихся точному измерению свойств, таких как размер, форма, количество, вес, движение. «Лишь с помощью количественного анализа наука может получить правильные знания о мире»²³.

Тем самым, количественный анализ становится наиболее достоверным критерием подлинности научного познания, которое распространяется лишь на эмпирический мир с его количественными метриками.

Известный этнограф и антрополог Б. Малиновский, сопоставляя такие формы мышления как магию, науку и религию, дает такое определение науки, в которой проявлены ее универсальные черты: «Наука, даже представленная примитивными знаниями дикого человека, базируется на нормальном всеобщем опыте повседневной жизни, который приобретался в борьбе человека с природой за свои существование и безопасность, основывался на наблюдениях и фиксировался разумом»²⁴.

²¹ Сокулер З. А. Там же, с. 177.

²² Вундт В. Введение в философию. – М.: Добровет, 1998. – С. 24-25.

²³ Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН_ПРЕСС, 1995. – С. 221.

²⁴ Малиновский Б. Магия, наука и религия // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: Канон+, 1988. – С. 375.

Таким образом, в основании научно познания лежат такие факты как рациональное мировоззрение, основывающемся на опыте повседневной жизни.

Кант выявляет важнейший критерий научного метода – систематизацию обыденного знания: «Так как обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, т. е. из простого агрегата знаний превращается в систему»²⁵. Система становится основополагающей, базовой идеей науки. Но для всякой системы нужны систематизирующие принципы, обеспечивающие системе возможность ее существования. Этим базовым принципом, по Канту, является объединяющая идея, создающая целостность и цель системы. «Под системой же разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей». Идея, которая есть «понятие разума о форме некоторого целого» и составляет основополагающий метафизический принцип системы, являющийся также и основополагающим принципом науки.

Схожее понимание науки дано в словаре Владимира Даля. Там наука определяется двояко, как «всякое ремесло, умение и знание», а также «в высшем значении» как «разумное и связанное знание: полное и порядочное собрание опытных и умозрительных истин, какой-либо части знаний; стройное, последовательное изложение любой отрасли, ветви сведений». Таким образом, критерий системности, является одним из важнейших и основополагающих в науке.

Известный французский философ XX века М. Фуко выделил очень важные критерии естественных наук. Так, говоря о математике и физике, он отмечает, что для них «порядок есть всегда дедуктивная и линейная последовательность самоочевидных или доступных верификации высказываний». То же самое относится и к другому классу наук (о языке, жизни, производстве и распределении богатств), которые стремятся «к такому упорядочению прерывных, но сходных элементов, чтобы они могли вступить в причинные отношения и образовать структурные постоянства»²⁶. Из этого следует, что причинно-следственные отношения, а также принцип верификации являются необходимыми для науки.

В качестве критериев научного знания можно выделить следующие: уверенность в существовании чувственно воспринимаемой реальности, рациональное мировоззрение, опора на практический повседневный опыт, системность в подходе к материалу и к его обработке, наличие причинно-следственных отношений между элементами научной системы, верификация, непротиворечивость, подтверждаемость и эффективность.

Таким образом, можно сказать, что знание фактов этого мира, полученное на основе опыта, и подтвержденное в ходе эксперимента, ведущее к росту знания, увеличению информации, изменению картины мира является основным критерием науки и научности. Суждение философа Ю. Бохеньского иллюстрирует это положение: «для подтверждения и объяснения фактов, существующих в мире, нет ничего лучше научного метода. Наука – единственный серьезный авторитет в этой области»²⁷.

В конечном счете, главный критерий достоверности научного знания заключается в вынесении за скобки всего того, что выходит за пределы этого мира. Это, прежде всего, религия, искусство и философия.

Можно сказать, что наука *одномерна*, потому что *одномирна*. Наука накладывает жесткое табу на сферу, выходящую за пределы возможного и доступного опыта, то есть на все, выходящее за границы этого мира. Б. Рассел прекрасно выразил это методологическое требование науки в следующих словах: «научные законы должны быть раскрыты наблюдением, а не одними размышлениями»²⁸. Размышления могут выводить (и, как правило, выводят) за пределы этого мира, и только наблюдения оставляют в его пределах.

Эти важнейшие критерии науки определяют ее подлинный онто-гносеологический статус, не позволяющий псевдо-научным практикам претендовать на науку. Необходимо понимать границы науки, ее возможности, которые, естественно, не безграничны, по-

²⁵ Кант И. Критика чистого разума. – Соч. в 6-ти т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 680.

²⁶ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., А-сад, 1994. – С. 366.

²⁷ Бохеньский Ю. Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. – М.: Прогресс-ВИА, 1993. – С. 104.

²⁸ Рассел Б. История западной философии: В 2. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. – С. 80.

скольку ограничены реальностями посюсторонней (эмпирической) действительности. За пределы эмпирического мира наука не может и не должна выходить. Как только наука выходит за пределы своих гносеологических возможностей и онтологических территорий, то теряет свой статус, превращается в псевдо-науку и дает пищу для распространения различного рода околонучных теорий, претендующих на звание научных.

К сожалению, сегодняшний аксиологический релятивизм не только подорвал доверие к академической науке, к рациональному мышлению, но открыл дорогу для распространения многообразных эклектических учений, ничего общего с наукой не имеющих. Сила науки в ее ограниченности, то есть в ясном осознании своих гносеологических, методологических и онтологических границ. Соблюдение этого принципа восстановит доверие к рациональному типу мышления и, соответственно, вернет науке ее подлинный статус в обществе и культуре.

Список литературы

1. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – М.: Фолио, 2001.
2. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. – М.: 2002.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.
4. Койре А. Галилей и Платон // Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс 1985.
5. Гарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
6. Бонавентура. Путеводитель души к Богу. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1993.
7. Фейербах Л. Лекции о сущности религии. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.
8. Фейербах Л. Лекции о сущности религии. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.
9. Шелер М. Положение человека в космосе. – М.: Гнозис, 1994.
10. Гайденок П. П. Христианство и генезис естествознания // Философско-религиозные истоки науки. – М.: Мартис, 1997.
11. Рассел Б. История западной философии: В 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994.
12. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Сочинения. В 2-х томах. Т. I. – М.: Мысль, 1971.
13. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
14. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения в двух томах. Т. I. – М.: Мысль, 1989.
15. Лейбниц. О глубинном происхождении вещей // Сочинения в четырех томах. Т. I. – М.: Мысль, 1982.
16. Вундт В. Введение в философию. – М.: Добровет, 1998.
17. Малиновский Б. Магия, наука и религия // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения. Антология. – М.: Канон+, 1988.
18. Кант И. Критика чистого разума. – Соч. в 6-ти т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3.
19. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., А-сэд, 1994.
20. Бохеньский Ю. Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков. – М.: Прогресс-ВИА, 1993.
21. Рассел Б. История западной философии: В 2 т. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994.

ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL BASES OF THE PHENOMENON OF SCIENCE

I. O. Nadtochy

Voronezh Forestry Academy

e-mail:
inad@yandex.ru

The article considers the philosophical context of the modern science. The paper reveals the criteria of the science, which differs it from philosophy and religion and also from wide-spread pseudo-science.

Key words: science, religion, philosophy, knowledge, faith, truth.

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

В. П. Полуянов

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
penkov@bsu.edu.ru*

В работе рассматриваются различные подходы к экологии человека в свете мировых религий современности. Авторы останавливаются на описании места человека на земле в контексте христианства, буддизма и ислама. Показано, что основная идея состоит в том, что человек рассматривается как часть единой системы мироздания, и его подчинения законам бытия должно привести к решению экологических проблем. Несмотря на различные начальные предпосылки все три религии солидарны в одном: мы не должны рассматривать природу и человечество как независимые друг от друга сущности. Важную роль при этом играет духовное и нравственное начала в человеке. Прослеживается также мысль об ответственности людей за сохранение своего места обитания, так как люди назначены Богом нести ответственность за все происходящее на Земле.

Ключевые слова: экология, христианство, буддизм, ислам.

В настоящее время вопросы, связанные с экологией человека приобретает всё большую актуальность. Ученые, философы, политики разрабатывают самые разнообразные пути выхода из экологического кризиса, но ни один из подходов пока не ведет к кардинальному изменению ситуации – биосфера все больше разрушается, здоровье людей ухудшается, потребительское отношение к жизни все больше входит в моду. На наш взгляд, выход из сложившейся ситуации возможен на основе обращения к первоисточкам, ведь не зря говорят, что новое, это хорошо забытое старое.

Еще в древних философских учениях проблемы взаимоотношения человека и природы стояли достаточно остро. Так, в древнеиндийской философии человек рассматривался всегда «на равных» с животными, птицами и насекомыми. Любопытно отметить, что в Индии и в настоящее время экологические вопросы связываются с рассмотрением человека как органической части бытия. Так, по мнению Вивекананда Свами, «человек есть часть природы, и то, что истинно для природы в целом, истинно и в отношении ее частей. Человек – это микрокосм. В веданте указывается, что человек содержит в себе физическую материю минералов, жизненную силу, свойственную растениям, способность чувствовать и желать, присущую животным, простой интеллект, соответствующий высшим животным, и душу, которая есть только у человека. Душа, индивидуальный атман – это сущность человека, она бессмертна. Рождение и смерть с этой точки зрения есть изменения в материи, а не изменения души»¹.

Сравнительный анализ западной и восточной экологии представлен у Рабиндраната Тагора. Отношение Запада к природе, считал он, связано с конфликтом, борьбой, использованием, подчинением (с помощью науки и техники). Результат такого отношения – отрыв человека от природы, удаление от истоков, конфликт с природным началом внутри себя, внутренняя опустошенность. Борьба с природой и с самим собой дополняется борьбой людей друг с другом, образованием «бездушных» государств с их «культом науки», абсолютизирующим прагматичные, утилитаристские цели. На Востоке и, в частности, в Индии, по Тагору, господствует иная установка по отношению к природе: поиски единства, гармония с ней, реализация человека посредством природы и природы посредством человека.

Таким образом, в индийской философии экологические проблемы рассматриваются через призму гармоничного взаимодействия общества и природы.

В миросозерцании древних китайцев человек представлял собой органическую часть природы. Соответственно, ни о каком господстве, царственности человека над миром птиц, рыб и цветов речи быть не могло. Многие западные исследователи увидели в

¹ История философии: учебник для высших учебных заведений / под. ред. В.П. Кохановского, В.П. Яковлева. – Изд. 5-е. – Ростов-на-Дону, «Феникс», 2007. – С. 48.

этом принцип ненасильственного гармонического существования Цивилизации и Природы, экологическое сознание, которого так недостаёт европейцам.

Вместе с тем, в философии Древнего Китая присутствовали мысли о возможном негативном влиянии человека на окружающую природу. Так, древнекитайский ученый Лао-Цзы (VI-V век до н.э.) «считал, что человек не должен вмешиваться в естественное развитие вещей, в противном случае такое поведение приведет к тому, что он потерпит неудачу, навлечет на себя различные несчастья. Лао-Цзы призывал людей жить в гармонии с природой, тогда у них появится реальная возможность выполнить свое предназначение в этой жизни»². Согласно различным древнекитайским учениям в природе существует некоторая категориальная субстанция, которая управляет миром, и следование которой обеспечивает гармонию с окружающей средой.

Теперь обратимся к современным мировым религиям. Как отмечает М.Б. Дандарон, «религиозные изменения, выражающиеся в появлении новых синкретических теорий, приобретают в настоящее время всеобщий глобальный характер, их основной чертой является неизбежный плюрализм и синкретизм»³. Тем не менее, имеется нечто общее во всех религиозных учениях, что позволяет рассматривать различные подходы к преодолению экологического кризиса с единых методологических позиций.

В христианстве изначально предполагалось, что Бог сотворил Землю для людей, но они должны нести ответственность за свои мысли и деяния. И сейчас «христианское богословие напоминает ученым, правительствам и религиям всего мира, что мы должны быть трезвенны, реалистичны, помнить, что у осквернения земли есть и нравственное измерение. Безоглядное использование всех достижений науки и техники, постепенное истощение озонового слоя, промышленные отходы, истребление полезных ископаемых, безудержное сведение лесов, использование гербицидов и вредных химикатов – все это результат человеческой греховности»⁴. Потребительское отношение к земным богатствам превысило все возможные пределы, моральные устои пошатнулись. Потеряна не только вера в Бога, но и элементарная порядочность, чувство ответственности за свои поступки и за будущее поколение. В сложившейся ситуации церковь предлагает три возможных варианта решения этой проблемы.

1. Принцип первый связан с аскетизмом и монашеством, когда человек добровольно ограничивает себя во имя блага других. Как отмечает В. Башкиров, это решение, возможно, является самым древним, выработанным тогда, когда христиане впервые столкнулись с проблемами экологического характера, с кризисом, вызванным хищническим отношением к окружающей среде. Определяющим здесь является принцип отречения. Первоисточником экологических бед при этом считают алчность и подавляют ее, утверждая простой образ жизни. Наши современники, вдохновляемые подобным принципом, выдвигают в качестве лозунга клич «Чем меньше, тем лучше». Монашеские общины живут в гармонии с природой, нужды людей при этом сведены к минимуму, и тем самым всему миру явлена истина о том, что земля принадлежит Богу, ее нельзя нагло эксплуатировать для удовлетворения человеческой жадности и скупости. В таком аскетизме скрыт мощный протест против расточительства, лишнего какого-либо чувства ответственности за мир природы.

Речь идет о том, что аскетизм не столько ограничение, а отказ от излишеств, поскольку природа человеку итак даёт всё. Человек же, создавая искусственную среду, начинает искать искусственные заменители, что приводит к непомерно высоким потребностям, поскольку искусственное никогда в полном объеме не заменит естественного.

2. Принцип второй литургический или евхаристический. Согласно церковной традиции, человек сознает свою космическую сущность через созерцание. Человек может стать носителем космической силы. Однако, мы – особенно протестанты – забыли традицию космического созерцания как источника обновления. Это решение ограничено сфе-

² Шилова В.С. Педагогические основы социально-экологического образования школьников [Текст] / В.С. Шилова. – Белгород, 2002. – С. 9-10.

³ Дандарон М.Б. Социальное конструирование религиозного сознания. [Текст]: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук / М.Б. Дандарон – Улан-Удэ, 2009. – С. 6.

⁴ Башкиров В. Православие и экологический кризис [Электронный ресурс] / В. Башкиров – <http://www.church.by/resource/Diro301/Diro302/Page0499.html>.

рой практики. Многие христиане сводят Евхаристию к ритуалу, не видят в этом таинстве активного соучастия в судьбах мира. Мы редко сознаем, что «Тело ломимое» есть призыв к состраданию. Нам нужно заново открыть динамический характер Евхаристии, который может вдохновить людей на открытость Божьему творению и делу возрождения этого творения. В этом принципе человек в первую очередь должен обновлять себя, чтобы его потребности и запросы соответствовали естественным законам.

3. Принцип третий – солидарности в освобождении. В этом принципе речь идет о том, что через понимание законом естества человек не только сам освободится от греховности, но поможет освободить всю природу от своего негативного влияния. Мы глядим на человечество как на единое целое, охватывающее не только людей, но и природу, всю Вселенную. Мы боремся за преобразование обнищавшей, ослабленной, истощенной и изможденной природы. Для нашей веры одинаково важны и проповедь, и духовность⁵.

Данный принцип очень тесно переплетается с буддизмом, в котором представления о взаимодействии общества и природы можно выразить следующими положениями.

1. Человечество и природу нельзя рассматривать как независимые друг от друга системы – это главное положение экологического видения буддистов. Вместе с тем это очевидное положение реализовать достаточно трудно из-за ограниченности и агрессивности человеческой природы.

2. Для того чтобы воспрепятствовать варварству, нам необходимо новое понимание и, что еще более важно, новое видение вещей. Плодотворную роль здесь способны сыграть идеи Будды Гаутамы. Отказавшись от метафизических трактовок реальности, Будда сосредоточил внимание на человеческой ситуации и пришел в конечном итоге к поразительному выводу об открытом единстве, “незамутненности” и цельности существования. Обращение к человеческой природе означает рассмотрение человека в контексте самого широкого его окружения. Другими словами, человек – не абсолютная, но соотносимая величина, и основа этого взаимоотношения коренится в самой человеческой природе, но отнюдь не в чем-то внешнем.

3. Ключ к пониманию интересующей нас взаимосвязи следует искать в собственной природе человека, в раскрытии процессов динамики экзистенциального континуума, объединяющего человека с природой, – того, что называется открытой и свободно изменяющейся онтологией. Просветление Будды обнажило сопредельность и взаимосвязь человека и природной среды; любое действие человека, сколь бы незначительным ни казалось оно само по себе, отражается и во внечеловеческом мире. Именно такую постановку вопроса фиксирует “принцип равноценности” всего сущего. Временное в природе вещей (сансара) неотчуждаемо от вечного (нирвана); обратное соотношение столь же верно. Просветление – нирвана – обнаруживает и одновременно подтверждает “принцип равноценности” сущего⁶.

Таким образом, главная идея буддизма состоит в том, чтобы обрести экологические знания через слияние с Космосом, что позволит человеку постичь истину.

Ислам также солидарен с другими религиями в решении вопроса преодоления экологического кризиса, кроме того, он ставит вопрос о союзе науки и религии в решении этой проблемы. «Исламская вера уделяет особое внимание улучшению состояния нашей планеты руками человека, так как люди назначены Богом нести ответственность за все происходящее на земле. Старания человека нести благо будут рассматриваться добродетелью и помогут обрести ему благословение и рай в грядущей жизни. Ислам призывает использовать законы природы, открытые и исследуемые наукой, справедливо и честно, во имя счастья и процветания человечества. Все исламские учения логичны, и не противоречат науке. Более того, Ислам призывает своих последователей приобретать и добиваться знаний»⁷.

Экологический кризис – это следствие, бороться надо с причиной. Именно этот лейтмотив должен стать главным в гармонизации природы и общества и не малый вклад

⁵ Там же.

⁶ Инеда К. Экологическая проблематика в контексте буддизма [Электронный ресурс] / К. Инеда. – <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/ineda.html>.

⁷ Ислам и экология // [Электронный ресурс]-<http://islam.com.ua/articles/today/ecology/90/?pid=13>.

в это дело должны внести мировые религии. Ведущий исламский лидер сказал, что «главной задачей религии в XXI веке станет спасение человечества от экологической катастрофы»⁸.

Итак, в контексте религиозного сознания независимо от того, какой веры придерживается человек, решение экологических проблем должно начинаться с духовного и нравственного совершенства. Другими словами, человек должен выйти на уровень трансцендентального. Как отмечает П.Т. Шарден, «структуралисты правы, когда они так настойчиво защищают некоторую трансцендентальность человека по отношению к природе»⁹. Вместе с тем необходимо учитывать и материалистическую составляющую, поскольку именно синтез духовного и телесного делает человека человеком.

На наш взгляд, проблема экологического кризиса возникла именно из-за того, что потеряна эта целостность. Мы однобоко анализируем взаимодействие системы «человек-природа». В науке – только с точки зрения материализма, в религии – с точки зрения религиозного сознания. И если первая не учитывает органическую целостность человека и природы, то в религиозном сознании не достаточно прослеживаются научные аспекты, описывающие экологическое равновесие природы и общества.

В настоящее время наблюдается все больше подобных параллелей. Появляется значительное число научных исследований, претендующих на описание сознания человека как объективной реальности¹⁰. И хотя в большинстве случаев такие попытки на сегодняшний день не находят прямого экспериментального подтверждения, имеется достаточно много корреляций религиозного и научного подходов. Наиболее полно подобные корреляции отражены в диссертационном исследовании М.Б. Дандарона, который отмечает следующее: «Социальное конструирование реальности, свободное от групповых или коллективных принуждений, наблюдаемое в постмодерне, демонстрирует многовариантные сюжеты духовного развития людей. Так, буддийско-шаманистский синкретизм может быть предложен как пример генезиса устоявшихся практик религиозного синкретизма и исторически сложившегося двоеверия и толерантности. А обращение к философской системе «необуддизм» Б.Д. Дандарона, которая содержит такие теоретические инновации буддийского учения как обоснование синтеза религиозных и научных концептуализаций, может способствовать анализу конвергенции (взаимного сближения) неоднородных типов мышления в более широком институциональном контексте. В философии Б.Д. Дандарона нарратив религии (буддизма), прежде всего наиболее трудные теоретические положения буддизма, проходит адаптацию применительно к ментальности личности, воспитанной в рационалистическом дискурсе»¹¹.

Таким образом, религиозное сознание должно подкрепляться конкретными объективными научными данными, а наука, в свою очередь, должна учитывать духовную составляющую человека, что позволит подойти к решению экологического кризиса с двух разных сторон и выработать такие пути развития земной цивилизации, которые будут учитывать религиозные аспекты, с одной стороны и объективные научные данные – с другой.

Список литературы

1. История философии: учебник для высших учебных заведений / под. ред. В.П. Кохановского, В.П. Яковлева. – Изд. 5-е. – Ростов-на-Дону, «Феникс», 2007.
2. Шилова В.С. Педагогические основы социально-экологического образования школьников [Текст] / В.С. Шилова. – Белгород, 2002.
3. Дандарон М.Б. Социальное конструирование религиозного сознания. [Текст]: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук / М.Б. Дандарон – Улан-Удэ, 2009.

⁸ Мусульманский ученый и раввин – за совместные действия по защите экологии // [Электронный ресурс] – http://www.islam.az/modules/news/article.php?sto_ryid=669.

⁹ Шарден П.Т. Феномен человека / [Текст] / П.Т. Шарден. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 279.

¹⁰ Иллензеер Д.Н. Методологический анализ современных физических теорий: претензии на описание сознания как объекта реальности [Текст] / Д.Н. Иллензеер // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. № 8 (63), 2009, выпуск 8. – С. 149-155.

¹¹ Дандарон М.Б. Социальное конструирование религиозного сознания. [Текст]: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук / М.Б. Дандарон – Улан-Удэ, 2009. – С. 6.

4. Башкиров В. Православие и экологический кризис [Электронный ресурс] / В. Башкиров – <http://www.church.by/resource/Di0301/Di0302/Page0499.html>.
5. Инеда К. Экологическая проблематика в контексте буддизма [Электронный ресурс] / К. Инеда. – <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/ineda.html>.
6. Ислам и экология // [Электронный ресурс]-<http://islam.comua/articles/today/ecology/90/?pid=13>.
7. Мусульманский ученый и раввин – за совместные действия по защите экологии // [Электронный ресурс] – <http://www.islam.az/modules/news/article.php?storyid=669>.
8. Шарден П.Т. Феномен человека / [Текст] / П.Т. Шарден. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

THE ECOLOGY OF HUMAN BEING IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

V. P. Poluyanov

Belgorod State University

e-mail:

penkov@bsu.edu.ru

The work considers various approaches to ecology of the person in the light of the world religions of the present. Author gives the description of a place of the person on the earth in a context of Christianity, the Buddhism and Islam. It is shown, that basic idea consists that the person considers as a part of uniform system of a universe, and its submission to life laws should lead to the decision preconditions all three religions are solidary in one: we should not consider the nature and mankind as independent from each other essence. The important role is played thus by the spiritual and moral has begun in the person. The thought of responsibility of people for preservation of the habitat as people are appointed by God is traced also bear responsibility for all event on the Earth.

Key words: ecology, Christianity, the Buddhism, Islam.

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

А. В. Римский
А. В. Артюх

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются основные подходы к определению и формам проявления экстремизма и терроризма. Отмечается, что существующие определения нуждаются в коррекции с учетом актуальных социогуманитарных и философских исследований в данной сфере.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, криминология, формы проявления.

В конце XX – начале XXI вв. мир столкнулся с ростом экстремизма и терроризма, оказавшись совершенно не подготовленным ни с точки зрения практической борьбы с данными социальными феноменами, ни с позиции их теоретического осмысления.

На сегодняшний день в политико-правовой практике бытуют следующие значения: в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой экстремизм определяется как приверженность крайним взглядам и методам (преимущественно в политике)¹. В данном контексте трактует террор «Словарь иностранных слов», понимая его как «политику устрашения, подавления политических противников насильственными мерами»². Почти аналогично в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «террор – физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам»³. Такое же определение террора как политики, обусловленной классовыми или политическими причинами, дает «Военный энциклопедический словарь»⁴.

Правовая характеристика экстремизма и форм его проявления дана в Федеральном законе от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» с изменениями и дополнениями, внесенными в него в 2006-2007 гг.

С точки зрения закона, «экстремистская деятельность (экстремизм) – это:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1987. – С. 787.

² Словарь иностранных слов. – 10-е изд. – М., 1983. – С. 492.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1986. – С. 691.

⁴ Военный энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 736.

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг»⁵.

Таким образом, в Законе дается в основном правовая и политическая характеристика экстремизма в совокупности определенных взглядов, действий, поступков.

Схожие трактовки существуют и в определении терроризма, что нашло отражение в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», принятом в 1998 г., в котором терроризм определяется как «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворение их неправомерных имущественных и (или) иных интересов...»⁶.

В современной исследовательской литературе можно встретить разные трактовки экстремизма: как одной из форм отчуждения, и, прежде всего, отчуждения от культуры, базовых ценностей, культурных традиций; как крайних взглядов и насильственных действий; как незаконной деятельности, направленной на свержение существующего строя; как характеристики психоэмоциональных структуры человека и состояний индивида; как побочного продукта экстремального (природно-стихийного) развития ситуаций; как превышения пределов допустимого при наличии злого умысла⁷.

В свою очередь определения террора и терроризма, в своем большинстве возводят рассматриваемую проблему на уровень взаимодействия государства и его политических оппонентов, не рассматривая ни религиозного терроризма, ни современного глобального, которые характеризуются надгосударственностью, не обусловлены политической борьбой. Среди недостатков общепринятого подхода можно указать сведение терроризма к физическому устранению политических лидеров, что подменяет понятие «терроризм» другим – «террористический акт»; а также то, что понимание терроризма как политики устрашения политических оппонентов не вполне соответствует и современным реалиям. Так В. Петрищев в работе «Заметки о терроризме» дает следующее определение: «Терроризм – это систематическое, социально и политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия либо угроз применения такового, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении, и достигаются преследуемые террористами цели»⁸.

⁵ Федеральный закон №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Режим доступа к изд.: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=70162>.

⁶ «О борьбе с терроризмом». Федеральный закон № 138 ФЗ от 25 июля 1998 г. Ст. 3 / Собрание законодательства РФ. – М., 1998.

⁷ Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 11–13 окт. 2004 г. – СПб., 2004; Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики. СПб., 2003; Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию. – СПб., 2005.

⁸ Петрищев В. Заметки о терроризме. – М., 2001. – С. 11.

К попыткам определения экстремизма посредством экспликации его мотивов стоит отнести существующее в юридической литературе деление экстремизма на *рациональный* и *иррациональный*. *Рациональный экстремизм* ставит своей целью максимально эффективное преодоление социальных дисфункций с помощью радикальных мер. Зачастую детерминантом рационального экстремизма служит бездеятельность правительства или законодателя, которые не в состоянии решить возникшую социальную проблему легитимным способом. К такому виду экстремизма относится, например, экологический, предпочитающий крайние способы вплоть до физического устранения недобросовестных чиновников в целях сохранения благоприятной биосферы.

Иррациональный экстремизм также часто безжалостен, но цели его приземленные, не вызывающие такого сочувствия, которое можно испытывать перед вариантами рационального экстремизма. Это – экстремизм молодежный (вандалы), психопатический (немотивированные массовые убийства, например, в школах), спортивный (фанаты) и т.п., хотя и такую разновидность экстремизма весьма просто объяснить, учитывая психологическое влияние толпы и нюансы психологического восприятия в основном несовершеннолетних⁹.

В отношении терроризма подобное деление не получило распространения, поскольку устоявшаяся парадигма его рассмотрения изначально настаивает на его рациональности в силу его политической мотивации, а расширенное толкование (терроризм как нелегитимное насилие не только политической, но и иной обусловленности), в большинстве случаев не делает акцент на характере мотива, учитывая его природу.

Также в научной литературе принято выделение форм экстремизма и терроризма. Чаще всего исследователи говорят о трех основных формах проявления экстремизма, политическом, национальном и религиозном, что совпадает с подобным делением и в отношении терроризма. В многонациональных и многоконфессиональных государствах, к которым относится Россия, особую опасность представляют последние две его разновидности. Б.К. Мартыненко из многочисленных форм экстремизма выделяет экстремизм политический (направленный на уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры «тоталитарного порядка» «левого» или «правого» толка); национальный (защита «своей нации», ее прав и интересов, ее культуры и языка, с отвержением при этом подобных прав для других); националистический (стремление к отделению, обособлению) и религиозный (проявляется в нетерпимости к представителям различных конфессий либо жестоком противоборстве в рамках одной конфессии).

Политический экстремизм – идеология и практика применения крайних нелегитимных, нередко насильственных методов и средств политической борьбы. В основе экстремистской идеологии лежат воззрения об исключительной миссии той или иной социальной общности (класса, нации, расы, конфессии и пр.) в судьбах страны и человечества в целом, обоснование и оправдание допустимости использования любых средств для реализации ее интересов. Политический экстремизм может быть присущ и государству в его отношении к оппозиционным силам и собственному населению. Политический экстремизм предусматривает насильственные действия, направленные на изменения политического строя или политики, проводимой правительством государства. Его подразделяют, как правило, на «левый» (точнее, ультралевый) и «правый» (ультраправый) экстремизм, которые питаются социальной и экономической неудовлетворенностью, несогласием значительной части общества с политическим курсом правящей элиты и психологической фрустрацией, прежде всего нарастанием личного отчуждения. «Правый» экстремизм берет на вооружение лозунги защиты экономически или политически господствующего меньшинства общества, он выступает за утверждение или сохранение режима, гарантирующего его интересы и привилегии. Наиболее известными его формами являются фашизм, расизм, шовинизм, религиозный фундаментализм и др. «Левый» экстремизм своей целью провозглашает построение справедливого общества, свободного от социального гнета и неравенства. Его разновидности: анархизм, троцкизм, маоизм, нацио-

⁹ См.: Архипцев Н.И., Демко О.С. Особенности проявления молодежного экстремизма в России и в Белгородской области // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): Сб. материалов социологического исследования / Под ред. проф. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – С. 85.

нальный, религиозный и др. революционаризм и т.д. Крайние крылья и «правого», и «левого» экстремизма составляют террористические группы и движения, в том числе международный терроризм.

Политический экстремизм обосновывается различными идеями: от псевдореволюционных до фашистских, и сопровождается, как правило, проведением различных террористических актов, убийствами политических деятелей.

В последние годы особую опасность для целостности России представляет *национальный экстремизм* – приверженность к крайним взглядам и методам в теории и практике международных отношений. Его сторонники, выступая с позиций защиты интересов и прав одной нации, открыто и вызывающе попирают права других народов. Их идеология – воинствующий национализм и шовинизм; их политика – этническое насилие в той или иной форме. Не случайно в Концепции национальной безопасности России противодействие экстремизму отнесено к ее национальным интересам. В целях реализации указанной Концепции за последние годы предпринят целый ряд конкретных мер правового и криминологического характера. Приняты: Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)» от 25 августа 2001 г., федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» и «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., а также «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. и ряд других. Криминологический анализ указанных нормативно-правовых актов и практики их применения представляет научный и практический интерес. Его результаты позволяют оценить степень эффективности принятых мер в изучаемой сфере, выработать меры по совершенствованию указанных нормативно-правовых актов, сформулировать предложения в систему мер предупреждения экстремизма.

Национальный (этнический) экстремизм и терроризм – один из самых распространенных видов экстремизма в XXI в., что вполне объяснимо: этнический национализм обладает огромной властью и непредсказуемостью, а этнические конфликты превратились в реальную проблему для многих стран и регионов. В их основе – противоречие между признанием естественного права народов определять свою судьбу и принципом национального единства и территориальной целостности государства. С чисто доктринальной точки зрения этнонационализм отрицает приоритет общечеловеческих ценностей и считает свою этнонацию высшей ценностью. Цель этнического экстремизма – выковать этническую самоидентификацию, отстоять и расширить права этноса в политической сфере. Когда экстремисты, насильем утверждая этничность, вызывают на себя огонь государственных структур, это привлекает к группе внимание и позволяет им предстать в роли жертвы, что еще больше усиливает общественный интерес и в ряде случаев обеспечивает финансы и поддержку. Насилие – смысл существования таких групп. Пока оно осуществляется, идея жива, а идентичность и наличие этнических различий нельзя отрицать. Конечной целью националистов является создание самостоятельного независимого государственного образования, в котором они претендуют на политическую власть¹⁰.

В последние два десятилетия XX века политический и этнический экстремизм стал теснить *религиозный экстремизм*, под которым понимают нетерпимость к представителям той же или других религий. Социальную базу религиозного экстремизма, как правило, составляют маргинальные слои общества. Экстремизм направлен на уничтожение существующих в обществе отношений и в конечном итоге на развал многонационального государства, и в этом плане он органически связан с сепаратизмом. Религиозный экстремизм характеризуется приверженностью к крайним толкованиям вероучений и методов действий по распространению своих взглядов и реализации своих целей. Характерной чертой религиозного экстремизма выступает крайняя нетерпимость к инакомыслию, проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими, что, несомненно, представляет опасность для стабильного существования государства. Опас-

¹⁰ См.: Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: На примере России конца 80-х – 90-х гг. XX века: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Ростов-на-Дону, 1999 – 180 с.

ность религиозного экстремизма вытекает также из криминальных наклонностей внутренней жизни членов сект, их зомбирования. Криминальные наклонности сект экстремистского плана следуют из их фанатичности и деформированности понимания цели жизни, вседозволенности выбора средств ее достижения, а также слепой подчиненности своему вышестоящему руководству¹¹.

При всех существующих различиях в формах проявления экстремизма и терроризма, в них можно выделить нечто общее. Это приверженность к крайним взглядам, действиям, формам поведения, жизненной стратегии; склонности к использованию силовых, насильственных методов и средств достижения цели. В своих крайних формах экстремизм, равно как и терроризм – это поведение, направленное на превышение пределов допустимого, намеренное нанесение ущерба, разрушающее воздействие, угрожающее существованию человека, общества, природы.

Личности и социальные группы, выражающие радикальные взгляды, есть в любом обществе. Их деятельность в определенной мере амбивалентна: она может как стимулировать общественное развитие, так и препятствовать новациям и нововведениям, а также с определенной долей вероятности трансформироваться в экстремизм и его крайнюю форму – терроризм.

Идеологическая основа экстремизма и терроризма не однородна. Ее составляют отдельные идеи анархизма, национал-шовинизма, волонтаризма, тоталитаризма, нигилизма и др. Ценностные установки экстремизма основываются на признании вседозволенности и радикализма, культы силы; на попрании нравственных принципов и идеалов нравственного долга, обязанностей по отношению к людям, обществу, личной ответственности; на пренебрежении к общественным нормам закона, отрицании ценности культуры для личности и общества, цинизме в оценке ее исторических достижений.

В любом типе социального поведения проявляются социальные, личностные качества человека, особенности его психики, уровень культуры, мотивы, потребности, интересы, ценности. Содержание этих компонентов может характеризовать/не характеризовать субъект поведения как человека культурного, социально и лично ответственного. Экстремистское поведение и терроризм носит асоциальный характер, поскольку опирается на принцип «цель оправдывает средства», выражает стремление идти к цели кратчайшим путем, отрицает права другой личности и ее самооценку. Экстремизм в поведении несовместим с личной культурой, культурным развитием личности. Существенными признаками экстремистского поведения являются безответственное отношение индивида к себе, людям, обществу, правовая и гражданская безответственность, нравственная вседозволенность, своеволие и пр. Наконец, оно апеллирует к эмоциям, минуя сознание, нередко имеет эпатажный, скандальный, вызывающий характер, что особенно ярко проявляется в молодежной среде. Недостаток социального опыта, высокая эмоциональность, доверчивость при недостаточности самоконтроля и личной ответственности нередко позволяют делать экстремально настроенных людей, особенно молодежь, заложниками политических и иных сил, которые используют их в своих корыстных целях.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус.яз., 1987.
2. Словарь иностранных слов. – 10-е изд. – М., 1983.
3. Военный энциклопедический словарь. – М., 1983.
4. Федеральный закон №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Режим доступа к изд.: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=70162>.
5. «О борьбе с терроризмом». Федеральный закон № 138 ФЗ от 25 июля 1998 г. Ст. 3/ Собрание законодательства РФ. – М., 1998.
6. Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 11–13 окт. 2004 г. – СПб., 2004.
7. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики. СПб., 2003. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию. – СПб., 2005.

¹¹ См. Бокарев С.Н. Религиозный экстремизм в современной России: социально-философский аспект / Проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации: Сборник материалов «круглого стола» 28 апреля 2005 года. – М., 2005. – С. 9-13.

8. Петрищев В. Заметки о терроризме. – М., 2001.
9. Архищев Н.И., Демко О.С. Особенности проявления молодежного экстремизма в России и в Белгородской области // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): Сб. материалов социологического исследования / Под ред. проф. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
10. Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: На примере России конца 80-х – 90-х гг. XX века: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Ростов-на-Дону, 1999 – 180 с.
11. Бокарев С.Н. Религиозный экстремизм в современной России: социально-философский аспект / Проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации: Сборник материалов «круглого стола» 28 апреля 2005 года. – М., 2005. – С. 9-13.

EXTREMISM AND TERRORISM: NOTION AND ESSENTIAL FORMS

A. V. Rimskiy
A. V. Artukh

¹⁾Belgorod State University

e-mail:
Rimskiy@bsu.edu.ru

The article discusses main approaches to definition and forms of extremism and terrorism. It is noted that the elaborated definitions deserve correction in view of actual social, humanities and philosophical studies in the field.

Key words: extremism, terrorism, criminology, forms of emergence.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

«Юридические аспекты распределения прав на объекты интеллектуальной собственности, полученные в организациях ННС за счет средств федерального бюджета»

20 ноября 2009 года в БелГУ состоялась работа научно-методической конференции «Юридические аспекты распределения прав на объекты интеллектуальной собственности, полученные в организациях ННС за счет средств федерального бюджета». Организаторами конференции выступили Белгородский государственный университет совместно с Белгородской государственной универсальной научной библиотекой в рамках выполнения федеральной целевой программы «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в Российской Федерации на 2008-2010 годы». В конференции приняли участие представители нанотехнологической сети Белгородской области, департамента экономического развития Белгородской области и участники Всероссийской конференции с элементами научной школы для молодежи «Проведение научных исследований в области индустрии наносистем и материалов», некоторые тезисы которых опубликованы в данном разделе.

УДК 347.23

ОЦЕНКА ДОЛЕЙ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ НЕСКОЛЬКИХ ИСТОЧНИКАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ

Е. Л. Мосин

*ЗАО «Объединенная
металлургическая
компания»*

В статье предложена методика оценки долей прав на результаты интеллектуальной деятельности между участниками совместного финансирования разработки. Методика учитывает финансовые вклады сторон, произведенный в различные моменты времени. Также предложенная методика позволяет учесть коэффициент интеллектуальной преемственности в разрабатываемом новом виде продукции от ранее созданного прототипа.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, оценка, доля прав.

Введение

Объединенная металлургическая компания (ОМК) — это группа предприятий, среди которых ОАО «Выксунский металлургический завод», ОАО «ОМК-Сталь» (Литейно-прокатный комплекс), ОАО «Чусовской металлургический завод», ОАО «Альметьевский трубный завод», ОАО «Трубодеталь», ООО «Белгородская горнодобывающая компания» и др.

В 2008 г. ОМК обеспечила 25% российского потребления труб, в том числе 35% труб большого диаметра, 62% российского потребления железнодорожных колес и 75% потребления автомобильных рессор. Среди основных потребителей продукции ОМК – ведущие российские и зарубежные компании: «Газпром», «РЖД», «ЛУКОЙЛ», «Транснефть», «Сургутнефтегаз», «Роснефть», «ТНК-ВР», ОАО «КАМАЗ» и многие другие. Продукция ОМК поставляется в 20 стран мира.

Предприятия ОМК неуклонно наращивают темпы и ведут реализацию инновационных проектов и освоение производства новых видов продукции (НВП), способных конкурировать с лучшими мировыми образцами.

На предприятиях ОМК при производстве продукции используются десятки объектов интеллектуальной собственности.

Предприятия ОМК являются заказчиками многих научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКТР), направленных на исследование, разработку и совершенствование НВП и технологий. При этом может возникнуть задача оценки долей прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД), полученных в процессе выполнения НИОКТР (в общем виде нескольких) по разработке НВП, при наличии нескольких источников ее (их) финансирования, например, из средств федерального бюджета, средств региональных и муниципальных бюджетов, средств государственных внебюджетных фондов и федеральных целевых программ и собственных средств предприятий ОМК, причем финансирование может осуществляться как одновременно, так и последовательно во времени.

В статье предлагается подход по такой оценке долей прав каждого участника финансирования, если эти доли не были определены на договорной основе, на основе сопоставления финансовых вкладов участников.

Доля прав на РИД каждого участника финансирования НИОКТР по разработке НВП определяется как:

$$\alpha_i = \frac{C_i}{\sum_{i=1}^{i=n} C_i}, \quad (1)$$

где α_i – доля прав на РИД i -го участника финансирования НИОКТР по разработке НВП;

C_i – финансовый вклад i -го участника в НИОКТР по разработке НВП;

n – количество заказчиков, участвовавших в финансировании НИОКТР по разработке НВП.

Объемы финансирования НИОКТР по разработке НВП каждым участником определяются из анализа договоров.

Если финансирование НИОКТР осуществлялось участниками одновременно, то распределение прав на РИД между ними необходимо проводить путем сопоставления объемов финансирования, приведенных к одному расчетному году, что можно сделать путем приведения объемов финансирования к одному расчетному году с помощью индексов-дефляторов.

Доли прав на РИД каждого участника финансирования НИОКТР при приведении объемов финансирования с помощью индексов-дефляторов к одному расчетному году можно получить с помощью следующей зависимости:

$$\alpha_i = \frac{\sum_{\gamma}^G \kappa_{\gamma} \cdot C_{i\gamma}}{\sum_i^{i=n} \cdot \sum_{\gamma}^G \kappa_{\gamma} \cdot C_{i\gamma}}, \quad (2)$$

где $C_{i\gamma}$ – объемы финансирования НИОКТР на разработку НВП i -м заказчиком финансирования в γ -году;

K_γ – значение индекса цен при приведении затрат γ -го года к расчетному году;
 G – год, к которому приводятся объемы финансирования НИОКТР на разработку
 НВП.

$$k_\gamma = \prod_{\gamma}^G \beta_\gamma, \quad (3)$$

где β_γ – значение индекса-дефлятора в γ -м году.

Если при разработке НВП использовались РИД, полученные при разработке продукции-прототипа, то распределение долей прав на РИД должно проводиться с учетом интеллектуальной преемственности от продукции-прототипа.

В этом случае распределение долей прав на РИД между участниками финансирования НИОКТР проводится с помощью следующей зависимости:

$$\alpha_i = \frac{C_i^a \cdot K_a + C_i}{\sum_{i=n} C_i^a \cdot K_a + \sum_i C_i}; \quad (4)$$

где C_i^a – объем финансирования i -м заказчиком НИОКТР по созданию продукции-прототипа;

K_a – коэффициент интеллектуальной преемственности в разрабатываемом НВП от продукции-прототипа;

C_i – объем финансирования i -м заказчиком НИОКТР по разработке НВП.

Распределение долей прав на РИД, полученных при выполнении НИОКТР с использованием интеллектуальной преемственности продукции-прототипа, исходя из объемов финансирования, приведенных с помощью индексов-дефляторов к одному расчетному году, проводится с использованием следующей зависимости:

$$\alpha_i = \frac{(\sum_{\gamma}^G k_\gamma \cdot C_{i\gamma}^a) \cdot K_a + \sum_{\gamma}^G k_\gamma \cdot C_{i\gamma}}{\sum_{i=n} \cdot [(\sum_{\gamma}^G k_\gamma \cdot C_{i\gamma}^a) \cdot K_a + \sum_{\gamma}^G k_\gamma \cdot C_{i\gamma}]}; \quad (5)$$

где $C_{i\gamma}^a$ – объемы финансирования НИОКТР на разработку продукции-прототипа i -м заказчиком в γ -году;

K_a – коэффициент интеллектуальной преемственности в разрабатываемом НВП от прототипа (этот коэффициент определяется по отдельной методике);

K_γ – значение индекса цен при приведении затрат γ -го года к расчетному году;

G – год, к которому приводятся объемы финансирования НИОКТР по разработке НВП.

Вывод

Предложенная методика позволяет объективно провести оценку долей прав на РИД между участниками совместного финансирования разработки, что может быть актуально, например, при расчете вознаграждения авторам РИД, выплачиваемого работодателем или при расчете лицензионных платежей в рамках лицензионных договоров, в т.ч. с ФГУ «ФАПРИД» при экспорте продукции военного, двойного и специального назначения.

ESTIMATION OF THE RIGHT SHARES TO THE RESULTS OF AN INTELLECTUAL ACTIVITY BETWEEN PARTICIPANTS OF JOINT FINANCING OF WORKING OUT

E. L. Mosin

*Joint-Stock Company
«United Metallurgical
Company»*

In this article the technique of the estimation of the right shares to the results of an intellectual activity between participants of joint financing of working out is offered. The technique considers financial contributions of the parties made in the various moments of time. Also the offered technique allows to consider factor of intellectual continuity in a developed new kind of production from earlier created prototype.

Key words: Results of intellectual activity, Estimation, Share of the rights.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НОУ-ХАУ В США

О. В. Сушкова

*Российская правовая
академия Министерства
юстиции РФ*

Настоящая статья предусматривает анализ законодательства и судебной практики, сложившейся в Соединенных Штатах Америки в отношении секретов производства. Кроме того, исследователи в настоящее время пытаются ответить на вопрос: секрет производства составляет право собственности или «субъективные права»? Автор по результатам проведенного исследования делает вывод: право на секрет производства в США понимается как собственность и одновременно не является ни исключительным, ни ограниченным в продолжительность срока действия.

Ключевые слова: право собственности, субъективные права, секрет производства (ноу-хау), неимущественное право, исключительное право, судебная практика в США, неcodифицированное право, вещь, имущественное право, единообразный закон о торговых секретах, абсолютное право.

Представители научной школы и судебная практика США пытаются ответить на вопрос: секрет производства составляет право собственности или «субъективные права»¹? Большинство ученых (с некоторыми исключениями) высказывают точку зрения о том, что классифицировать секрет производства нужно де факто как имущество, защищенное общими понятиями «ноу-хау», «недобросовестная конкуренция»².

В тоже время, результаты проведенного исследования показали, что практика предпринимательской деятельности, как и доктрина гражданского права, определяют интересы собственника как неимущественные и признают, что секрет производства должен быть лицензируем, продаваем, инвестируем и т. д. Такие вопросы стоят перед исследователями ноу-хау в различных странах мира, но в связи с тем, что США в настоящее время является ведущей страной по разработке секретов производства, англо-саксонская система права занимает доминирующее положение в правовом регулировании научно-технической сферы.

Традиционно содержание неимущественного права на патенты, авторские права и другие нематериальные ценности имеет место быть в общем праве уже более двух веков, при этом официальное признание новой категории имущественных прав поднимает вопрос о том, поменяли ли последние разработки в области законов о секретах производства традиционное определение собственности³.

Право собственности определяется, как исключительное право владения, пользования и распоряжения «вещью»⁴. Хранитель секрета производства имеет право «владеть» и «пользоваться» нематериальным товаром и неправомерное вмешательство в его преимущественное положение служит основанием для деликта. Также он обладает полномочиями наделять других лиц правами, привилегиями, иммунитетами и т. д., которые

¹ См., напр. : Milgrim, R. Trade Secret : In the vol.4. New York, 1971. Vol.1. § 1. P.17. Автор поддерживает позицию, согласно которой промышленная тайна представляет собой право собственности. Можно встретить противоположную точку зрения в работе Callman, R. The Law Of Unfair Competition, Trademarks And Monopolies, 3th ed. Wilmette, IL: Callaghan, 1968. § 52. P. 402, Soltysinski, S.J. Are Trade Secret Property? // ИС. Vol.17. N3.-1986. P.351.

² Великолепный и детальный обзор Европейской практики и правовой доктрины в этой области представлены в работе Wise A. Trade Secrets and Know-How Throughout the World. Vol. 3-4. New York, 1981.

³ Термины «собственность» и «имущество» здесь используются как синонимы.

⁴ «Исключительность» и «трансферабельность» перечисляются, как главные критерии экономической теории права собственности в работе Posner R. Economic Analysis of Law. Boston, Little, Brown, 1973. p.10-12. Еще более удивительно, что даже современные авторы юридической литературы подчеркивают отсутствие термина (неопределенная величина чьего-либо владения), исключительность владения и свободу в уничтожении предмета, как элементов понятия собственности. Becker, L. The Moral Basis of Property Rights /J. Roland Pennock and John W. Chapman (eds.). Nomos XXII: Property. New York: New York University Press, 1980. P.P. 187, 190-191. Все эти анализы основаны на модели материального имущества.

входят в состав его права собственности. Владелец секрета производства может лишиться своих привилегий и полномочий до такой степени, что может остаться с номинальной собственностью. Но даже в таких случаях, когда создание ноу-хау закреплено всемирно известной исключительной лицензией, связанной с обязательством не использовать секрет во время сроков действия соглашения, подпись остается за владельцем. Как правильно было подчеркнуто Р. Диасом, «собственность может быть также описана как «оставшаяся», «первичная», а также, как самый «длительный интерес» в «предмете». По истечении срока лицензии, весь перечень привилегий, полномочий и т. д. владельца автоматически восстанавливается.

По традициям неcodифицированного права термин «собственность» используется только по отношению к тем легально защищенным интересам, которые затрагивают права «вещи», материальным, либо нематериальным. Но с логической точки зрения каждая привилегия может классифицироваться как «нематериальная собственность (неимущественные права)». Таким образом, термин «собственность» включил бы все права, привилегии ... Хотя такие права как патенты и авторские права трактуются как «вещи», ... не существует собственности на физическую безопасность или репутацию». Далее Диас объясняет, что «юридическое значение «собственности» уже, чем юридическое значение «права» и совпадает только с теми притязаниями, которые трактуются положениями неcodифицированного права как «вещи»⁵.

Таким образом, формальное признание секрета производства как объекта собственности (владения) в США рассматривается в рамках того, что владелец секрета производства имеет право на защиту и может распорядиться своим правом в этой новой категории «вещи». Это не решает вопрос обеспечения защиты, продажи и т. д.

Как утверждает один из авторов официального Комментария к Единообразному торговому кодексу Р. Познер, «История неcodифицированного права учит тому, что как только использование определенных активов в качестве коммерческой безопасности (порядка обеспечения) или материальных «вещей» станет привычным, их начнут трактовать как собственность». Далее автор приводит доказательства того, что с тех пор как «право» пользования радиочастотами стало передаваемо и может быть продано, оно становится собственностью в экономике, если является не формальностью, а находится в рамках закона⁶. С другой стороны, существуют определенные непередаваемые права (а именно – личные имущественные и связанные с ними неимущественные права), которые выражаются в собственности. Таким образом, термин «собственность» совпадает с материальными правами, которые урегулированы законом, как «материальные блага» или «нематериальные блага». Определение «материальные» обозначает те права, которые нацелены на защиту экономических интересов и которые имеют денежную оценку. Это объясняет общепринятую позицию, согласно которой не существует «собственности» на чью-либо репутацию, но право на секрет производства трактуется как собственность.

Многие определения собственности включают и концепцию исключительного права «вещи». Это традиционное понимание имущества как «исключительного и абсолютного владения, на которое можно претендовать и использовать его как второстепенные в мире вещи», постепенно вытесняется, благодаря меняющейся социальной функции собственности.

Возвращаясь к закону о секрете производства, нельзя не отметить, что аксиомой является то, что несколько лиц могут свободно иметь право на один и тот же «предмет» (то есть, два независимых изобретателя)⁷. Существование двух или более параллельных, но независимых прав на один и тот же объект в какой-то степени просто похоже на институт сособственности на материальные предметы. Таким образом, одна и та же идея может принадлежать двум или более независимым владельцам. Двойное патентование является хорошей иллюстрацией этой проблемы. На основе различных правовых систем,

⁵ См. : Dias, R M W. Jurisprudence. 5th ed. New Delhi : Aditya Books Pvt Ltd, 1994. P. 366-367,369. Примеры автора основаны, главным образом, на праве Англии.

⁶ См. : Uniform Commercial Code Analysis of Revised Article 9: With Full Text and Official Comments of 1998 Revised Article 9. New York : Matthew Bender, 1998.

⁷ Это четко определено официальными комментариями к Единообразному Закону о торговых секретах. Uniform Trade Secrets Act : Staff brief. Wisconsin Legislative Council Staff, 1984 (§2).

два конкурирующих изобретателя, могут получить равный приоритет одновременно⁸. Существует бесчисленное количество примеров, когда патенты на одно и то же новшество присваиваются не связанным между собой сторонам в разных странах.

Современные разработки, особенно в области промышленной собственности и основных нематериальных ценностей, иллюстрируют постепенный процесс расширения определения собственности. Отличным примером является определение Дж. Остина, который описал собственность, как «право – неопределенное в отношении пользователя – неограниченное в отношении распоряжения – и неограниченное в отношении срока действия – на определенный предмет»⁹. Хотя установление исключительных, но ограниченных в продолжительности монопольных прав на изобретения и произведения было урегулировано в Англии и некоторых других странах в начале XIX в., они не попадали под определение Дж. Остина.

Интересы права собственности на секрет производства были признаны судами США еще более века назад. В то время суды трактовали большинство действий как ущерб, невзирая на теории защиты данных категорий. Истцы ссылались на нарушения заключенных договоров, конфиденциальность взаимоотношений. Несмотря на это, суды часто обладали незнанием в области права собственности на тайну, возмещение ущерба обычно ограничивалось стоимостью имущества. В 1917 г. Верховный Суд своим решением по делу Дью Понт де Немьюрос Пуудер компани против Мэсленда постановил: «Слово «собственность», применяемое к товарному знаку и секрету производства, не позволяет определить выражение текущих вторичных соглашений об использовании секрета производства в связи с тем, что право обладает некоторыми остаточными понятиями, как доверие. Какие бы Истцы не имели ценные секреты, а Ответчики не знали бы об этих фактах, соглашение по их использованию достигалось через доверительный характер отношений. Они могут отрицать собственность, но конфиденциальность – нет»¹⁰. Таким образом, для настоящих дел отправной точкой является не собственность или текущий процесс права, а то, что Ответчики состоят в конфиденциальных отношениях с Истцами. Таким образом, впервые в эволюции правового регулирования ноу-хау (секрету производства) дана была оценка и выявлен один из важных критериев, который сохраняется и в настоящее время – это конфиденциальность информации.

Характеристика, правового положения секретов производства, данная судьей Суда Справедливости Холмсом, в последующем судебном решении была перенята как полный отказ от теории права собственности. Уже в 1973 г. по делу Северной нефтехимической компании против Томплинсона 7-ой Окружной Суд постановил, что «секрет производства, в отличие от патентного или авторского права, не имеет собственнического значения, но воровство такого секрета должно рассматриваться как гражданско-правовой деликт»¹¹. Однако точка зрения, представленная Мэслендом и его последователями, очень часто подвергалась критике. Вопреки авторитетному мнению судьи Суда Справедливости Холмса, его заключения были отвергнуты судьями штата Пенсильвания и других штатах. Большинство выносимых решений поддерживало теорию права собственности. При этом, некоторые характеризовали право владельца секрета производства как тип «интеллектуальной собственности ... право собственности новых открытий»¹². В частности, в 1980 г. Окружным судом США были объединены все решения штата Пенсильвания, с

⁸ В то время как в патентном праве двойное патентование является исключением, регистрация конкурентами права собственности на одну и ту же или похожие марки широко признана как в США, так и в Европе. Концепция исключительности монополии на патент ограничивается установлением «предшествующего пользователя» (то есть, параллельного изобретателя). Кроме того, большинство европейских патентных законов ограничивают возможности владельцев патента в праве на коммерческие формы использования открытия – Новые формы интеллектуальной собственности являются предметом новых ограничений, позволяя владельцу авторской компьютерной программы делать дополнительную копию или обновления к программе. См. : Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. /Под ред. О.А.Жидкова. Перевод В.И.Лафитского. М.: Прогресс, Универс, 1993.

⁹ Austin J. Lecturs on Jurisprudence. Vol.2. London, 1832. P.790.

¹⁰ См., напр. : Soltysinski, S.J. Are Trade Secret Property? // ИС. Vol.17. №3.-1986. P.334.

¹¹ См. : Soltysinski, S.J. Are Trade Secret Property? // ИС. Vol.17. №3.-1986. P.335.

¹² Установлено, что теория собственности часто подвергается изменениям, что нашло свое отражение в многочисленных дискуссиях, которые в настоящее время остаются актуальными. Многие точки зрения не совпадают с теорией собственности.

учетом характеристики судьи Холмса, данной в решении по делу Симс против Марк Трак Корпорэйшн. В деле Ван Продактс Председатель Суда Справедливости отменил формулировку судьи Холмса, объявляющую, что «начальная точка зрения в каждом деле заключается не в конфиденциальных отношениях...»

При рассмотрении дела Ракельшауса против Компании Монсанто, возникшего из-за прецедента с секретом производства, который она (Компания) была вынуждена предоставить Организации по защите окружающей среды, перед Верховным Судом встал вопрос: имеет ли Компания Монсанто – производитель пестицидов, основанная в штате Миссури, имущественное право по Оговорке об обладании по пятой поправке к Конституции США (означает законно признанные права на собственность, которые наделяют гражданина правом владеть, пользоваться и распоряжаться материальными благами). Отвечая на этот вопрос, Верховный Судья Бергер объяснил, что имущественные права компаниями приобретаются не по Конституции, а «основываются на независимом источнике, таком, как закон штата»¹³. Таким образом, Верховный Суд проанализировал статус секрета производства по закону штата Миссури, и в 1984 г. в решении по делу Ракельшаус против Монсанто компани официально признал секрет производства, как разновидность права собственности. Такое «придание» правового статуса владельцам секретов производства создало новое поле для защиты не только владельцев неимущественного права, но также их кредиторов и преемников. Повышение интереса к секретам производства в рамках увеличения прав собственника трансформируется в более ценное и наиболее защищенное имущество в различных коммерческих сделках.

Различия между законодательной базой по защите секретов производства и судебной практикой – это обычная практика и в большинстве своем эти различия носят научный характер, особенно, когда требуется компенсация за нарушенную часть в их конфиденциальной информации. Все это сводится к тому, что теория «конфиденциальности отношений», которая подразумевает альтернативную базу защиты, интерпретируется так свободно, что больше не может быть навязанных доверительных отношений между сторонами. Суды, защищая секрет производства в рамках теории «права собственности», демонстрируют такую гибкость и нежелательность нахождения пробелов в конфиденциальности, что это становится неуместно, учитывая применение законов в конкуренции исков. Развитие материального права о секретах производства впервые отражено в Положениях о Деликтах¹⁴, а также в более нам понятном Единообразном Законе о торговых секретах, на которые повлияла причастность собственности также как на конфиденциальную модель¹⁵.

Признание любого интереса собственника или явного неимущественного права приводит к важным последствиям не только в области частного права (обязательственного права, корпоративного права), но также и в таких сферах, как конституционное право, налоговое право, конкурсное право (*имеется ввиду несостоятельность (банкротство) юридических лиц*) и т. д. Более того, классификация интересов владельца секретов производства как «права собственности» особенно важна в международных отношениях. Множество международных соглашений, таких, как Парижская конвенция по защите промышленной собственности и некоторые двусторонние соглашения предусматривают специальную защиту «промышленных» и «интеллектуальных» прав.(ст.10)¹⁶. Эта область защиты или достижимости доходов по таким соглашениям зависит от законодательной характеристики рассматриваемых интересов. Без сомнения, особенно последние исследования посвящены наиболее спорным проблемам в диалоге Севера-Юга. Большинство развивающихся стран, как и некоторые развитые страны, неистово противостоят идее признания секрета производства как формы «промышленной собственности».

¹³ См. : Soltysinski, S.J. Are Trade Secret Property? // IIC. Vol.17. №3.-1986. P.332.

¹⁴ См. : Soltysinski, S.J. Are Trade Secret Property? // IIC. Vol.17. №3.-1986. P.336.

¹⁵ Единообразный Закон о торговых секретах (1979) здесь и далее указывается как UTSA, был предложен Американской ассоциацией адвокатов в Чикаго 3–5 февраля 1980 г. Он был одобрен в 8 штатах и поддержан остальными.

¹⁶ Парижская конвенция навязывает государствам-участникам обязательство гарантировать эффективные законодательные средства против недобросовестной конкуренции. /Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Женева: ВОИС, №201 (R). 1990. С. 10.

Поэтому мы попытаемся ответить на два вопроса: действительно ли новая форма права предполагает более строгую защиту владельца секрета производства, чем существующие правила? Действительно ли Единообразный закон о торговых секретах отражает преобладающую тенденцию в современной прецедентной системе, которая классифицирует неимущественные элементы права собственности, как их явную экономическую ценность, предоставляя защиту только «путем сохранения секретности», защищая от тех, кто обманным путем, злоупотребляя доверием, нарушает конфиденциальность тайны владельца. Поэтому несмотря на то, что прецедентной системой права было дано понятие секрета производства и высказана преобладающая позиция относительно того, что ноу-хау обладает правом собственности, тем не менее общая тенденция исследования этого института требовала такого нормативного правового акта, который бы не давал возможность судьям разнообразно толковать понятие «секрет производства». При этом необходимо отметить, что определение «торговые секреты» в производственной и предпринимательской деятельности не различаются и посредством перечисленных «методов» и «способов» включает в себя понятие «ноу-хау».

Хотя Единообразный Закон косвенно затрагивает вопрос о правах владельца на секреты производства, существует несколько особенностей, которые показывают, что его составители признают модель права собственности как базовое понятие защиты.

Во-первых, возможности доступных средств сравнимы с теми действиями, которые доступны владельцу патента или торговой марки.

Во-вторых, понятие о незаконности отражает принятие теста Дю Понта, согласно которому необходимое условие незаконности больше не требует доказательств того, что присвоение секрета производства не может дать оснований для судебного преследования по причине отсутствия нарушения чужого права владения, нарушения конфиденциальности, или нарушения независимого легального запрета. Использование секрета является правонарушением, даже если это не наносит никакой другой вред, кроме вреда интересам владельца. В то же время, перечень «надлежащих средств» по приобретению секретов производства включает и разрешение со стороны владельца, независимое открытие и открытие при помощи «противоположной технологии», основанной на наблюдении за предметом в общественном пользовании или во время его общественной демонстрации (выставки). Публичное использование или внедрение инновации (технологии), включающее в себя технологическую тайну на рынке, показывает, что такой секрет может быть раскрыт, а затем постепенно сведен конкурентами.

В-третьих, самое убедительное доказательство того, что Единообразный Закон трактует секрет производства как форму собственности – это положение, предусматривающее ответственность за присвоение секрета производства недобросовестными приобретателями, включая тех, кто не платит компенсации. Составители Единообразного Закона считают, что ответчик, являющийся собственником акционерного общества, секрет производства которого был раскрыт обманным путем, не имеет права на защиту. Это обеспечит «владельцу» секрета производства гораздо более сильную защиту, чем та, которой обладают владельцы имущественной и нематериальной собственности во многих подотраслях гражданского права, предусматривающих некоторые ограничения, твердо установленные нормы закона в пользу добросовестного покупателя вещи¹⁷. В-четвертых, терминология, использованная членами парламентской комиссии в их официальных комментариях, согласуется с предположением, что владелец секрета производства сам по себе обладает правом собственности, которое может быть ассигновано или лицензировано¹⁸.

В заключении возникает правомерный вопрос: право на секрет производства является относительным или абсолютным правом? В начале этого века классификация права собственности подпадала только под действие абсолютного права¹⁹. Современные

¹⁷ См., напр. : статья 169 Гражданского Кодекса Польши / Гражданский Кодекс Польши от 1964 г. В 2-х т. Т. 1. Общая часть. Варшава : Вядан права, 1989.

¹⁸ Независимые разработчики могут приобретать права в том же секрете производства.

¹⁹ Tiffany, H. The Law of Real Property, Chicago : Callaghan and Co., 1903, Т.1-2. Но этот вопрос не поднимается в третьем издании того же научного труда. Обязательственные права, которые теперь признаны как собственность, находятся под абсолютной защитой и под прикрытием деликта о нелегальном вмешательстве в договорные отношения. Cohen, F. Dialogue on Private Law // Rutgers Law Review, 1954. v.4 (9). P. 373.

определения права собственности охватывают обе категории прав²⁰. Таким образом, мы допускаем, что абсолютное право всегда является одним из большого класса существенно похожих, но все еще отдельных прав, фактических и возможных, принадлежащих одному лицу, но использованных, соответственно, против лиц, составляющих очень большую и неопределенную категорию (лиц)²¹.

Подводя итог, можно сказать, что право на секрет производства в США понимается как собственность и одновременно не является ни исключительным, ни ограниченным в продолжительности срока действия.

Список литературы

1. Milgrim, R. Trade Secret : In the vol.4. New York, 1971. Vol.1. § 1. P.17.
2. Callman, R. The Law Of Unfair Competition, Trademarks And Monopolies, 3th ed. Wilmette, IL: Callaghan, 1968. § 52. P. 402.
3. Soltysinski, S.J. Are Trade Secret Property? // ИС. Vol.17. N3.-1986. P.351.
4. Wise A. Trade Secrets and Know-How Throughout the World. Vol. 3-4. New York, 1981.
5. Posner R. Economic Analysis of Law. Boston, Little, Brown, 1973. p.10-12.
6. Becker, L. The Moral Basis of Property Rights /J. Roland Pennock and John W. Chapman (eds.). Nomos XXII: Property. New York: New York University Press, 1980. P.P. 187, 190-191.
7. Dias, R M W. Jurisprudence. 5th ed. New Delhi : Aditya Books Pvt Ltd, 1994. P. 366-367,369.
8. Uniform Commercial Code Analysis of Revised Article 9: With Full Text and Official Comments of 1998 Revised Article 9. New York : Matthew Bender, 1998.
9. Uniform Trade Secrets Act : Staff brief. Wisconsin Legislative Council Staff, 1984 (§ 2).
10. Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательство / Под ред. О. А. Жидкова. Перевод В. И. Лафитского. М. : Прогресс, Универс, 1993.
11. Austin J. Lecturs on Jurisprudence. Vol.2. London, 1832. P.790.
12. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Женева: ВОИС, №201 (R). 1990. С.10.
13. Гражданский Кодекс Польши от 1964г. В 2-х т. Т.1 Общая часть. Варшава : Вядан правда, 1989.
14. Tiffany, H. The Law of Real Property, Chicago : Callaghan and Co.,1903, Т.1-2
15. Cohen, F. Dialogue on Private Law // Rutgers Law Review, 1954. v.4 (9). P. 373.
16. Hohfeld, W.N. Fundamental Legal Conception as Applied in Judicial Reasoning.- Westport : Greenwood Press, 1978.- P.P. 65, 71-72.

LEGAL STATUS OF KNOW-HOW IN THE USA

O. V. Sushkova

*The Russian legal academy
of the Ministry of Justice
of the Russian Federation*

Present article provides the analysis of the legislation and the judiciary practice which has developed in the United States of America concerning know-how. Besides researchers now try to answer a question: does know-how make the property right or «the subjective rights»? The author by results of carried out research makes a conclusion: the right to know-how in the USA is understood as the property and simultaneously is not neither exclusive, nor limited in duration of validity.

Key words: property right, subjective rights, Know-how (know-how), non-property right, exclusive right, judiciary practice in the USA, thing, property right, Uniform law on trading secrets, absolute right.

²⁰ См., прим., Uniform Commercial Code Analysis of Revised Article 9: With Full Text and Official Comments of 1998 Revised Article 9. New York : Matthew Bender, 1998.

²¹ Hohfeld, W.N. Fundamental Legal Conception as Applied in Judicial Reasoning.- Westport : Greenwood Press, 1978.- P.P. 65, 71-72. Автор этого определения модифицирует часто использованное выражение «против всего мира». Бесплезность его предположения, о том, что абсолютные права могут быть эффективны против людей в целом, но не против абсолютно всех людей, лучше всего проиллюстрирована в тех патентных законах, которые признают право предшествующего владельца.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ю. Н. Флигинских

*Белгородский
государственный
университет*

Социологические исследования по молодежной проблематике, проводимые в последние годы, фиксируют противоречивое состояние сознания молодежи. В частности, они показывают, что российская молодежь демонстрирует крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации. В этой связи очевидна необходимость исследования причин сложившейся ситуации, системный анализ факторов, которые препятствуют или – напротив – стимулируют самоорганизационные процессы. Попытка их комплексного исследования предпринята белгородскими социологами в монографии «Самоорганизация российской молодежи: препятствия и механизмы»¹. Монография рекомендована к изданию редакционно-издательским советом Белгородского государственного университета.

В публикации рассмотрены теоретико-методологические и практические аспекты самоорганизации российской молодежи как одной из важнейших характеристик молодежного сознания и поведения. При этом акцент сделан на региональную специфику.

Для авторов рецензируемого издания характерно предельно широкое понимание процесса самоорганизации молодежи. Во-первых, она рассматривается как формирование системы связей между молодежью и различными социальными институтами. В условиях России – в первую очередь – между молодежью и государством. Во-вторых, самоорганизация характеризуется как процесс упорядочивания межличностных отношений между молодыми людьми, которые носят по преимуществу неформальный характер. В-третьих, в качестве отдельного направления самоорганизации авторы выделяют процессы формирования молодежных объединений формального и неформального типов. Наконец, в-четвертых, самоорганизация определяется в книге и как саморегулирование личности конкретного молодого человека, упорядочивание его диспозиции, определение жизненной стратегии. Последнее направление, по мнению авторов, возможно, является наиболее важным, поскольку именно на диспозиционном уровне формируются основные интенции личности молодого человека, проявляющиеся впоследствии в его конкретных действиях.

¹ Бабинцев В.П., Морозова Т.И., Реутов Е.В. Самоорганизация российской молодежи: препятствия и механизмы. Монография. – Белгород: КОНСТАНТА, 2009. – 238 с.

Рассматривая процессы самоорганизации, белгородские социологи подчеркивают, что молодежь как особая социально-демографическая группа имеет ряд особенностей. Эти особенности молодежи определяются специфической позицией, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, а также способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения.

Противоречия, возникающие в ходе этого процесса, лежат в основе целого комплекса специфических молодежных проблем. Молодое поколение в настоящее время в большинстве своем оказалось без надежных социальных ориентиров. Разрушение традиционных форм социализации, основанной на социальной предопределенности жизненного пути, с одной стороны, повысило личную ответственность молодых людей за свою судьбу, поставив их перед необходимостью выбора, с другой – обнаружило неготовность большинства из них включиться в новые общественные отношения.

В то же время выбор жизненного пути все более определяется способностями молодежи к самоорганизации.

Проблемы самоорганизации в молодежной среде, как отмечают авторы, обычно обсуждаются социологами и специалистами по работе с молодежью, которые довольно часто подчеркивают: молодежь стремительно перестает быть коллективистской и взаимопонимающей. Для большинства молодых людей общение на уровне компаний друзей или в формальных группах типа студенческих зачастую становится единственным видом коллективного действия.

Исследования Информационно-социологической группы отдела и управления по делам молодежи Белгородской области в первой половине 1990-х годов, приведенные авторами, выявили выдвигание в сознании молодежи на первый план ценности индивидуалистического характера, связанных с практическим успехом и достижением личного благополучия. Авторы утверждают, что сама по себе установка на индивидуализм в молодежном сознании не несет в себе однозначно негативных следствий. В большинстве случаев она сочетается с неразвитой саморефлексией – с неспособностью молодых людей систематически и всесторонне оценивать себя, свой жизненный опыт и взаимопонимания с референтной средой.

Для исследователей представляется актуальным вопрос о том, является молодежь интегрированной частью российского общества или выступает как его контрагент. Отвечая на него, они подчеркивают: «Действительно, по своим ценностям многие молодые люди ориентированы на западную культурно-историческую традицию и соответствующий ей образ жизни. Этот образ жизни, усиленно пропагандируемый средствами массовой информации, не воспринимается в качестве нормативного большей частью старшего поколения, более или менее последовательно придерживающегося традиционных норм и правил. На этой основе не могут не возникать напряженность в межпоколенческих отношениях, или, по меньшей мере, взаимное непонимание».

Но, по мнению исследователей, сегодня нельзя говорить о том, что современная молодежь целиком превратилась в особого контрагента по отношению к большинству граждан. «Скорее всего, – пишут они, – мы наблюдаем тенденцию формирования в России новой культурно-цивилизационной общности, которая, по своим базисным ценностям, не вполне адекватна традиционной российской (в основе своей русской православно-христианской) культуре, но по ряду параметров соответствует западно-европейской модели».

С учетом данного вывода самоорганизация анализируется в книге как многофакторный и внутренне противоречивый процесс обретения молодежью социальной субъектности. С одной стороны, он обусловлен спецификой российской социальной среды, характеризующейся высоким уровнем рисков и угроз. С другой стороны, его детерминируют молодежные ценности. В монографии дано обоснованное представление о ценностях как о важнейшем социокультурном механизме интеграции и развития общества в целом и молодежи, в частности.

В монографии проведен подробный анализ форм гражданской активности молодежи. Анализируется специфика досуга и самоорганизации молодежи в рамках неформальных объединений. Он, по мнению исследователей, подтверждает установку молодежи на самостоятельное решение проблем, преимущественно индивидуальный характер их общественных практик. Авторы большое внимание уделяют проблеме участия молодежи в молодежных организациях, подчеркивают, что отношение молодых людей к деятельности организаций и движений является преимущественно выжидательно-критическим.

При этом они подчёркивают, что характерная для российского социума социальная нестабильность существенно затрудняет процесс саморегуляции личности, создает сложности во взаимодействиях молодежи и основных социальных институтов, существенно снижая уровень доверия к ним в молодежной среде.

В книге довольно убедительно доказывается, что потребность в гражданской активности молодежи в современном российском обществе имеет по преимуществу виртуальный характер. Лишь крайне незначительная группа государственных и общественных деятелей рассматривает как действительно важную задачу ее формирование и стимулирование. Для абсолютного большинства представителей государственной и муниципальной бюрократии, равно как партийных и общественных лидеров, молодежь представляется лишь одним из инструментов решения социальных проблем, который, к тому же, менее эффективен, чем многие другие. Более того, молодым людям в общественно-политической жизни все чаще отводится роль своеобразной «массовки», демонстрирующей востребованное лидерами общественное мнение и имитирующей активность. В дальнейшем из этой «массовки», выполняющей функцию так называемого «рыбного садка», отбираются перспективные политики и чиновники, но это лишь отдельные молодые люди, продвижение которых осуществляется как вариант индивидуальной карьеры.

Невостребованность гражданского участия и активности обществом, – полагают белгородские социологи, – весьма болезненно воспринимается молодежью.

Обобщенные теоретические и практические положения, довольно убедительно подкрепленные в книге эмпирическим материалом, свидетельствуют о том, что любые усилия, направленные на стимулирование самоорганизации молодежной среды, не будут эффективными, если они не учитывают социокультурного аспекта проблемы. Это означает: успешная самоорганизация молодежи возможна лишь в том случае, если молодым людям будет свойственен иной, нежели в настоящее время, тип рефлексии.

Но исследователи не отрицают необходимости регулирования самоорганизации современной молодежи. При этом они считают, что данный процесс должен идти по двум взаимосвязанным направлениям. Первое требует формирования благоприятных условий для развития у молодежи позитивно ориентированной социокультурной рефлексии, а второе – предполагает применение конкретных социальных технологий, стимулирующих позитивно ориентированную самоорганизацию молодых людей и минимизирующих процессы атомизации в их среде.

Данная монография представляет интерес для руководителей, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, обучающихся по специальности «Организация работы с молодежью». Она знакомит с теоретическими и практическими аспектами, обобщенными результатами социологических исследований, проведенных в Белгородской области. Рецензируемая монография будет способствовать повышению эффективности работы органов по молодежной политике в стране и ее регионах.

ISSUES OF SELF-ORGANIZATION OF RUSSIAN YOUTH: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Y. N. Fliginskih

Belgorod State University

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Артюх А.В.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Бабинцев В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Будянская Л.А.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Власова Е.А.** старший преподаватель кафедры социологии Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова
- Бородаенко Н.В.** ассистент кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета
- Гусакова Ю.С.** ассистент кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Евтушенко В.И.** кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета
- Кадушина В.А.** аспирант кафедры социологии Саратовского государственного социально-экономического университета
- Калинина Г.Н.** кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Белгородского государственного института культуры и искусств
- Касаткин В.П.** доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Климов И.Ю.** аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Козай Е.А.** доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политологии и социологии Курского государственного университета
- Кожемякин Е.А.** кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного университета
- Лашов В.В.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Международной академии предпринимательства, докторант-стажер философского факультета Московского государственного университета
- Масальтина С.В.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного университета
- Мельник Ю.М.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Михайлюкова Н.Н.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Молчанова Н.С.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Мосин Е.Л.** кандидат технических наук, ЗАО «Объединенная металлургическая компания»

- Муравьев С.А.** аспирант кафедры философии Курского государственного университета
- Надточий И.О.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Воронежской государственной лесотехнической академии
- Некрасова Н.А.** доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Некрасов С.И.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Нехаев А.В.** кандидат философских наук, докторант кафедры философии Тюменского государственного университета
- Новак М.А.** соискатель кафедры философии Белгородского государственного университета
- Пересыткин А.В.** аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Полуянов В.П.** соискатель кафедры философии Белгородского государственного университета
- Римский В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
- Римский А.В.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Реутов Е.В.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Сапга Н.Н.** доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Степанюк О.С.** кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Степанюк А.В.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Сушкова О.В.** старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
- Тарновский К.Ю.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Тонков Е.Е.** декан юридического факультета Белгородского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
- Туркина В.Г.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
- Тычинин С.В.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета

- Ушамирская Г.Ф.*** доктор социологических наук, ректор Волжского института экономики, педагогики и права
- Флигинских Ю.Н.*** аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Ханнаши С.*** аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Шумилин С.Ф.*** кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Ягуткин С.М.*** доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента организаций Белгородского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
 3. Ключевые слова.
 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
 5. Библиографический список.
 6. Ссылки.
 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- на русском и английском языках
- на русском языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;

- левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
- гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
- список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

А. В. ИВАНОВ¹
Л. Н. ПЕТРОВ²

¹ *Департамент
экономического развития
Белгородской области
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*

² *Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

A. V. IVANOV¹
L. N. PETROV²

¹ *Department of economic
development of the Belgorod area
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*

² *Belgorod state university*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовки, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

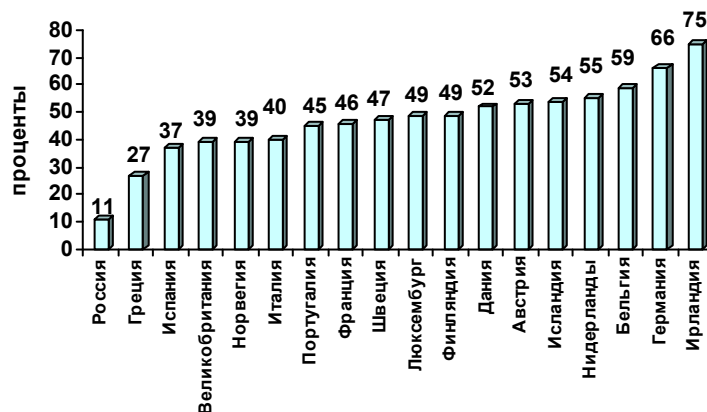

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

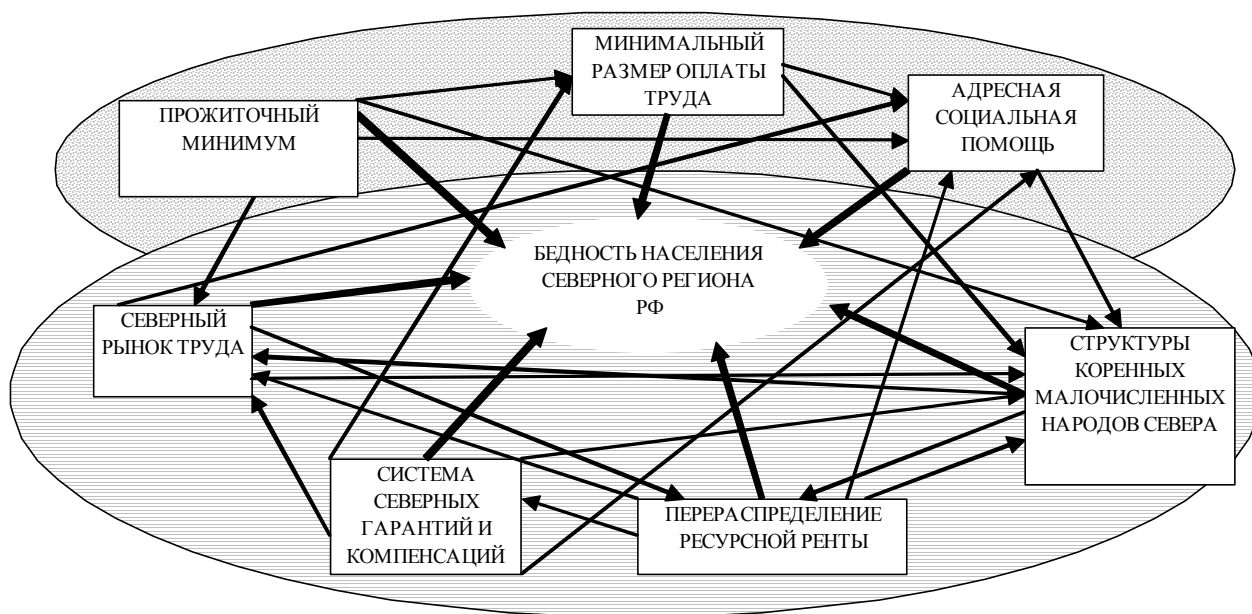

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.